

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

*Возвращение
на Трэдд-стрит*

«Эту книгу хочется прочесть в один присест,
прервавшись разве что на стаканчик
чая со льдом».

Эпра Уинфри

TRADD STREET. КНИГА 4

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

*Возвращение
на Трэдд-стрит*

«Эту книгу хочется прочесть в один присест,
прервавшись разве что на стаканчик

ЧАЙ СО ДРОЖИЖКАМИ»

чая со льдом».

Опра Уинфри

TRADD STREET. КНИГА 4

Карен Уайт

Возвращение на Трэдд-стрит

Глава 1

Я открыла глаза. Я была в моей спальне в доме на Трэдд-стрит. В щели в деревянных ставнях пробивались стрелы света. Тонкие тюлевые занавески, призванные, по мнению моей матери, добавить женственности в спартанское мужское пространство, мягко колыхались в струях холодного воздуха, проникавших сквозь вентиляционное отверстие, спрятанное в широком плинтусе. К моей щеке прижимался мокрый нос и мохнатое ухо, а хвост Генерала Ли обмахивал мне лицо. Увы, ни одно из этих средств создания комфорта не ослабило напряжения в моей груди, которое вновь напомнило о себе, стоило мне проснуться. Реальность жизни вновь обрушилась на мою голову, словно лавина, не зная никаких препятствий.

Казалось бы, я всю жизнь контролировала свои шаги и решения и то, что считала целеустремленной карьерой успешного риелтора. И вдруг неожиданно для себя оказалась в высшей мере невообразимом и необычайно щекотливом положении: мне сорок лет, я не замужем и – что самое странное – беременна. Я посмотрела на прикроватную тумбочку. Мой взгляд упал на небольшие куполообразные юбилейные часы, некогда принадлежавшие предыдущему владельцу дома, Невину Вандерхорсту.

Как и все остальное в спальне и во всем доме, я сохранила их, хотя не совсем понимала почему. Я привыкла убеждать себя, что если я не наложу на дом слишком явственного личного отпечатка, то в будущем мне будет легче его продать. Но иногда, как, например, сейчас, мне казалось, будто я слышу голос мистера Вандерхорста, как он рассказывает мне о любви, которую питал к родовому гнезду своей семьи. Это часть истории, которую можно подержать в руках. Сначала я не совсем понимала, что он имел в виду, но теперь, похоже, до меня начало доходить.

Я старалась не замечать эту связь между историей и семьей. Хотя я уроженка Чарльстона со своим собственным багажом генеалогического древа и старых домов, в конце концов, я прекрасно обходилась без них почти тридцать три года. По крайней мере, до тех

пор, пока моя мать, бросившая меня, когда мне было шесть лет, не решила, что нам пора помириться.

Я прищурилась, глядя на круглый циферблат, молча проклиная свое решение не заменять мои электрические часы на аналоговые, только с еще более крупными и яркими неоновыми цифрами, которые я могла видеть без очков. Порывшись в прикроватной тумбочке, я нашла очки и надела их себе на нос. Семь тридцать. Я вздрогнула, испытав ужас от того, что вновь проспала. Не скажу, чтобы кто-то приходил на работу в «Бюро недвижимости Гендерсона» раньше девяти, но с тех пор, как начала там работать, я, как верный страж, всегда сидела за своим столом уже в восемь утра. Как по часам. Неудивительно, что начиная с самого первого года работы мое имя ежеквартально возглавляло в конторе мистера Гендерсона список лидеров продаж. Рекорд, который до недавнего времени никто не мог побить.

Я уже было приготовилась спустить ноги с кровати, когда комната накренилась и содержимое моего желудка, оставшееся с прошлой ночи, потребовало к себе внимания. Я со стоном откинулась на подушку, чувствуя себя ничуть не лучше, даже несмотря на влажный язык Генерала Ли. Короткий стук в дверь возвестил, что это миссис Хулихан. Моя экономка вошла в спальню, неся тарелку с соленым печеньем.

– Похоже, я вовремя. Ваша мама велела мне каждое утро ставить их вам на тумбочку. Прежде чем отрывать голову от подушки, вам надо съесть пару штук.

Я унаследовала миссис Хулихан вместе с собакой и домом.

Если честно, я все еще сомневалась в достоинствах двух последних, но миссис Хулихан была на вес золота. Рассмотрев же ее пышную грудь и широкие бедра, я поняла, что это впрямь значительная сумма.

– Спасибо, миссис Хулихан, – сказала я. Взяв предложенный крекер, я приставила его к сухому языку, чтобы он сам растворился, опасаясь, что, если я буду слишком энергично жевать, мой желудок этому воспротивится. Я закрыла глаза, чтобы комната не шла кругом, и снова услышала звук. Похоже, именно он и разбудил меня, хотя я и забыла о нем, как только вновь открыла глаза.

– Вы слышали? – спросила я, по двум причинам лежа неподвижно, чтобы лучше слышать и чтобы меня не вырвало от резкого движения.

– Что именно? – миссис Хулихан встретилась со мной взглядом.

Звук был настолько слабым, что его было проще проигнорировать. Если бы не одно «но»: его сопровождал порыв холодного воздуха, как будто где-то рядом только что распахнулась дверь в склеп.

– Плач ребенка, – сказала я. И как будто он тоже его услышал, Генерал Ли спрыгнул с кровати и выбежал за дверь. Я сказала себе, что это потому, что он голоден и побежал на кухню, рассчитывая там чем-то поживиться.

Миссис Хулихан улыбнулась и подошла к двери.

– В этом доме нет младенцев, по крайней мере, пока. Наверно, вы слышите кошку на тротуаре. Или же ваши уши обманывают вас, помогая вам подготовиться к тому, что ждет вас дальше. – Она остановилась и вновь повернулась ко мне лицом. Ее дородные телеса заполнили весь дверной проем. – Я приготовлю вам немного зеленого чая без кофеина, который принесла Нола. Просто лягте и продолжайте есть крекеры, пока не почувствуете, что можете сесть.

Она указала на маленький колокольчик, который моя мать поставила рядом с часами.

– Просто позвоните мне, если я вам понадобится.

Под моим окном раздалось громкое урчание мотора. Я даже вздрогнула.

– Что это? – спросила я, выплевывая соленые крошки на ворот моей ночной рубашки.

– Это подрядчик Рич Кобилт занимается очисткой фундамента. Он сказал, что сообщил вам на прошлой неделе, что вам лучше припарковать машину на улице, чтобы у него был доступ к саду за домом.

Превозмогая муторный туман тошноты, я перевела взгляд на свой старый мобильник и новый айфон. Ни тот ни другой я не включала со вчерашнего дня, когда около шести вечера притащилась с работы и рухнула на кровать. Я смутно вспомнила разговор с мистером Кобилтом, даже то, что мне неким чудом удалось избежать полного обзора заднего «декольте» его вездесущих сползающих штанов. Возможно, я даже сделала пометку в своих различных календарях, от которых, увы, с выключенными кнопками питания было мало толку.

Мой настольный календарь в офисе, вместо тщательно записанного графика деловых встреч, был исчерпан каракулями, а вернее портретами Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени. Взятые в грубо нарисованные виньетки, его лицо было искажено гримасами различных предсмертных мук средневекового типа. Я закрыла глаза и застонала.

– Не волнуйтесь. Ваш отец пришел раньше и переставил вашу машину, чтобы вы могли поспать подольше. Не торопитесь и просто крикните мне, если вам что-то понадобится. Пойду, накормлю Генерала Ли.

Пес как будто услышал свое имя, так как снизу тотчас раздался резкий лай. До того как меня стала мучить утренняя тошнота, вызванная беременностью, у нас с ним была общая биологическая потребность питаться в определенное время в течение дня. По его лаю или по моей возросшей раздражительности можно было проверять часы. Теперь же сама мысль о еде выворачивала меня наизнанку. Я вскочила с кровати и едва успела добежать до ванной.

Через полтора часа я на ватных ногах спустилась вниз. После повторного мытья волос и трехкратной замены макияжа, вследствие неоднократных забегов с целью избавить мой желудок от его содержимого, я сдалась. Лишь вновь собрала волосы в хвост и нанесла на нос немного пудры. Я даже не стала надевать очки, так как мне было совершенно неинтересно видеть результаты моего туалета.

На столе рядом с дымящейся чашкой обещанного зеленого чая без кофеина на тарелке лежали два сухих тоста – без глютена, пшеницы и вкуса. Напротив сидела моя мать, бывшая оперная дива Джинетт Приоло. Глядя на нее, вы бы подумали, будто она только что сошла с рекламы универмага «Гвинн». Хотя ей уже за шестьдесят, она легко сойдет за кого-то по крайней мере на десяток лет моложе, или даже за брюнетистую версию Долли Партон, правда, без южного акцента и с чуть менее пышным бюстом. Единственным утешением моей беременности было то, что впервые в жизни у меня появилась причина носить нижнее белье, не напоминающее спортивный бюстгальтер.

Я села перед тостом и постаралась не думать про пончик с шоколадом.

– Доброе утро, мама. Что привело тебя сюда так рано?

Она сделала небольшой глоток чая.

– Разве мне нужна причина? Ты мой единственный ребенок и вот-вот родишь моего первого внука, разве этого мало?

Я пристально посмотрела на нее.

– Тебе звонила Нола, не так ли? – Нола – дочь-подросток Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени. Она приехала в Чарльстон в начале этого года, после того как ее мать Бонни умерла в Калифорнии, и между нами завязалась дружба.

До недавнего времени, пока мой дом не был признан пригодным для проживания после колоссального – и опустошительного для моего банковского счета – ремонта фундамента, она жила со мной и моей матерью в доме последней на Легар-стрит. Слегка безбашенная, забавная, музыкально одаренная и умная – она была бы идеальным подростком, если бы не ее неудачный выбор отца.

– Нола беспокоится о тебе. Она не получала от тебя никаких известий с тех пор, как ты вернулась сюда. Джек тоже не говорит с ней о тебе.

Я сердито посмотрела на нее.

– Ты же знаешь, мы здесь не упоминаем это имя. – Я точно знала: миссис Хулихан стоит позади меня, и легко представила себе, как она поднимает брови, глядя на мою мать.

– Мелани, дорогая. Вы с Джеком станете родителями одного и того же ребенка. Рано или поздно тебе придется с ним поговорить. Пока что мяч на твоей площадке. Он просил тебя выйти за него замуж, но ты отказалась. Думаю, ты должна хотя бы объяснить причину своего отказа.

Судя по вопросительному взгляду моей матери, она считала, что Джек не единственный, кому полагается объяснение.

– Я ответила ему отказом по той же причине, – сказала я с преувеличенным терпением, – по какой Бонни не рассказала ему о Ноле. Она знала: как джентльмен, он предложит поступить «правильно». Мне не нужны его «правильные» поступки. Он уже дал понять, что не любит меня, и я не хочу выходить замуж по какой-либо иной причине. – Я почувствовала, как на глаза мне вновь наворачиваются эти адские слезы. – И я определенно не собираюсь тратить мое драгоценное время на погоню за ним, чтобы заставить его передумать.

– Но он любит тебя, Мелли. Я это точно знаю.

Я попыталась фыркнуть, но издала, скорее, всхлип.

– Верно. Тогда почему он ответил «извини», когда я сказала ему, что люблю его? – Я взяла кусок тоста и впиалась в него зубами, хотя бы для того, чтобы скрыть предательское дрожание губ. Гормоны беременности в сочетании с отвергнутым признанием в любви и предложением руки и сердца, основанным на сострадании, подорвали мою стойкость и уверенность в себе. Крайне сомнительно, что они когда-нибудь вернутся ко мне. Кроме того, я строила свою жизнь исходя из того, что если притвориться, что чего-то нет, это нечто в конечном итоге уйдет само. По крайней мере, это обычно срабатывало, когда дело касалось призраков умерших людей.

– Ты знаешь, как бы ты это ни игнорировала, оно никуда не денется. – Очевидно, прочитав мысли, моя мать, которая к тому же еще и экстрасенс, выгнув бровь, посмотрела на меня. Я сосредоточилась на чае и тосте, не обращая внимания на крошки, падающие мне на темно-синюю юбку и пиджак. Юбка держалась на резинке и скрепках, пиджак застегивался на пуговицы так, чтобы скрыть мои ухищрения. К сожалению, от постоянных усилий пуговица держалась на пиджаке только на честном слове. Почувствовав на себе взгляд матери, я медленно подняла глаза.

– Мне тоже приснился сон, – тихо сказала она.

Если не считать всплесков воды, так как миссис Хулихан мыла что-то в раковине, и чавканья в миске Генерала Ли, в комнате воцарилась гробовая тишина. Моей матери не снились обычные сны, и мы обе это знали. У нее бывали «видения». Последнее видение вернуло ее в мою жизнь, чтобы спасти меня. И то, что ей явилось новое, было не менее значимым.

– И кто в нем был? – спросила я, запивая чаем сухой тост.

– Плачущий ребенок.

Кусок застрял у меня в горле.

– Плачущий ребенок?

Она прищурилась.

– Значит, ты тоже его слышала.

Я закатила глаза, слишком поздно сообразив, что, наверное, в эти мгновения похожа на Нолу.

– Неужели у меня нет от тебя секретов?

Она мягко улыбнулась.

– На самом деле, нет. Впрочем, – добавила она, отодвигая чашку, – возможно, это не связано с тобой и твоей беременностью.

Я пристально посмотрела на нее.

– Я что-то почувствовала, когда услышала плач. Что-то мощное и необязательно хорошее. И вместе с тем отстраненное, как будто оно не было связано со мной, а лишь хотело объявить о своем присутствии. – Она умолкла. В иной ситуации я бы сочла это молчание дурным знаком. Но она тут же продолжила. – И может быть, это была просьба о помощи.

Почувствовав на себе взгляд матери, я вздрогнула. В моей жизни было и так слишком много осложнений, и еще одно лишнее мне совершенно ни к чему. Я убеждала себя, что этот звук мне послышался, что он не имеет ко мне никакого отношения. Что тот человек, живой он или мертвый, не просил у меня того, что я не была готова дать.

Я посмотрела на свою пустую тарелку. Способность общаться с мертвыми – это наш с матерью общий дар. Вернее, это она называла его даром, я же считала занозой в одном месте. Хотя тогда я не подозревала об этом, именно эта способность разлучила нас с матерью, когда я была ребенком, но именно она снова нас сблизила. Я была благодарна ей за это, а также за то, что мы, не привлекая к себе постороннего внимания, смогли отправить к свету несколько беспокойных духов. Но мой собственный дух был слишком взбудоражен, чтобы думать о том, что происходило в ночи. Или плакало ранним утром.

– Этот дом мой уже довольно давно, и я успела выучить его призраков, – с жаром заявила я. – Мы отправили Луизу Вандерхорст и Джозефа Лонго туда, где им положено быть, и с тех пор я не видела ни их, ни Невина Вандерхорста. Тут есть еще пара-тройка мирных духов, и мы счастливы не мешать друг другу. И уж точно никакого ребенка, равно как и причин, чтобы ему тут быть.

– Насколько нам известно, – добавила моя мать.

Я было открыла рот, чтобы заспорить, но тут кто-то постучал в дверь. Мы с матерью переглянулись, ощущая одинаковый узел страха в том месте, где сердце встречается с душой.

Миссис Хулихан открыла дверь и впустила моего сантехника-подрядчика Рича Кобилта. С тех пор как я унаследовала дом на Трэдд-

стрит, Рич стал такой же неотъемлемой его особенностью, как осыпающаяся штукатурка и потрескавшийся фундамент. Меня частенько посещал вопрос, а не выделить ли ему комнату и не брать с него арендную плату, короче, все что угодно, лишь бы ускорить нескончаемые реставрационные работы в доме.

Рич вошел на кухню и, прежде чем заговорить, подтянул сползающие штаны. Я отпрянула. Это всегда был верный знак того, что у него для меня дурные вести. Он всегда сопровождался в моей голове воображаемым звяканьем кассового аппарата, высасывающего с моего банковского счета очередную сумму.

– Доброе утро, мисс Миддлтон, мисс Приоло. – Он кивнул нам обеим.

Миссис Хулихан принесла большую кружку кофе с ложкой сливок, два куска сахара и сунула ее ему в руки.

«Пора выставить ему счет и за кофе», – подумала я. Предлагать ему стул я не стала, ошибочно полагая, что чем меньше времени он проведет в моем присутствии, тем меньше денег мне придется истратить. И снова в моей голове заманчиво возник образ парковки на его конкретном месте на Трэдд-стрит.

– Что случилось? – спросила я. Эти два слова обычно следовали за моим стандартным приветствием.

Рич взял дымящуюся кружку, но не сделал ни одного глотка. Я заметила, что под шляпой он был бледнее обычного. Вскоре после того, как он приступил к реставрации дома, я поняла, что он чувствителен к присутствию беспокойных духов и что порой они сообщают ему о себе довольно назойливым образом. И все же я затруднялась сказать, то ли он пребывал в стадии отрицания, то ли действительно не понимал, что, когда банки с краской опустошались сами собой, это вряд ли была чья-то шутка или его неспособность вспомнить, что он израсходовал всю краску.

Рич виновато посмотрел на меня. Я медленно выдохнула.

– Это не очередная проблема с фундаментом, если вы так думаете, – сказал он.

– Какое облегчение. – Я в упор посмотрела ему в лицо, пытаюсь понять, говорит ли он правду. – И что же это?

Рич вновь поддернул штаны, как будто нарочно тянул время. Похоже, он не хотел говорить, точно так же, как я не хотела слышать.

– Ну, вы знаете, мы тут устроили в вашем саду большую кучу строительного мусора. Выкопали старый фундамент и заменили его на новый. Когда мы вытаскивали старье, мы не особо его разглядывали, потому что знали, что в дело оно больше не пойдет. Сегодня я пригнал сюда самосвал и погрузчик, чтобы убрать мусор, и в середине второй загрузки мы увидели это.

Мне показалось, что он побледнел еще сильнее.

Моя мать встала, и я увидела, что ее рука слегка дрожит. Она потянулась ко мне и коснулась моих пальцев. Между нами как будто пробежал электрический ток. Я схватила ее за руку, вспоминая нашу общую мантру. Мы произносили ее всякий раз, когда сталкивались с самыми враждебными духами: мы сильнее вас.

– Что же вы увидели? – уточнила я на удивление спокойным голосом.

Он оглянулся через плечо, как будто боялся, что то, что он только что откопал, подкрадывается к нему сзади. По моему телу пробежала дрожь, и я заподозрила, что, возможно, он прав.

– Кости. В небольшом деревянном ящичке. Определенно человеческие. – Его рука слегка дрожала, и кофе выплеснулся через край его кружки. – Детские.

Моя мать еще крепче вцепилась в мою руку. Наши взгляды встретились. На меня как будто давила тяжесть всего мира, и на мою и без того разрушенную жизнь, пронзив рикошетом мой мозг, обрушилась мысль: не было печали...

Глава 2

Я сидела на диване в парадной гостиной. С одной стороны от меня расположилась мать, с другой – отец. Я не просила никого из них присутствовать, но чуть не всплакнула от благодарности, когда они заняли свои места на диване. В последнее время у меня сложилось слишком тесное знакомство с полицейскими мигалками, желтой лентой вокруг места преступления и зарытыми на моем участке трупами, но это все равно был шок. Я едва оправилась от того, как менее двух лет назад нашла в фонтане останки Луизы Вандерхорст и Джозефа Лонго, а теперь, похоже, в фундаменте дома было замуровано еще одно тело. Я начала принимать эти вещи слишком близко к сердцу.

Напротив нас сидел детектив Томас Райли. Его мощная фигура с трудом умещалась на одном из двух одинаковых чиппендейловских стульев. У детектива были светло-каштановые волосы с обесцвеченными кончиками, как будто он проводил много времени на открытом воздухе, и спокойные карие глаза на лице с резкими линиями и углами, с которого можно было писать портрет типичного солдата. Возможно, виной тому мои бушующие гормоны беременности, но я пялилась на него во все глаза. Есть в чарльстонских мужчинах нечто особенное. Возможно, грязь окружающих Чарльстон болот или летний зной, опалывший подошвы ваших туфель, если вы слишком долго оставляли их на тротуаре, который просачивался в кровотоки будущих мамочек, беременных мальчиками. Даже если это включало в себя и Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени.

– Вы родом из Чарльстона? – спросила я еще до того, как осознала, что открыла рот. Он удивленно посмотрел на меня, и я поняла, что пока я грезилась, представляя себе, как перекачиваются под рукавами рубашки его бицепсы и какие у него большие ступни, чтобы ему были в пору эти огромные башмаки, он, вероятно, обсуждал человеческие останки, найденные в фундаменте моего дома.

– Да. Вообще-то, моя мать родом из Ирландии, но отец родился и вырос здесь. И он, и мой дед работали в полицейском управлении Чарльстона, но я первый детектив в нашей семье.

Он улыбнулся, заставив мои гормоны сплясать джигу. Впрочем, я по-прежнему не могла избавиться от чувства, что, сколь красивой ни была его улыбка, она всегда будет бледнеть по сравнению с другой, на другом красивом лице, которое продолжало преследовать меня в снах каждую ночь.

Не зная, что сказать, я откинулась назад. Очевидно, пытаясь ответить на вопрос детектива, который был задан мне, мать поспешила прийти мне на выручку.

– Мелани владеет домом около двух лет, – сказала она. – Боюсь, она мало что знает об истории дома. Только то, что с момента постройки в 1848 году он принадлежал семье Вандерхорст. Она унаследовала его от Невина Вандерхорста.

– Она родственница?

Я села прямо, зная, к чему ведет его череда вопросов.

– Нет. Мы познакомились, когда меня позвали сюда помочь выставить дом на продажу. Но потом он внезапно умер и завещал дом мне.

Ручка детектива Райли замерла над блокнотом.

– Вы встречались с мистером Вандерхорстом только раз, но он оставил этот дом вам в наследство?

– Поверьте, я сама была удивлена. Мой дед и его отец были лучшими друзьями, так что, должно быть, для него это было чем-то вроде семейного родства.

Я предпочла опустить часть истории о том, что видела в саду призрак Луизы Вандерхорст, матери Невина, и что он был убежден, что она меня одобряет. Этого одобрения, вкуче с тем, что у него не было близких родственников, оказалось достаточно, чтобы против моей воли сделать из меня наследницу его обветшавшего дома и всех его призраков. Не говоря уже про собаку и домработницу.

Томас Райли поднял брови.

– У вас, должно быть, мощный дар убеждения.

Я покраснела.

– Поверьте, никаких уговоров не было. Ненавижу старые дома. – Скорее это было сказано по привычке, нежели на основании каких-либо давних убеждений, но я не хотела, чтобы он подумал – как многие люди, – что я неким образом принудила мистера Вандерхорста отписать мне дом. В то время я воспринимала его как огромную

зияющую денежную яму, которая могла бы стать прибыльной парковкой. Теперь моя вера в это дала большую трещину, хотя, если честно, меня время от времени посещала мысль о том, а не полить ли мне фундамент бензином и не поднести ли к нему спичку. Особенно после очередного разговора с Ричем Кобилтом, когда тот сообщал мне, что вновь требуется починить нечто очень серьезное и дорогостоящее.

– Но разве вы не специализируетесь на исторической недвижимости Чарльстона?

Я терпеливо улыбнулась.

– Да, но это лишь потому, что я умею воспринимать и оценивать ее без предвзятости. Если честно, я и старые дома не очень ладим между собой.

Детектив откинулся назад и положил ручку, как бы показывая, что то, о чем он собирался меня спросить, было не для записи.

– Это почему же?

Я кивнула.

– У меня на то несколько причин. – Я покосилась на мать. – Но в основном потому, что затраты на его содержание и восстановление, похоже, идут вразрез с любым пенсионным планом. Это как взрослые дети, которые отказываются покидать родительское гнездо и ждут, что вы всегда будете их содержать.

В уголке его рта мелькнула улыбка.

– Понятно, – сказал он, снова что-то записывая. Его теплые карие глаза встретились с моими. – Похоже, мне придется покопаться в истории семьи Вандерхорстов, чтобы понять, кому могут принадлежать останки. Кстати, наряду с останками был обнаружен еще ряд вещей, которые также могут дать ключ к разгадке.

Я не стала спрашивать, что это может быть. Я была рада спихнуть на него все проблемы, чтобы работы по ремонту фундамента, наконец, завершились и я могла начать заново строить свою жизнь.

– Вы можете связаться с доктором Софи Уоллен-Араси, – сказала я, желая, чтобы все это как можно скорее закончилось. – Она преподаватель Чарльстонского колледжа, работает на кафедре сохранения исторических памятников и по какой-то причине совершенно очарована этим домом. Она много знает об истории дома и с удовольствием вам все расскажет. Просто выкроите пару часов, чтобы ее послушать.

Софи была моей лучшей подругой, и нашу дружбу вполне можно считать одним из чудес света. Трудно было свести вместе столь непохожих людей, как мы. Она обожала тофу, а я гамбургеры, она – «биркенстоки», а я – лодочки от Тори Берч, она – комиссионки «Гудвилл», а я – бутики на Кинг-стрит. Но я любила ее, как родную сестру, – почти всегда – и не могла представить без нее свою жизнь.

Я продолжила.

– Она и ее новый муж, Чэд Араси, отправились провести медовый месяц в Анголу, чтобы научить тамошних фермеров методам зеленого земледелия, но они вернутся в следующий четверг.

Детектив снова поднял брови, но я не стала вдаваться в подробности. Было много такого, чего не могла объяснить даже лучшая подруга.

Миссис Хулихан принесла нам кофе и положила на тарелку несколько пирожных. Пока мои родители болтали с детективом Райли, я быстренько переместилась к краю дивана, чтобы, пока никто не видит, дотянуться до тарелки. Меня все еще терзал голод, и я была слишком рада признакам аппетита, чтобы себя ограничивать. Моя рука уже была на полпути к тарелке, когда натяжение пиджака на моем животе внезапно ослабло и единственная пуговица на нем, которая держалась на честном слове, сдалась, пулей выстрелила из лопнувшей нити и, рикошетом отскочив от серебряного кофейника, попала детективу Райли прямо в лоб.

– Ох, – ойкнул он, наполовину привстав со стула. Его рука машинально потянулась к пистолету, но вскоре замерла на полпути, как только он заметил на кофейном столике злосчастную пуговицу. Увидев на лбу детектива ярко-красную отметину, стоявшая в дверном проеме миссис Хулихан поспешила выйти из комнаты.

– Пойду принесу льда, – бросила она на ходу.

– Извините, – сказала я убитым голосом.

Взгляд детектива Райли задержался на моем округлившемся животе.

– Она беременна, – сказала моя мать примирительным тоном, похожим на тот, которым она уговаривала меня надеть на вечеринку по поводу моего сорокалетия красное платье с глубоким вырезом. Кстати, именно из-за этой вечеринки я и оказалась в положении, в котором

сейчас пребывала. – Она еще не успела купить одежду для беременных.

– Простите, – сказал он с растерянным выражением лица. – Я не знал, что вы замужем...

– Она не замужем, – в один голос сказали мои родители.

Я съежилась, пытаюсь забиться под обивку дивана. Детектив явно чувствовал себя неловко.

– Извините, я не делал никаких предположений. – Он улыбнулся и, очевидно, призвав на помощь присущий всем чарльстонским мужчинам шарм, добавил. – Просто мне всегда кажется, что все красивые женщины уже заняты.

– О, она определенно свободна.

Мы все обернулись. К нам из прихожей шагал Джек, а за ним с пакетом замороженного горошка и кухонным полотенцем следовала миссис Хулихан. Пospешно завернув пакет в полотенце, она вручила его детективу Райли.

– Мама! – Я укоризненно посмотрела на мать. Существовала только одна причина, которая могла привести Джека на мой порог. Положив на журнальный столик пакет из книжного магазина «Голубой велосипед», Джек поздоровался с моими родителями, пожал отцу руку, поцеловал в щеку мою мать и медленно выпрямился, сверля меня морозно-голубыми глазами.

– Привет, Мелли. Давненько не виделись.

Согласна, у него имелись все основания точить на меня зуб. Когда ваше предложение руки и сердца отвергнуто, объект предложения должен быть готов к неким враждебным действиям. Но в течение прошедшего с тех пор месяца Джек ни разу не позвонил, не отправил сообщения и даже не прислал Нолу, чтобы переубедить меня. Или спросить меня, почему. Не то чтобы это заставило меня передумать. Но я и наш ребенок как будто просто перестали для него существовать. На какое-то время я убедилась, что именно этого я и хотела. Теперь же, увидев его и испытав тот легкий скачок артериального давления, который он неизменно вызывал, я задумалась, как мне вообще удавалось вставать каждый день с постели.

Тем не менее для отвергнутого любовника он выглядел слишком хорошо, и это разозлило меня еще больше.

– Привет, Джек. – Я была горда тем, насколько нейтральный тон мне удавалось держать. – Ты заблудился? Клиника эректильной дисфункции находится на Брод-стрит, а ты пришел на Трэдд-стрит.

Мать бросила на меня предостерегающий взгляд.

– Я позвонила Джеку, так как он великий мастер по части разгадывания тайн, и я подумала, что он может мне чем-то помочь.

– Джек? Писатель Джек Тренхольм?

Все еще сжимая в левой руке пакет замороженного горошка и полотенце, детектив Райли встал. Шишка на его лбу начинала набухать и темнеть. Меня же мучил вопрос, что он скажет людям. Я еще ниже сползла по дивану. Мысли о пирожном улетучились из моей головы с той же скоростью, что и летающая пуговица. Джек оценивающим взглядом посмотрел на детектива.

– Да, это я. А вы?..

– Детектив Томас Райли из полицейского управления Чарльстона.

Он протянул руку, и двое мужчин обменялись рукопожатием.

– Я ваш поклонник. Мои родители, сестры и я – поклонники вашего творчества. Мы не припоминаем, чтобы нам раньше приходилось так долго ждать выхода вашей новой книги.

По лицу Джека промелькнула темная тень. Его заклятый враг и мой бывший кавалер, бизнесмен Марк Лонго, неким образом сумел разузнать последнюю историю Джека, связанную с исчезновением Луизы Вандерхорст. И хотя покойная Джулия Маниго поручила Джеку написать еще одну историю о ее собственной семье, то, что Марк Лонг украл его историю, стало для него ударом, от которого он вряд ли мог легко оправиться. Или который мог легко простить.

Джек натянуто улыбнулся.

– Да, были неожиданные задержки. Но я надеюсь, что в следующем году выйдет еще одна книга. – Джек посмотрел на пакет с горошком в руке детектива, затем на его лоб, как будто впервые заметил растущую на глазах шишку. – Это Мелли вас ударила?

– Не совсем. – Томас посмотрел на Джека, затем на меня, как будто пытаюсь что-то понять. И, похоже, понял, потому что его глаза полезли на лоб. – Почему вы спросили? Она раньше вас била?

Я встала.

– Одну минутку... – начала я, посмотрев на своих родителей в поисках моральной поддержки, но те, похоже, были заняты

пересчитыванием нитей обюссонского ковра.

Меня перебил Джек.

– Исключительно образно.

Я медленно опустилась на диван, не в силах спорить. При всей жалости к себе и праведном возмущении я знала: он прав. Пытаясь спасти разговор, я переключила внимание на детектива.

– Так что же нам делать дальше?

– На самом деле ничего. Боюсь, нам придется оставить ваш сад в беспорядке, пока следователи не получат возможность все тщательно изучить, так что я рассчитываю на ваше терпение. И я свяжусь с доктором Уоллен-Араси, когда у нее закончится медовый месяц. Посмотрим, сможет ли она пролить свет на принадлежность останков и почему они были спрятаны в фундаменте вашего дома.

Бесплотный звук плачущего ребенка витал вокруг нас, как струйка дыма, такой тихий, что я могла принять его за игру воображения, если бы не дрожащая рука моей матери, когда она ставила свою чашку на блюдце.

Голос моей матери прозвучал гораздо спокойнее, чем она выглядела.

– Вы сказали, что нашли с останками что-то еще. Вы можете описать нам, что это было?

Я поймала себя на том, что качаю головой, хотя у меня уже было ощущение, что все мои попытки спрятаться от потерянных духов пошли прахом в тот момент, когда я проснулась от плача ребенка.

– Что-то похожее на старое кружевное платье и чепчик, вроде тех, что надевают на младенцев при крещении. Это на первый взгляд свидетельствует, что ребенка не просто выбросили. Тот факт, что ребенок похоронен в платье, говорит нам о том, что он или она был либо крещен перед похоронами, либо его или ее было крайне важно похоронить в нем.

Плач сделался громче, и я подумала, что его могут услышать и другие. Но я давно уяснила: этот дар или это проклятие, или как там его называть, доступен весьма немногим.

Моя мать встала, и все остальные тоже.

– Что ж, тогда мы не хотим отнимать у вас время. – Она взяла детектива под руку и повела его в прихожую и к входной двери. –

Пожалуйста, не стесняйтесь звонить, если у вас появятся дополнительные вопросы.

Я уже было открыла рот, чтобы спросить, к чему такая спешка, но внезапно ощутила затылком холодок, как будто на нем остановилась пара невидимых глаз. Мой отец и Джек выглядели в равной степени озабоченными, когда мать практически вытолкала детектива на переднее крыльцо, а затем, после короткого формального прощания, буквально захлопнула дверь перед его носом.

Ее грудь взволнованно вздымалась и опускалась, и прежде чем потянуться ко мне, она прижала руку к сердцу.

– Ты кого-нибудь видишь? – спросила она. Мой отец и Джек тотчас поняли, что ее вопрос предназначен не им. Чувствуя затылком холод, я не глядя покачала головой. Мать крепко сжала мою руку.

– Мелли, ты слышала этого ребенка до сегодняшнего дня?

– Нет, – прошептала я, понимая, куда она клонит.

– Есть причина, почему он до сих пор молчал. Скорее всего, это из-за того, что останки выкопаны из-под земли. – Она умолкла, и я попыталась отодвинуться. – Или же это также может быть связано с твоей беременностью.

Меня охватили паника и отрицание. Я судорожно подыскивала слова, чтобы ей возразить. Джек шагнул к моей матери.

– Неужели ребенок в опасности?

Гормоны, мое разбухшее тело, неудобная одежда, холодное дыхание на затылке и потусторонний плач – вместе взятые, они никак не содействовали моей решимости держать эмоции в кулаке. Я выплеснула их на Джека, как на ближайшую доступную мишень для моего накопившегося раздражения. Впрочем, несмотря на все то, что произошло между Джеком и мной, я все еще любила его, любила каждой частицей своего сердца, какая только была способна любить другого человека.

– И тебе вдруг стало не все равно? Я целый месяц не слышала от тебя ни слова – ни слова заботы обо мне или ребенке, – и вот теперь ты лезешь не в свое дело, притворяясь, будто этот ребенок тебе не безразличен. – Я с трудом сдержала слезы, ярость и бессилие.

Мой отец шумно прочистил горло.

– Вообще-то, Мелли...

Я оборвала его и повернулась к Джеку.

– Моя мать пытается сказать, что кто бы ни был найден в том ящике под домом, или кто бы это ни был, кто пропал без вести, так вот, этот некто думает, что нашел во мне родственную душу, потому что я беременна.

Мой отец вновь попытался вставить свое веское слово.

– Мелли, Джек, твоя мама и я...

Я подняла руку, не желая, чтобы меня отвлекали от моей тирады в адрес Джека.

– И похоже, моя мать считает своим долгом вывести все заблудшие души к свету, и, вероятно, для этого ей требуется моя помощь, хотя я в данный момент не в состоянии положить на свою тарелку даже кусочек. Но мы с ней справимся в одиночку, без твоей помощи. Прямо как этот ребенок.

Из всех выражений, какие я раньше видела на лице Джека – сарказм, юмор, гнев, желание, – я ни разу не видел этого, и оно меня напугало. Его глаза, темнее, чем обычно, слегка расширились, как будто его неожиданно ударили в живот. Столь же быстро выражение его лица изменилось, как будто фокусник распахнул плащ и под ним оказался – нет, не меч, а спрятанный в его складках букет цветов. Его лицо осветила фирменная улыбка, украшавшая задние обложки его бестселлеров и, с тех пор, как он вырос из подгузников, сразившая наповал бесчисленное количество женщин. Я напряглась.

– Если мне не изменяет память, Мелли, ты сделала этого ребенка не одна.

Он дал мне пару секунд на то, чтобы осознать сказанное. Я же остро ощущала присутствие родителей и то, как они оба смотрели куда угодно, только не на меня и Джека. Возможно, я даже поежилась. Я также чувствовала, что каждый волосок на моей голове встал дыбом, и как холодок, начавшийся с моего затылка, теперь охватил все мое тело.

Мой мозг тщетно пытался придумать ответ, когда Джек внезапно поднял взгляд на люстру из венецианского стекла, освещающую небольшой вестибюль перед входной дверью.

– Мелли! – крикнул он, и прежде чем я успела сказать ему, чтобы он не смел называть меня Мелли, подскочил ко мне и повалил меня на пол. Он смог смягчить падение, приземлившись на спину, так что я упала на него сверху, растянувшись на полпути к главному холлу и довольно далеко от того места, где я только что стояла и куда с потолка

обрушилась люстра. Я была настолько потрясена, что на мгновение застыла в неподвижности, лежа на Джеке. Наши тела были прижаты друг к другу от груди и до пальцев ног.

Он тяжело дышал, но его глаза, глядя в мои, светились старым светом, заставив меня осознать, как тесно соприкасаются наши тела.

– Совсем как в старые добрые времена, а, Мелли?

С пылающими щеками я слезла с него. Ох, как жаль, что у меня на пиджаке не осталось пуговицы, чтобы выстрелить и в него тоже. Осторожно, избегая разбитого стекла, я шагнула к матери и отцу, чье внимание было поделено между мной и разбитой люстрой.

– Что это было? – спросил мой отец. Его военная карьера оставила его совершенно неподготовленным к объяснению необъяснимого. Это была одна из причин, почему моя мать бросила его много лет назад.

Мать пытливо посмотрела на меня, затем мы вместе повернулись к отцу и Джеку, и на меня снизошло усталое чувство смирения. Я глубоко вздохнула, вспомнив на короткий миг момент, когда моя жизнь была лишь моей собственной и я могла спокойно позволить назойливым мертвецам незаметно порхать по периферии.

– Они вернулись, – сказала я, и порыв холодного ветра хлестнул меня по лицу моими же словами.

Глава 3

Я вышла на тротуар. Дверь пекарни Рут со звоном захлопнулась за мной, но я чувствовала себя не лучше, чем за пять минут до этого. Раньше у Рут меня ждал мой пакет с пончиками и латте с добавлением сливок. Все это я могла взять и направиться в офис. Однако моя мать и, вероятно, бывшая лучшая подруга Софи нанесли Рут визит не иначе как в попытке разрушить мою жизнь. Я сжимала в руках пакет с двумя булочками из органических отрубей и брокколи и высокий стакан зеленого чая без сахара. Я не могла сказать наверняка, но, судя по первому и единственному кусочку, на который я осмелилась, двумя главными ингредиентами в рецепте булочек были картон и земля, это точно.

Я зашагала по Брод-стрит к «Бюро недвижимости Гендерсона». Пакет с булочками я забросила в первый же контейнер для мусора, какой попался мне по пути. А ведь когда после утренней тошноты меня охватили настоящие муки голода, у меня были такие большие надежды! Мысль о спрятанных в моем офисе шоколадных батончиках облегчила мне шаг, так что к работе я подходила едва ли не вприпрыжку.

Я толкнула дверь и замерла на полпути через приемную. Наша секретарша и фанатка гольфа Нэнси Флаэрти – очевидно, полностью оправившись от травмы головы, нанесенной мячом для гольфа, – восседала на своем обычном месте за столом. Она кивнула, здороваясь со мной, и серьги в форме клюшки для гольфа качнулись в ее ушах. На ее голове был вездесущий козырек для гольфа с логотипом Masters на полях – сувенир из поездки в Мекку гольфа, город Огаста, штат Джорджия, – а в руках клубок пряжи и две сверкающие металлические спицы, которые активно двигались на фоне чего-то маленького и розового. Рядом с Нэнси сидела женщина немного постарше в ярко-желтом кардигане с вышитыми на нем гольфистами. Она тоже вязала, нитью из клубка голубой пряжи. Я остановилась перед ними и вопросительно посмотрела на Нэнси.

– Вяжешь? – спросила я.

– Ага. – Она широко улыбнулась, все так же энергично работая спицами. – А это Джойс Челлис, – добавила она, указывая на женщину рядом с собой. – Мы с ней решили поделить мою работу. После опасной для жизни травмы я поняла: жизнь слишком коротка, чтобы проводить большую ее часть не на поле для гольфа. В общем, я поговорила с мистером Гендерсоном, и он сказал, что если я найду и обучу кого-нибудь, то могу отдать такому человеку половину моей ставки. В качестве бонуса она учит меня вязать.

– А где Шарлин? – спросила я, вспомнив миниатюрную блондинку, энтузиастку йоги, которая замещала Нэнси, пока та поправлялась после травмы головы.

Джойс и Нэнси переглянулись и одновременно закатили глаза.

– Она решила переехать в Калифорнию и стать кинозвездой. Думаю, роль статистки в том фильме с Деми Мур ударила ей в голову.

– Разве она не бабушка? – спросила я, гадая, есть ли возрастные ограничения для переезда в Голливуд, чтобы сделать там себе имя.

Джойс и Нэнси кивнули в унисон.

– Приятно познакомиться, мисс Миддлтон, – сказала Джойс с улыбкой в голубых глазах. – Я слышала все о вас от Нэнси, – добавила она, указывая на нее спицей. – И о Джеке. – Она сделала вид, будто обмахивает лицо веером.

Я нахмурилась.

– Вряд ли он в ближайшее время появится под нашей дверью, поэтому для вашей ежедневной дозы драмы предлагаю вместо этого посмотреть несколько мыльных опер. – Я изобразила улыбку. – Приятно познакомиться, Джойс. Я уверена, что, если вас тренирует Нэнси, вам не о чем беспокоиться. – Есть ли мне сообщения? – спросила я, повернувшись к Нэнси, и сама удивилась отсутствию энтузиазма в собственном голосе. Мало того, что меня клонило в сон, но, что еще хуже, все остальные это прекрасно видели.

Джойс отложила вязание, взяла со стойки администратора розовый клочок бумаги и с блеском в глазах, который можно было описать только как озорной, сказала:

– Только одно. От Джека Тренхольма. Он сказал, что пробовал звонить вам на сотовый, но, похоже, он набирал неправильный номер, потому что телефон продолжал перенаправлять его на голосовую

почту, а на записи это более низкий голос, чем ваш, и с легким акцентом.

И Джойс, и Нэнси невинно моргнули. Я же постаралась не покраснеть, вспомнив запись послания сразу после того, как накануне Джек ушел от нас после инцидента с рухнувшей люстрой. Перед тем как уйти, он поцеловал мою мать в щеку, пожал руку моему отцу, затем посмотрел на мои лодыжки и посоветовал мне держаться подальше от соли, после чего хлопнул дверью чуть громче, чем было необходимо. Моя мать сказала, что из-за гормонов я стала чересчур чувствительной к критике, но слов Джека оказалось достаточно, чтобы я убедила себя, что способна справиться с беременностью и предстоящим материнством самостоятельно. Эх, если бы только эта мысль не оставила меня такой подавленной и опустошенной, что было ужаснее, чем встреча с привидениями.

Внезапно в моем мозгу всплыла розово-голубая пряжа. Я заглянула через стойку.

– Что вы вяжете?

Спицы Нэнси продолжали энергично работать.

– Детские одеяльца. Поскольку мы не знаем, девочка это или мальчик, то вяжем по одному для каждого.

Я посмотрела на пряжу нежных цветов, и на меня накатил приступ паники. Кстати, в последние дни это случалось все чаще и чаще, хотя я и не могла определить ее источник. Я заставила себя думать о таблицах, графиках кормления и плане родов – последний включал эпидуральную анестезию и обезболивание – и начала понемногу успокаиваться.

– Надеюсь, это будет девочка, – сказал я. Слова слетели с моих губ прежде, чем я успела отозвать их назад. Оба набора вязальных спиц застыли на месте. – В смысле, я просто надеюсь родить здорового ребенка. – Я скомкала свое одинокое телефонное сообщение и оставила его на стойке. – Думаю, мне пора на работу.

Я повернулась и зашагала к себе в офис, пытаюсь представить себе маленького мальчика с глазами, такими же голубыми, как у его отца, и подумала о том, как, черт возьми, мне найти в себе умственные и физические силы растить мини-копию Джека. Да, я хотела здорового ребенка, но, боже мой, лишь бы только это был не мальчик!

Я открыла дверь моего кабинета и прошаркала внутрь. Он вновь вернулся в состояние, в котором пребывал до экспериментов с фэншуй – Шарлин Роуз считала это необходимым, а я – нет, – и я, пусть отчасти, вновь ощутила себя прежней. Даже рыбки в аквариуме – «водная стихия», как именовала его Шарлин – исчезли, за что я была безмерно благодарна. Я не хотела думать о судьбе двух рыб, чтобы снова не прослезиться.

Бесцеремонно бросив сумочку и портфель посреди кабинета, я направилась к серванту, где у меня хранилась заправка, пакетик с конфетами для Хеллоуина, который я купила на распродаже в аптеке «Теллис» перед тем, как они окончательно закрылись, вместе с давящим бинтом для распухших лодыжек.

Я выдвинула первый ящик, второй и третий, затем в нарастающем паническом безумии заглянула в шкафчики в самом низу. Я знала, что веду себя неразумно, но я ни разу не оставалась так долго без сладкого или шоколада, и потому была в отчаянии.

– Это, часом, не то, что ты ищешь? Софи сказала мне, где искать.

Я обернулась и увидела Джека. Он небрежно развалился на стуле напротив моего стола с пакетиком миниатюрных шоколадных батончиков.

На его лице было написано легкое любопытство, смешанное с лукавством. Я тяжело сглотнула, разрываясь между соблазном вырвать у него из рук пакетик и съесть сладкого и инстинктом самосохранения. Верх взяло второе. Я поспешно повернулась к столу и взяла точилку для карандашей, которой не пользовалась уже лет пять.

– Ага, вот она.

Я села за стол, вытащила из верхнего ящика карандаш и начала его точить.

– Я не припомню, Джек, чтобы у нас с тобой сегодня утром была назначена встреча, и, боюсь, мой график забит до...

Он не дал мне договорить.

– Вряд ли механические карандаши нуждаются в заточке, Мелли.

Где-то в глубине моей груди возникла волна жара и постепенно начала подниматься выше, пока не залила мне лицо. Я перестала точить несчастный карандаш и посмотрела на Джека. Тот улыбался от уха до уха.

– Беременность ничуть тебя не изменила.

– А должна была?

– Я надеялся. – Он поднял руку – не ту, что с пакетиком конфет, – не давая мне продолжить. – Я пришел сюда не затем, чтобы препираться. Я хотел поговорить с тобой. Узнать, как у тебя дела.

– Со мной все в порядке, – быстро сказала я. «Главное, не думать о тебе, потому что от этого у меня болит сердце, а иногда я даже забываю дышать». Я хлопнула ладонями по столу, как будто волшебным образом превращая свою ложь в правду, а может, даже избавляясь от этих мыслей.

– Почему ты злишься на меня? Ведь ты сама отказалась выйти за меня замуж. – Его слова прозвучали тихо, но с чувством. Я не осмелилась посмотреть ему в глаза.

– Ты не звонил. И не спрашивал о ребенке. Я думала, тебе все равно.

Джек ответил не сразу.

– Учитывая, как мы расстались, я как бы ждал твоего ответа. И я каждый день справлялся у твоих родителей, как у тебя дела. Узнавал, нужно ли тебе что-то и все ли в порядке с ребенком.

Вспомнив, как отец пытался прервать меня накануне, посередине моей гневной тирады, адресованной Джеку, я ощутила, как по моим щекам вновь расплзается жар. Джек между тем продолжил:

– И я спрашивал у всех своих знакомых, которые являются родителями, советы о лучших книгах о беременности. Вчера я принес «Что ожидать, когда ты ожидаешь» и еще несколько книг, но ты не дала мне возможности вручить их тебе.

Я была готова залезть от стыда под стол. Но вместо этого я подняла глаза и встретила с ним взглядом, пытаюсь сформулировать предложение, которое было бы одновременно извинением и упреком.

Упираясь локтями в подлокотники стула, Джек смотрел на меня своими пронзительно-голубыми глазами.

– Знаешь, ты по-прежнему красива. А может, стала даже еще красивее.

Моя так до конца и не оформленная фраза вылетела из головы. Джек всегда умел разбивать мою защиту по камешку зараз. Но его слова больше походили на сокрушительный удар по стенам моего замка. Я было улыбнулась, но потом вспомнила свое отражение в зеркале в ванной, когда одевалась утром – опухшее лицо и тело,

отросшие волосы и прыщик на подбородке. Я не держала «Клерасил» в шкафчике в ванной с шестнадцати лет и вместо крема нанесла пятнышко отбеливающей зубной пасты – старое подручное средство, о котором, вероятно, когда-то прочла в журнале Seventeen – и запоздало подумала, стерла ли я его перед тем, как отправиться на работу.

Я откинулась на спинку стула. В животе у меня урчало, но я старалась не думать о пакетике со сладостями в его руках.

– Что тебе нужно, Джек? Я очень занята...

Как будто не услышав меня, он сказал:

– Твои глаза ярче, чем когда-либо раньше, и тебе к лицу небольшая полнота. – Он умолк, подался вперед, а его голос соскользнул на ступеньку ниже. – А твое тело – оно как созревающий плод. – Его взгляд на мгновение задержался на моей груди, где, как я знала, пуговицы на блузке с трудом удерживают ее застегнутой. Его глаза встретились с моими. – Беременность тебе определенно идет.

Руками я мертвой хваткой вцепилась в край стола, и мне стоило усилий разжать пальцы. Вздохнув, я перевела взгляд на свой живот.

– Джек, пожалуйста. Не надо.

– Не отгораживайся от меня. Не сейчас.

Я не слышала, как он встал со стула и сел на корточки рядом со мной, но теперь он был близко, касался моей щеки, вытирая слезу, которую я даже не помню, как пустила. Я не могла говорить, боясь, что разревусь, как маленькая девочка, которая упала и поцарапала коленку. Джек взял мои руки в свои. Электрический шок его прикосновения заставил мое сердце выделять коленица. Я сосредоточилась: вдох-выдох, вдох-выдох.

– Мелли, – продолжил он, – независимо от того, что произошло между нами или где мы сейчас находимся, нам нужно подумать о третьем человеке. Дело теперь не только в нас с тобой. Мы прекрасно работаем как одна команда – и нет причин, почему мы не можем отбросить наши чувства и работать вместе, чтобы произвести на свет здорового ребенка и дать ему или ей все самое лучшее, на что мы способны. Ты не выйдешь за меня замуж, но это не значит, что я не могу быть отцом нашему ребенку. Ты согласна?

Его большой палец потирал косточки моих пальцев, мешая моим мыслительным процессам. С самого первого момента, когда я встретила его, я не могла ясно мыслить, когда он был рядом. Это – и

пресловутое красное платье – было главной причиной моего нынешнего интересного положения.

Я кивнула, не в силах произнести ни единого слова, которое можно было бы истолковать как «Ты прав».

Он взял мои руки и, поднеся их к губам, поцеловал тыльную сторону каждой. Должно быть, со мной случился мини-инсульт, потому что я не помнила, стоял он или, положив руки мне на плечи, подтянул меня за собой.

Джек широко улыбнулся.

– Ты принимаешь правильное решение, Мелли. Не вижу причин, почему мы не можем действовать ради нашего ребенка как ответственные взрослые. – Его руки потирали мне плечи, и все, что я могла сделать, это не растаять у его ног. Между тем Джек продолжил: – Я буду координировать с тобой все твои дородовые мероприятия, потому что не хочу пропустить ни одного. И, конечно же, мы непременно запишемся на курсы Ламаза...

Я встрепенулась, стряхивая с себя оцепенение.

– Ламаза?

– Да, и на уроки грудного вскармливания, и еще нам нужно будет приобрести детскую кроватку...

Я опустилась на стул.

– Детскую кроватку?

Джек пристально посмотрел на меня.

– Да, детскую кроватку. Ты же не хочешь, чтобы наш ребенок спал в корзине Генерала Ли? Твою гардеробную можно на время превратить в детскую, а затем, когда ребенок подрастет, и одну из спален в коридоре...

Я чувствовала себя птицей, несущейся к стеклянному окну. Я собиралась родить ребенка. Однажды этот маленький человечек внутри меня захочет выйти наружу, и, возможно, ему понадобится собственное место. И куча одежек для крошечного тельца. Источник моей паники начинал складываться в моей голове в более четкую картину. Я быстро заморгала, глядя на Джека, и он умолк.

– С тобой все в порядке, Мелли?

Я кивнула, хотя и сомневалась в моем нормальном состоянии. При этом я чувствовала себя защищенной от столкновения с тем, к чему я

неслась; то, что мы с Джеком участвовали в этом вместе, наверняка смягчит неизбежный удар.

– И это еще одна причина, по которой я пришел к тебе сегодня. Мне потребуется дом побольше – жить с Нолой и ребенком в моей квартире будет тесно.

Я продолжала моргать и таращиться на него.

– Тебе что-то попало в глаз?

Я покачала головой, пытаюсь собраться с мыслями.

– Нет. Я просто... удивлена. Твоя квартира такая... твоя...

Я хотела сказать «такая холостяцкая» и «элегантная» или даже «хранит так много воспоминаний, особенно диван», но захлопнула рот.

– Именно. Но это просто больше не будет присутствовать в моей жизни, как отца барышни-подростка и маленького ребенка. Пора повзрослеть. – Джек улыбнулся, и я даже поверила, что он считает взросление не такой уж плохой идеей. Он был хорошим отцом для Нолы, и стоило мне представить его с крошечным младенцем на руках, как в моей груди что-то слегка оттаяло.

Я выпрямилась в кресле. Для упорядоченной и логичной части моего мозга его слова наконец обрели смысл.

– И ты хочешь, чтобы я помогла тебе найти для твоей новой семьи идеальный дом?

– Именно. Ты вечно твердишь мне, что ты лучший риелтор в городе. Я даже не буду просить скидку как друг и родственник...

Я покачала головой, не давая ему договорить.

– Это плохая идея, Джек. Не спорю, нам нужно найти способ сообща растить нашего ребенка, но я не думаю, что совместные поиски дома – хорошая идея.

Потому что всякий раз, глядя на тебя, я заново переживаю унижение, когда я была вынуждена произнести эти три коротких слова, но в ответ услышала от тебя лишь «извини».

– Но кто, как не ты, знает, что мне нужно? Наш сын или дочь по крайней мере половину времени будет жить со мной, и ты наверняка захочешь, чтобы его или ее окружали прекрасные стены. – Как будто на этом спор закончился, он продолжил: – Я хочу нечто по-настоящему большое и просторное, чтобы можно было устраивать грандиозные вечеринки по случаю дня рождения Нолы и нашего ребенка. И большой сад, в котором будет место для маленьких качелей – а может

даже место для небольшого плавательного бассейна для Нолы. Безусловно, нечто старое, даже историческое, с множеством архитектурных элементов и характером, чего не найдешь в современных особняках. Думаю, все спальни должны быть на одном этаже, желательно наверху, потому что, если ребенок будет плакать по ночам, я смогу быстро к нему подойти... – Он на миг умолк. – Почему ты ничего не записываешь?

– Я не давала согласия работать с тобой.

– Но ты согласишься.

Я нахмурилась.

– Откуда ты знаешь?

Он улыбнулся своей коронной ухмылкой, и я напряглась.

– Потому что между нами это всегда так работает. Я что-то говорю, ты говоришь «нет», я продолжаю говорить, как будто ты ничего не сказала, а потом в конце концов ты говоришь «да». – Его взгляд упал на мой округлившийся живот. – Порой результаты бывают самими неожиданными, но ты ведь не станешь отрицать, что путешествие было интересным.

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули.

– Джек...

Он потянулся через стол и взял меня за руку. Его голос стал серьезным.

– Пожалуйста, Мелли. Я бы это больше никому не доверил. Ты знаешь Нолу, и ты знаешь меня. Что еще важнее, ты будешь контролировать окружение нашего ребенка. Мы ведь оба знаем, что ты обожаешь держать все под контролем.

Он улыбнулся, смягчая язвительность своих слов. Наши взгляды встретились, и я на миг перенеслась в прошлое.

«Выходи за меня замуж, Мелли». Это был первый и единственный раз, когда он принял от меня отрицательный ответ. Но мы оба зашли слишком далеко, чтобы вернуться и проанализировать или задать вопросы. По крайней мере, не потеряв при этом частичку себя. Как две собаки, дерущиеся за кость, и я, и Джек умели цепляться за то, чем не умели делиться.

Понимая, что спорить с ним напрасная трата сил, я вздохнула.

– Ну хорошо. Предположим, тебе действительно нужен новый дом, и мне, вероятно, не понравилось бы, если бы ты выбрал другого

риелтора. – Меня охватило волнение – не только при мысли о том, что я вновь окажусь в своей профессиональной стихии, но и от осознания того, что я буду регулярно видеться с Джеком. Что успокоило меня и одновременно напугало.

Я снова вздохнула.

– Когда ты хочешь начать?

– Как можно раньше. Я сейчас на середине книги про Маниго, поэтому большую часть дней работаю дома, и у меня гибкий график. Думаю, номер моего мобильного у тебя по-прежнему на быстром наборе?

Этот хитрец отлично меня знал.

– Конечно. Если ты когда-нибудь понадобишься Ноле, пока она у меня, я просто обязана быть в боевой готовности.

– Это верно. – Он встал и, сжимая пакетик с конфетами, направился к двери. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не смотреть на возжеланный пакетик и не попросить хотя бы одну конфету. – Буду ждать твой ответ в ближайшее время.

Он открыл дверь и снова посмотрел на меня.

– Если захочешь заняться покупкой одежды для беременных, буду рад пойти вместе с тобой.

– Я всего лишь на третьем месяце, – возразила я, гордо выпрямившись в кресле. – Ничего не будет видно еще несколько месяцев.

Его улыбка не дрогнула, хотя он ответил не сразу.

– Разумеется. Тогда до свидания. – Джек шагнул за дверь и почти закрыл ее за собой, но затем резко распахнул ее снова. – Мелли?

Я оживилась. Он сейчас даст мне конфету, без всякой моей просьбы!

– Да?

– Знаешь, тебе действительно к лицу беременность.

Прежде чем я успела ответить, он закрыл дверь. Я же осталась сидеть, ловя ртом воздух, как получивший удар под дых боксер. Ощувив на груди прохладу, я посмотрела вниз, на свою блузку, которую тщательно застегнула этим утром. Интересно, как долго я просидела так, разговаривая с Джеком, с зияющей дырой в том месте, где расстегнулись пуговицы, обнажив мой простой – и слишком

тесный – белый кружевной бюстгальтер и широкое пространство кожи.

Я прижалась лбом к столешнице, наслаждаясь прохладой дерева, и задалась вопросом: в какой же момент моя некогда тщательно упорядоченная жизнь внезапно так сильно отклонилась от курса и почему при мысли о возвращении к той жизни меня охватывала такая паника?

Глава 4

Спустя несколько дней, положив ноги на недавно восстановленную чиппендейловскую оттоманку XVIII века, я сидела в парадной гостиной моего дома и пыталась сосредоточиться на моем ноутбуке. Я была в самой середине процесса подготовки портфолио возможных домов для показа Джеку – не слишком близко к Трэдд-стрит, но и не слишком далеко, – но меня постоянно отвлекал вид моих слегка опухших лодыжек, которые, словно шляпки мини-маффинов, выглядывали из-за края моих толстых носков.

Миссис Хулихан уже ушла, и в доме, если не считать тиканья старинных напольных часов и влажного звука вылизывающего себя Генерала Ли, царил тишина. Я не слышала детского плача с момента визита Джека, а также ничего не слышала от детектива Райли. Нет, я отлично знала: на истории останков и того, почему они обнаружались в моем фундаменте, рано ставить точку, но моим любимым занятием было отрицание, и я, сидя в тишине старого дома, успокаивала себя тем, что, возможно, на этот раз я права.

Генерал Ли вскинул голову и выжидательно посмотрел на темное фойе. Я понятия не имела, сколько ему лет, поскольку унаследовала его вместе с домом, но его слух был острее моего. Я проследила за его взглядом. Мне не терпелось заменить разбитую люстру, но я совершила ошибку, упомянув об этом в электронном письме Софи. Та потребовала, чтобы я обязательно дождалась ее возвращения из свадебного путешествия, чтобы она могла помочь мне найти исторически точную замену. Что на самом деле означало завышенную цену и непременный изъяс, который потребует обширной и дорогой реставрации – два слова, которые я слишком хорошо усвоила после переезда в дом номер пятьдесят пять на Трэдд-стрит.

Генерал Ли встал и, положив на спину пушистый хвост, направился к вестибюлю. Я закрыла ноутбук и прислушалась. Услышав на веранде легкие шаги, пес тихонько завыл, а когда раздался звонок в дверь, то завыл громче. У меня отлегло от сердца. Мертвые редко звонят в дверь, чтобы объявить о своем присутствии. Боясь поскользнуться в

одних носках, я прошла в вестибюль и, прежде чем открыть дверь, выглянула в боковое окошко.

– Нола! – воскликнула я, но мое приветствие утонуло в заливистом лае Генерала Ли. Этот поганец первым бросился к ней и, когда она опустилась на колени, чтобы его погладить, от души облизал слюнявым языком ей лицо. Нола рассмеялась и, вытянув шею, замотала головой, пытаясь избежать собачьих поцелуев, нацеленных на ее рот.

– Он не единственный, кто скучал по тебе, – сказала я, стараясь не выдать упрека в голосе.

Нола уткнулась лицом в пушистую шею пса, и ее темные волосы красиво блестели в свете крыльца. Когда же она подняла голову и посмотрела на меня глазами Джека, мне стоило немалых трудов не отвести взгляд. Нола выглядела как четырнадцатилетняя девочка, которой она и была, а не как беспризорник с черной подводкой для глаз в армейских ботинках и хмурым взглядом, что появился на моем пороге менее года назад.

Я даже заморгала, не веря собственным глазам, поняв, что на ней сегодня надето: юбка в пурпурно-бежевую клетку, серый пиджак и черные гольфы – даже если к последним с одной стороны были прицеплены булавки с пацификом. Придется спросить у Софи, кто подал Ноле эту идею.

– Ты уже пошла в школу?

Она улыбнулась отцовской улыбкой, и мое сердце как будто стукнулось о грудину. Я чуть было не открыла рот, чтобы порекомендовать ей вновь нанести боевую раскраску, чтобы не напоминать мне о ее неудачном «отцовстве».

Она наклонилась и поставила Генерала Ли на землю, где тот и остался, с обожанием глядя на нее.

– Ага. Уже несколько недель. – Она скрестила руки на груди и попыталась скрыть волнение, написанное на ее лице. – Это не полный отстой. Во всяком случае, кроме математики. Но мы с Олстон по французскому и математике в одном классе, так что в целом терпимо. – Она на миг умокла. – А еще я беру уроки фортепиано и вокала. Моя учительница советует мне пройти прослушивание в школьный мюзикл.

Она пожала плечами, как будто едва могла найти в себе силы даже говорить об этом.

– Думаю, я могла бы, если бы не занималась чем-то другим.

– Это прекрасно! – Я открыла дверь шире. – Заходи. Миссис Хулихан приготовила пирожные, о которых мне не положено знать, – наверно, для моего отца, Джека или кого-то еще, кроме меня, – а у меня есть около трех дюжин булочек с отрубями и брокколи из пекарни Рут, которые я еще не выбросила. Выбирай.

Прежде чем шагнуть внутрь, Нола оглянулась через плечо, резко остановилась и посмотрела вверх. Я проследила за ее взглядом – там с потолка все еще свисала цепь от разбившейся люстры. Еще не успев что-то сказать, она заметила мои натянутые пуговицы на блузке и отекавшие лодыжки.

– Тебя нужно отправить во все местные средние школы в качестве наглядного примера, к чему приводит беременность. Вроде тех картинок, на которых детям показывают почерневшие легкие курильщиков или гнилые зубы наркоманов.

– Спасибо, Нола, – сказала я, направляясь в кухню. – Если я вдруг решу сменить работу, я буду иметь это в виду. – Я толкнула кухонную дверь и включила свет.

Судя по тому, что мне рассказала миссис Хулихан, это была мечта повара – гранит и нержавеющей сталь. Поскольку я по-прежнему пребывала в неведении относительно назначения некоторых приспособлений, кроме посудомоечной машины и микроволновки, мне пришлось поверить ей на слово.

Лучше рассмотрев Нолу в свете кухни, я заметила на ее виске прядь зеленых волос, которую наверняка можно было полностью скрыть с помощью заколки. Я улыбнулась. Хотя на ней была школьная форма, Нола – она же Эммалин Амелия Петтигрю – по-прежнему была той же бунтаркой, которую я так любила.

Вытащив один из запечатанных пакетов из пекарни Рут – я все еще заглядывала к ней каждое утро в надежде на то, что она сжалится надо мной и бросит туда хотя бы один пончик, – я наклонилась к духовке и извлекла оттуда контейнер с пирожными, которые миссис Хулихан пыталась запрятать под противень. Очевидно, она работала у меня недостаточно долго и не знала, что у меня нюх ищейки и что моя беременность его только усилила.

Я жестом пригласила Нолу сесть, затем поставила на стол тарелки и салфетки, вместе с пирожными и бумажным пакетом, полным несъедобных булочек. Себе я взяла пирожное и положила его на тарелку, а пакет с кексами пододвинула к Ноле.

– Угощайся.

– А у тебя есть органическое соевое молоко? – спросила она и даже не повела бровью.

Я встала и наполнила два стакана – мои поиски нормального молока закончились разочарованием, – а когда вернулась, то заметила, что пакет с булочками остался нетронут, зато к уголку рта Нолы прилипла подозрительная крошка пирожного. Пристально глядя на крошку, я протянула ей салфетку.

– Рада слышать, что школа пришлась тебе по душе. Вряд ли твоя бабушка или моя мать пережили бы, если бы тебе там не понравилось. – Я покрутила в руках стакан молока, не зная, как мне задать следующий вопрос. – Как там... все остальное?

– Папа в порядке.

Я открыла рот, чтобы сообщить, что я спрашивала не о Джеке, однако тотчас закрыла его. Она бы поняла, что я лгу.

Нола отпила молока.

– Он все еще в шоке от того, что ты его отвергла, но он выжил. Он много работает над новой книгой, а в свободное время смотрит по телику все подряд эти глупые передачи про младенцев. И даже делает заметки. – При этих словах она дурашливо закатила глаза. – Вряд ли ты согласишься на естественные роды, поэтому я понятия не имею, почему он вообще вбил себе это в голову. – Нола умолкла, словно ожидая, что я опровергну ее, но я промолчала. – Но он очень хочет найти дом для семьи. Хотя я и сама не против получить чуть больше уединения. На прошлой неделе Олстон привела с собой своего старшего брата Купера – он первокурсник в Цитадели. Так отец минут пятнадцать мариновал его перед домофоном, рассматривая в видеокамеру, прежде чем впустил в дом. Мне было жутко неловко.

Мне стоило большого труда сохранить серьезное лицо. Я представила себе Джека в новой для него роли хранителя добродетели его дочери, ведь будучи подростком, он и сам был объектом такого же повышенного внимания. И не без оснований. Я посмотрела на

упавшую на стол крошку. Интересно, смогу ли я схватить ее, чтобы Нола не заметила?

– Он определенно ищет что-то более просторное – с множеством комнат и большим садом. И чтобы это было не слишком новое и с историческим характером – это такой мягкий способ сказать, что дом будет высасывать кучу денег, – и чтобы все спальни были на одном этаже, предпочтительно наверху.

Я вздохнула.

– Он настолько требователен, что я не уверена, что смогу найти все, что он хочет, в одном доме, поэтому ему придется пойти на компромисс...

Нола странно посмотрела на меня.

– Что такое?

Она медленно покачала головой.

– Ты эксперт, Мелли, так что тебе виднее. Но я уверена, что ты сможешь найти хотя бы один дом, отвечающий всем его условиям. Просто дай мне достаточно места, чтобы папа каждую секунду не дышал мне в спину. – Она широко улыбнулась. – Я бы хотела спальню на первом этаже, а если на втором, то чтобы рядом было дерево или мягкая живая изгородь под окном.

Настала моя очередь закатить глаза.

– И я подумала, что должна предупредить тебя, что папа изучает разные курсы для беременных. – Я откусила пирожное и закрыла глаза, радуясь тому, что съела что-то вкусное и не почувствовала позывов к рвоте. По крайней мере, когда я проснусь утром, меня хоть чем-то стошнит.

– Я совершенно не собираюсь ходить на занятия для беременных. Не волнуйся, я это скажу ему сама. – Я откусила еще один кусок пирожного и принялась медленно жевать, в упор глядя на свою гостью. Возможно, причиной тому было ее сходство с отцом, но меня не оставляло ощущение, что ее визит имел скрытые мотивы.

Я прищурилась, глядя ей в глаза.

– Не то чтобы я не рада видеть тебя. Но мне просто интересно, что привело тебя сюда сегодня вечером. У тебя все в порядке? – Я на миг умолкла. – Или... твоя мама вернулась?

Мать Нола, Бонни, покончила с собой в Калифорнии, где они тогда жили. Что и стало причиной неожиданного появления Нола в

Чарльстоне и в жизни ее отца. Но незаконченные дела держали Бонни рядом с Нолой, пока мы с мамой наконец не отправили ее к свету. Она покачала головой.

– Нет. В смысле, не совсем. Я всегда чувствую ее рядом. Вот. – Она прижала к сердцу кулак, и я почувствовала, как вездесущие слезы жгут мне глаза. – Но я ее больше не вижу, и никто не переставляет мою мебель и все такое прочее. Просто...

Я, затаив дыхание, ожидала, что она скажет дальше. Нола глубоко вздохнула.

– Помнишь, когда умерла Джулия Маниго?

Дух мертвого отца Джулии пытался меня убить. Такое не забывается.

– Да, – медленно сказала я, стараясь не задерживать дыхание.

– Она завещала мне свой рояль.

По моей коже пробежала щекотка облегчения.

– Это же прекрасно! Перед смертью она попросила меня проследить, чтобы ты продолжала тренироваться. Теперь тебе будет гораздо проще это делать. – Она улыбнулась, но все равно казалась напряженной, как будто хотела что-то сказать. Я подалась вперед. – И?..

– В квартире отца нет места для рояля.

Нола продолжала улыбаться. Мне почему-то пришло в голову, что мы обе думаем о гостинной в моем доме. Недавно я пожертвовала Чарльстонскому музею всю мебель – включая рояль, – которую унаследовала вместе с домом, мечтая превратить комнату в свой новый домашний офис. Я даже уже начала работать с Амелией Тренхольм над дизайном и попросила ее заняться поиском новой мебели. Я покачала головой, но тут раздался короткий стук по стеклу кухонной двери. Мы обернулись. На заднем крыльце стоял Джек. Его темные волосы блестели в свете уличного фонаря.

– Я открою, – сказала Нола, отодвигая свой стул, чтобы впустить Джека внутрь. Генерал Ли, увязавшийся за нами на кухню, восторженно тьякнул и бросился на Джека с тем же энтузиазмом, что и на Нолу. Джек наклонился, чтобы почесать ему пузцо. Тем более что пес заранее любезно перевернулся на спину.

– По крайней мере, один член этой семьи знает, как меня поприветствовать.

Я осталась на месте и украдкой сдвинула салфетку, чтобы спрятать крошки на моей тарелке.

– Странно, что ты просто не воспользовался своим ключом и не вторгся сюда, как к себе домой.

Ни о чем не спрашивая, Джек подошел к кухонному столу и сел.

– По какой-то причине мой ключ не вошел в замок на входной двери.

Я на миг растерялась, а затем вспомнила, что после первой недели, когда он мне не звонил, в припадке вредности я сменила все замки. Чтобы не отвечать, я сделала глоток молока.

– Я не спрашиваю, почему ты здесь, потому что я слишком рада видеть Нолу, и мне не интересно, кто ее привел. Но ты мог бы подождать в машине. Поработай над своей улыбкой в зеркале заднего вида.

Не обращая на меня внимания, Джек повернулся к дочери.

– Ты ее уже спрашивала?

– Про пианино? Еще нет, но мне понятно, к чему она клонит.

– Я, ммм, не совсем уверена...

– Это ненадолго, – перебила меня Нола, – пока ты не найдешь дом для папы и меня. Честное слово, мне очень хочется иметь пианино, на котором я могу играть в любое время, когда только пожелаю, и я не хочу ходить в дом на Монтегю-стрит, потому что он меня пугает. И кто знает, кем будут новые владельцы? Они того гляди скажут, что пианино является частью дома, и не позволят мне его забрать. – Выражение горя и отчаяния в ее глазах было достойно премии «Оскар». Больше не в силах смотреть на несчастное лицо Нолы, я поспешила перевести взгляд на Джека.

– И ты слышала, как играет Нола, – вмешался Джек. – У нее врожденный талант, так что ее игра вряд ли будет тебя раздражать. Ты можешь дать ей ключ от дома, чтобы она могла приходить и уходить, не беспокоя тебя.

Я покосилась на пирожные. Если честно, я бы не отказалась от еще одного.

– Я только что избавилась от хорошего пианино. На нем никто не играл, и его попросил себе музей. Мне же нужен домашний офис. Очень тяжело работать в гостиной без письменного стола. Стоит мне

разложить мои бумаги на диване и стульях, как Генерал Ли либо устраивается спать на них, либо принимается их жевать.

Я посмотрела на них, ожидая увидеть сочувствие. Но увидела лишь две пары одинаковых голубых глаз и ямочек на щеках. Это был взгляд, призванный сломить любую, даже железную волю, а умноженный на два, делал отказ практически невозможным.

– А мне нельзя подумать об этом? – с надеждой спросила я.

Выражения их лиц не изменились.

Я пристально посмотрела на них, взвешивая в уме все «за» и «против». Было бы неплохо видеть Нолу регулярно, и в доме звучала бы музыка. Когда в течение первых нескольких месяцев после приезда в Чарльстон Нола жила со мной и моей матерью в доме на Легар-стрит, она развлекала нас своей гитарой и пением, хотя и не ставила перед собой такой цели. Когда она вернулась к Джеку, первые дни я наслаждалась тишиной и покоем: для того чтобы быть услышанной, мне больше не нужно было перекрикивать ее стереосистему. Но мне не хватало звука ее голоса и гитары.

– Я работаю над новой песней, – тихо сказала Нола, – и Джимми Гордон с нетерпением ее ждет и хочет услышать ее, как только я закончу. – Ее лицо вновь стало похоже на мордочку бассет-хаунда. – Но я никогда не закончу, пока у меня не будет своего пианино.

Нола и ее мать вместе написали песню «Глаза моей дочери». Теперь песня была продана поп-звезде Джимми Гордону для его последнего альбома, и ее крутили на всех радиостанциях. Это был тот самый успех, о котором мечтала Бонни, когда переехала в Калифорнию, но так и не смогла достичь.

Я выпрямилась.

– Откуда ты знаешь, что Джулия завещала тебе пианино? Я знаю, что она также кое-что завещала и мне, но я не слышала ни слова от распорядителей наследства.

Улыбка Джека сделалась еще ярче.

– У меня есть собственный источник в лице Ди Давенпорт, ее экономки. Той, что так щедро поделилась документами семьи Маниго для моей книги.

Я нахмурилась.

– Крупная блондинка, та, что делает Санта-Клаусов? Эта Ди Давенпорт?

Его улыбка осталась на месте.

– Она самая. Я ей нравлюсь.

Я посмотрела в потолок и вновь помолилась, чтобы у меня была дочь. Я с трудом представляла себе, как бы я вырастила мини-Джека, способного ухаживать за женщинами любого возраста, комплекции и цвета волос.

– Ди нашла за зеркалом в холле новое завещание, а также распоряжения мисс Джулии, дающие мне для работы над моей книгой доступ к семейным документам. Она рассказала мне о пианино.

– Она упомянула, что именно оставила мисс Джулия мне?

Джек и Нола переглянулись.

– Детскую кроватку, – сказал Джек после короткой паузы. – Ту, что принадлежала ее семье на протяжении многих поколений.

– Детская кроватка? Но как она узнала... – Я не договорила и сделала большие глаза. Ну конечно же! Она узнала о моей беременности тем же сверхъестественным образом, каким я узнала о завещании за зеркалом в холле, чтобы рассказать о нем Ди. Но я не горела желанием обсуждать телефонные звонки от мертвых. Я вздрогнула, вспомнив последние слова, сказанные мне мисс Джулией перед тем, как в трубке воцарилось молчание.

«Ты сильнее, чем думаешь. У тебя скоро будет повод об этом вспомнить».

Я откинулась на спинку стула, благодарная за то, что наследство было всего лишь кроваткой, а не целым полуразрушенным домом. Мне невольно подумалось, что это выглядело бы гораздо лучше как гараж. Да и пользы тоже было бы больше.

– Какая жалость, у меня уже есть колыбелька... я видела ее на чердаке, когда поднималась туда с представителем санитарной службы по поводу голубей. Она практически погребена под грудой мебели и старой одежды и, вероятно, жутко грязная. Но она есть, если мне вдруг понадобится антикварная колыбель, в чем лично я сомневаюсь. А что насчет дома? Какая бедная душа вынуждена иметь дело с этим альбатросом?

– Она оставила его Эшли-Холлу, – пискнула Нола, – но им решать, будут ли они продавать его или используют для каких-то школьных целей. Это довольно далеко от кампуса, так что, кто знает? Вот почему я хочу быть уверена, что мое пианино никто не тронет.

Они оба вновь посмотрели на меня, зная, что я уже пыталась увести разговор от темы фортепиано. Словно читая мои мысли, Джек достал из контейнера пирожное, положил его мне на тарелку и пододвинул ближе ко мне.

– Оно постоит здесь до тех пор, пока ты не найдешь для нас дом, над чем, я уверен, ты уже работаешь.

Я откусила пирожное и, пока жевала, сделала вид, будто думаю. Но, похоже, для них, как и для меня, уже было очевидно, что я не смогу сказать «нет».

– Ну хорошо, – сказала я, запив пирожное соевым молоком. – Думаю, мой домашний офис может немного подождать. Просто дайте мне знать, на какую дату и время вы закажете грузчиков, чтобы я могла внести это дело в мой календарь.

Джек выразительно кашлянул.

– Вообще-то они доставят его сюда завтра в восемь утра.

Нола отодвинула стул и взглянула на свое пустое запястье, на котором я раньше не замечала часов.

– Ого, посмотрите на время. Я должна успеть сделать домашнее задание по английскому.

Джек потянулся и притворно зевнул.

– Я тоже устал. Я писал весь день, и от этого плавится мозг. – Как истинный джентльмен, он наклонился и поцеловал меня в щеку. – Не вставай. Мы выйдем сами. Увидимся завтра, в восемь часов.

Они уже почти шагнули к кухонной двери, когда Нола сказала:

– Не забудь переставить пирожные, чтобы миссис Хулихан не заметила, что каких-то нет.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но меня опередил оглушительный грохот где-то наверху. Генерал Ли заскулил и бросился к своей собачьей постели, где моментально зарылся мордой в мягкую подушку.

– Оставайтесь здесь, – приказал Джек Ноле и мне, но едва он шагнул в кухонную дверь, как мы обе последовали за ним через холл и поднялись вверх по лестнице. Мы все трое остановились в коридоре второго этажа, глядя на чердачную дверь, зияющую, словно открытый рот. Я всегда держала ее запертой, и ее нельзя было открыть изнутри.

Мы посмотрели друг на друга, на наше морозное дыхание, как будто стояли на улице январским утром, а не в доме в конце лета. Все

втроем мы осторожно сделали пару шагов вперед, чтобы взглянуть на чердачную лестницу. И снова застыли на месте. Я несколько раз моргнула, желая убедиться, что вижу то, что, как мне казалось, я вижу. На самой верхней ступеньке, неким чудом вытасченная из-под груды старой мебели и хлама, виднелась старинная колыбель. Ее силуэт резко выделялся в тусклом свете раннего вечера на фоне окна.

– Круто, – прошептала Нола. Ее темно-синие глаза не выражали страха.

Затем откуда-то позади нас раздался детский плач. Негромкое хныканье эхом отразилось от оштукатуренных стен и высоких потолков старого дома, вызвав глубоко в моей утробе, где обитал, защищенный от внешнего мира ребенок, легкий озноб. Джек протянул руку и положил ладонь мне на живот, впервые коснувшись нашего ребенка. Наши взгляды встретились в смеси страха и ожидания, как будто мы наконец поняли, что эта новая жизнь крепко связывает нас и что мы столкнулись с чем-то большим, чем рассчитывали.

Глава 5

Почувствовав, что машина остановилась, я открыла глаза. Манеру вождения моей матери, медленную и с вечными рывками, было слишком трудно воспринимать с открытыми глазами. Я бы с радостью сама села за руль или пешком отправилась в «Хомини Гриль» на встречу с Софи, но моя мать, пропустившая большую часть моего детства и юности, начала воспринимать меня как стеклянную куклу, ничего не умеющую делать самостоятельно.

– Интересно, есть ли у них камердинер, – сказала моя мать, заглушив двигатель. Ей удалось припарковаться у тротуара в переулке, всего в двух кварталах от ресторана на Ратледж-авеню.

– Ничего, как-нибудь дойду сама.

Она с видимой неохотой выключила зажигание.

– Тебе не стоит ходить на каблуках в твоём положении. Твои лодыжки не были бы такими опухшими, если бы ты упрямо не надевала в такую жару эти туфли. Кстати, я нашла тот пакетик картофельных чипсов, спрятанный в кухонном мусорном ведре. Весь этот натрий тоже не на пользу.

Я отстегнула ремень безопасности.

– У меня есть лишь крошечные промежутки, когда меня не тошнит, и я отказываюсь тратить их на еду со вкусом древесной коры. – Я открыла дверь с моей стороны и, чтобы не слышать ее ответ, вылезла из машины.

Мать догнала меня на тротуаре.

– И мне кажется, у Генерала Ли эмпатическая беременность. Он стал слегка толстоват.

– Неправда. Он просто пушистый. И ширококостный. А если и набрал несколько лишних фунтов, то лишь потому, что я не могла его выгуливать – слишком жарко. И у меня все время болят ноги.

Она многозначительно посмотрела на мои туфли, но самосохранение вынудило ее промолчать. Мы как раз подходили к главному входу в легендарную парикмахерскую, обшитую красным сайдингом, а теперь превращенную в ресторан, когда я услышала, что меня кто-то окликнул.

Я повернулась и увидела, что ко мне с протянутыми руками бросилась моя лучшая подруга. Сколь бы часто я ни видела доктора Софи Уоллен, ее наряды всякий раз заставляли меня остановиться и задуматься, как она может быть моей лучшей подругой. Сегодня ее темные волосы для разнообразия были распущены, кудряшки подпрыгивали вокруг лица и плеч, а щеки обрамляли светло-коричневые, выцветшие на солнце пряди. С головы до ног она была одета в выкрашенные домашним способом вещи, включая легинсы, но за исключением клетчатого шарфа, который Софи накинула на шею, как ожерелье. Ноги украшали вездесущие «биркенстоки», и я была рада увидеть, что, по крайней мере, ее ногти на ногах не подверглись окрашиванию в чане с краской.

– Мелани! – радостно взвизгнула она, заключив меня в медвежьи объятия, которые, как ни странно, заставили меня почувствовать себя гораздо лучше, еще раз напомнив мне, почему мы с Софи были лучшими подругами. Отстранив меня на расстояние вытянутой руки, она одарила меня пристальным взглядом. Ее улыбка мгновенно исчезла, а сама она прищурилась. – Ты не слишком хорошо выглядишь. Как ты себя чувствуешь?

Моя мать шагнула вперед.

– У нее ужасное утреннее недомогание, и она накапливает воду, как арбуз.

Софи отпустила меня, чтобы моя мать могла поцеловать ее в обе щеки.

– И ее кожа вся в прыщиках, как у подростка.

– Между прочим, я вас слышу, – сообщила я, глядя на мою мать и на теперь бывшую лучшую подругу. Обе обернулись и посмотрели на меня с одинаковым выражением жалости. Проигнорировав их взгляды, я открыла дверь в ресторан. – Хочу есть! – крикнула я через плечо, не заботясь о том, последуют они за мной или нет.

Нас быстро усадили за деревянный стол рядом с передним окном, нижняя половина которого была прикрыта кружевной занавеской. Я была голодна как волк, но не потому, что не позавтракала. Проглотив несколько соленых печенюшек, я наконец смогла поднять голову с подушки и, ощутив настоящий голод, позволила миссис Хулихан разогреть для меня одну из булочек с брокколи, с каплей масла наверху. Булочка задержалась в моем желудке почти на три минуты.

Терзаемая голодом олимпийского пловца, я изучила меню и заказала сладкий чай, суп из крабов, маленькую тарелку с жареной курицей, кукурузный хлеб и рагу из креветок и риса, после чего была вынуждена объяснять ошеломленному официанту, что это заказ не на весь стол. Выбор Софи был скромней: овощная тарелка – все исключительно от местных фермеров – и большой стакан воды с лимоном. Моя мать заказала суп и салат, и ни та ни другая не ответила на мой воинственный взгляд.

Стремясь отвлечь разговор от моих диетических привычек, я повернулась к Софи.

– Ну и как тебе супружеская жизнь? Как прошел медовый месяц? Надеюсь, ты захватила фотографии.

Софи застенчиво заправила волосы за ухо, не обращая внимания на то, как они тотчас же выскочили обратно.

– Медовый месяц был просто потрясающим, и я очень рекомендую семейную жизнь. – Она слегка покраснела. Я пристально посмотрела на нее, гадая, что, кроме выцветших на солнце волос, кажется мне другим. Ее глаза сверкали, а кожа практически сияла. Будь на месте Софи Уоллен кто-то другой, я бы заподозрила, что она только что сделала химический пилинг и чистку лица, две вещи, которым – я знала это наверняка – она никогда не подвергла бы свою кожу.

– Ты выглядишь настоящей красавицей, – сказала моя мать, вторя моим мыслям и явно не обращая внимания на наряд Софи. – Супружеская жизнь определенно тебе на пользу.

Та одарила меня многозначительным взглядом.

– Серьезно, – сказала я. – Что ты используешь сейчас для своей кожи? Я видела младенцев с кожей похуже.

Моя мать села прямее и, слегка вздохнув, прижала руки ко рту.

– Что такое? Я чего-то не знаю? – Я растерянно перевела взгляд с Софи на мать, а затем снова на мою подругу.

– Я беременна! – почти выкрикнула Софи.

– Ты беременна? – крикнула я в ответ, отчего другие посетители повернули головы в нашу сторону. Она кивнула. Ее кожа светилась розовым, как созревший персик.

– Но как?.. – Я жестом указала на ее сияющее лицо, узкую талию и изящные лодыжки.

– По-моему, это обычное дело, Мелли, – нахмурилась моя мать.

– Я имею в виду, как ты можешь так выглядеть... и быть беременной?

Их улыбки слегка потускнели. Они пристально посмотрели на меня, стратегически глядя мне в глаза, а не на мое покрытое пятнами лицо, распухшие лодыжки или неудобно натянутую на колени юбку.

Моя мать положила руку поверх моей.

– Все беременности разные, Мелли. Меня всю мою беременность тобой выворачивало наизнанку, и я почти не набрала веса. Зато большую часть времени я была зеленой, а мой бюст просто не помещался в бюстгальтер. Но через несколько лет, когда Амелия была беременна Джеком, она выглядела потрясающе – она как будто светила, а то, что она беременна, можно было определить лишь по маленькому животику спереди.

– По-твоему, мама, это должно помочь мне почувствовать себя лучше? Ты не только напомнила мне, что Джек моложе меня, но и дала понять, как я буду себя чувствовать и как буду выглядеть все девять месяцев. – Я не сомневалась: окружающие могли видеть, как мои гормоны проносятся над столом струями радужного фонтана, и поспешила подавить рыдание.

Наш официант приблизился с кувшином воды, но, заметив мою кислую физиономию, быстро изменил курс.

Софи взяла меня за другую руку и сочувственно ее пожала.

– Вот увидишь, как только твои гормоны успокоятся, ты почувствуешь себя намного лучше, а как только ты почувствуешь себя лучше, ты будешь лучше выглядеть. – Она улыбнулась, и я заметила, что даже ее зубы стали белее. – И не забывай, как важно питание, не только для ребенка, но и для тебя самой. Твой врач уже дал тебе литературу о том, что тебе следует есть?

Я тупо рассматривала белую салфетку у меня на коленях, как будто это внезапно стало важнейшей целью моей жизни.

– Мелли? – спросила моя мать.

– Я умираю от голода, – сказала я, выискивая взглядом нашего официанта. – Надеюсь, они быстро принесут мне суп.

– Мелли? – повторила она. Ее голос повысился на тон выше, и официант вновь отступил назад. – Ты еще не обращалась к врачу? Обратиться к врачу никогда не рано, тем более если учесть твой возраст.

Я шлепнула ладонями по столу.

– Спасибо, мама. Может, ты сможешь мне найти врача, специалиста в области гериатрического акушерства.

– Мелли, не говори чушь...

Софи подняла руку.

– Ты что... уже на третьем месяце?

Я посмотрела на нее.

– Если честно, я об этом пока не думала.

– Но ведь ты, конечно, знаешь, когда зачала? – не унималась Софи.

– Я на минутку отлучусь, ладно? Мне нужно припудрить нос.

Моя мать ласково улыбнулась нам, встала и направилась в туалет. Мы обе посмотрели ей вслед.

– Похоже, ей не хочется знать подробности, – сказала Софи. – Вроде того, как ты не хочешь признать, что твой отец практически живет в ее доме на Легар-стрит.

– Фу, – сказал я, чувствуя, как возвращается утренняя тошнота.

– Именно. – Софи придвинула свой стул чуть ближе к столу. – Итак, я предполагаю, что ты зачала в ночь своего дня рождения. – Она принялась считать на пальцах, начиная с большого пальца – я всегда находила это странным и в то же время милым. – То есть сейчас у тебя примерно два с половиной месяца беременности. Самое время найти хорошего гинеколога. Одна коллега дала мне список всех местных врачей, которые работают с акушерками и отдают предпочтение домашним родам без наркоза. Буду рада поделиться...

– Нет, – сказала я, не желая больше ничего слышать. – Я согласна с тем, что мне следует заняться поисками врача, который поможет мне родить моего ребенка. И мне немного неловко признаться, что я впервые поймала себя на том, что мне может понадобиться чья-то помощь – в основном потому, что сама я не в состоянии сделать себе эпидуральную анестезию, которая мне понадобится в третьем триместре. Но я не собираюсь рожать дома и уж точно не сделаю этого без наркоза.

Несколько мгновений Софи растерянно моргала.

– Ну что ж. Я сохраню свой список при себе. Но мне кажется, тебе стоит хотя бы подумать об альтернативе...

– Нет, – твердо сказала я и, чтобы смягчить мой резкий тон, поспешила добавить. – Но спасибо. Как ты помнишь, когда мне

прокалывали уши, я упала в обморок. Я хочу быть без сознания примерно с восьми месяцев и до того момента, когда ребенок начнет спать всю ночь, не просыпаясь.

По лицу Софи промелькнула таинственная улыбка.

– Думаю, тебя ждет сюрприз.

Я уже собралась заспорить, но тут к столу вернулась моя мать. Официант наконец решился-таки подойти к нам еще раз со стаканом воды и корзинкой хлеба. Игнорируя недоуменные взгляды моих обеих соседок по столу, я намазала маслом кукурузный хлеб и вновь повернулась к Софи.

– Хотела заранее предупредить тебя, что тебе позвонит детектив Томас Райли и станет расспрашивать про историю моего дома на Трэдд-стрит и Вандерхорстов. Я сказала ему, что ты эксперт.

Софи нахмурила брови.

– Не имею ничего против, но почему?

Прежде чем ответить, я сделала глоток сладкого чая.

– Похоже, что работы с фундаментом обнажили не только старые кирпичи и раствор.

Вытаращив глаза, Софи подалась вперед, словно старатель, который только что нашел золото.

– Что? – спросила она почти благоговейным тоном.

– Останки младенца. И что-то похожее на крестильное платье и кружевной чепчик... мы пока не получили окончательного заключения. – Мать наклонилась вперед и шепотом добавила: – Мелли слышала детский плач, и не очень приятный призрак дал о себе знать.

– Джозеф Лонго? – прошипела Софи.

Я покачала головой.

– Нет. Он определенно ушел. Это... кто-то другой. Кто-то, кто был разбужен, когда останки ребенка были найдены.

– Значит, они связаны между собой, – сказала Софи почти себе самой.

– Мы тоже так думали, – добавила моя мать, вытирая салфеткой уголки рта.

– А вчера на чердаке произошел небольшой инцидент.

– Инцидент? – переспросили они в унисон.

– Колыбель, которая до этого была погребена под тяжелой мебелью и ящиками, была передвинута на верхнюю ступеньку лестницы.

– Колыбель? – спросила Софи, прищурившись. – Она сделана из черного ясеня с закрученными шпинделями и полозьями в форме эгреток?

Я в упор посмотрела на нее.

– Да, точно. Откуда ты знаешь?

– Потому что в конце прошлого семестра я была в Чарльстонском музее с группой моих студентов и видела ее там. Она называлась «колыбель семьи Вандерхорстов». В городе так много Вандерхорстов, что я не смогла сказать, принадлежала ли она твоим.

– Они не мои, – поправила ее я. – Но это действительно похоже на ту самую колыбель. Вдруг, когда их покупали, была акция «две по цене одной», – пошутила я, намазывая маслом новый кусок хлеба. Когда Софи упомянула о второй колыбели, в моем горле мгновенно застрял холодный комок страха, и мне срочно требовалось поднять настроение, чтобы не потерять аппетит.

– Может быть множество причин, почему их две, – сказала Софи. – Вероятно, нам стоит совершить экскурсию, чтобы это проверить. Вдруг что-нибудь прояснится.

– Она за стеклом? – спросила моя мать.

Я с удивлением посмотрела на нее.

– Ты ведь не станешь это трогать, верно?

Она была той, кого люди называли «сверхчувствительной». Ей было достаточно прикоснуться к вещи, чтобы пообщаться с призраками тех, кому та когда-то принадлежала. Правда, последние два раза этот дар едва не убил ее.

– Я могла бы, если это способно помочь. Хотелось бы, по крайней мере, на это взглянуть.

– Вы и Софи можете пойти. Как вы знаете, я не хожу в музеи.

Мать и Софи понимающе кивнули, отлично зная, что мое отвращение к музеям не имеет ничего общего с неприязнью к истории – в большей степени виной тому упрямые призраки, которые никак не желали расставаться с любимым платяным шкафом. Или колыбелькой.

Официант принес наш заказ. Жадно набросившись на мою тарелку риза с креветками, я вновь повернулась к Софи.

– Как бы то ни было, я сказала детективу Райли, что ты эксперт по Вандерхорстам и моему дому, но ему нужно подождать, пока ты не вернешься из свадебного путешествия. Даже если велась какая-то

нечестная игра, думаю, преступникам это сошло с рук, и никаких арестов не последует.

– Несомненно. – Наморщив лоб, Софи замерла над своей вегетарианской тарелкой и погрузилась в задумчивость. – У тебя есть мысли на тот счет, как долго там находились останки?

– Нет, – сказала я. – Они пытаются определить это сейчас. Почему?

– Мне нужно покопаться в моих файлах, но я знаю, что примерно в середине девятнадцатого века в доме был произведен ремонт. Если бы я хотела что-то спрятать, причем так, чтобы никто этого не нашел, проще всего было заложить это нечто кирпичом в фундаменте дома.

Я с растущим беспокойством посмотрела на Софи. Не скажу, что находка останков ребенка в фундаменте моего дома стала для меня неожиданностью, но тот факт, что кто-то намеренно или даже злонамеренно спрятал их там, заставил меня зябко поежиться.

Софи сделала длинный глоток воды.

– Я это изучу и дам вам знать. – Она на мгновение замерла, размышляя. – Зачем кому-то понадобилось прятать тело мертвого младенца?

Мы все молчали, взвешивая возможности, и ни одна из них нас не вдохновила.

Когда мать заговорила снова, ее голос прозвучал еле слышно:

– И на что они готовы, чтобы сохранить свой секрет?

Я посмотрела на мою тарелку. Аппетита как не бывало.

– Почему мертвые не могут оставаться мертвыми? – спросила я почти шепотом.

Мать взяла меня за руку.

– Потому что им нужна твоя помощь.

Я почти слышала пронзительный рев плачущего младенца, а сама думала про падающую люстру, а также силу, необходимую для того, чтобы сдвинуть колыбельку к верхним ступеням лестницы. Я подняла глаза и, встретившись с матерью взглядом, поняла: наши мысли совпадают. Внезапно мне стало очень, очень страшно.

Глава 6

Спустя два дня, выходя за дверь, я остановилась, чтобы взять со столика в холле ключи от машины и случайно поймала в венецианском зеркале девятнадцатого века свое отражение. К этому времени я уже уяснила, что все усилия, необходимые для того, чтобы встать с постели и дотащить до зеркала, никогда не будут вознаграждены, независимо от того, сколько макияжа я использовала. Пока не придуман макияж для пухлой, пятнистой кожи, мне лучше оставаться в неведении и просто наносить тушь, помаду и пудру, сидя на кровати, подальше от любых отражающих поверхностей.

Я уставилась на свое отражение и потянула за верх куртки, в надежде прикрыть мое недавно округлившееся декольте. У нас с Джеком была назначена встреча для осмотра наших первых домов, и, хотя я не хотела переусердствовать с тем, как я выгляжу, мне также не хотелось, чтобы Джек с испуганным криком убежал от меня в ближайший лес. Поэтому я надела мою любимую куртку с молнией спереди, полагая, что так мне будет легче удерживать бюст без этих надоедливых пуговиц, которые имели привычку в самый неподходящий момент выскакивать, как пробка из бутылки шампанского.

Я наклонилась вперед, чтобы рассмотреть то, что никак не могло быть очередным прыщиком на подбородке, как вдруг отчетливый звук удара по клавише рояля заставил меня обернуться. Я скользнула глазами по прихожей и прилегающим комнатам, затем вверх по лестнице, выискивая пятно мерцающего воздуха. Но не увидела ничего, кроме расписанных вручную китайских обоев, восстановление которых обошлось мне в астрономическую сумму, и треснувшего гипсового медальона на потолке, с которого свисала хрустальная люстра. К счастью, Софи еще не заметила трещину, иначе мне пришлось бы выписать еще один астрономический чек.

Думая, что просто вообразила себе звук, я слегка расслабилась, но он послышался снова, правда, на этот раз на другой ноте, чуть выше. Я медленно-медленно подошла к комнате, которая должна была стать моим кабинетом, и замерла у порога. Огромный черный рояль

выглядел точно так же, как и в доме Джулии Маниго. Но как только я сделала вдох, и мои легкие замерзли, я поняла: я здесь больше не одна.

«Я сильнее тебя», – мысленно сказала я, повторяя мантру, которой научила меня моя мать и которую мы не раз использовали в прошлом году.

Мной овладело знакомое желание напеть мелодию группы «АББА», чтобы заблокировать все, что этот дух мог мне сказать. Кто бы он ни был, он должен сдаться и оставить меня в покое. Я заколебалась, думая о своей матери. Она считала, что мы с ней получили наш «дар» для того, чтобы помочь заблудшим духам перенестись в свет, и какая-то часть меня даже начала с ней соглашаться. Но сейчас, стоя одна в моем доме наедине с призраком, который отказывался становиться видимым и ронял на людей люстры, я засомневалась.

– Привет! – сказала я, и мое морозное дыхание облачком поплыло в комнату. Кто бы это ни был, нужно, чтобы он ушел. В моей жизни и без того слишком много сложностей. – Я знаю, что ты там. Ты прячешься, но я могу сказать. – Я глубоко вздохнула, игнорируя все, чему меня учила мать, в слабой надежде на то, что, возможно, этого призрака будет легко прогнать. Я видела, как работает эта техника в одном из захватывающих шоу, которые любила смотреть Нола, так что она должна была сработать и сейчас. Я откашлялась.

– Это мой дом, и я хочу, чтобы вы ушли. Ищите свет и следуйте за ним.

Я прислушалась, но различила лишь тиканье напольных часов в коридоре. Я почти убедила себя, что чувствую, как температура возвращается к норме, и была готова погроzić себе кулаком, когда невидимая рука нажала на пианино другую клавишу, а мне в лицо обрушился поток ледяного воздуха, который превратился в одно слово: «Мое».

Я вскрикнула и повернулась, чтобы броситься к входной двери, но обнаружила, что меня крепко держит пара сильных мускулистых рук. Я тотчас перестала кричать и брыкаться. Мой разум и тело мгновенно поняли: я в безопасности, это Джек, и мне больше не нужно ничего бояться. Холодный воздух полностью рассеялся, и мне внезапно стало жарко.

– Что случилось? – спросил он, почти касаясь губами моего уха.

Я прижалась головой к его груди. Если честно, я была готова простоять так целую вечность.

– Кто-то... что-то... играл на пианино.

– Хорошо играл?

Я дернулась и отстранилась.

– Я рада, что ты находишь это забавным, Джек, но это немного пугало... даже меня. Как будто в мой дом вторглись незваные гости, и мне это не нравится.

– Если ты помнишь, здесь и раньше водились привидения.

Я растерянно моргнула. Он, безусловно, прав, и на миг я даже не поняла, почему сейчас все по-другому.

– Наверно, потому, что я воспринимаю этот дом как свой. В то время как раньше...

– Он был больше похож на прыщ на мягком месте.

– Ты, как всегда, красноречив, Джек.

– Я бы поблагодарил тебя, но это не мои слова. Я дословно цитирую тебя.

Я не стала спорить с ним – в основном потому, что опасалась, что он прав и это действительно мои слова. Я лишь встала руки в боки и в упор посмотрела на него.

– Как ты сюда попал? – Я опустила взгляд на его ноги, где сидел счастливый Генерал Ли. Я погрозила ему пальцем. – Тоже мне, сторожевой пес! Почему ты не дал мне знать, что в дом вошел кто-то посторонний?

– Возможно, потому, что он чувствует во мне своего, – сказал Джек, протягивая новенький ключ от дома. – Нола одолжила мне свой ключ. Она хотела, чтобы после того, как мы посмотрим другие дома, я зашел сюда и взял кое-что из ее нот, которые она оставила на скамеечке для пианино, но поскольку я проезжал мимо... – Он пожал плечами и отправил в мою сторону улыбку, призванную сразить меня наповал.

Я ответила ему ухмылкой типа «Не старайся, на меня это не действует» – что было не совсем правдой – и сказала:

– В следующий раз, пожалуйста, позвони в дверь.

– Я звонил. Похоже, звонок опять не работает.

Я застонала, но ногой не топнула. Я уже потратила эквивалент ВВП небольшой страны, пытаюсь поддерживать звонок в рабочем состоянии, но соленый воздух и влажность Чарльстона как будто

сговорились против старых дверных звонков. Большинство моих соседей к югу от Брод-стрит отлично знали: если на звонок в дверь никто не откликнулся, постучите разок и смело входите внутрь.

Я посмотрела на часы.

– Я только позвоню в офис, сообщу, что мы выезжаем. – Я бросила Джеку ключи. – Иди к машине и включи кондиционер. Мне нужно найти сумочку и телефон.

Он остановил меня.

– Вообще-то я надеялся, что сяду за руль сам. У меня новая машина.

– Новая машина? Ты продал свой пикап?

– Я никогда не продам его, кроме как для того, чтобы купить новый. Кажется, я уже говорил тебе, что парню из Южной Каролины просто положено иметь пикап.

Я понизила голос до тона приглушенного благоговения.

– Ты продал свой «Порше»?

– Ну да, – ответил он со своей обычной сногшибательной улыбкой на лице.

– И что ты купил взамен? – спросила я, выходя на крыльцо, и обвела взглядом улицу в поисках чего-то красного и итальянского.

– Иди, заberi свои вещи, и я тебе покажу. Но только, чур, закрой глаза. Это сюрприз.

Терзаемая любопытством, я отбросила подозрительность и закрыла глаза. Крепко взяв меня за руку, Джек помог мне спуститься с крыльца и повел по дорожке к тротуару.

– Теперь можешь открыть глаза, – сказал он и отпустил мою руку, когда я это сделала. Я обвела глазами Трэдд-стрит в поисках чего-то иностранного, длинного и низкого, но ничего не увидела.

– Где он?

Джек похлопал по водительской двери автомобиля прямо передо мной с наклейкой фирмы-продавца на заднем стекле.

– Вот она, моя маленькая красotka. – Я несколько раз моргнула. Машина была иностранной – японской – и определенно красной. Но не длинной и не низкой.

– Это минивэн, – сказала я.

– Ну да. Я не могу вместить детское кресло в «Порше», а в моем грузовике нет всех функций безопасности, которые необходимы, если

я собираюсь возить ребенка. – Он потянул за дверной рычаг, и вся боковая панель медленно открылась. – Двери защищены от заземления. Они не закроются, если что-то мешает, а все сиденья кожаные – так легче смыть пролитый яблочный сок. Здесь также есть встроенное детское сиденье, когда ребенок вырастет из автокресла.

Глаза Джека сияли. Он говорил быстро, словно подросток, впервые взявший в руки журнал «Плейбой».

– И еще зацени вот это. – Он откинулся на спинку сиденья и нажал кнопку. – Это DVD-плеер, поэтому Джека-младшего можно будет развлекать по дороге на турниры по гольфу – Нэнси Флаэрти обещала нам бесплатные уроки – и футбольные матчи Каролины. Разумеется, только образовательные программы. Никакого насилия, нецензурной брани или чего-то не соответствующего возрасту.

Я на секунду подумала, не попала ли я, часом, в некую альтернативную вселенную. Но все, что я смогла сказать, было:

– Джек-младший?

– Ну, это просто мысль. У нас есть время подумать. При желании его можно сократить до ДМ. – На мгновение я отвлеклась от ярко-красного минивэна.

– Вообще-то это может быть девочка. – Я посмотрела на его оживленное лицо: его волнение ничуть не утихло. Мое сердце сжалось.

– Конечно. И я был бы счастлив иметь еще одну дочь. Но я подумал, что неплохо иметь и дочку, и сына.

Я скрестила на груди руки.

– А ты придумал для нее имя?

– Я подумал, а не назвать ли нам ее в честь твоей бабушки, раз ты ее так любила. Сара – хорошее, звучное имя. Хорошо подойдет и для генерального директора компании, и для президента страны.

Он улыбнулся, и мои колени слегка смягчились.

– Джек-младший – тоже президентское имя?

Джек пожал плечами.

– Возможно. Но ему необязательно быть президентом или управлять компанией. Он будет иметь достаточно авторитета и влияния исключительно благодаря своему обаянию. Это наша семейная черта. – Он нахально подмигнул.

Я покачала головой, пытаюсь ее прояснить, затем исподтишка скользнула взглядом вдоль улицы, ища телекамеры или Эштона Кутчера, который бы сказал мне, что я лоханулось. Я снова повернулась к Джеку.

– Ты поменял свой «Порше» на минивэн. И ты уже дал имя ребенку.

Я ощутила легкий укол того, что могло быть только ревностью. Мои мыслительные процессы едва дошли до той точки, когда я начала склоняться к тому, что, возможно, мне пора покупать одежду для беременных. Джек же, вероятно, уже начал заказывать экскурсии в колледжи.

Джек взял меня за руку, и искра тока, пробежавшая до самого плеча, вернула меня к реальности.

– Давай садись. Это действительно приятная поездка.

Джек открыл для меня пассажирскую дверь, помог мне сесть и не спеша перешел к водительскому сиденью. Затем, закрыв дверь, начал превозносить замечательные особенности фургона. Я слушала вполуха, так как завороженно наблюдала за ним. Такого оживленного лица я не видела у него... с той самой ночи, когда мы зачали ребенка. Я бы ни за что не призналась в этом, но эта совершенно новая сторона Джека меня возбуждала. Я закрыла глаза и покачала головой, гадая, скажутся ли гормоны на моем мышлении в течение всех девяти месяцев беременности.

Поняв, что он задал мне вопрос, я вздрогнула.

– Извини, что ты сказал?

– Тебе также следует подумать о приобретении новой машины. Если ей больше трех лет, значит, там нет всех последних функций безопасности. Вообще-то я по своей инициативе уже устроил небольшую автомобильную охоту. Загляни в бардачок, увидишь там несколько брошюр.

Движимая скорее любопытством, нежели раздражением, я открыла бардачок и вытасила брошюру. И растерянно вытаращила глаза на фото на обложке.

– Ты хочешь, чтобы я водила универсал?

– Не просто универсал – универсал «Вольво». Стильно и безопасно. В нем достаточно места и для автокресла, и для твоих клиентов.

Он улыбнулся своей коронной улыбкой, и мое сердце вновь сделало сальто.

– Так ты думаешь, мне не нужен еще и минивэн? – пошутила я, но только наполовину.

– Я подумал, что одной машины для нашей семьи хватит, а ты?

Семья. Это слово застало меня врасплох. У меня перехватило горло, и я не могла выдавить ни звука. Чтобы как-то отвлечься, я взглянула на свой мобильник – нет ли там пропущенных сообщений или звонков.

– Куда поедем? – спросил Джек. Я растерянно подняла глаза, пытаюсь вспомнить, почему мы оба сидим в красном минивэне перед моим домом.

– В «Ай-Он». Это в Маунт-Плезанте. Так называемый новый городской ТЖК.

– ТЖК? – спросил Джек.

– Традиционный жилой квартал, – объяснила я. – Множество тротуаров, веранд, магазинов и ресторанов, и все в нескольких минутах ходьбы. Знаю, это не к югу от Брод-стрит, но дома здесь красивые, точные копии многих исторических домов, за исключением того, что новые. Из нескольких открывается красивый вид на озеро и реку, и у всех есть просторный двор. Ты упомянул качели и бассейн... в самом Чарльстоне этого не найти. – Я не стала добавлять, что этот ТЖК расположен довольно близко ко мне, хотя и не слишком.

Джек нахмурился.

– Мне действительно хотелось что-то старое, пусть даже дом придется немного довести до ума, чтобы я мог оставить на нем свой личный отпечаток. Я даже не стал бы возражать против парочки привидений.

Наши взгляды на мгновение встретились, после чего он вновь посмотрел на дорогу.

– Будь осторожен в своих желаниях, – пробормотала я.

– Может, для начала посмотрим что-нибудь на Трэдд-стрит?

Я, как могла, постаралась, чтобы мой голос не прозвучал слишком сдавленно.

– Ты это серьезно, Джек? Всякий раз, когда мы оказываемся слишком близко, это заканчивается катастрофой.

Джек покосился на мой живот, а потом встретился со мной взглядом.

– Не всегда.

Я покраснела и отвернулась.

– Давай просто посмотрим те два новых дома. Все, о чем я тебя прошу, постарайся быть непредвзятым.

Зажужжал мой айфон, и я, прежде чем ответить, посмотрела на экран.

– Алло. Мелани Миддлтон слушает.

– Здравствуйте, мисс Миддлтон. Это детектив Райли. Надеюсь, я не застал вас в неподходящий момент. – Его голос был низким, бархатистым, очень южным и очень приятным для слуха.

Я взглянула на Джека.

– Нет, совсем нет. Я чем-то могу помочь?

– Вообще-то я звоню вам, чтобы сообщить кое-какие новости. Похоже, лаборатория получила предварительные результаты по найденным в вашем доме останкам.

– Ничего себе! Так быстро? Когда мы в последний раз нашли останки, мы ждали результатов гораздо дольше.

– В последний раз?

– Ну, не я лично. Они были найдены в лодке, принадлежавшей моей семье, которая затонула в гавани во время Чарльстонского землетрясения. Старая история. То же самое и с двумя телами, зарытыми под моим фонтаном.

– Понятно, – сказал он. – Значит, вы просто магнит для старинных останков.

Эх, знал бы он хотя бы половину правды!

– Включите меня в штат, и у вас тотчас не останется нераскрытых убийств.

– Что ж, это идея. – Он помолчал. – Послушайте, может, мне сообщить новости вам лично? Я сейчас как раз в вашей части города. Может, за чашкой кофе?

Я взглянула на Джека. Он с такой силой сжимал руль минивэна, что костяшки его пальцев побелели. Вряд ли в замкнутом пространстве салона он слышал каждое слово моего разговора, но, по крайней мере, вполне мог понять, что звонивший явно был мужчиной.

– Вообще-то, – сказала я, повернувшись спиной к Джеку и глядя в боковое окно, – у меня сейчас клиент, и боюсь, что большую часть дня я буду занята показами домов.

Я была в нерешительности. Томас Райли мне нравился. Более того, я была готова даже признать, что нахожу его привлекательным. А он неким извращенным образом находил нечто привлекательное во мне. Но он не был Джеком. И он также в ответ на мое признание в любви не сказал «Извини» или не попросил меня выйти за него замуж только потому, что я была беременна.

Я откашлялась. Я просто обязана уйти от того жалкого создания, в которое я превратилась, даже если это означало расстаться с Джеком.

– Как насчет ужина?

В голосе детектива мне послышалось удивление.

– Я только за. Как вам итальянская кухня?

– Вообще-то я ее обожаю.

– Отлично, я знаю потрясающий ресторан на Кинг-стрит, если вы не против. Могу я заехать за вами в шесть?

– Прекрасно. Но, детектив Райли...

– Пожалуйста, зовите меня Томас.

– Ну хорошо. Томас, сначала просветите меня по поводу того, что вы там нашли. Я просто не смогу дождаться вечера, чтобы все услышать.

Он тихо рассмеялся, и мне понравился его смех.

– Похоже, останки принадлежат мальчику, но поскольку иных фактов слишком мало, это лишь предположение. Кости пролежали там больше века – если не почти два. Я позвонил вашей подруге, доктору Уоллен-Араси, попросил ее помочь определить время, когда в доме могли происходить строительные работы. И из того, что удалось установить, ребенок, скорее всего, был новорожденным. К сожалению, установить причину смерти будет практически невозможно.

Я нервно сглотнула.

– То есть это мог быть мертворожденный или умерший естественным образом вскоре после рождения.

– Конечно. Или нет. – Он умолк, давая мне возможность добавить недостающие части. – Обычно умерших естественной смертью не зарывают в фундаменте домов.

– Разумно. Есть что-то еще про платье и чепчик?

– Да. Они сшиты из очень тонкого полотна, поэтому большая часть ткани истлела. Одежда, похоже, намного старше останков. Но воротник платья, сшитый из другого материала, практически цел. Нам повезло, потому что кто-то шелковыми нитками вышил на нем имя. Сьюзан Бивенс.

– Есть идеи, кто это?

– Нет, но я надеялся, что вы или доктор Уоллен-Араси знаете.

Я взглянула на Джека. Он все еще сжимал руль мертвой хваткой, въезжая на мост Артура Равенеля, соединяющий Чарльстон с Маунт-Плезант.

– У нас... у меня есть знакомая, которая работает в исторических архивах. Я могу попросить ее посмотреть.

– Отлично. – Он глубоко вздохнул. – Кажется, я рассказал вам почти все. Вы еще не раздумали со мной поужинать?

Я почти чувствовала, как глаза Джека прожигают дыры в моем затылке.

– Нет. Буду с нетерпением ждать.

– Тогда увидимся в шесть. Я знаю адрес.

Мы попрощались, и я сунула телефон обратно в сумочку.

– Так о чем нам нужно поговорить с Ивонной?

Нам. Это слово не ускользнуло от меня, так же, как и напряжение в его голосе.

– О крестильном платье, которое нашли вместе с детскими останками. Оно, похоже, старше самих останков, а на воротничке вышито имя – Сьюзан Бивенс. Тебе это ни о чем не говорит?

Джек покачал головой.

– Нет, но Ивонна, пожалуй, могла бы сказать. Я могу позвонить ей прямо сейчас и попросить о встрече. Когда ты свободна?

Еще совсем недавно я была убеждена, что, если мы с Джеком расстанемся, так будет лучше для всех. Но потом я подумала о том, что он продал свой «Порше» и купил минивэн, а также о том, как здорово мы с ним умеем разгадывать загадки, и испытала сомнение. А потом он посмотрел на меня своими голубыми глазами, и от моей решимости ничего не осталось. Я начисто забыла, что он меня не любит и что, если я не буду осторожна, он, наверное, вновь разобьет мне сердце. Но, как лемминг, бросающийся вниз со скалы, я не могла остановиться.

– Четверг довольно свободный день, – сказала я, стараясь не поежиться при воспоминании о моем почти пустом календаре. – Во сколько угодно... только не в начале дня. Мне нужно время, чтобы мой желудок успокоился.

Он улыбнулся той улыбкой, которая тотчас сказала мне, что он знает, что выиграл, затем нажал кнопку на рулевом колесе, чтобы набрать номер.

Мы переезжали гигантский вантовый мост, и я смотрела на реку Купер. Нам навстречу, лавируя против течения, двигался парусник с высокими мачтами и трепещущими на ветру парусами. Над ним, словно нервная птица, колыхался американский флаг, которому, как мне показалось, не хватало всех звезд. Я села прямо и впиалась в него глазами: верхняя мачта была явно слишком высока, чтобы без повреждений проскользнуть под мостом. Я уже было хотела крикнуть, но корабль со всеми людьми, парусами и флагами распался и исчез в тумане времени, откуда он и появился.

– С тобой все в порядке? – спросил Джек.

Я кивнула, не в силах солгать вслух, улыбнуться и сказать, что в том, чтобы на регулярной основе видеть мертвых людей и верить, что мы с Джеком можем просто оставаться друзьями, нет ничего из ряда вон выходящего.

Я отвернулась к боковому окну и, чтобы больше не лгать, закрыла глаза.

Глава 7

Я стояла в своем тихом чарльстонском саду, спиной к розам Луизы и фонтану, над которым нависли длинные ветви старого дуба. Веревочные качели все еще свисали с древних ветвей, покачиваясь где-то на периферии зрения. Даже точно зная, что мистер Вандерхорст ушел навсегда, я поймала себя на том, что напрягаю слух, чтобы услышать скрип веревки о кору дерева, пока одинокий маленький мальчик ждет там свою мать.

Я смотрела на раскуроченный фундамент моего дома, обнесенный неоново-желтой лентой, и груды мусора там, где был обнаружен ящик с останками. Дом был полон призраков, которые были готовы мирно жить каждый в своем углу, а меня оставить в покое, и мы по возможности сторонились друг друга. Но дух, пробудившийся после находки останков, был не из их числа.

Я вздрогнула, вспомнив слово, ледяным дыханием ударившее мне в ухо. «Мое». Что она имела в виду? Хотя я ее не видела, но вместе с ледяным холодом чувствовала: это явно была женщина. По какой-то причине это только усугубило ситуацию. Уж слишком легко было связать разъяренную женщину и останки младенца.

Я закрыла глаза. Мысли вертелись в моей голове, словно белка в колесе. С возрожденным усердием я начала покупать и читать все книги о беременности и раннем детстве, какие только могла найти, включая те, что дал мне Джек. Среди всех этих бодрых наставлений в духе «только грудное вскармливание» или «только естественные роды», было также более чем достаточно информации о физических изменениях после родов, сексе после рождения ребенка (я легко пропустила эти главы), сочащемся из груди молоке и послеродовой депрессии.

Мать заверила меня, что с последним у нее не было проблем, и это меня утешило. Но стоило мне вспомнить мертвого младенца и разгневанный призрак женщины, как я невольно задалась вопросом.

Я отвернулась, моя утренняя тошнота, похоже, грозила повториться. Мой взгляд скользил по ухоженным кустам и дорожкам партерного сада, плодам трудов моего отца. Хотя изначально сад был

спроектирован известным ландшафтным архитектором Лутрелом Бриггсом, мой отец воскресил его в качестве подарка мне на новоселье, что также дало ему цель и занятие, пока он посещал собрания анонимных алкоголиков.

Прищурившись, я зорким взглядом риелтора осмотрела большой угловой участок и сад и вдруг поняла: да ведь тут есть место для небольшого бассейна и качелей – именно то, чего хотел Джек! Накануне мы посмотрели несколько участков, но Джек счел все дома слишком «новыми». Я сделала мысленную заметку, что нужно посмотреть угловые участки в исторических кварталах Чарльстона – кроме тех, что расположены к югу от Брод-стрит.

– Мелли? – Я обернулась и увидела рядом с кухонной дверью Нолу.

– Привет, Нола, – сказала я и с улыбкой шагнула к ней. Была суббота, поэтому вместо школьной формы на ней был эклектичный наряд: легинсы, фиолетовые кроссовки, джинсовая юбка, школьная футболка с нашитыми вручную аппликациями в виде пацифика и шарф с цветами радуги, – кстати, последний пугающе напоминал тот, что я видела на Софи, – искусно обмотанный вокруг шеи. Они с Софи делали покупки в одних и тех же магазинах, но у Нолы хотя бы имелся намек на стиль, которого Софи явно не доставало. Впрочем, она этого не замечала.

– Суперский прикид, – сказала она.

Я посмотрела на свою мешковатую футболку, которую стащила из ящика отца, и такие же мешковатые белые брючки капри со шнурком на поясе, которые из жалости подарила мне миссис Хулихан. По ее словам, когда-то они принадлежали ее дочери, но у меня возникло ужасное подозрение, что они на самом деле принадлежали самой миссис Хулихан.

– Спасибо, – сказала я. – У меня пока не было времени приобрести одежду для беременных.

– Была занята, показывая дома моему отцу?

Нола прищурила голубые глаза и бросила взгляд на сад. Похоже, она думала о том же, что и я.

– Это да. А еще я много читаю о беременности и родах. Мне нравится быть в курсе. – Я не стала упоминать тот факт, что я также начала составлять таблицу еженедельных изменений в моем теле и ребенке. И главное, я умолчала о том, что мой прогнозируемый вес по

истечении девяти месяцев – при условии, что я буду прибавлять с той же скоростью, что и в первые два – будет в два раза больше веса моего тела перед беременностью.

– С тобой все ясно. Теперь я буду слышать все эти противные вещи про беременность и от тебя, и от моего отца. Хотя я могла бы прожить долго и счастливо и без таких слов: «плацента» или «послед». В смысле, если меня не угораздит влюбиться и выйти замуж, а затем завести собственного ребенка. Необязательно в таком порядке, – сказала она, скользнув по мне взглядом.

Наслаждаясь прохладой кондиционера, я вошла в кухню.

– Ты завтракала? – спросила я, чтобы сменить тему.

Встав в дверях кладовой, я протянула руку к коробке с глазированными пончиками. Я тайком положила их туда после того, как миссис Хулихан уехала на выходные.

– Ага. Я просто пришла спросить, можно ли мне примерно часик попрактиковаться на фортепиано?

Мой взгляд задержался на коробке органических картонных кукурузных хлопьев, которые мне дала Софи, и на книге рецептов домашнего детского питания – ни то ни другое у меня не было ни малейшего намерения использовать.

– Конечно. Как только я закончу завтракать, я сяду с ноутбуком в гостиной, чтобы закончить кое-какую работу. Мне нравится слушать твою игру, так что ты мне не мешаешь.

– Отлично. – Вместо того чтобы уйти, она села на один из кухонных стульев и скрестила на груди руки. С внутренним вздохом взглянув на прощание на пончики, я взяла коробку хлопьев и поставила ее на стол.

– Кстати, неплохо бы настроить рояль, – с улыбкой сказала она. – Три ноты залипают, и это действует на нервы. Должно быть, это из-за переезда, потому что в доме мисс Маниго все клавиши отлично работали.

– Хорошо. Я поищу тюнер. – Я подумала о пончиках в кладовой и с надеждой посмотрела на Нолу. – Ты будешь сегодня заниматься?

– Да. Они только иногда залипают.

подавив вздох, я достала миску и ложку и нехотя вытащила пакет соевого молока.

– Как прошло твое свидание с детективом Райли? – спросила она, когда я повернулась к ней спиной.

Я растерянно обернулась.

– Это никакое не свидание. Мы просто говорили о делах. И вообще, как ты узнала про детектива Райли?

Она пожала плечами и принялась ковырять черный лак на ногтях.

– Просто слышала, как папа разговаривает по телефону с бабушкой. – Она посмотрела на меня глазами Джека. – Вид у него был не слишком счастливый.

Я села напротив нее и залила хлопья молоком. Мне отчаянно хотелось узнать больше, но я и без того знала: то, что Нола пытается сказать мне, не имеет ко мне ни малейшего отношения. Сосредоточившись на чашке хлопьев с молоком, я сказала, напряженно глядя в свою миску:

– Ты же знаешь, что независимо от моих отношений с твоим отцом, тебе всегда здесь рады. Ты для меня как дочь, и так будет всегда. Я всегда буду с тобой рядом.

Она закатила глаза к потолку, но я успела заметить в них влагу.

– Как скажешь, – буркнула она, отодвинула стул и встала.

Зазвонил телефон, но я, как всегда, проигнорировала его, доливая молоко в хлопья, и, мысленно приготовившись, сунула в миску ложку.

– Ты не собираешься отвечать?

Я в замешательстве посмотрела на Нолу, и лишь затем поняла, о чем она говорит.

– На звонок? Нет. Я никогда не беру трубку домашнего телефона, потому что это всегда какая-нибудь реклама. Все, кому это нужно, знают номер моего мобильного.

– Тогда зачем он тебе?

Не донеся ложку до рта, я в упор посмотрела на нее.

– Хороший вопрос. Нужно будет подумать на досуге.

Нола снова закатила глаза.

– Позже, – сказала она и вихляющей походочкой Джека вышла из кухни.

Не успела я устроиться в гостиной в своем любимом кресле с чашкой кофе без кофеина (моя заначка настоящего кофе, очевидно, была обнаружена и утилизирована), как раздался звонок в дверь. Я застонала. Похоже, звонок в дверь срабатывал на свое усмотрение.

Нола была занята разучиванием гамм и не слышала. Что делать? Пришлось подняться со стула и проковылять к двери. Розовое мерцание за матовым стеклом тотчас подсказало мне, кто это. Я уже было собралась тихонько отступить и спрятаться, но у Генерала Ли были свои планы. Он начал бросаться на дверь и громко скулить.

– Мелани? Это Ребекка. Ты дома? Никак не пойму, исправен твой дверной звонок или нет.

Я посмотрела на брючки капри от миссис Хулихан и отцовскую футболку и поняла, что добром это не кончится. Смирившись со своей судьбой, я открыла дверь. Моему взгляду, словно этакое розовое видение, предстала моя кухня, Ребекка Эджертон. Ярко-розовый сарафан и розовый свитер из хлопка, элегантно накинутый на плечи. На шее, подчеркивая нежный загар, нитка белого жемчуга. А у ее ног, соединенная с Ребеккой тонким розовым поводком, сидела миниатюрная версия Генерала Ли. Правда, эту версию украшали такие аксессуары, как усыпанный стразами розовый ошейник и крошечные розовые бантики на обоих ушах. Генерал Ли тотчас подскочил к маленькой собачке, и они начали как безумные тереться носами и нюхать друг у друга под хвостом.

Ребекка потянула за поводок. Ее идеальные черты исказила брезгливая гримаска.

– Пуччи – плохая девочка. Это проявление дурных манер.

– Пучи? – повторила я, надеясь, что ослышалась.

– Нет, П-У-Ч-Ч-И – как имя итальянского модельера. Раз уж Генерал Ли меня так сильно любит, я подумала, а не завести ли мне собственную собаку. И, видишь? Генералу Ли приятно иметь сестричку.

Я с сомнением посмотрела на своего пса. Сестричка – это явно не совсем то, о чем он думал. Затем я перевела взгляд на кухню – пусть и дальнюю – и до меня дошло: завести собаку – это почти то же самое, что самому выбрать на свое усмотрение родственников.

Не дожидаясь приглашения, Ребекка проскользнула мимо меня в холл. Пуччи преданно скакнула за ней следом, изящно вертя попкой, что, я даже не сомневалась, было призвано соблазнить моего пса. Я взяла Генерала Ли и погладила его по голове, просто давая ему понять, что не все женщины суки.

– Тебе что-то нужно? – спросила я, закрывая за собой дверь. С момента моей бурной сцены с Джеком, когда он заявил мне, что мне известно, почему его книга потеряла издателя, – и чему Ребекка была свидетельницей, – я избегала ее, желая стереть из памяти эту сцену. Похоже, ее это ничуть не смущало.

Ее взгляд медленно скользнул по моим пушистым тапочкам, мешковатым капри и гигантской футболке, и в конце концов остановился на моем лице, как бы говоря: «О, как низко пали великие».

– Надеюсь, что не все беременности выглядят так, иначе человечество давно бы вымерло. – Она медленно покачала головой. – Знаешь, если ты хочешь вернуть Джека, тебе придется постараться. Ему нравится, когда его женщины стройны и ухоженны.

Она широко улыбнулась, как будто олицетворяя идеальную женщину Джека. Я же задумалась, смогу ли я обвинить гормоны беременности в любых физических актах насилия, совершенных против другого человека.

– Спасибо, Ребекка, как всегда, за твою пронизательность. И если ты пришла лишь затем, чтобы поздороваться, давай поскорее покончим с этим. Меня ждет работа.

– Как ты можешь работать в таком грохоте? – спросила она, мотнув головой в сторону музыкальной комнаты.

– Нола практикуется, и, по-моему, очень даже неплохо. Мне нравится ее слушать.

Ребекка выгнула бровь, совсем как Скарлетт О’Хара в эпизоде на вечеринке для Эшли. «Интересно, – подумалось мне, – была ли моя кузина в числе тех подростков, которые практиковали в зеркале этот взгляд? И знала ли она, что, когда повзрослеет, у нее останется постоянная морщина?» Ладно, пусть разбирается в этом самостоятельно.

Она повернулась и зашагала по коридору в дальнюю часть дома.

– Пойдем в кухню. Пуччи нужна вода. А нам с тобой – поговорить.

«Дар» Ребекки – или как бы вы его ни назвали – заключался в ее снах, в которых будущее разыгрывалось в ярких красках. Я уже собралась спросить у нее, что она видела, но мое внимание привлекла вспышка света на ее левой руке, когда она потянула за поводок. Не успев схватить ее за левую руку, я последовала за ней на кухню.

– Что это?

Она растопырила передо мной пальцы, чтобы я могла лучше рассмотреть огромный камень в платиновой оправе на ее среднем пальце.

– От Марка. Мы решили пожениться.

В животе у меня зашевелился мой завтрак. Не скажу, что я сожалела о том, что мы с Марком Лонго расстались – он мне даже не особо и нравился, особенно после хитрой сделки, имевшей целью украсть историю Джека. Дело даже не в том, что я ревновала Ребекку, которая была моложе, красивее, стройнее – а теперь и помолвлена.

На моем пальце могло быть кольцо Джека. В конце концов, он сделал мне предложение. Просто ее жизнь была такой... размеренной. А моя то и дело взлетала в воздух, как булавы жонглера. По крайней мере – хотя я отказывалась поверить, что думаю об этом, – у меня есть мой дом. Он был единственной постоянной вещью в моей жизни, которая уж точно никогда не перестанет нуждаться во мне. Эта мысль успокоила меня, и я улыбнулась.

– Поздравляю, – сказала я и наклонилась, чтобы поцеловать ее в щеку. – Когда свадьба?

– Мы все еще прорабатываем детали, но дата назначена на двадцать второе марта. Мы еще не выбрали церковь, но уже забронировали для приема «Альгамбру» – ты даже не представляешь, насколько сложно это было сделать! И я бы хотела, чтобы ты была моей подружкой невесты. – Ребекка просияла, как будто только что объявила о моей канонизации.

– Я... э-э-э... ребенок родится примерно в тех же числах...

– О, ты будешь просто очаровательна, беременная, там, у алтаря. В общем, будем считать, что ты согласна!

Я заморгала. Интересно, неужели помолвка влияет на женщин так же, как беременность, удаляя честь клеток мозга?

– А вдруг?..

Меня оборвал ее истошный крик.

– Пуччи! Ты ведь приличная девочка!

Я обернулась и увидела, что Генерал Ли пытается взобраться на спину маленькой собачки, и та, похоже, особо не возражает. Ребекка взяла свою любимицу на руки.

– Неужели моя девочка не может обойтись без домогательств? Надеюсь, Генерала Ли в свое время кастрировали.

– Понятия не имею. Если ты не забыла, я получила его в наследство.

– То есть ты даже не проверяла?

– Конечно нет. Кроме того, по-моему, он слишком стар для таких подвигов.

Ребекка поджала губы и глубоко вздохнула.

– Можно мне воды, Мелани? Я умираю от жажды.

Я села за стол.

– Конечно. Кстати, налей тогда заодно и мне.

Со злущим взглядом она швырнула Пуччи мне на колени и достала из кухонного шкафчика два стакана. А когда вернулась с водой, оставила собачку у меня на коленях. Ребекка сидела, держа спину ровно, как будто на ней был корсет. А может, он и вправду на ней надет? Меня это бы совсем не удивило.

– Ты когда-нибудь отвечаешь на звонки, Мелани?

– Только по сотовому. Думаю, мне пора избавиться от стационарного телефона. Я уже сегодня разговаривала на эту тему.

– А как насчет телефонных сообщений в офисе? Ты когда-нибудь отвечаешь на них?

Я на мгновение задумалась.

– Если это потенциальный или реальный клиент, то всегда. Если он есть в моем списке тех, с кем я не хочу разговаривать, администратор знает, что такое сообщение принимать не стоит. Я хорошо выдрессировала Нэнси Флаэрти. – Нэнси обычно действовала согласно правилам, за исключением Джека. Я всегда получала его сообщения, хотела я их получать или нет.

Ребекка сделала глоток воды.

– Есть ли в твоем списке репортеры?

– В самом верху. Прямо под страховыми агентами и теми, кому нужен показ.

– Что ж, это многое объясняет. Одна из моих коллег, Сьюзи Дорф, пыталась заполнить тебя.

– Я никогда не разговариваю с журналистами, разве ты забыла? Я говорю с тобой только потому, что ты родственница.

Ребекка вновь выгнула бровь, и я со злорадством отметила, что морщинка на ее коже остается даже после того, как она ее опустила.

– Что ж, я рада, что пришла. Она готовит большой материал для воскресного выпуска газеты «Пост энд курьер». О мистере Вандерхорсте.

– Мистере Вандерхорсте? Моем мистере Вандерхорсте?

– О нем самом. Все, что ей нужно знать, – что ты решила сделать с домом. В завещании говорилось, что ты должна прожить в нем год, прежде чем сможешь его продать. Прошло уже больше года.

Я растерянно уставилась на нее. Как я могла забыть? С того самого момента, как я прочитала условия завещания мистера Вандерхорста, я считала дни, когда наконец я смогу снять с шеи эту обузу и избавиться от нее навсегда. Но где-то в процессе ремонта полов, замены сантехники и штукатурки на стенах, а также укрепления просевшего фундамента, это вылетело у меня из головы. Потому что среди этих дел, почти скрытых ежедневными заботами о деньгах и новых ремонтах, затаились мой прекрасный сад, ростомер маленького мальчика, нацарапанный на стене гостиной, умиротворяющий запах пчелиного воска и вздохи всех, кто жили и любили в этом доме и так и не смогли попрощаться с ним.

– Я пока не знаю. У меня было полно других забот. – Я погладила мой живот. – Мне не было острой необходимости продавать его через год. Да и вообще, я могу продать его в любой момент. Я еще не решила для себя.

Ребекка послала мне понимающий взгляд.

– Не знаю, Мелани. Если хочешь знать мое мнение, ты в нем увязла. Этот дом... он как ты. Станный и своеобразный, и, несмотря на возраст, все еще может хорошо выглядеть, если над ним потрудиться.

«Интересно, – задумалась я на мгновение, – осудят ли меня присяжные в составе двенадцати беременных женщин определенного возраста?» Пучки подняла голову и посмотрела на меня, не слезая с моих колен. Ее круглые карие глаза были полны тревоги.

Я разжала кулаки.

– Это все, Ребекка? Я должна вернуться к работе.

Она встала и взяла на руки свою собачку.

– Почти. Я обязательно передам Сьюзи то, что ты мне сказала, на тот случай, если это понадобится ей для статьи.

– Давай, как угодно. Что-то еще? – Я встала и направилась к кухонной двери.

– Я видела сон.

Я тут же застыла на месте.

– О чем?

– Сон про колыбель. Вообще-то две колыбели. И там была женщина, но она стояла ко мне спиной. Не думаю, что это была ты... она была очень миниатюрной. Но у меня сложилось впечатление, что она на что-то злилась. Мне было интересно, вдруг ты знаешь, что все это значит.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как на костях натягивается моя кожа.

– Такое впечатление, что все прямо-таки помешались на колыбелях, – сказала я как можно беспечнее. – У нас на чердаке есть старая колыбелька Вандерхорстов, и, похоже, Джулия Маниго оставила мне еще одну в своем завещании.

Ребекка прищурилась и нахмурила брови. Ей это не шло, и я заметила, что, когда она заговорила, морщинки между ее бровями не разгладились полностью. Отлично.

– Интересно, – сказала она. – Я дам тебе знать, если увижу еще какие-нибудь сны.

– Обязательно, – сказала я, открывая входную дверь. Генерал Ли твякнул, и я подобрала его, чтобы он попрощался со своей новой подружкой.

– Чем это пахнет? – неожиданно спросила Ребекка.

Я посмотрела на Генерала Ли, но его морда ничего не выражала.

– Я ничего не чувствую.

– Похоже на розы. Ты не чувствуешь? Пахнет очень сильно.

– Возможно, это тянет из сада – розы Луизы еще не отцвели.

Ребекка задумчиво посмотрела на меня.

– Говорят, что у некоторых людей гормоны беременности способны притупить или даже полностью погасить некоторые сверхъестественные способности. Возможно, именно поэтому ты ничего не чувствуешь.

– Может быть.

Я попрощалась и закрыла дверь. Поставив хныкающего Генерал Ли на пол, я, чтобы его взбодрить, легонько шлепнула пса, мол, не унывай, ты еще увидишь свою возлюбленную Пуччи, затем выпрямилась и глубоко вдохнула, но никакого запаха роз не ощутила.

Я медленно направилась в гостиную, где оставила свой ноутбук, а теперь и холодный кофе, и опустилась на стул. Я долго сидела там, слушая, как Нола играет на пианино, и все это время мне не давал покоя вопрос, правда ли, что, как сказала Ребекка, мое шестое чувство взяло себе отпуск на срок моей беременности. Я пыталась понять, рада я этому или нет. «Наверно, все-таки рада», – подумала я, закрыв глаза, и моей шеи коснулся холодный воздух.

Глава 8

Моя мать держала в одной, затянутой в перчатку, руке красный трикотажный балахон и такой же, но синий, в другой.

– Они будут красиво на тебе смотреться, Мелли. Думаю, тебе стоит их примерить.

– Это да. А когда они станут мне не нужны, я отдам их миссис Хулихан. Думаю, они ей подойдут.

Моя мать закрыла глаза, как будто пытаюсь собраться с силами.

– Дорогая, просто примерь, и все. Взгляни. – Она приложила ко мне красный. – Видишь глубокий овальный вырез? Он подчеркнет твою зону декольте, притягивая взгляд вверх, а не к твоей талии. Можешь носить его просто так, с красивым ожерельем или даже с ярким шарфом.

Я смотрела на бескрайнее полотнище трикотажа, отлично видя, чего она хочет от меня, но все равно сопротивлялась мысли о том, что мой новый размер ближе к габаритам миссис Хулихан, нежели та одежда, что висела в моем платяном шкафу. И этот размер продолжал увеличиваться.

– И ты знаешь, как сильно ты нравишься Джеку в красном, – продолжила мать, и ее глаза блеснули.

– Я примерю синий, но ты можешь повесить красный.

– Ерунда, – заявила она. – Сейчас ты больше от него не залетишь, так что можешь без страха носить все, что угодно. – Держа оба балахона, она перешла к следующей стойке и начала перебирать вешалки. – Кстати, как поживает детектив Райли?

Я притворилась, будто изучаю ткань бюстгальтера для кормящих, чье хитроумное устройство я никак не могла понять.

– Не считая небольшой вмятины на лбу от моей летающей пуговицы, похоже, он здоров.

– То есть это было приятное свидание?

Я закатила глаза.

– Никакое это не свидание. Мы просто пошли пообедать и поговорить о расследовании. Затем он рассказал мне немного о своем детстве, а я ему – о своем, после чего он отвез меня домой. Он даже не

поцеловал меня на прощание, так что определенно это было не свидание. Но откуда ты о нем узнала?

– От Амелии. Она убита горем из-за вас с Джеком, но не хочет вмешиваться. Кстати, у нее есть красивая мебель. Она только что поступила в магазин и идеально подойдет для детской. Амелия хочет, чтобы ты пришла посмотреть. Она пока ее не выставяла, потому что знает, что ее тотчас же купят.

– Мама, ты же знаешь, что я не люблю антикварную мебель. Вспомни, что случилось с кукольным домиком.

Наши взгляды встретились. Мы обе вспомнили старинный кукольный домик, который Амелия подарила Ноле, тот самый, который, как выяснилось позднее, вмещал целое семейство беспокойных призраков.

– Вообще-то она новая. Амелия пошла на распродажу, и там продавался комплект мебели для детской – еще даже с бирками. Кстати, жутко дорогой и сделанный из красного дерева. Он будет красиво смотреться в вашем доме. Или в доме Джека, – запоздало добавила она, сумев, однако, вставить нотку неодобрения.

– Думаю, я могу пойти и взглянуть, – сказала я, пропустив ее последние слова мимо ушей. – Если только это не антикварная колыбель. У меня ее и так больше чем достаточно.

Мать странно посмотрела на меня.

– Что такое?

– Ничего, просто...

– Мама, ты говорила с Ребеккой? Она уже поведала мне про свой сон о двух колыбелях и сердитой женщине. Если это, конечно, то, что ты отказываешься мне рассказать.

Мать как будто вздрогнула.

– Вообще-то нет. Но спасибо, что сообщила мне. Что еще она хотела сказать?

– Это почти все. И что эта женщина определенно не я, потому что она была миниатюрной.

Мать кивнула и повернулась обратно к кронштейну с одеждой, но я видела, что одежда для беременных ее больше не интересует. Я шагнула к ней ближе.

– В чем дело?

Она поджала губы.

– Я говорила с твоей бабушкой.

Мы обе на минуту умолкли, задумавшись о том, что только мы двое, да, пожалуй, еще Ребекка, сочли бы разговор о телефонном звонке с того света в порядке вещей.

– Она сказала, что звонила тебе, но ты не отвечала на ее звонки.

Я покачала головой, не желая возобновлять этот разговор.

– Что она хотела?

– Она советует тебе быть осторожной. И не бояться просить о помощи – из любых источников.

Мать пристально посмотрела на меня, и я вспомнила, как Ребекка почувствовала в моем доме запах роз, а я нет.

– Призраки дают о себе знать, когда они чувствуют, что в них нуждаются? – спросила я.

– Ты о чем?

Я принялась перебирать вешалки с яркими балахонами, гигантскими платьями в форме палаток и брюками с кенгуриной «сумкой» для живота.

– Помнишь, как я по запаху роз всегда могла сказать, что Луиза Вандерхорст вот-вот появится? Ребекка почувствовала запах роз, когда была у меня дома, и я подумала, вдруг Луиза решила, что она мне нужна. В конце концов, ребенка тоже нашли в ее доме.

– Думаю, такое возможно. Но почему ты не почувствовала запаха роз?

– Не знаю. Ребекка утверждает, что иногда беременность может маскировать тот или иной дар. Это правда?

Моя мать пристально посмотрела на меня и положила руку в перчатке мне на плечо.

– Да. Во всяком случае, так было со мной. Когда я была беременна тобой, мне не нужно было носить перчатки – по крайней мере, со второго триместра. Я по-прежнему могла что-то ощущать, когда касалась тех или иных вещей, но между ними и мной как будто был своего рода фильтр. Возможно, это мать-природа таким образом защищает ребенка от стресса.

– Но все вернулось после того, как родилась я.

– Практически в тот же день. Я взяла у медсестры ручку, чтобы подписать документы о выписке, и увидела ее мать в онкологическом

отделении на третьем этаже. Вот только ее мать на тот момент была дома и, насколько ей было известно, была здорова.

– Тебе это нравилось? Не иметь дел с призраками несколько месяцев?

Ее глаза были серьезны.

– Нет. Я думала, что так и будет, но на самом деле мне как будто ампутировали конечность. Или же разлучили с моим ребенком.

Я посмотрела на мать. Это все еще была красивая женщина, которую я помнила с детства. Я догадывалась: мы обе вспомнили те тридцать три года, когда она отсутствовала в моей жизни. Моя ладонь машинально легла на живот, а сердце как будто расширилось и сжалось, стоило мне подумать о разлуке с собственным ребенком. Неужели это и есть материнство? Когда некая часть вас гуляет вне вашего тела? Не будучи уверена, хочу ли это узнать, я отвернулась.

– Иногда мне хочется войти в антикварный магазин и не нарваться там на толпу призраков мертвых людей или посмотреть в зеркало, не задаваясь вопросом, кто там стоит позади меня. Или ответить на звонок и точно знать, что на другом конце провода живой, дышащий человек.

Мать подошла к столу, где были выставлены различные предметы нижнего белья и, нахмутив брови, начала их перебирать. Я поняла: она еще не закончила.

– Ты уже приняла решение остаться в своем доме? – не оборачиваясь, спросила она. – Ты ведь всегда можешь переехать ко мне на Легар-стрит. Там просторно, и нам обеим хватит места и уединения.

Она неожиданно покраснела, а я подумала о тайных визитах моего отца. Родители даже не подозревали, что я в курсе.

– Ты уверена, что не разговаривала с Ребеккой? Потому что она только что спросила меня о том же самом. И я сказала ей, что вряд ли есть какая-то спешка. Я сама с этим разберусь – рано или поздно.

Она подняла глаза и встретилась со мной взглядом.

– Я не видела Ребекку. Это была твоя бабушка. Она просила передать, что тебе следует как можно раньше решить, чего ты хочешь. И тогда быть готовой сражаться за это.

Я почувствовала внизу живота легкую дрожь.

– Сражаться за дом?

– Если ты решишь, что ты этого хочешь.

Я открыла было рот, чтобы сказать ей, что я ненавижу старые дома, ненавижу с того момента, как узнала, что она продала наш семейный дом, хотя на протяжении многих лет говорила мне, что однажды он будет моим. И я ненавидела их, потому что в комплекте к ним всегда прилагались призраки, которым требовалась моя помощь. Но я не могла этого сказать. Потому что, положив руку на сердце, я была вынуждена признать: похоже, это больше не соответствует действительности.

Мать отложила что-то похожее на огромные бабушкины панталоны и изобразила натужную улыбку.

– Тебе нужны новые бюстгалтеры. Давай примерим эти платья, а затем перейдем в галантерею и подберем тебе изделие нового размера. Чтобы быть в боевой готовности, когда в следующий раз пуговица решит слететь с твоего пиджака.

Я хотела возразить, но она уже повернулась ко мне спиной и шагала к примерочным. «Чем раньше ты поймешь то, чего ты хочешь, тем лучше. И тогда будь готова сражаться за это». Я смотрела ей вслед и дрожала, гадая, за что, по мнению моей бабушки, мне нужно сражаться. Мне было страшно даже думать обо всем, что я не хотела терять.

Мать высадила меня перед моим домом. Перед этим она заботливо предложила помочь мне с покупками, но я отказалась. Я валилась с ног от усталости и думала только о том, чтобы бросить пакеты в прихожей, а потом вырубиться на первом же попавшемся мне на пути диване.

Я толкнула входную дверь и замерла на месте. Софи сидела в позе лотоса посреди крыльца, ее глаза были закрыты, а средние и большие пальцы обеих рук образовывали круг. На ней был струящийся топ – похожий на платья, которые только что купила для меня мать, – но ее прикид был полон психоделических расцветок и узоров, от которых мой ланч тотчас начал проситься наружу. Ее «биркенстоки» стояли под одним из кресел-качалок, а босые ступни были спрятаны под обтянутыми пурпурными легинсами коленями. В остальной части ее прикида не было ничего пурпурного – и слава богу! – но, по крайней мере, они сочетались с фиолетовыми резинками на ее волосах в десятке мест вокруг ее головы.

Она открыла глаза и в следующий миг перешла в положение стоя, что дало мне возможность лучше разглядеть ее наряд. И тут до меня дошло: похоже, Софи сможет носить свой гардероб на протяжении всей беременности. Эта мысль меня отнюдь не взбодрила.

– Извини! Миссис Хулихан сказала, что ты скоро будешь дома, поэтому я спросила ее, можно ли мне помедитировать здесь, пока я тебя жду.

Похоже, она заметила, как поникли мои плечи, потому что подошла ко мне и взяла часть пакетов с покупками.

– Ты ходила по магазинам... что хорошо. Но ты явно устала.

– Ты даже не представляешь, – сказала я, вставляя ключ в замок входной двери. – Не подумай, что я не рада тебя видеть, но разве у нас были планы? Моя память в последнее время меня постоянно подводит.

Софи вошла в холл и сложила пакеты у подножия лестницы.

– Нет. Но я провела небольшое исследование семьи мистера Вандерхорста. Так вот, я нарыла кое-что действительно интересное, о чем решила рассказать тебе лично. – Она выпрямилась. – Ой, пока не забыла! У твоей входной двери лежал сверток... Я положила его в кресло-качалку. Подожди минутку.

Она вернулась в своих «биркенстоках» и с коричневым бумажным свертком в руках. Бумага выглядела мягкой, и по ее поверхности, как по топографической карте, расходились мелкие складки. Как будто она промокла или была очень старой. Или и то и другое. Сверток был крест-накрест перевязан узловатой бечевкой, как то было принято до того, как современные упаковочные машины отправили эту практику в небытие.

Я сбросила туфли и, оставив их посреди пола вместе с пакетами для покупок, потянулась к свертку.

– От кого он?

– Не сказано. Здесь есть только адрес – Трэдд-стрит, пятьдесят пять, Чарльстон. Никакого почтового индекса или имени – как будто он был доставлен курьером. Но должна сказать, что на вид он действительно старый. Его как будто отправили в прошлом веке, до почтовых индексов и почтовых посылок, но он на сто лет застрял в капсуле времени, прежде чем вновь попал сюда. Или же... – Она остановилась, придерживая подбородок, что она обычно делала,

погружаясь в раздумья. А вот волосы ее были зачесаны назад, и она при всем желании не могла накручивать их на палец.

– Или что?

– Или кто-то решил, что тебе нужно это увидеть сейчас.

Наши взгляды встретились в молчаливом осознании простой истины: то, что она предполагала, в моей жизни было вполне возможно. Я посмотрела на лицевую часть свертка, на элегантный курсив – каллиграфический почерк, каким сегодня больше не пишут – и мгновенно ощутила затылком знакомое покалывание. Жаль, что моей матери нет рядом, чтобы дотронуться до него. Тогда бы я знала, стоит ли мне его открывать. Но я не могла просить ее, как бы мне ни хотелось быть готовой заранее. Я придала своему голосу бодрость, которой не чувствовала.

– С тех пор как моя мать узнала, что я беременна, я только и делаю, что получаю подарки. Она обмолвилась об этом своему бывшему агенту, и я думаю, новость распространилась. Вся добыча в комнате наверху, и ты при желании можешь в ней порыться. Я понятия не имею, что там такое. – Я направилась в дальнюю часть дома, где услышала, как миссис Хулихан что-то напевает в кухне Генералу Ли. – Пойдем. Мне нужен кофеин, если я, конечно, найду – хотя бы капельку. Обещаю – и я уверена, что Нола оставила там записку своего безвкусного зеленого чая. Если хочешь, угощайся. Мы откроем пакет, и ты расскажешь мне, что ты там обнаружила.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть, как при упоминании кофеина Софи неодобрительно нахмурилась. Когда мы вошли, миссис Хулихан с сумочкой на руке выходила через черный ход. Она вновь сунула голову в комнату.

– Добрый вечер, мисс Мелани. У меня для вас в духовке греется вегетарианский мультизерновой пирог... из той поваренной книги о пренатальном питании, которую дала мне мисс Софи, и салат в холодильнике на ужин. Что же еще? – Моя экономка на мгновение задумалась. – Ах да. Если вам нужно будет уйти, убедитесь, что телевизор настроен на «Планету животных». Я только что обнаружила, что Генералу Ли нравится ее смотреть, а если ему интересно, он не станет жевать коврик под дверью. Доброго вечера, дамы, увидимся завтра утром.

Дверь за ней уже начала закрываться, как вдруг она открыла ее снова.

– Ой, едва не забыла! Дважды звонила некая Ирэн Гилберт и один раз – мистер Дрейтон. Оба сказали, что крайне важно, чтобы вы перезвонили им как можно скорее. Я не дала им номер вашего мобильного, но пообещала передать вам, что они звонили. Никто из них не оставил сообщения, но я записала их номера на блокноте рядом с телефоном.

Она помахала нам и закрыла за собой дверь.

– Мистер Дрейтон? – спросила Софи. – Разве он не был адвокатом мистера Вандерхорста?

– Был, – медленно сказала я. Покалывание у основания шеи усилилось. – Интересно, что ему нужно. Я не разговаривала с ним с тех пор, как было оглашено завещание мистера Вандерхорста. И я понятия не имею, кто такая Ирэн Гилберт.

Софи положила пакет на один из стульев у кухонного стола, затем вытащила другой, после чего принесла телефон и блокнот для сообщений.

– Может, сядешь и перезвонишь, а я пока приготовлю нам обеим по чашке зеленого чая.

Оба предложения звучали в равной мере непривлекательно. Я даже подумала, а не убежать ли мне в спальню и не запереть ли дверь. К сожалению, мне не хватало энергии, и Софи загнала бы меня в угол еще до того, как я добралась до другой стороны стола.

Я уже решила, что подожду, когда Ирэн Гилберт сама перезвонит мне, так как я не знала, кто она такая. Мистер Дрейтон оставил свой рабочий и мобильный номер, и я, прищурившись, чтобы их увидеть, набрала первый. После нескольких гудков сработал офисный автоответчик, что меня не удивило, так как был уже шестой час. Прежде чем положить телефон на стол экраном вниз я на секунду взглянула на номер сотового телефона.

– Неудачно? – спросила Софи, стоя рядом с раковиной, где она наливала воду в чайник.

Я покачала головой.

– Угу. Попробую еще раз завтра.

Я перевернула блокнот. Моя голова теперь практически звенела от тремора, который вырвался из основания моего черепа, словно побег

лианы кудзу. Я была мастером побегов. Имея дело с призраками с самого детства, я по опыту знала: если игнорировать их достаточно долго, они – чаще всего – в конце концов оставят вас в покое. Я распространила эту теорию на все неприятные вещи, с которыми не хотела иметь дело. Я лишь недавно начала понимать: некоторые вещи, если их игнорировать, могут лишь усугубиться. Что, впрочем, не мешало мне вновь и вновь применять мою теорию на практике.

Софи закрыла кран, но продолжала смотреть прямо перед собой в большие окна, из которых открывался вид на мой прекрасный сад.

– Когда ты обновляла кухню, ты заменила в ней окна?

Я выпрямилась.

– Нет, а что?

Она подошла к плите и включила одну из газовых конфорок.

– Что ж, я чувствую, как в комнату идет тепло, а значит, с таким же успехом можно выбрасывать деньги в окна каждый раз, когда пользуешься кондиционером. А возле подоконника есть маленькое темное пятно, которое может быть плесенью из-за попадания влаги между окном и стеной.

– Прекрати, – сказала я, пронзив ее взглядом, который был у меня зарезервирован для брокера, намеревающегося назвать слишком низкую цену. Софи остановилась, держа в каждой руке по чайному пакетику.

– Что именно?

– Я больше не могу ничего слышать, иначе моя голова взорвется. Я не хочу знать, сколько будет стоить в этом доме замена окон или удаление плесени, но я уверена, что это больше, чем я могу себе позволить, если только не продам собственного ребенка. К чему я не готова.

– Но ты не можешь просто притворяться...

Я оборвала ее.

– Могу, – перебила я ее. – Вот увидишь.

Засвистел чайник, и Софи не спеша налила кипятка в две кружки. Одну она поставила на стол передо мной, а затем, взяв другую, села на стул напротив и сделала глоток.

– Как прошла ваша с Джеком охота за домом? Удачно?

– Не так хорошо, как хотелось бы. Все дома, которые я ему показывала, на бумаге выглядели прекрасно – он поставил галочки

почти во все квадратики в списке его желаний – количество спален, размер, двор и расстояние до Эшли-Холла. Но он жутко придирался к ним. Он продолжает настаивать на том, что ему нужно нечто старое, с богатой историей, с хорошим ремонтом и садом, в котором поместился бы небольшой бассейн и качели. Он даже сказал, что не возражает против нескольких призраков. – Я закатила глаза. – Где я найду ему такой дом?

Софи как-то странно посмотрела на меня.

– Действительно, где? – сказала она, отпив из кружки еще один глоток. Ее взгляд упал на пакет, который она положила на стул. – Разве ты не собираешься его открывать?

«Нет!» – едва не крикнула я, но сдержалась. Софи Уоллен-Араси не из тех, кто готов принять отрицательный ответ. Она бы нашла ножницы и сама его вскрыла. Кроме того, у меня имелось сильное подозрение, что, проснувшись, я найду в постели рядом с собой пакет с требованием, чтобы его открыли. Мне ничего другого не оставалось, как оттягивать этот момент как можно дольше.

– Итак, что ты хотела мне сказать? – спросила я, в попытке перенаправить разговор в другое русло.

– О да, одну очень интригующую вещь, хотя я даже не уверена, что она что-то значит.

– В следующий понедельник у нас с Джеком назначена встреча с Ивонной Крейг, так что давай выкладывай, что у тебя, и я поделюсь с ней. Эта женщина гений по части складывания пазлов.

Софи выпрямилась и крепко обхватила кружку пальцами с короткими, не накрашенными ногтями.

– Хорошо, потому что у нее наверняка есть куда более обширное генеалогическое древо, чем у меня, и она поймет, означает ли это что-нибудь. А я все еще просматриваю архивы о ремонте фундамента дома. Это могло бы помочь нам определить, когда там были замурованы останки. Буду держать тебя в курсе.

Она тяжело дышала, словно пытаюсь сдержать новости, иначе те просто вырвутся наружу и поразят меня.

– И что у тебя? – подсказала я.

– Прадед мистера Вандерхорста, Джон Невин Вандерхорст, был одним из близнецов.

Я ничего не увидела, но мне показалось, будто я слышу в воздухе звон. Я на мгновение задумалась над ее словами.

– Джон Вандерхорст, случайно, не тот ли морской офицер, который спрятал алмазы Конфедерации в напольных часах?

– Бинго. Он самый.

– Но мне казалось, что Невин Вандерхорст происходил из длинной череды единственных детей, и у него не было живых родственников, кому он мог бы завещать дом.

– Что так и было. Близнец умер, когда ему было три года, возможно, от желтой лихорадки.

– Так почему это так интересно?

– Рождение разнородных близнецов может быть наследственной чертой. В основном это передается по женской линии, поскольку только у женщин есть тенденция к гиперовуляции. Технически с Вандерхорстами это может быть не так однозначно, поскольку они, как правило, женились на кузинах, то есть наследственная черта могла передаваться и через отца. Я тут размышляла о двух колыбелях Вандерхорстов – одной на твоём чердаке, и другой в Чарльстонском музее – и невольно задалась вопросом, как часто у Вандерхорстов рождались близнецы.

– Всего один случай еще не означает, что это наследственная черта.

– Верно, но моя собственная родословная восходит только к прадеду. Может, Ивонна сможет рыть еще глубже?

– И что ты предполагаешь? Что некой супружеской паре не понравилось, что у них близнецы, и они замуровали одного в фундаменте? – Я покачала головой. – Не понимаю, какая тут связь.

Софи вперила взгляд в свою кружку, предоставив мне полный обзор ее фиолетовых резинок для волос, и я внезапно увидела ее с дочерью с точно такой же прической. Если честно, мне стало не по себе.

– Не совсем. Я, скорее, склоняюсь к тому, что скрыть смерть одного из близнецов было довольно легко. В то время определение многоплодия не было поставлено на научную основу. Иногда, пока у матери не начинались схватки, врач не знал, что у нее будет более одного ребенка.

Она подождала, давая мне время переварить ее слова, и продолжила.

– Или, возможно, мать уронила ребенка, и он умер, или по какой-то причине родители решили сохранить тайну его смерти, что было легко сделать, потому что никто даже не знал о его существовании.

Температура в комнате резко упала, а воздух вокруг меня задрожал, как волна, меняющая направление во время шторма. Мой взгляд метался из одного угла кухни в другой, и, хотя я ничего не заметила, моей щеки коснулось ледяное дыхание, и я скорее почувствовала, нежели услышала, всего одно слово: «Мое».

– Вот это да! – сказал я, почти задыхаясь. – Я обязательно расскажу об этом Ивонне.

Мой взгляд был прикован к пакету и к окружающему его воздуху, который как будто мерцал и светился. Софи же пила чай, оставаясь в блаженном неведении о том, что еще было в комнате помимо нас.

– Думаю, что открыть пакет нужно прямо сейчас, – сказала я, направляясь через комнату к ящику, где миссис Хулихан хранила ножницы, после чего снова вернулась к столу. Впервые мне бросилось в глаза, что некоторые куски шпагата были как будто связаны вместе, как если бы сверток вскрывали, а затем запечатали снова. Я взялась разрезать шпагат, и при каждом движении ножниц воздух как будто хлопал и шипел. Наконец шпагат был полностью удален, и я поняла: никакой клейкой ленты, скреплявшей пакет, нет. Я перевернула сверток, потрянула его и удивленно вытаращила глаза, когда из него на стол выскользнула пачка газетных листов.

– Газета? – спросила я, когда Софи потянулась за ней.

– Причем очень старая, – ответила она, разгладив верх одной из страниц. – «Нью-Йорк таймс». Номер от июля 1898 года.

Мой взгляд скользнул с лица Софи обратно на газетные листы.

– Похоже, внутри что-то лежит.

От холода меня уже начинала бить дрожь. А еще я заметила, что у Софи на руках выступила гусиная кожа. Я очень осторожно развернула старую бумагу, зная, что у моей подруги случится припадок, если я поддамся инстинктам и одним рывком разорву газету, чтобы поскорее положить конец напряжению и узнать, чего я так боюсь.

Наконец газета была развернута. Мы с Софи замерли, а наши руки застыли над тонкими слоями пожелтевшего полотна и кружева. Я осторожно приподняла крохотное платьице. Моему взгляду предстали крохотные жемчужные пуговицы, миниатюрная горловина и две

невероятно маленькие проймы. Вспомнив, что Томас Райли рассказал мне о том, что они нашли в ящике с останками, я поднесла горловину к глазам. Внутри полотняного воротничка мелкими аккуратными стежками было вышито имя «Сьюзан Бивенс». Я потрянула газету, надеясь, что внутри лежит и чепчик, но там больше ничего не было.

– Очень даже красиво, чтобы быть семейной реликвией, – сказала Софи едва ли не с благоговением в голосе. – Для семьи с большим количеством близнецов в генеалогическом древе имеет смысл иметь два набора – этот и тот, что был в фундаменте.

Мы с ней посмотрели друг на друга. Смешиваясь ледяными облачками, наше дыхание поднималось к потолку. Софи схватила меня за руку в тот момент, когда я рухнула на стул. По этажам старого дома разнесся детский плач и эхом отозвался в моем сердце.

Глава 9

На следующее утро я включила «Планету животных», чмокнула на прощание Генерала Ли и оставила записку для миссис Хулихан, напомнив ей, чтобы она никому не давала номер моего мобильного телефона, кто бы ее ни просил. Я уже взялась за дверную ручку, но затем заставила себя вернуться к блокноту и, оторвав телефонные сообщения вчерашнего дня, засунула страницу в сумочку. Вдруг сегодня тот день, когда я, наконец, осознаю, что посмотреть проблеме в лицо гораздо легче, чем ее не замечать. Может быть.

Рич Кобилт, мой подрядчик, стоял руки в боки в саду за домом, – к сожалению, не подтянув штаны, которые опасно свисали с его ягодиц, – и смотрел на груды кирпичей и кучи строительного мусора, огороженные желтой полицейской лентой.

– Доброе утро, мисс Миддлтон.

– Доброе утро, Рич. Не ожидала увидеть вас сегодня. Или я забыла о встрече?

Он покачал головой.

– Нет, мэм. Мне просто хотелось узнать, когда я смогу вернуться и закончить работу. Просто я не чувствую, что работа завершена, пока все не сделано так, как надо.

Я нахмурилась.

– Я не понимаю, почему это место все еще огорожено, но я уточню у детектива Райли и дам вам знать. Но вы все равно выставяйте счет моему отцу, и я скажу ему его оплатить.

Рич поскреб затылок.

– Видите ли, мисс Миддлтон, в этом-то и вся загвоздка. Я уже выставил счет, но, когда он не был оплачен, я решил, что вы ждете завершения работы. Потому что обычно ваш отец оплачивает счета на той же неделе, когда я их ему подаю.

У меня на лбу выступили капельки пота, отчего показалось, что солнце жжет мои плечи еще сильнее.

– Может, его потеряли или положили куда-то не туда.

– Я уточню у отца, чтобы он заплатил как можно скорее.

– Буду очень благодарен. В прошлом месяце мой сын Брайан поступил в Клемсон, и счет за его обучение сильно ударил по нашим финансам.

– Отлично вас понимаю, и прослежу, чтобы вы получили деньги.

– Спасибо, мисс Миддлтон. Хорошего вам дня, слышите?

– Вам тоже, Рич. – Я собралась уйти, но замешкалась. Он не двинулся с места и, нахмутив брови, смотрел на груды обломков.

– Что-нибудь еще? – спросила я.

На миг я подумала, что он меня не слышит, но затем он со странным выражением лица повернулся ко мне.

– Вы когда-нибудь слышали, как ребенок плачет, когда вы здесь?

Мне показалось, будто некий вакуум внезапно высосал из моего горла всю влагу. Я сглотнула.

– Здесь? Нет, не слышала. Почему вы спрашиваете?

Он снова почесал затылок толстыми грубыми пальцами.

– С тех пор как мы нашли этот ящик с костями, я постоянно это слышу. – Он вопросительно посмотрел на меня, словно ожидая, что я ему скажу. Но я молчала, и тогда он продолжил: – Моя жена говорит, что, наверно, это кошка. Я ни разу не видел здесь никаких кошек, только вашего Генерала Ли да нескольких жуков, размером с кошку, но ни разу не видел ни одной. Я очень надеюсь, что у меня не едет крыша или типа того.

Я улыбнулась ему.

– С вами все в порядке, Рич. В старых домах всегда раздаются скрипы и стоны... это как будто их голоса. Через некоторое время к этому привыкаешь.

– Думаю, да, – сказал он, немного помолчав, и его фальшивая улыбка была точной копией моей собственной. – Спасибо.

– Не за что. Я позабочусь о том, чтобы ваш счет был сразу же оплачен.

Он отсалютовал мне, коснувшись козырька своей бейсболки.

Я вышла из сада. Тот был все так же полон тайн, как и в первый раз, когда я его увидела. Джека я встретила на полпути, когда он шел к дому. Мне всегда было неловко здороваться с ним. Пожать друг другу руки? Поцеловать в щеку? Обнять? Поцеловать в губы? Ничто из вышеперечисленного меня не устраивало.

Что было и впрямь странно, учитывая, как мы неким образом сумели зачать ребенка. Будучи человеком взрослым, я открыла сумочку и сделала вид, будто ищу губную помаду, хотя и заметила ее в первый же момент. Я сумела «найти» ее сразу после того, как я прошла мимо Джека. И высоко подняла ее, как будто никогда раньше не видела.

– Извини, что опоздала на несколько минут. Надо было поговорить с Ричем Кобилтом о ремонте фундамента.

– Ты все равно на десять минут раньше условленного времени. Я учусь, но меллиизмов так много, что иногда я ошибаюсь.

Он быстро шагнул мимо меня, распахнул дверь фургона со стороны пассажирского сиденья и помог мне сесть. Да что там! Даже потянулся, чтобы пристегнуть на мне ремень безопасности.

– Правда, Джек? Я не инвалид. Но ты сам можешь им стать, если не перестанешь относиться ко мне как к инвалиду.

Он на полную мощность сверкнул улыбкой и погладил меня по животу.

– Бесценный груз. – Продолжая улыбаться, он закрыл мою дверь, а сам сел на водительское сиденье. – Ты знаешь, как туда добраться?

Я вытащила айфон и сложенный лист бумаги.

– Вчера вечером я погуглила кабинет доктора Уайз и подключила адрес к GPS моего телефона, а заодно, на всякий случай, сделала распечатку карты.

– Кто бы сомневался, – сказал Джек, беря у меня листок, и взглянул на него. – А ты уверена, что доктор Уайз лучшая?

Мне стоило титанических усилий не закатить глаза.

– Мне ее порекомендовала мой постоянный гинеколог, так как она специализируется на беременностях с высоким риском.

Джек с тревогой повернулся ко мне.

– С высоким риском?

На этот раз я не выдержала и закатила глаза.

– Лишь потому, что мне больше сорока и это моя первая беременность. Она осмотрела меня и сказала, что пока что все хорошо и что доктор Уайз, вероятно, сделает мне сегодня УЗИ.

– И мы узнаем, девочка это или мальчик?

Я покачала головой.

– Еще слишком рано. Кроме того, я не уверена, что хочу знать заранее.

– Но это дало бы нам время подумать об имени ребенка.

– Ты хочешь сказать, мы его еще не выбрали? Мне казалось, это будет Джек-младший или Сара. – Я не удержалась от улыбки.

– О, это только начало моего списка. Я тут подумал, а не продолжить ли нам традицию, которую начала Нола.

– Традицию?

Джек ухмыльнулся.

– Нола означает Новый Орлеан, штат Луизиана, ибо там, как она любит объявить первому встречному, ее зачали. Мне подумалось, а не поступить ли и нам в том же духе?

Я с ужасом посмотрела на него, не зная, шутит он или нет.

– Как ты смотришь на то, если мы назовем малыша Чарльз или Шарлотта? – он ухмыльнулся от уха до уха. – Можно даже добавить креатива. Например, Диван. Или Софа. Или Гранит... Гранития, если будет девочка.

У меня вопреки моей воле вырвался легкий смешок, скорее похожий на хрюканье. Я толкнула его локтем в руку.

– Просто езжай, и все. Мы опаздываем, а я ненавижу опаздывать.

– Слушаюсь, мэ, – сказал Джек и, повернув ключ зажигания, отъехал от тротуара.

Приехав к врачу, я надеялась, что Джек сядет в комнате ожидания, а я тем временем подойду к стойке регистратуры. Увы, проведя меня через дверь, он бережно сунул мою руку себе под локоть, и мы вместе подошли к стойке.

Сидевшей за столом особе было под тридцать – яркие светлые волосы и большие голубые глаза, которые как будто стали еще больше, стоило ей увидеть Джека. Мельком взглянув на меня, она переключила на него все свое внимание.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – Она даже похлопала ресницами.

– Да, – сказала я, встав между Джеком и столом. – У меня на девять часов назначена встреча с доктором Уайз.

Она с разочарованным видом посмотрела на меня.

– Ваше имя?

– Мелани Миддлтон.

Пробежав глазами список в блокноте, она вычеркнула строчку и протянула мне другой блокнот.

– Заполните лицевую и оборотную стороны всех трех бланков и не забудьте подписать оборотную сторону третьего.

Я почти дошла до своего стула, когда она вновь окликнула меня.

– Миссис Миддлтон? Мне понадобится ваш страховой полис.

Я вернулась к столу и сунула ей карточку.

– Вообще-то я мисс Миддлтон.

В ее глазах вспыхнуло нечто вроде проблеска надежды.

– Вы не женаты? – Вопрос слетел с ее губ прежде, чем она успела закрыть рот. По крайней мере, ей хватило смелости смутиться.

– Нет, – ответила я.

– Еще нет, – одновременно со мной сказал Джек. Я сердито посмотрела на него, а ее взгляд переместился с меня на Джека и снова на меня. – Я дам вам знать, когда врач будет готова вас осмотреть.

Я почти закончила заполнять бланки, когда у меня зазвонил телефон. Блондинка укоризненно посмотрела на меня и указала пальцем на одну из нескольких табличек с просьбой выключить мобильный телефон. Я взглянула: звонила моя мать. Сделав мысленную пометку перезвонить ей, я выключила телефон и сунула его в сумочку, заметив при этом бумажку с номерами телефонов мистера Дрейтона. Ладно, так и быть. Перезвоню ему после разговора с матерью.

– Миссис Миддлтон? – позвала из дверного проема сбоку от стола дородная медсестра с седеющими кудрями.

– Она мисс, – поправила ее блондинка с ноткой удовлетворения в голосе.

– Хорошо, – сказала медсестра, отмечая что-то в карте, которую держала в руке, но ее улыбка не дрогнула. – Пойдемте со мной.

Я встала, и Джек тоже встал.

– Тебе не обязательно идти со мной, Джек. Я сама.

Он слегка побледнел, но тут же скрыл это улыбкой. Положив руку мне на поясницу, он повел меня вперед и сказал:

– Это также и мой ребенок, Мелли. Я пропустил все это с Нолой, и я не намерен пропустить это снова.

Я не была уверена, отчего – то ли из-за его прикосновения, то ли из-за его слов, – но мои колени разучились двигаться, однако он был рядом и нежно поддержал меня, когда я споткнулась. Мы подошли к

гигантским весам. Я остановилась, глядя на них, как антилопа в окружении голодных львов.

– Я уверена, что в этом нет необходимости, – сказала я.

Медсестра – Пегги, судя по нашивке на ее веселой, в сердечки, пижамке – только улыбнулась.

– Я это слышу постоянно. Но отслеживать вес на протяжении всей беременности крайне важно. Если хотите, можете снять обувь.

– Обещаю, я не буду смотреть, – сказал Джек, глядя в потолок.

Я сняла туфли, часы, браслет, ожерелье и серьги и, передав их вместе с сумочкой Джеку, встала на весы.

– Только не говорите ничего вслух, хорошо?

Медсестра Пегги кивнула и начала передвигать гирьки.

– И не смотри, – напомнила я Джеку. Он поднял три пальца.

– Слово скаута.

– Ты был бойскаутом?

– Я добрался до младших скаутов, но меня вытурили, когда я поместил на мой автомобиль фотку красотки из «Плейбоя».

Я с прищуром посмотрела на него.

– Только не смотри, ладно?

Пегги закончила передвигать гирьки, и я закрыла глаза.

Услышав позади себя громкий свист, я спрыгнула с весов.

– Джек! Ты не должен был смотреть.

Он улыбнулся, и на его щеке появилась ямочка.

– Это просто шутка. К тому же ты для меня прекрасна независимо от твоего веса.

Я подождала, когда Пегги скажет: «Я уже слышала это раньше». Когда же она этого не сделала, я повернулась к ней и увидела, что она мечтательно смотрит на Джека.

– Он ваш хранитель, – сказала она мне громким шепотом.

Не глядя на Джека, я забрала у него свои вещи, не в силах говорить. Мой язык как будто распух, и я не смогла сказать ей, что он даже не мой.

После того как я сдала образец мочи, нас провели в смотровую комнату, где Пегги измерила мне кровяное давление, а затем начала закатывать рукав, чтобы взять кровь из вены. Будучи от природы брезглива, я отвернулась. Джек, не спрашивая, взял меня за другую

руку и нежно держал ее в своей, пока Пегги не объявила нам, что закончила.

Она лучезарно улыбнулась, и я выдернула руку.

– Я должна задать вам несколько вопросов. – Она подняла очки для чтения, висевшие на цепочке у нее на шее, и надела их на нос. – Минуточку. Назовите дату вашей последней менструации.

Ее ручка застыла над моей карточкой. Я моргнула.

– Извините?

– Когда у вас была последняя менструация?

Я снова моргнула.

– Понятия не имею. Они всегда были нерегулярными. Но у меня не было причин следить за ними.

Настала ее очередь растерянно заморгать в ответ.

– То есть вы не знаете, когда у вас были последние месячные? Но ведь это реальная помощь при определении даты родов.

Джек прочистил горло.

– Может, я могу помочь. Мы зачали 26 июня, в ее день рождения, когда ей исполнилось сорок лет.

Я зажмурилась, готовая в свои сорок лет от стыда провалиться сквозь землю.

– Лучше, чем ничего. – Пегги отложила таблицу, а затем взяла что-то похожее на колесо для выбора цвета для стен с двумя кружками картона в центре, которые можно было крутить в обоих направлениях.

– Посмотрим, – сказала она тихо, как будто разговаривала сама с собой. – Это не точная наука, но предположим, что овуляция произошла вот здесь.

Она повернула одно колесико и на миг умолкла, чтобы что-то прочитать. Затем подняла на меня взгляд и улыбнулась.

– И тогда предполагаемая дата родов будет двадцать третьего марта.

Мой живот сжало нечто вроде паники. Двадцать третье марта.

– Но ведь это так... скоро.

Только не подумайте, будто я не в курсе, что беременность длится девять месяцев. Просто я привыкла откладывать появление на свет моего – нашего – сына или дочери «на потом», в далекое будущее, когда у меня будут для этого физические и моральные силы. Но двадцать третье марта.

Пегги ободряюще улыбнулась мне.

– По крайней мере, вы не будете ходить беременная в жаркую летнюю погоду.

Я ее почти не слышала. Двадцать третье марта. Джек взял меня за руку, и я не стала ее отдергивать. Медсестра положила мою папку на маленький столик и направилась к двери.

– Пойду приглашу доктора Уайз.

Частичка моего прежнего «я», та, что жаждала контроля и порядка – двух вещей, которые явно отсутствовали в моей жизни в последние несколько месяцев – всплыла на поверхность, и я вновь принялась думать в привычных для меня категориях электронных таблиц и календарей.

– Когда мне составить план родов? – Я прочла о нем в одной из книг, которые купил для меня Джек, а после того, как я выслушала рассказ Софи о естественных родах, изложить мой план на бумаге внезапно стало для меня задачей номер один. Я очень боялась упустить время, особенно теперь, когда поняла, что его у меня так мало.

– Я хочу, чтобы мне как можно раньше сделали эпидуральную анестезию. Может, даже уже на восьмом месяце.

Судя по усталому выражению лица Пегги я сделала вывод, что она уже наслушалась таких разговоров.

– Я уверена, что доктор Уайз обсудит с вами все это. У вас в запасе еще много времени.

– И я хотела бы во время родов быть без сознания, если это все еще практикуют.

Улыбка Пегги становилась все тоньше.

– Вы можете обсудить свои проблемы с доктором Уайз. А пока наденьте этот халат – он распахивается спереди, – и снимите всю вашу одежду. Когда будете готовы, нажмите вот эту кнопку. – Она указала на квадратную кнопку на стене рядом со смотровым столом.

Медсестра шагнула к двери, а я посмотрела на Джека.

– Ты можешь подождать снаружи, пока я переоденусь.

– Ты серьезно, Мелли? Можно подумать, я никогда не видел тебя голой.

Мое лицо вспыхнуло, а медсестра Пегги, прежде чем захлопнуть за собой дверь, подавила смехок.

Я заставила Джека повернуться спиной, а сама надела халат цвета морской волны, заняла положение на смотровом столе, скромно прикрывшись одеялом, и нажала кнопку. Буквально через пару минут в комнату вошла статная женщина с темно-русыми волосами, зачесанными в шикарный шиньон, и в белом халате. Если бы не этот халат и стетоскоп на шее, я бы приняла ее за модель, которая заблудилась на фотосессии. Мне было стыдно признаться, но я испытала облегчение от того, что Джек, похоже, этого не заметил.

Она протянула мне руку и улыбнулась. Ее зубы были безупречными.

– Я доктор Дайанна Уайз.

Мы с Джеком представились и обменялись с ней рукопожатием. Я изо всех сил пыталась втянуть живот, чтобы не выглядеть рядом с Чудо-Женщиной слишком похожей на тролля, особенно в присутствии Джека.

– Итак, – сказала она, сцепив руки, и шагнула к смотровому столу. – Давайте посмотрим, что тут у нас.

Я взглянула на Джека, полагая, что сейчас для него настал подходящий момент уйти. Но нет, этот нахал расположился на стуле и даже подался вперед, словно студент-медик на своем первом вскрытии.

Покорившись судьбе, я уставилась в потолок, а доктор Уайз тем временем осмотрела меня, начиная с груди и вниз, до живота. Она мягко давила на небольшую выпуклость, перемещая руки в разные точки, а затем как будто выполнила тремя пальцами некое измерение. Наконец она выпрямилась и, слегка нахмутив брови, посмотрела на мою карту.

– Немного великовато для всего двенадцати недель. Посмотрим, что покажет УЗИ.

Она ободряюще улыбнулась Джеку и мне. Я улыбнулась в ответ лишь потому, что уже привыкла слышать, что стала слишком толстой.

– Я сейчас включу кардиомонитор, чтобы услышать сердцебиение плода, – сказала она, закончив осмотр.

Затем доктор Уайз установила небольшую машину, похожую на транзисторный радиоприемник, включила ее и намазала мне живот подогретым гелем. Взяв в руки похожий на палочку щуп, она начала водить им по моему животу, останавливаясь всякий раз, когда из

динамика раздавался приглушенный стук – тук-тук. Джек стоял рядом со мной, его рука почему-то вновь держала мою руку, и мы оба глупо улыбались доктору.

– Это ребенок? – спросил Джек сдавленным голосом.

– Да. – Доктор Уайз поводила щупом взад и вперед, и глухой звук становился то тише, то громче. Она нахмурилась, и на ее переносице образовалась крошечная морщинка. Затем она вновь принялась водить щупом по моему животу, то и дело останавливая руку в одних и тех же местах.

– Что-то не так? – спросила я громче обычного. Джек сжал мою руку.

Доктор одарила нас обоих еще одной обнадеживающей улыбкой. Мне же подумалось, что она явно практикуется перед зеркалом.

– Ребенок выглядит здоровым. Посмотрим, что нам покажет УЗИ.

Она подошла в угол комнаты, где стоял мобильный ультразвуковой аппарат, и подкатила его к смотровому столу. У аппарата были клавиатура и экран, который доктор Уайз держала повернутым к себе, и щуп, по размеру больший, чем тот, которым она проверяла сердцебиение плода. Нанеся мне на кожу еще немного теплого лубриканта, она принялась водить щупом по моему животу, останавливаясь на тех же точках, что и раньше.

Несколько минут доктор Уайз ничего не говорила, лишь водила щупом по моему животу и что-то печатала на клавиатуре. Я поймала себя на том, что затаила дыхание, гадая, станет ли она снова хмуриться. Как же я ко всему этому не готова! Я вцепилась в руку Джека, как будто он связывал меня с землей, что одновременно тревожило и успокаивало.

– Вы хотите увидеть своего ребенка? – спросила она, поворачивая к нам экран монитора.

Мы с Джеком, как единое целое, подались вперед. Ребенок был таким крошечным, но уже человечком, с бьющимся сердцем, ручками и ножками. Наш ребенок. Мой и Джека. Мое сердце как будто расширилось, приглушая воспоминания и затуманивая мои прежние убеждения.

– Это мой сын, – сказал Джек с широкой улыбкой. – И он уже похож на своего отца.

Его слова прорвались сквозь туман, пролив на мой бред яркий свет. Я растерянно заморгала, глядя на Джека, и вновь увидела перед собой красивого, обаятельного нахала, который однажды разбил мне сердце и, похоже, грозил вот-вот сделать это снова.

– Вообще-то это ножка, мистер Тренхольм. Определять пол ребенка еще слишком рано, – мягко сказала доктор Уайз, разворачивая экран так, чтобы его могла видеть только она, и переместила щуп на другую сторону моего живота.

– Что вы делаете? – спросила я, наблюдая, как между ее бровями вновь образовалась морщинка.

– Мне показалось, что я слышу что-то еще, и просто хочу убедиться.

– Убедиться в чем? – спросила я. Моя кожа внезапно похолодела под смазкой, а внутри от внезапного холода все застыло.

Доктор ответила сразу, но продолжила водить щупом вверх и вниз по моему животу. Внезапно она остановилась, затем вновь пробежала пальцами по клавиатуре.

– Ну что ж, – медленно, в растяжку произнесла она.

– Можно конкретней? – спросил Джек незнакомым мне тоном. Я тотчас вспомнила, что когда-то он служил в армии и его, как солдата, учили преодолевать кризисные ситуации и уничтожать врага. Я закрыла глаза, ожидая, когда доктор Уайз заговорит снова. Джек был рядом со мной, и я мысленно приготовилась к худшему.

– Что ж, – повторила доктор Уайз. – Похоже, здесь есть еще один ребенок. – Она повернула экран, и мы с Джеком уставились на еще один живой комочек, чье сердце билось в жидком мире внутри меня.

– Что вы имеете в виду? – в унисон спросили мы с Джеком.

Доктор Уайз улыбнулась нам.

– Поздравляю. У вас близнецы.

Глава 10

Мы с Джеком сидели в минивэне, глядя в лобовое стекло. Он запустил двигатель, и кондиционер на полную мощность дул нам в лицо, однако даже пальцем не пошевелил, чтобы включить передачу и куда-то поехать. Как будто никто из нас не знал, что должно произойти дальше.

– Я рад, что купил минивэн, – наконец сказал Джек и улыбнулся, правда, не слишком весело.

Я кивнула. Мысленно я уже производила расчеты, где все было умножено на два: две кровати, два высоких стульчика, два автокресла. Два обучения в колледже. Я сглотнула застрявший в горле комок.

– Что мы будем делать?

– То, что и планировали. Просто в два раза больше.

– Знаю. Что меня и пугает. Я еще не свыклась с мыслью, что у меня будет один ребенок, и все гадала, как я смогу с этим справиться.

Джек потянулся через консоль с большими подстаканниками и взял меня за руку.

– Помни, ты не одинока. У тебя есть я. Просто мы должны думать как армейский сержант – разделяй и побеждай.

Я невольно рассмеялась.

– Кто бы мог подумать, что быть солдатом и быть родителем имеет так много общего? – Я убрала руку и положила ее себе на колени, не в силах совладать с тревогой по поводу того, что у меня будет двойня. Добавьте к этому поток эмоций, который угрожал захлестнуть меня всякий раз, когда Джек касался меня. Чувствуя первые сигналы головной боли, я закрыла глаза. Однако тотчас открыла, стоило мне вспомнить телефонный звонок матери, когда я была в приемной.

Я включила телефон и оторопела, увидев пять пропущенных телефонных звонков от матери и одну голосовую почту. Я поднесла телефон к уху и прислушалась. Ее голос звучал натянуто, как будто она заставляла себя говорить спокойно, что мгновенно вызвало у меня первые сигналы паники.

– Мелли, дорогая. Пожалуйста, позвони мне, как только получишь это сообщение. Я у тебя дома, и тебе нужно как можно скорее

вернуться домой. Это...

Она умолкла, и я представила, как она повернулась к кому-то еще, потому что, когда она заговорила снова, я как будто услышала ее хрупкую улыбку.

– Это довольно срочно.

Я нажала «повторный набор номера» и повернулась к Джеку.

– Поезжай в сторону Трэдд-стрит. Мать говорит, что мне нужно с ней встретиться, причем срочно.

Джек нажал на газ и взял с места. Мы оба молчали, как будто боялись озвучить свой страх. Мы могли лишь надеяться, что известие от моей матери не изменит жизнь так, как наше собственное. Моя мать ответила после первого же гудка, как будто уже держала трубку в ожидании моего звонка.

– Мелли, слава богу. Вы в пути? – прошептала она в трубке, и мне показалось, что я слышу голоса на заднем плане.

– Да. Мы в Маунт-Плезант и сейчас переедем мост. Что у тебя происходит и кто там? – Она ответила шепотом и так тихо, что я ее не расслышала. – Мама, говори громче. – Со второй попытки я, наконец, ее перебила. – Послушай, почему ты не шлешь мне эсэмэски? Ведь Нола показала тебе, как это делается, помнишь?

На мгновение воцарилась полная тишина.

– Ты же знаешь, что я не могу.

Я вздохнула. Толстые большие пальцы и отвращение к маленьким буквам передавались в нашей семье из поколения в поколение – так же, как и ускоренный метаболизм и разговоры с мертвыми. Мои собственные попытки писать текстовые сообщения, не без участия Нола, попали на неприятный веб-сайт whenparentstext.com.

– Ладно, проехали. Буду минут через пятнадцать-двадцать. Ты можешь сказать мне, кто там?

– Дрейтон. И мистер и миссис Гилберт, – сказала мать после короткой паузы. – Они приехали осмотреть дом.

Внезапно я ощутила, как мой желудок шевельнулся, словно анализируя съеденный завтрак, и счел, что тот его не устраивает.

– Что? Кто дал им право думать, что мой дом открыт для экскурсий?

Моя мать прошептала в трубку еще несколько неразборчивых слов, а мой желудок продолжил протестовать против завтрака, известия о

том, что мы ждем близнецов, и того факта, что в данный момент совершенно незнакомые люди и адвокат мистера Вандерхорста бродят по моему дому.

– Ладно. Мы уже едем.

Я уронила телефон в сумочку и зажала обеими руками рот. Мы были посреди моста, и съехать нам было некуда. Я в отчаянии огляделась на новые кожаные сиденья, чистый ковер, блестящие кнопки на приборной панели.

– С тобой все в порядке? – спросил Джек, на миг оторвав взгляд от дороги. – Не скажу, что этот цвет тебе не идет, но твое лицо слегка зеленоватое.

Я посмотрела на большой подстаканник у подлокотника и, мысленно извинившись перед инженерами и рабочими, которые проектировали и собрали минивэн, а также перед Джеком, наклонилась. Меня тут же вырвало в идеально круглое углубление.

– Бедная Мелли. – Рука Джека нежно убрала волосы с моего лица, пока я извергала содержимое желудка в его новенькую машину. Честное слово, я была готова влюбиться в него снова. – Я остановлюсь, как только мы съедем с моста.

Мой желудок был пуст. Я без сил откинулась на спинку сиденья, мое тело покрывал холодный пот. Я достала из сумочки салфетку и вытерла рот.

– Нет. Мне нужно домой. Моя мать сказала, что приехал мистер Дрейтон и какая-то пара, и мне нужно срочно вернуться домой. Я могу пройти через кухню и привести себя там в порядок. Подстаканник снимается, и я сполосну его из садового шланга, а потом продезинфицирую лизолом или фебрезом. Или же и тем и другим.

Я бросила поверх моей рвоты салфетку, лишь бы только ее не видеть. Джек похлопал меня по ноге.

– Не волнуйся, я все уберу сам. Что-то подсказывает мне, что это не последний раз, когда мне придется мыть мой фургон от рвоты.

Я кисло улыбнулась ему, и Джек направил фургон на выезд с моста.

– Я пойду с тобой, – сказал он, когда мы свернули на подъездную дорожку, ведущую к моему дому.

Будь это вопрос, я бы ответила твердым «нет». Но это не был вопрос, и вероятно, именно поэтому этого не случилось. Учитывая

обстоятельства, мне показалось просто удивительным, что порой мы напоминали старую супружескую пару.

Перед моим домом, прямо напротив голубого минивэна старой модели с нью-йоркскими номерами, у тротуара стоял большой седан «Мерседес», предположительно принадлежавший мистеру Дрейтону. Джек помог мне выбраться, и я направилась к другому фургону. Джек между тем делал то, что нужно, с содержимым своего подстаканника.

Заглянув в окна фургона, я увидела на передней панели картонку бумажных салфеток, различные пятна на тканевой обивке сидений, две бейсбольные перчатки на заднем сиденье и нечто вроде собачьих соплей от очень большой собаки, размазанных по большей части боковых окон. Внезапно я прониклась благодарностью за то, что Генерал Ли недостаточно велик, чтобы дотянуться до окон, не говоря уже о том, чтобы оставить напоминания о себе.

Кроме того, у него было автокресло, которое я специально установила посередине заднего сиденья, чтобы у него не возникло соблазна обслюнявить мои окна. Бросив взгляд через улицу, я впервые заметила новый «Приус» Софи. Либо она только что приехала с целью вмешательства, либо моя мать забыла упомянуть, что она здесь. В любом случае, если моя подруга посреди дня, бросив занятия в колледже, приехала ко мне домой, это не предвещало ничего хорошего.

Улица потемнела, тяжелые тучи наперегонки пытались загородить собой солнце. Густой влажный ветер гнал по тротуару опавшие листья. Это напомнило мне тот день, как я впервые увидела этот дом, прямо перед тем, как постучала в парадную дверь и увидела Невина Вандерхорста. Мой взгляд упал на старый дуб. Я почти ожидала увидеть там Луизу Вандерхорст, мать Невина, раскачивающую пустые качели.

Качели легонько покачивались, то ли от пахнущего грозой ветра, то ли от невидимой руки, трудно сказать. Даже если Луиза и была там, я больше не могла ее видеть, равно как и чувствовать запах ее роз. Но мне казалось, что я чувствую ее присутствие. Чувствую, что она по-матерински охраняет меня, как высокие ветви дуба охраняют мой дом и сад.

– Ты готова? – Джек стоял рядом, протягивая мне руку. Я кивнула, прикоснувшись к его пальцам, и не стала сопротивляться, когда он

повел меня через садовую калитку к двери кухни в задней части дома. – Есть идеи, почему эти люди здесь? – спросил он.

Я покачала головой и, отпустив его руку, зашагала дальше по тропинке. Я понятия не имела, что делали эти люди в моем доме, но знала наверняка: это не сулит ничего хорошего.

Джек не стал задавать мне новых вопросов, но, когда мы подошли к двери кухни, повернул меня к себе лицом.

– Я здесь, хорошо? Что бы это ни значило, я на твоей стороне. Всегда помни об этом.

Я заглянула в его голубые глаза, и мои гормоны беременности заработали на полную мощность. Я ощутила странную благодарность за то, что меня только что вырвало в его машине. Иначе у меня точно возникло бы искушение прижать его к двери и позволить гормонам взять надо мной верх.

– Спасибо, – сказала я, игнорируя искорку в его глазах и лукавую улыбку. Я не сомневалась: этот наглец явно прочел мои мысли.

Джек открыл дверь, и мы тихо вошли в пустую кухню. Я поискала глазами Генерала Ли – моя мать наверняка заперла бы его здесь, будь в доме посторонние. Ему всегда требовалось время, чтобы привыкнуть к новым людям, и он неизменно встречал гостей звонким лаем, если только рядом не было меня, чтобы его успокоить. Я предположила, что, пока я не вернулась, моя мать держит его и успокаивает. Открыв сумочку, я вытащила небольшой тюбик зубной пасты, зубную щетку и флакон жидкости для полоскания рта и подошла к раковине.

– И ты все это таскаешь в сумочке? – удивился Джек, не в силах скрыть насмешку в голосе.

– Нужно быть готовой ко всему. – Я едва не сказала, что мне следовало добавить в свой набор для оказания первой помощи презервативы, но, увидев на ультразвуковом мониторе наших малышей и услышав их сердцебиение, как я могла пожелать, чтобы они исчезли из моей жизни? Возможно, они – моя единственная постоянная связующая ниточка с Джеком.

Закончив приводить себя в порядок, я заново накрасила губы, промокнула помаду бумажным полотенцем и, подойдя к двери кухни, остановилась, не совсем понимая почему.

– Помни, я прямо за твоей спиной, – тихо сказал Джек.

Мне не хватило духа, чтобы взглянуть на него, и я лишь кивнула в сторону закрытой двери. Он открыл ее для меня, и я вошла первой. Из коридора наверху, струясь вниз по парадной лестнице, доносился голос Софи:

– Как видите, Мелани вбухала в восстановление дома абсурдное количество денег, времени и энергии, но это все равно что плевать в океан... бездонный океан. Окна – это энергетический кошмар. У некоторых щели между подоконниками, а сами окна такие большие, что жукам пальметто не нужно даже втягивать голову в плечи, чтобы попасть внутрь. – Я услышала, как она присвистнула. – И привет, ребята, вам точно не нужны эти твари в доме.

Джек и я недоуменно переглянулись: с каких это пор Софи вдруг стала говорить как участница реалити-шоу «Укротители аллигаторов».

– Хотя, возможно, оно даже к лучшему, – между тем продолжила она. – Вдруг они смогут сожрать всю плесень и гнилую штукатурку по всему дому. Чувствуете этот запах? Фу-у-у! Меня выворачивает наизнанку каждый раз, когда я сюда вхожу. Бедная Мелани. Владелица кучи гнилых досок. Впрочем, она всегда была любительницей безнадежных дел. Благослови Господь ее сердце.

Я прошла через фойе и замерла у подножия лестницы, гадая, кто этот человек, который говорил в точности как моя лучшая подруга? Подняв глаза, я увидела группу из пяти человек, сгрудившихся вокруг столба наверху лестницы. По словам Софи, сей достопочтенный столб был вырезан вручную известным чарльстонским краснодеревщиком Джоном Боннером.

Во время Гражданской войны столб, похоже, получил более одного сабельного ранения, лишившись части, венчавшей его, декоративной шишки в форме ананаса, отчего он стал скорее похож на кумкват. Я была готова отрезать и все остальное, но Софи едва не упала обморок, когда я заикнулась об этом. Софи – а это определенно была она, ибо я узнала волосы, заплетенные в двадцать или около того косичек, удерживаемых пластиковыми розовыми бантиками, – отвернулась от меня и продолжила свою речь.

– Как видите, – она указала на наверхие, – ремонт был отложен или сдвинут на неопределенный срок из-за непомерно высоких затрат, связанных с восстановительными работами. Я не раз говорила ей, что с ее стороны было бы проявлением милосердия просто облить дом

бензином и поднести к нему спичку, но она никак не может забыть обещания, данного дорогому мистеру Вандерхорсту, да пребудет его душа в вечном покое. Даже если это убьет ее саму.

– Софи! – в унисон окликнули ее мы с Джеком. Она посмотрела на нас через перила и, не моргнув глазом, добавила: – А вот и наша бедняжка собственной персоной. По ее лицу видно, сколько денег из нее высосало восстановление этого дома.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но остановилась, увидев позади нее двух незнакомых людей. Это была пара средних лет, оба приятно дородные, с вьющимися каштановыми волосами. Мужчина был в футболке с надписью Yankees, джинсах и кроссовках. Женщина была одета почти идентично, но вместо футболки на ней была блузка с цветочным орнаментом. Оба вопросительно смотрели на меня сквозь большие круглые очки, как будто я была здесь незваным гостем.

Внутренний голос подсказывал мне быть осторожной, но пара как будто пробовала себя на роль родителей из какого-нибудь ситкома. Надо сказать, они идеально на нее подходили – любящие, но глупые родители целого выводка непоседливых и шумных отпрысков. Голубой фургон снаружи явно принадлежал им. Я тотчас поспешила отбросить мысль, что после нескольких лет воспитания детей мы с Джеком будем выглядеть точно так же. В конце концов, у нас уже был фургон.

А потом я увидела свою собаку. Тот самый пес, который, несмотря на свой малый рост, неизменно пытался грозным лаем утвердить свою власть и защитить от посторонних свою территорию, удобно устроился в объятиях женщины. Его глаза были узкими томными щелочками, как будто я прервала его сон.

Казалось, будто мы играем в старую детскую игру, кто моргнет первым. Никто не знал, что сказать и с чего начать. Мы бы так и простояли до конца дня. На наше счастье, от этой перспективы нас избавил мистер Дрейтон, шагнув вперед из-за моей матери. Высокий и худой, в темном костюме, контрастирующем с его серебристой сединой. Не знаю я, кто он такой, я бы приняла его за работника похоронного бюро.

– Может, спустимся вниз, чтобы я мог всех друг другу представить? – Он улыбнулся и жестом пригласил остальных спуститься впереди него по лестнице.

Как только мы собрались в фойе, моя мать и Софи встали по обе стороны от меня и Джека, незнакомая пара и мой пес – напротив нас. Мистер Дрейтон, как рефери, встал между нами.

– Мелани Миддлтон, – сказал он, прочистив горло, – разрешите представить вам Ирэн и Джорджа Гилбертов. Мистер и миссис Гилберт, это мисс Миддлтон.

При упоминании слова «мисс», взгляд Ирэн метнулся к моему животу, затем к Джеку и снова вернулся к моему лицу. Впрочем, ей удалось сохранить нейтральное выражение.

– А это... – Мистер Дрейтон остановился, вопросительно глядя на Джека.

– Джек Тренхольм, – сказал тот, протягивая руку мистеру Дрейтону.

– Тот самый писатель? – Ирэн едва не взвизгнула от восторга. Глаза за стеклами очков сверкнули и забегали вверх и вниз по Джеку.

– Верно. А также...

Софи перебила его:

– Отец ребенка. – Она похлопала свой по-прежнему плоский живот, слегка выпятив его под своим платьем-шатром. – Да-да, есть в этом доме нечто такое, что благоприятствует залетам. Надеюсь, вы еще не остановились на своем последнем ребенке!

Моя мать подняла глаза к потолку, а мы с Джеком уставились на Софи, гадая, какая муха ее укусила, или же это просто на нее по-другому влияли гормоны беременности. Чтобы прервать неловкую паузу, я протянула для рукопожатия руку, но, вновь увидев моего пса, уютно устроившегося на руках у незнакомой женщины, замерла на месте. То ли причиной тому известие, которое я полчаса назад получила в кабинете врача, то ли потому, что мне просто хотелось рухнуть на пол в приступе усталости и отчаяния, но я не могла, так как в моем доме были посторонние люди. И все же я не выдержала.

Я потянулась к Генералу Ли, который имел наглость издать тихий рык, и вырвала его из рук женщины.

– Ладно, довольно любезностей. Кто вы такие и что вы здесь забыли?

Моя мать успокаивающе обняла меня за плечо, и я заметила, что на ней нет перчаток. Ирэн заговорила первой.

– Если бы вы отвечали на звонки или перезванивали, вы бы это знали. Мы не собирались застать вас врасплох, но вы не оставили нам

выбора. Мы надеялись, что репортер даст вам копию ее статьи до того, как та появится в воскресной газете, чтобы вы были готовы, но даже она не смогла связаться с вами.

– Репортер? – Я смутно вспомнила, как Ребекка рассказывала мне о какой-то репортерше, которая писала статью про мистера Вандерхорста. – При чем здесь репортер или статья?

Моя мать еще крепче сжала мое плечо.

– Это довольно сложно, Мелли. Почему бы нам всем не перейти в гостиную...

– Нет. Мы и так прождали довольно долго. – Ирэн расправила плечи. – Мой муж – единственный живой законный потомок Джона Вандерхорста, прадеда Невина Вандерхорста. Это означает, что дом Невина Вандерхорста по праву принадлежит нам, и мы здесь, чтобы оспорить его завещание.

В ушах у меня зазвенело. Я поняла, почему у Софи внезапно развилось раздвоение личности. Она пыталась меня защитить. Им нужен мой дом. Эта мысль напугала и взбесила меня – две сильные эмоции, которые я не привыкла испытывать одновременно. В последний раз, когда это случилось, я была на кладбище со злобным призраком, который пытался меня убить.

Я посмотрела на женщину в джинсах и кроссовках, говорившую с сильным нью-йоркским акцентом, затем на ее мужа и поняла: эти двое были столько же генетически далеки от Невина Вандерхорста, как если бы они были представителями другого биологического вида.

Прежде чем заговорить, я покачала головой.

– Нет. Это невозможно. Мистер Вандерхорст однозначно дал понять, что у него нет живых родственников.

Джордж встал рядом с женой.

– Он ошибся. У нас есть доказательства.

– Какие еще доказательства? – спросила я.

У меня перед глазами поплыли пятна, и я вспомнила, что то небольшое, что я ела на завтрак, осталось в подстаканнике фургона. Я заморгала, пытаясь отогнать головокружение.

У нас на глазах Ирэн Гилберт открыла свою вместительную сумку и вытащила что-то, завернутое в папиросную бумагу. Предельно осторожно, как будто держа на руках младенца, она сунула руку

внутри и извлекла пожелтевший полотняный чепчик. Какой обычно надевали вместе с крестильным платицем.

Я услышала, как Софи шумно втянула в себя воздух. Мы обе узнали вышивку по краям оборки. Я еще не показывала то платице моей матери, но по нашей реакции она догадалась, что чепчик – это нечто важное. Я медленно протянула руку, взяла у Ирэн чепчик и вывернула его наизнанку. Там аккуратными буквами было вышито имя – Сьюзан Бивенс.

Моя мать потянулась к чепчику, и ее голые пальцы коснулись ткани. Я схватила ее за руку, пытаюсь остановить. На нас вязкими волнами обрушился ледяной воздух, а мое горло, не давая мне дышать, сжала чья-то невидимая рука. Я позвала Джека, но слова, похоже, умерли, как и свет. Вокруг все потемнело, и я увидела разъяренную женщину, стоявшую рядом с двумя пустыми колыбелями, а невидимые пальцы снова и снова играли на пианино одни и те же три ноты.

Глава 11

Я несколько раз моргнула, смутно осознавая лишь тускло освещенную комнату, мягкие простыни и теплую руку, держащую мою. Затем моей щеки коснулось что-то пушистое и влажное, и я уткнулась носом в смутно знакомый запах.

– Джек? – пробормотала я.

– Вообще-то, нет. Я здесь.

Я резко открыла оба глаза и обнаружила перед собой пару нежных карих глаз и очень черный влажный нос. Генерал Ли твякнул в знак приветствия, после чего Джек поднял его с кровати и поставил на пол.

– Довольно, дружище. Кто бы мог подумать, что у моего конкурента на груди будет больше волос, чем у меня?

Моей улыбки как не бывало, стоило мне вспомнить разъяренную женщину и сжимавшие мое горло пальцы. Я быстро села и тотчас же пожалела об этом. Голова закружилась, как будто пытаюсь сорваться с моих плеч.

– Помедленнее, Мелли. Сегодня у тебя был тяжелый день, так что не дергайся. Ради всех вас троих. – Джек усмехнулся, но я заметила в его глазах тревогу. – К счастью, миссис Гилберт – дипломированная медсестра, и она заверила нас, что это всего лишь обморок и что все твои жизненно важные органы в норме. Она предположила, что ты слегка обезвожена, что, вероятно, так и было, ведь я не понаслышке знаю, что твой желудок был пуст, и я не видел, чтобы ты что-то пила для пополнения жидкости. Я на всякий случай позвонил доктору Уайз, и она предложила привезти тебя к ней. Но я пропустил эту часть, потому что вряд ли они могла чем-то помочь.

Джек убрал волосы с моей шеи.

Я потрогала то место, которого коснулась ледяная рука, и мои пальцы нащупали свежие рубцы. Я сглотнула. Горло как будто отекло и опухло.

– Со мной все в порядке. В самом деле. Просто я позволила себе быть уязвимой, так как была не готова. В следующий раз это не повторится.

Похоже, мои слова его не убедили.

– В следующий раз? Если ты считаешь, что будет «следующий раз», может, мне стоит переехать к тебе, просто на всякий случай?

Ну-ну. Как будто это поможет мне спать по ночам.

– Нет, Джек. Я как-нибудь сама. Я знаю, как. Если же мне понадобится помощь, я позвоню матери.

Я нахмурилась, смутно вспомнив, как она кричала, когда погас свет. Я выпрямилась. Слабость как рукой сняло.

– Как там моя мать? Она коснулась чепчика без перчаток.

Джек отпустил мою руку и потер щетину на щеке.

– С ней все в порядке. Твой отец приехал и забрал ее домой. Это надо было видеть – как вы с ней одновременно грохнулись в обморок! Даже если это не испугало Гилбертов, надеюсь, страшилки Софи про гибель, мрак и нескончаемые битвы с плесенью вынудят их с воплями бежать обратно в Нью-Йорк.

– Ты действительно в это веришь?

Джек умолк и задумался.

– Нет. – Он снова сел на край кровати. Я же застыла неподвижно, лишь бы только не прижаться к нему. – Помнишь, что в свое время сказал тебе мистер Вандерхорст? Что этот дом – нечто большее, нежели просто кирпич и цемент, а часть истории, которую можно потрогать рукой? Думаю, Гилберты это понимают. Вряд ли они здесь ради денег. Они здесь потому, что это право мистера Гилберта по рождению, его связь с семьей, о существовании которой он никогда не подозревал.

– Все, что у них есть, – это чепчик. Как он может быть доказательством?

– Это все, что они нам показали. Больше они не успели сказать, потому что ты упала в обморок. Но мне думается, что статья в воскресной газете многое прояснит. Вряд ли мистер Дрейтон взялся бы за это дело, не будь у них веских доказательств.

Я сердито посмотрела на него.

– Так ты на их стороне?

В его взгляде читалась обида.

– Я всегда на твоей стороне, Мелли, и не заставляй меня прыгать сквозь обруч, чтобы это доказать. – Он поднял руку, останавливая поток возражений, готовый сорваться с моих губ. – Но, если отбросить все эмоции, я уверен, ты согласишься с тем, что нам нужно выяснить

правду. Очевидно, чепчик и крестильное платье как-то связаны между собой. Мы пойдем к Ивонне, посмотрим, что сумеем раскопать, и нам станет понятно, как нам действовать дальше. Не знаю, что там у Гилбертов в их арсенале, но думаю, что скоро мы это узнаем. И еще думаю, тебе следует нанять юриста.

– Юриста? А не проще ли нам самим докопаться до сути? Доказать, что они не правы, и тогда они уедут?

– А если они все-таки правы?

Я пристально посмотрела на него. Тревога и страх поползли вверх по моим ногам, словно виноградная лоза, обвиваясь вокруг моего сердца, чтобы крепко его сжать.

– Тогда я потеряю мой дом.

– «Мой дом», Мелли? То есть это уже не «куча гнилых досок, кишаших термитами»? И не зоб на горле?

Разумеется, он был прав. Мои глаза саднили от гнева, слез или досады – или от всего сразу. Или же во всем были виноваты гормоны беременности. Они стали удобным объяснением всему, что было со мной не так.

– А ты не думаешь, что найденные в фундаменте останки оказались там не просто так? – мягко спросил Джек. – Вдруг кто-то решил, что дом готов раскрыть свой последний секрет?

Наши взгляды встретились. Я изо всех сил пыталась обрести голос.

– Это меня и тревожит. Не только Гилберты думают, что у меня нет прав на этот дом.

Гормоны взяли надо мной верх, и я расплакалась. Слезы покатались по моим щекам и намочили перед моей блузки. Джек притянул меня к себе, и слезы хлынули еще сильнее, как будто в сливном отверстии, которое долго было заблокировано, выдернули пробку.

– Я... это гормоны, – заикаясь, пролепетала я. Мои слова утонули в его теплой, мускулистой груди.

– Можешь не объяснять, Мелли. Я знаю, – сказал он, поглаживая меня по спине.

Я продолжила хлюпать носом, не в силах выбросить из головы слова бабушки о том, что я должна понять, чего я хочу, и должна быть готовой бороться за это. Но что, если таких вещей две? И что, если я

уже потеряла обе, потому что по собственной глупости не поняла, что они уже мои?

На следующее утро, обливаясь потом, я прошаркала в двери «Бюро недвижимости Гендерсона». Несмотря на утреннюю прохладу, я чувствовала себя так, как будто уже пробежала марафон, а не просто надела трусы и, чтобы остановить приступ тошноты, сгрызла несколько соленых печений.

Я остановилась у стойки. Нэнси Флаэрти и ее стажерка, Джойс Челлис, подняли на меня глаза.

– Ух ты, – сказала Нэнси.

– Ух ты? – эхом повторила я.

Нэнси и Джойс переглянулись, после чего Нэнси повернулась ко мне.

– Наверно, вы хотели сделать прическу и накраситься уже на работе?

Я потрогала волосы, затем губы, затем в ужасе посмотрела на Нэнси. Я была так горда тем, что приняла душ, оделась и вышла за дверь, и меня ни разу не стошнило, что совершенно забыла причесаться или нанести макияж.

Нэнси стояла, сжимая в руке внушительную косметичку с узором в зеленый ромбик и большим мячом для гольфа, вышитым сбоку.

– Не волнуйтесь, я всегда прихожу во всеоружии.

Она вышла из-за стола, и я заметила, что они обе вновь занимались вязанием. Я посмотрела на крошечные, наполовину готовые вязаные козырьки для гольфа – синий и розовый.

– Вы уже закончили вязать одеяльца?

Нэнси кивнула.

– Я уже пообещала Джеку, что научу ребенка играть в гольф, поэтому решила, что он или она должны быть готовы.

Я надеялась, хотя бы ради Нэнси, что это будут мальчик и девочка. Чтобы ей не вязать заново.

– У меня близнецы, – сказала я надтреснутым голосом. Мы еще даже не сказали нашим родителям – после вчерашнего фиаско с визитом Гилбертов.

Они обе улыбнулись.

– Двойняшки! Как здорово! – в один голос сказали они. Моя собственная улыбка дрогнула.

– Да, именно так. Просто к этому нужно привыкнуть, вот и все.

– Так бывает при любой беременности, – сказала Нэнси, беря меня за руку.

Я на миг задумалась.

– Пока не забыла. – Я вытащила блокнот, который всегда хранила в сумочке вместе с зубной пастой и щеткой. – Пожалуйста, запиши имена людей, с которыми я не хочу разговаривать. Любой человек по фамилии Гилберт, Ребекка Эджертон или Сьюзи Дорф. Если позвонит мистер Дрейтон или кто-то из моих родителей, я отвечу. То же самое касается и детектива Райли из полиции Чарльстона.

Джойс деловито записала имена.

– А что насчет мистера Тренхольма? В каком списке он на этой неделе?

Я бросила взгляд на Нэнси, но та лишь пожала плечами.

– Я учу ее всему, что знаю.

– У него есть номер моего мобильного, – сказала я со всем достоинством, на какое только была способна, – но если он позвонит в офис, я отвечу на звонок.

– Но спроси еще раз завтра, – бросила Нэнси через плечо, ведя меня за собой обратно в мой кабинет.

Проведя пятнадцать минут с Нэнси и ее косметичкой, я вновь приобрела почти человеческий вид. Она показала мне большие пальцы и ушла, чтобы вновь заняться вязанием, отрабатывать удар клюшкой и время от времени отвечать на телефонные звонки.

Я включила компьютер и рассеянно уставилась на свое почти пустое расписание дел. Я старательно избегала доски почета рядом с кабинетом мистера Гендерсона, так как знала, что уже больше не «номер один». У меня было ощущение, что я даже не в десятке лучших. И хотя знание этого прискорбного факта не разжигало во мне, как раньше, огонь, все равно это чуточку раздражало. У меня был список потенциальных просмотров домов и несколько телефонных сообщений, на которые нужно было ответить. Я несколько раз пролистала их и уже собиралась прилепить листок на угол стола, чтобы разобраться с ними позже, когда в моей голове эхом раздалось слова доктора Уайз, напоминая мне, почему так важно действительно зарабатывать деньги. Поздравляю. У вас близнецы. Если я планирую в одиночку содержать своих детей, мне нужно было чем-то заняться.

С максимальным энтузиазмом, на какой я была способна, я сделала несколько телефонных звонков и даже сумела записать в свой календарь несколько встреч – посмотреть дом, показать дом и включить дом в мой реестр. Это было необычно мало для меня, но я чувствовала себя лучше, зная, что снова погружаюсь в мир заработков. Возможно, в обозримом будущем мне придется купить дом, чтобы жить в нем. Я не хотела серьезно рассматривать переезд к матери. С меня хватит того, что я не замужем, беременна и мне больше сорока. Жить с матерью – это значит спрыгнуть со скалы в мир жалости к себе любимой. Приятно было осознавать, что после всего, что случилось, у меня, по крайней мере, сохранилась гордость.

Закончив, я вернулась к своему компьютеру, поискать новые объявления о продаже домов, чтобы показать их Джеку. Найти идеальный дом оказалось гораздо сложнее, чем я ожидала: полный список его требований не подходил ни к одному из домов. Если дом был достаточно старым, в нем было мало места. Если в доме имелись просторный двор и сад, сам он был недостаточно стар. Я делала заметки о возможных вариантах, когда по внутренней связи прозвучал голос Нэнси.

– К вам детектив Райли, мисс Миддлтон. Он говорит, что пришел по делу.

Я выпрямилась, радуясь тому, что позволила Нэнси поправить мне прическу и макияж.

– Пусть войдет.

Я встала и, приглаживая волосы, обошла стол. Какое счастье, что на мне не тот злосчастный костюм, на котором я недавно заменила пуговицу и в котором я была, когда впервые встретила Томаса. Вместо этого на мне было красное платье для беременных, которое мне выбрала мать. Несмотря на мое нежелание покупать его, я знала: красный цвет мне к лицу, а главное, оно не цепляется за мои новые выпуклости, создавая иллюзию прежней стройной фигуры.

Я прислонилась к своему столу, силясь выглядеть непринужденно, но потом подумала, вдруг, наоборот, это выглядит так, будто я слишком стараюсь. Я выпрямилась. Лучше сделаю-ка я вид, будто разговариваю по телефону и ужасно занята, а не просто стою и жду. Я взяла со стола свой айфон, но тут же уронила его на пол. К тому времени, как Нэнси

проводила детектива Райли в мой кабинет, я стояла на четвереньках под столом.

– Вам помочь? – спросил он, не без юмора в голосе.

Не желая, чтобы кто-либо, кроме Генерала Ли, был свидетелем того, как я перекатываюсь на бок – самый простой способ перейти из положения лежа в положение стоя – я кивнула.

– Если не возражаете.

Хотя Томас и был таким крупным, он оказался на удивление нежным. Бережно взяв меня под мышки, он помог мне встать на ноги. С деликатной точностью убрав несколько прядей моих волос, прилипших к губной помаде, он наклонился, чтобы поднять мой телефон и вручить его мне.

Я тотчас же поднесла его к уху.

– Я перезвоню тебе позже, – сказала я и положила телефон на стол, слишком поздно сообразив, что тот лежит так, что заблокированный экран виден как на ладони. Джек наверняка бы отпустил комментарий, чтобы сообщить мне, что застукал меня на лжи, но Томас, как истинный джентльмен, промолчал.

Я ощутила легкое разочарование, но оно быстро прошло. Как можно грациознее я подошла к своему стулу и указала Томасу на один из стульев напротив.

– Рада видеть вас, Томас. Чем могу быть вам полезна?

Он поставил локти на колени и, сцепив руки, подался вперед.

– Вообще-то это визит вежливости. Произошло несколько событий...

– Событий? У вас есть окончательные лабораторные отчеты по останкам?

– Не совсем. – Я ожидала, что он, как Джек, потрет подбородок, но вместо этого его руки остались скрещенными и неподвижными. – Это займет некоторое время. Но я хотел заранее предупредить, что это может быть взаимосвязано.

Я приподняла бровь, но тотчас опустила ее, вспомнив, как она оставила морщинку на лбу Ребекки.

– Я уверен, вы уже читали статью о мистере Вандерхорсте.

Я посмотрела на потолок.

– Я начинаю думать, что, наверно, я единственная во всем Чарльстоне, кто этого не сделал. Я пропустила несколько телефонных

звонков от репортерши, так что, думаю, мне придется подождать до воскресенья, чтобы ее прочитать.

– К счастью, у меня в газете есть свой человек.

Он полез в карман куртки и вытащил айфон.

– Подождите секунду, я перешлю ее вам. Какой у вас электронный адрес?

Я уже была готова дать ему адрес своей личной электронной почты – AVBA # 1FAN, – но передумала и вместо нее дала служебный. Как только мой телефон пискнул, я подняла его, просмотрела почту и открыла письмо. Я уставилась на него и заморгала. Черт, как же мне вытащить из ящика стола очки для чтения так, чтобы он этого не заметил, а затем отвлечь его на какое-то время, чтобы он не увидел, как я их надеваю.

– Вам одолжить мои очки для чтения? – Томас уже полез в карман.

– Нет, все в порядке. Думаю, они у меня здесь. – Я открыла ящик и на миг притворилась, будто в нем роюсь. – Ага, вот они.

Статья, похоже, была скопирована и вставлена в электронное письмо, поскольку там не было никакого форматирования, кроме абзацев. Но заголовок был напечатан крупным, жирным шрифтом, каким наверняка был напечатан и в воскресной газете:

«Вандерхорсты с Трэдд-стрит.

Последний в роду или тайный самозванец? Новые факты требуют судебного решения».

Мои глаза слезились и саднили, как будто я чистила лук, но я не могла остановиться. Я прочла первые строки:

«Невин Вандерхорст всю свою жизнь прожил в доме своих предков на Трэдд-стрит, 55, и когда умер, не оставив наследников, то был последним в длинной череде представителей старинной чарльстонской семьи. Не имея известных ему родственников, мистер Вандерхорст завещал свой почтенный дом риелтору Мелани Миддлтон, с которой он встречался только один раз в жизни, всего за несколько дней до своей смерти.

И тут на сцену выходит пара ньюйоркцев, Ирэн и Джордж Гилберт. Вдохновленная после смерти отца мистера Гилберта полученным в наследство старым морским сундуком, Ирэн взялась исследовать генеалогическое древо своего мужа, тем более что оно оказалось крайне запутанным».

Пролистав ниже, мимо картинки дома – моего дома, – я наткнулась на фото Гилбертов, предположительно с двумя их сыновьями-подростками.

Я посмотрела на Томаса, затем, чувствуя себя автомобилистом, глазеющим на крушение поезда, вернулась к статье. Вот только казалось, что под обломками вагонов похоронена именно я.

«Внутри сундука миссис Гилберт нашла детский чепчик из кружева и полотна, а также предсмертное признание Бриджит Монахан Гилберт, датированное 1898 годом. Прежде чем переехать в Нью-Йорк, мисс Монахан служила на Трэдд-стрит, дом номер 55, и то, что, по ее словам, она сделала по просьбе семьи, на которую работала, вынудило миссис Гилберт заняться поисками ключей к разгадке тайны, взятой прямо из книги Джека Тренхольма».

Я попыталась прокрутить дальше, но больше ничего не было.

– Где остальная часть статьи? – спросила я дрогнувшим голосом.

Томас виновато посмотрел на меня.

– Боюсь, это все, что напечатано на этой неделе. Следующая часть вряд ли еще даже написана – мисс Дорф не терпится увидеть, как все будет развиваться дальше. Похоже, они хотят растянуть эту историю на несколько недель – если не дольше, в зависимости от моего расследования и того, что мы обнаружим. И что там будет с собственностью на дом. Судя по всему, вся серия посвящена старым семьям Чарльстона и их домам – так что история, если потребуется, может растянуться на годы, и она может просто заполнять недели, когда ничего не происходит, рассказами о других семьях.

Я потянулась к шарфу на шее, чтобы ослабить его, и лишь затем поняла, что его там нет.

– Так что я должна ждать неизвестно сколько, а тем временем мое имя будет вываляно в грязи. Послушать ее, я не то силой, не то хитростью уломала мистера Вандерхорста, и он завещал мне свой дом.

– Я предлагаю вам позвонить журналистке и рассказать свою версию истории, чтобы она не казалась такой однобокой. Я бы также нанял юриста.

– То же самое сказал и Джек.

– Значит, мы оба печемся о ваших интересах.

– Я не уверена, что мне нужен адвокат. Неужели мы не можем просто поговорить об этом, как разумные взрослые люди?

Томас сразу ничего не сказал, и по моей коже пробежал холодок нехорошего предчувствия.

– Думаю, адвокат нужен вам уже сейчас. Гилберты добиваются постановления суда об эксгумации останков мистера Вандерхорста для извлечения образцов ДНК.

От возмущения я выпрямилась на стуле.

– Что это докажет?

Томас снова на миг умолк.

– Возможно, ничего. Но они хотят сравнить ДНК Вандерхорста с ДНК мистера Гилберта, чтобы доказать, что они родственники.

– И мне, чтобы помешать им, нужен адвокат?

– Боюсь, вы не сможете этого сделать. Но адвокат будет знать, как замедлить процесс, по крайней мере, до тех пор, пока вы не узнаете, на чем стоите, и сможете построить собственную защиту.

Я понурила плечи.

– Или же он поможет мне объявить о банкротстве. Вряд ли эта статья заставит толпы продавцов устремиться ко мне.

Томас мягко улыбнулся. Это была улыбка Джека, но без той дерзинки, которая всегда обжигала мое сердце.

– Вы удивитесь, узнав, как люди реагируют на вещи. Бьюсь об заклад, покупатели будут без конца названивать вам в понедельник. Ведь вы риелтор с большой буквы.

– Во всяком случае, была им раньше, – сказала я, потирая живот, когда тот громко заурчал.

– Проголодались? – спросил Томас.

Я кивнула.

– Сегодня утром я не смогла запихнуть в себя ничего, кроме соленого печенья.

– А как вам яйца? Иногда беременные женщины не переносят даже мысли о них.

– Съела бы около дюжины прямо сейчас. Желательно с беконом, печеньем и подливкой. – Я наклонила голову. – Откуда у вас такие богатые знания о беременных женщинах?

– У меня три сестры и двенадцать племянников на троих. Я так много знаю о беременности и развитии ребенка, как будто сам был беременным.

Я рассмеялась, на миг забыв о злосчастной заметке, и с благодарностью посмотрела на него.

– Так где я могу купить яйца? – Он встал и подошел к моему стулу. – Я тут как раз собрался приготовить омлет, и моя квартира прямо на Бэй-стрит, если только вас не отпугнет мой холостяцкий беспорядок.

Я заколебалась, глядя на мой компьютер и блокнот.

– Но мне действительно нужно работать...

– Но вы голодны и едите за двоих.

– Вообще-то за троих.

Поняв, что я имею в виду, он сделал большие глаза.

– Вот это да! Поздравляю. – Судя по его лицу, его радость была искренней. По крайней мере, он не выбежал с криком из комнаты.

– Почему вы так добры ко мне? – спросила я, внезапно охваченная подозрением.

– Потому что вы мне нравитесь. Вы... другая.

– Странная? – спросила я, не зная, какой ответ я хотела бы услышать.

– Да. В хорошем смысле. И я хотел бы узнать вас ближе.

– Хотя я беременна?

Он усмехнулся.

– Что я могу сказать? Я люблю детей. Спросите моих племянниц и племянников, кто их любимый дядя. Так как насчет этих яиц?

В животе у меня вновь заурчало. Он отодвинул мой стул, и я встала.

– Только если вы не против готовить.

– Я люблю готовить. Моя мать и сестры позаботились о том, чтобы я знал, как это делается, чтобы в один прекрасный день какая-нибудь бедная женщина захотела выйти за меня замуж.

Я невольно улыбнулась, представив, как его сестры учат своего красавчика брата готовить – как будто для привлечения женщин ему понадобился этот навык. Положив руку мне на поясницу, Томас повел меня к двери моего кабинета, но затем остановился.

– Итак, вы и Джек...

– Мы не пара.

Казалось, что ему полегчало.

– Но... – Его взгляд переместился на мой живот.

– Да, он отец. И он хочет принимать самое активное участие в жизни своих детей.

Я представила, как Джек покупает минивэн, и была вынуждена подавить задумчивую улыбку.

– Но кроме этого, никаких обязательств нет.

Томас запрокинул голову.

– То есть он не предложил вам выйти за него замуж, когда узнал, что вы беременны?

Я вздохнула и прислонилась к двери.

– Он предложил. Но я ему отказала. Он сделал это лишь потому, что считал это правильным. Он не любит меня, я же не хотела, чтобы долг был единственной причиной, почему он женился на мне. Так что я сказала «нет».

Он пристально посмотрел на меня. Наверно, точно таким же взглядом он привык осматривать место преступления, чтобы убедиться, что не упустил ничего важного.

– Откуда вы знаете, что он вас не любит?

Моя улыбка дрогнула.

– Потому что, когда я сказала ему, что люблю его, он сказал только, что сожалеет.

– Понятно, – сказал он и посмотрел мне в глаза. – Вы все еще его любите?

«Да», – едва не крикнула я. Но увидев полное надежды лицо Томаса, поняла, что, если я серьезно собираюсь двигаться дальше, я не могу сказать ему правду.

– Не знаю, – сказал я вместо этого.

– Хорошо, – сказал он, открывая дверь, чтобы я вышла первой. – По крайней мере, у меня есть шанс.

Размышляя о шансах, я вышла из своего кабинета. Странно, почему его слова внезапно меня так опечалили?

Глава 12

Я шла по садовой дорожке дома моей матери на Легар-стрит мимо цветущих кустов мирта и самшита, душистых чайных деревьев, чей аромат порхал между листьями и цветами, как привидение.

Это был дом моей бабушки, единственное место, где в детстве я чувствовала себя по-настоящему дома. Бабушка Сара умерла, когда я была маленькой девочкой, но ее присутствие здесь было столь же ощутимо, как сырость, пропитывавшая город большую часть года. Бабушка однажды сказала мне, что, если я не буду играть на солнце, у меня будет хорошая кожа, так как высокая влажность не даст ей пересыхать. Я была почти рада, что сейчас она меня не видит. Или, по крайней мере, молчит по этому поводу.

– Это двойня, не так ли? – спросила мать еще до того, как я подошла к ней. Она сидела за кованым столом рядом с кормушкой для колибри, которую отец подарил ей на Рождество. Я вздохнула. От нее невозможно ничего скрыть. Как бы ни скучала я по ней в детстве, я также хорошо понимала: наличие матери-экстрасенса в подростковом возрасте может быть отнюдь не подарком.

Я сняла с плеча сумочку и поставила ее на один из стульев.

– Мы с Джеком устраиваем барбекю у меня дома в субботу с его родителями. Мы собирались сказать вам в самый последний момент. Можешь хотя бы сделать вид, что для вас это сюрприз?

– Постараюсь, – с улыбкой ответила она. Я села и заметила на земле небольшую картонную коробку, скрепленную полосками старой малярной ленты. – Что это?

– Твои детские вещи.

Я уставилась на коробку. Мне с трудом верилось в ее существование. Мать исчезла из моей жизни, когда мне было шесть лет, и моя кочевая жизнь с отцом-военнослужащим означала, что мы путешествовали налегке, что оставляло мало места для чего-то столь сентиментального, как детская одежда.

– Где ты ее нашла? – спросила я.

– Где бы я ни жила, я держала коробку в шкафу, чтобы она всегда была под рукой. На тот случай, если тебе понадобятся доказательства

того, что я тебя не забыла.

Я моргнула, надеясь, что если что-то и щиплет мои глаза, то только не слезы.

– А почему именно сейчас?

– Я подумала, что тебе больше не нужны доказательства. Но, возможно, ты захочешь перебрать эти вещи, вдруг тебе что-нибудь приглянется для твоих детей. Тут есть одеяла, чепчики и пара платьиц, которые твоя бабушка сшила для меня, когда я была маленькой. Я всегда считала, что старые вещи как старые дома – они объединяют прошлое и настоящее.

Я встретила с ней взглядом, в ее глазах тоже блестели слезы.

– Я долго их не стирала, – задумчиво продолжила она, – чтобы всякий раз, прижимаясь лицом к одному из одеял, чувствовать твой запах. Но потом поняла, что все же лучше их как следует почистить перед хранением. Все они в идеальном состоянии.

Я потеряла глаза, как будто от этого их перестало бы щипать.

– Ты через все это прошла? – Я наклонилась, чтобы поднять коробку, но мать затаенной в перчатку рукой остановила меня.

– Я сама. Тебе нельзя поднимать тяжести, даже если тебе не кажется, что это тяжело.

– Мама...

Она посмотрела на меня взглядом, не допускающим возражений. Интересно, научусь я в ближайшем будущем подражать ему или это был естественный дар, свойственный всем матерям?

Она подняла коробку и поставила ее на стол. Открыв крышку, она вытащила несколько слоев папиросной бумаги и начала аккуратно выкладывать на нее предметы детской одежды – платья и другие наряды в нежно-розовых и пастельных тонах, мягкие одеяла, крошечный купальный костюмчик в яркий горошек и большой бант, а еще пакет, полный пластиковых заколок и цветных резинок для волос.

Я подняла сумку.

– Это мои или Софи?

– Конечно, твои. До трех лет ты была лысой, как шар для боулинга. Даже когда на тебе были розовые платья, люди думали, что ты мальчик. И я импровизировала. К сожалению, твои волосики были такими редкими, что большинство заколок и лент просто соскальзывали с твоей головы. Признаюсь, я в нескольких случаях

ради снимка использовала скотч, чтобы закрепить бант. – Она вздохнула. – Просто я не хотела, чтобы ты чувствовала себя дурнушкой, потому что посторонний человек или фотограф пренебрежительно о тебе отозвался бы. Я знала, что ты вырастешь в красавицу. И я была права.

Мои глаза продолжало щипать. Я смотрела на сумку, не помня той маленькой девочки, о которой говорила моя мать. Не помня мать, которая хотела защитить своего ребенка. Я откашлялась.

– Надеюсь, что хотя бы один из младенцев – девочка. Вдруг у нее будут волосы, как у Джека. Только не говори ему, что я так сказала, но такой шикарной шевелюры, как у него, я больше ни у кого не видела.

Моя мать ласково улыбнулась.

– Можешь не волноваться. Твой секрет будет со мной в безопасности. Но если дети будут похожи на маму, это тоже было бы неплохо.

Смутившись, я покопалась на дне коробки и вытащила большую книгу в твердой обложке со спиральным переплетом. Переднюю обложку украшал розовый кролик с бантиками на ушках, жующий морковку.

– Что это?

– Это начиналось как твой детский альбом, но после моего отъезда он стал больше напоминать альбом всех твоих достижений.

Я открыла переднюю обложку и обнаружила внутри кусок картона с двумя невероятно маленькими отпечатками ножек посередине.

– Мои? – спросила я, едва выдавив из себя единственное слово.

– Да. – Она протянула руку и перевернула страницу. Там к бумаге был приклеен небольшой завиток волос, скрепленных крошечным розовым бантиком.

– А это волосы от твоей первой стрижки. Тебе было четыре с половиной года, и ты особо в ней не нуждалась, но всех твоих подружек подстригли, и я не хотела, чтобы ты думала, что ты осталась в стороне.

Я осторожно потрогала локон указательным пальцем, поражаясь тому, насколько он прекрасен и легкий.

– Значит, я была светловолосой.

– Как и большинство младенцев. Но только не Джек. Он родился с копной густых темных волос.

– Еще бы. И наверняка улыбнулся медсестре, и у него появилась ямочка, и она принесла ему еще молока.

Мать тихонько рассмеялась, а я перевернула другую страницу. Там было полно моих фотографий в том же доме и в саду. На большинстве я сидела на качелях или на скамейке. На одном из снимков, посреди фонтана, я была сфотографирована голышом.

Это были снимки, которых я никогда не видела и даже не подозревала об их существовании – фотографии с моей бабушкой и родителями, и с маленькими друзьями, чьих имен я уже не помнила.

Я придвинула альбом ближе, чтобы рассмотреть сцену на пляже. Мне было лет пять или шесть, и там был темноволосый мальчик помладше, сидевший на песчаном замке – вернее на том, что от него осталось, – а юная версия меня любимой стояла руки в боки, готовая вот-вот расплакаться. Позади меня, на песке, был аккуратно разложен набор инструментов для строительства песчаных замков.

– Некоторые вещи никогда не меняются, не так ли? – сказала мать, наклоняясь, чтобы рассмотреть фотографию.

– Это Джек? – спросил я, уже зная ответ.

– Конечно. Посмотри, сколько удовольствия он получает, сидя на твоём песчаном замке.

Я покачала головой.

– Когда мы познакомились несколько лет назад, я не помнила, чтобы знала его, когда мы были детьми.

– Хотя мы с Амелией и были близкими подругами, наши жизни были такими разными, что, когда у нас родились дети, мы почти не виделись. А потом я уехала... – Она глубоко вздохнула. – У родителей Амелии был дом на Эдисто, и мы несколько раз брали тебя туда с Джеком. Нечасто, потому что вам двоим нравилось мучить друг друга. Из-за ваших ссор нам было не до отдыха.

«Некоторые вещи никогда не меняются, не так ли?» Я не знала, плакать мне или смеяться.

Фотографии закончились, когда мне исполнилось примерно шесть лет. Последние страницы альбома были заполнены вырезками из старых газет, сделанными после окончания школы и колледжа, а затем из моих объявлений о продаже и покупке недвижимости.

– Ты все это собрала?

– Я попросила друзей вырезать их и присылать мне. – Подавшись вперед, мать показала на мое фото в одном из последних рекламных объявлений.

– Я рада, что ты отказалась от этой прически, Мелли. Скажем так, не самый лучший выбор.

Конечно, она была права. Жаль только, что ее не было со мной до того, как я сделала эту дурацкую стрижку.

– Мама!

Она посмотрела на меня. Ее глаза светились.

– Да?

– Я рада, что ты сейчас здесь. Я понятия не имею, что делаю, и понятия не имею, как быть мамой. И я хочу, чтобы ты знала: я безмерно благодарна за то, что ты рядом со мной, чтобы указать мне путь.

– Я лишь пытаюсь наверстать все те годы, что отсутствовала здесь ради твоего же блага, – сказала она, обняв меня. – Я не ожидала, что ты подаришь мне внуков-близнецов, чтобы дать мне такую возможность, но я все равно рада. – Она крепко обняла меня, и у меня появилось искушение остаться в ее объятиях надолго, по крайней мере, до тех пор, пока все мои страхи и опасения по поводу грядущего материнства не улягутся до приемлемого уровня. На что могут уйти годы. Мать медленно отстранилась. – Ты принесла крестильное платьице?

Я кивнула.

– Вопреки здравому смыслу.

– Мелли, мы должны выяснить правду до того, как это сделают Гилберты. У нас есть это платьице, а у них – нет. Давай я тебе помогу. Пожалуйста.

– Если это из-за неуместного чувства вины...

– Почему ты считаешь его неуместным? – перебила она меня. – Кроме того, я твоя мать. И хочу помочь. – Она начала складывать детскую одежду обратно в коробку. – Давай сначала уберем все со стола.

Поколебавшись, я начала складывать маленькие платья и свитера, а когда мы закончили, полезла в сумочку и вытащила платье, теперь уже завернутое в чистую наволочку.

– Вряд ли это хорошая идея. Завтра мы встречаемся с Ивонной и узнаем, кто такая Сьюзан Бивенс...

– Все это хорошо, – сказала мать. – Но она не скажет, кто его тебе прислал. Или кому это принадлежит.

Я осторожно положила наволочку на стол и стала ее раскатывать, постепенно обнажая старое полотняное платье. Мы с матерью впились в него глазами.

– Ты показывала его кому-нибудь? Детективу Райли?

Я покачала головой.

– Его видела только Софи. Но я сказала о нем Джеку. Мы собирались задать Ивонне несколько вопросов, и он упомянул чепчик. Я подумала, что он должен знать, что и то и другое вышло из рук одной и той же швеи.

– Хорошо. На данный момент это наше секретное оружие, поэтому чем меньше людей узнает о нем, тем лучше. – Она села и указала на стул рядом с собой. Я тоже села и протянула руку.

Мать покачала головой.

– С младенцами лучше не рисковать. Если я морально готова, – а я сейчас готова, – и если хочу что-то узнать, а не удивить, то я справлюсь. Поможет и то, что со мной рядом ты, и мы в саду твоей бабушки. Вместе мы сильнее любого призрака.

– Ты точно в этом уверена? – Мать лишь недавно вернулась в мою жизнь, и я не хотела отпускать ее снова слишком скоро. Я наклонилась к ней ближе и с легким удивлением отметила для себя, что сегодня она выглядит даже лучше обычного. Ее глаза сверкали, кожа блестела. Даже щеки и те порозовели. Несмотря на ее бодрый внешний вид, я должна была еще раз убедиться.

– Джек сказал мне, что вчера вечером после того, как ты дотронулась до чепчика Гилбертов, отец был вынужден отвести тебя домой.

Румянец на ее щеках стал еще заметнее, и я вспомнила, что Софи говорила о моем отце – что сейчас он практически живет в ее доме. Хотя когда-то они были женаты достаточно долго, чтобы родить ребенка, эта мысль все же слегка напрягала. Все-таки это мои родители.

Я откинулась на спинку стула.

– Было дело. Похоже, ты полностью выздоровела. Так что, если ты уверена...

– Я уверена, – ответила она, снимая с рук садовые перчатки. Я достала сотовый телефон и положила его на стол.

– На тот случай, если мне нужно будет набрать девять-один-один, – объяснила я в ответ на ее немой вопрос.

– В этом не будет необходимости...

– Не спорь со мной, хорошо?

Она кивнула и сосредоточила свое внимание на платье, лежавшем на наволочке посреди садового стола. Она повернула голову в сторону.

– Ты чувствуешь этот запах?

– Запах чего? – медленно спросила я.

– Запах роз. Такой сильный, как будто я на свадьбе. Или на похоронах.

Я глубоко вдохнула через нос, но ощутила лишь запах самшита и старых газет, которые все еще прилипли к полотну крестильного платья. Я на всякий случай сделала еще один глубокий вдох и покачала головой.

– Нет. Я совсем не чувствую запаха роз, – сказала я и, прежде чем она успела задать свой следующий вопрос, добавила: – И я никого не вижу.

– Думаю, это Луиза Вандерхорст.

– Но она ушла после того, как мы обнаружили ее останки под фонтаном и раскрыли тайну ее исчезновения. Почему она вернулась?

– Возможно, чтобы оказать услугу за услугу – как одна мать другой матери.

Мы посмотрели друг на друга в безмолвном понимании, и я представила, как моей щеки коснулась холодная рука. Мать еще раз посмотрела на крестильное платье и, глубоко вздохнув, подалась вперед и положила ладони на пожелтевшую ткань.

Зажав в руке телефон, я наблюдала, как ее тело напрягается, как поднимается и опускается ее грудь. Ее руки дрожали, но она не убрала их с платья. Ее губы шевелились, произнося слова, которых я не слышала; они предназначались не мне. Я с ужасом и восхищением наблюдала за тем, как платье под ее пальцами начало корчиться, как будто внутри него был живой ребенок, два крошечных рукава потянулись к ней.

Металлический стул и стол под моими ладонями покалывали мне кожу, как будто покрытые инеем. Я же была настолько заморожена происходящим, что сидела не шелохнувшись. Мать резко открыла глаза – два угольно-черных глаза, которые я не узнала, когда они посмотрели на меня. Я попыталась отодвинуть стул, чтобы создать между нами дистанцию, но что-то – кто-то – удерживал меня на месте.

Эти неузнаваемые глаза смотрели на меня с яростью и ненавистью. Это была не моя мать. Не кто-то из тех, кого я знала. Я могла лишь, окаменев, сидеть и смотреть и молиться, чтобы моя мать вернулась.

Стол затрясся под ее руками, платье дергалось и скручивалось, стулья дребезжали. С приоткрытых губ моей матери вырвался сдавленный, потусторонний стон, а мой собственный рот приоткрылся от удивления и ужаса. Она резко вскочила на ноги и перегнулась через стол. Ее лицо было совсем близко, и я ощутила запах влажной, темной земли.

Я хотела закрыть глаза, но что-то удерживало их открытыми, заставляя меня смотреть на нее.

Ее рот широко открылся, и с пронзительным завыванием ветра, принесшим с собой запах влажной земли и гниющих листьев, меня обволокло слово: «Мое».

* * *

Мать спала на кушетке в передней гостиной, старый витраж позади нее как будто накрывал ее цветным одеялом. Я сидела в кресле рядом с ней, все еще дрожа и прислушиваясь к ее дыханию.

Как только это слово сорвалось с губ моей матери, она рухнула на стул; что бы там ни владело ею, оно исчезло вместе с запахом смерти. Она не теряла сознания, просто обессилела. Она позволила мне отвести ее к дивану и помочь ей лечь. Она уснула еще до того, как я сняла с нее туфли.

Я услышала, как в замке входной двери повернулся ключ. Насвистывая мелодию песни «Fever», кто-то вошел в дом. Дойдя до середины фойе, тяжелые шаги остановились.

– Джинни? Это я, твой сексик-кексик. Где ты?

Ошарашенная, я промолчала.

– Ты в кровати? Это, безусловно, облегчает жизнь.

Шаги приблизились к лестнице, но как только они переступили порог гостиной, я крикнула:

– Папа, это ты?

Шаги на миг замерли, затем двинулись обратно.

– Мелани?

Не знаю, кто из нас двоих смутился больше, но готова поспорить, что алый оттенок его щек наверняка мог посостязаться с моим.

В руках у отца был букет красных амариллисов, и я ощущала легкий запах лимонного одеколona. Сексик-кексик? Ко мне, похоже, возвращалась утренняя тошнота.

– Привет, Мелани. Не ожидал увидеть тебя здесь...

Он не договорил, так как заметил на диване мою мать. Он быстро пересек комнату и опустился рядом с ней на колени.

– С ней все в порядке?

– Думаю, да. – Зная мнение отца про дар моей матери в частности и про паранормальные явления в целом, я сомневалась, смогу ли я ему поведать о произошедшем. – Она очень устала, и ей хотелось было лечь. Мне нужно задать ей несколько вопросов, и я решила подождать, пока она проснется.

Отец странно посмотрел на меня. Он явно видел, что я многое не договариваю, но знал, что лучше не спрашивать. Положив цветы на журнальный столик, он поправил на матери одеяло и сел рядом со мной.

– Как твои дела? – тихо спросил он. – Ты выглядишь...

Не умея врать, он умолк.

– Как беременная? Я знаю. Надеюсь, это только в первом триместре.

Похоже, я его не убедила.

– Твоя мать пришла в норму сразу после твоего рождения, так что я бы не беспокоился. – Он с улыбкой посмотрел на мою мать. Ее дыхание все еще было ровным, глубоким. – А теперь посмотри на нее.

Сумей я забыть тот факт, что это мои родители, я бы, возможно, сочла всю эту любовь старшего возраста очень даже милой. Я посмотрела на него, пытаюсь вспомнить что-то такое, о чем все время забывала спросить. А затем вспомнила разговор в саду с Ричем Кобилтом – про счет, который он выставил, но который так и не был оплачен.

– Папа, могу я тебя кое о чем спросить?

– Конечно, дорогая. Спрашивай что хочешь.

– Остались ли в фонде деньги для дальнейшей реставрации моего дома?

Его глаза на миг скользнули прочь от меня, и я почувствовала, как что-то свернулось в том месте, где было мое сердце.

– Конечно, деньги у нас есть. Да, в свое время мы вложили гораздо больше, чем предполагалось, но я был вынужден обналечить часть активов, чтобы оплатить более насущные нужды, такие как ремонт крыши и фундамента. Как ты помнишь, эти работы не могли ждать, когда придет очередной чек.

Он протянул руку и похлопал меня по ноге, совсем как раньше, когда я была маленькой и спрашивала его, собирается ли он бросить пить.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что у меня был разговор с Ричем Кобилтом про счет, который он выставил за ремонт фундамента. Он сказал, что не получил платеж, что довольно необычно, потому что ты всегда оплачивал его счета вовремя.

Он почесал подбородок.

– Я уточню. Я уверен, что это просто ошибка. Наверное, его счет потерялся среди корреспонденции или что-то в этом роде. Не беспокойся. – Отец улыбнулся, но меня это не успокоило.

Мать застонала. Мы повернули головы и увидели, что она открыла глаза. Ее взгляд на миг задержался на моем отце, а затем скользнул к моему лицу.

– С тобой все в порядке? – озабоченно спросила она.

– Я в порядке, мама. Как ты себя чувствуешь? Ты снова едва не потеряла сознание.

– Что? – ужаснулся мой отец.

Я взяла с журнального столика амариллисы и протянула их ему.

– Пап, будь добр, поищи на кухне вазу, чтобы их поставить.

Ободряюще кивнув моей матери, отец вышел из комнаты, оглянувшись только дважды. Я помогла ей сесть и накинула ей на плечи одеяло. В комнате было тепло, но ее руки были покрыты гусиной кожей, как будто все, что она пережила, еще не покинуло ее полностью.

– Что случилось? – спросила я. – Что ты видела?

Когда она вновь посмотрела на меня, в ее глазах застыла тревога.

– Я снова видела женщину и две колыбели.

– И обе были пусты?

Она кивнула.

– И совершенно одинаковые... черные, с необычными полозьями в форме эгреток.

При этом описании вверх по моему затылку прошествовали чьи-то крошечные ножки. Оно соответствовало не только колыбели на моем чердаке, но и той, что Софи видела в Чарльстонском музее. Колыбель Вандерхорстов.

– Кто она такая? – спросила я. Внезапно у меня пересохло в горле.

– Не знаю. – Мать покачала головой. – Извини, я не смогла добыть более полезную информацию. Но у меня было очень странное ощущение...

Положив локти на колени и подперев голову руками, она подалась вперед.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не уверена. – Она опустила руки и встретилась со мной взглядом. – Я не знаю ни ее имени, ни того, кто она такая, но у меня сложилось четкое впечатление, что она – обиженная сторона.

– Обиженная сторона?

Длинные пальцы матери начали мять одеяло.

– Она злится, потому что колыбели пусты, а так не должно быть. – Она тяжело сглотнула. – Она ищет своих детей, потому что не знает, где они.

Пару минут я молча смотрела на нее, пытаюсь понять то, что она мне только что сказала.

– Перед тем как упасть в обморок, ты сказала одно слово... ты сказала: «Мое». Я слышала это же слово, когда клавиши рояля играли сами по себе. По-моему, это та же женщина, которая пыталась уронить на меня люстру и хотела задушить меня, когда мы стояли в фойе с Гилбертами.

Я посмотрела матери в глаза.

– Я ей явно не нравлюсь, но что такого у меня есть, что, по ее мнению, принадлежит ей?

Взгляд моей матери скользнул вниз к моему животу, а затем обратно к моему лицу. Инстинктивно я прикрыла ладонями живот, как будто это могло защитить младенцев от чего-то, чего не понимала даже я сама.

– Мы сильнее, чем она. Помни это. Мы выясним, кто она и чего она хочет, и отправим ее туда, где ей место.

Мы услышали, как отец что-то насвистывает, шагая к нам из кухни. Паника во мне нарастала.

– Что, если я не желаю давать ей то, чего она хочет? – сказала я и резко встала, готовая дать стрекача.

– Тогда мы найдем другой способ. – Ее взгляд был жесток и холоден, как у мамыши-аллигаторши, охраняющей свое гнездо.

– Вот и мои девочки, – сказал отец, появившись в дверях с вазой с цветами, не подозревая о темных течениях, наводняющих комнату.

Я заставила себя улыбнуться. Слова матери не шли у меня из головы. Я отчаянно пыталась поверить, что она права, и смертельно боялась, что это не так.

Глава 13

Поздно утром в понедельник, когда я проходила мимо стойки в фойе, чтобы вместе с Джеком отправиться на встречу с Ивонной Крейг, Нэнси Флаэрти вручила мне толстую стопку розовых листков с сообщениями. Я все утро разговаривала по телефону с потенциальными клиентами, и, похоже, еще больше клиентов желали поговорить со мной.

– В самом деле? – спросила я, не решаясь взять розовые листки. – Одна дурацкая статья в газете, и телефон как с цепи сорвался. Я бы даже сказала, это лучше платной рекламы, но уж слишком много чокнутых желают зря тратить мое время.

Из двенадцати телефонных звонков, которые я уже сделала, десять оказались от людей, которым просто требовался совет, как убедить пожилых родственников включить их в завещание. К седьмому звонку мое терпение было готово лопнуть. Я устала объяснять, что моя работа риелтора не имеет ничего общего с принуждением пожилых людей, и просто повесила трубку. Единственным положительным моментом было то, что у меня имелись два хороших потенциальных клиента, оба домовладельцы, которые в свое время знали Невина Вандерхорста. Они полагали, что, если он доверял мне настолько, что завещал мне свой дом (один из них просто упомянул собаку), это было для них самой лучшей рекомендацией и в иных они не нуждаются. У меня на следующей неделе были запланированы встречи с обоими.

Когда я вышла из здания, Джек как раз подъезжал к тротуару. Его волосы были все еще слегка влажными после недавнего душа, воротник полосатой рубашки тоже, но в целом он выглядел потрясающе. Он стоял рядом с открытой дверью и улыбался мне, я же невольно подумала о том, насколько же он все еще похож на маленького мальчика, усевшегося на мой замок из песка, причем не просто из-за улыбки. Некоторые черты характера никогда не меняются.

– Тебе не нужно всегда приходить так рано, Мелли. Для разнообразия попробуй опоздать хотя бы на пару-тройку минут. А учитывая, что в ближайшем будущем у тебя будет двое детей, которых

нужно накормить и одеть, возможно, тебе лучше начать практиковаться прямо сейчас.

Я одарила его презрительным взглядом.

– Мои дети будут жить по строгому графику, так что у нас будет достаточно времени для того, чтобы поесть и одеться, прежде чем мы отправимся куда-нибудь. – Ожидая, когда он закроет дверь, я пристегнула ремень безопасности. Когда же я взглянула на него, он, похоже, с трудом сдерживал смех.

– Младенцы не всегда прислушиваются к логике или разуму, Мелли. Сомневаюсь, что в этом случае таблица или расписание сработают.

К счастью, он закрыл дверь прежде, чем я успела сказать ему, что уже начала составлять расписание для каждого. Мы поехали к Огнеупорному зданию на Митинг-стрит, где располагалась библиотека Исторического общества Южной Каролины. Я с радостью отметила про себя, что подстаканник в минивэне чист и в нем стоит новая бутылка воды.

Джек перехватил мой взгляд.

– Это для тебя. Я много читал и узнал, что нужно больше пить. Тебе это действительно нужно, особенно сейчас, когда очень жарко. Это тоже поможет при отеках.

Я убрала лодыжки под сиденье.

– Я тоже много читаю. Софи дала мне книгу о родах у разных народов.

Джек настороженно покосился на меня.

– Почему я не удивлен?

– Ты знал, например, что в Западной Африке есть племя, где, когда женщина рождает, мужчина должен лечь рядом с ней на пол и ему обвязывают мошонку шнурком, и когда у нее начинаются схватки, она дергает за веревочку? Таким образом, они как бы рожают вместе.

Его лицо заметно побледнело.

– Вот это да. Не могу дождаться, чтобы прочитать остальное. Но я все же считаю, что тебе следует пить больше воды.

Я знала, что он прав, так как прочла то же самое в книге о беременности, которую он мне купил. Но я не собиралась доставлять ему удовольствие и пить воду у него на глазах.

– Ты слышал, что Ребекка и Марк Лонго собираются пожениться? – спросила я, чтобы сменить тему.

Он искоса посмотрел на меня.

– Да. Я слышал.

Я в упор посмотрела на него.

– Ты расстроен?

Он издал горлом сдавленный звук и покачал головой.

– Странно, что ты это спрашиваешь. Нет, я не расстроен. Ребекка была девушкой для...

– Для разнообразия? – подсказала я.

– Замены.

Я поерзала на сиденье, одновременно довольная и обиженная.

– Как насчет тебя? – спросил Джек. – Ты тоже страдаешь, что Марка окрутила другая?

– Я? Боже упаси. – Я едва не сказала ему, что Марк, вероятно, тоже был заменой, но не хотелось бросать в огонь еще одну спичку. Остаток пути мы ехали молча. В воздухе витало так много всего, о чем лучше не говорить.

Сиди за рулем я, а не он, я бы точно колесила более получаса, прежде чем нашла, где припарковаться. Джек отыскал местечко в течение тридцати секунд, всего в квартале от Огнеупорного здания, на мощенной булыжником Чалмерс-стрит. Он помог мне выйти и, взяв меня за локоть, повел вверх по лестнице к входной двери красивого здания в палладианском стиле с элегантными дорическими колоннами. Войдя внутрь, мы вновь поднялись по круговой лестнице в читальный зал, где нас уже ждала Ивонна. Я было запротестовала, но его прикосновение было таким приятным, что я не стала отдергивать руку, равно как и напоминать ему, что я всего на два с половиной года его старше и пока еще не инвалид.

Увидев нас, Ивонна направилась нам навстречу. Ее туфли на низком каблуке громко цокали по полу. Седые волосы были собраны в низкий пучок, подчеркивая высокие скулы, на которых был лишь намек на румянец.

В ушах сверкали клипсы со стразами, такая же брошь украшала лацкан темно-синего костюма. Я невольно задалась вопросом, не прихорашивалась ли она в те дни, когда видела Джека? Было бы приятно узнать, что я не одна такая. Джек заключил Ивонну в

медвежьи объятия и с громким чмоканьем расцеловал в обе щеки. Она в ответ хихикнула, совсем как юная девчонка, и хлопнула его по рукаву.

– Джек Тренхольм, как ты посмел так обращаться со мной? Что скажут люди?

– Что я счастливчик, – ответил этот наглец и подмигнул. Щеки Ивонны порозовели еще сильнее. Мой поцелуй был гораздо более сдержанным.

– Я так рада снова видеть вас, Ивонна. Вы, как всегда, прекрасно выглядите. Скажите, если не секрет, какие витамины вы принимаете?

Скрестив руки на груди, Ивонна странно, в упор, посмотрела на меня.

– В вас как будто что-то изменилось. Что-то от...

– Беременной? – перебила ее я.

Она сделала большие глаза.

– То есть вы двое, наконец, поняли, что без ума друг от друга, и поженились? Надеюсь, он вас умыкнул, иначе я обижусь, что не получила приглашения на свадьбу.

– Отнюдь, – сказала я.

– Почти, – сказал Джек одновременно со мной, улыбаясь от уха до уха.

Смерив его колючим взглядом, я вновь повернулась к Ивонне, чтобы попытаться ей все объяснить.

– Мы не женаты. И это не входит в наши планы.

Ивонна сумела сохранить невозмутимое лицо.

– То есть вы вышли замуж за другого?

Я огляделась вокруг, радуясь, что в зале кроме нас были только двое, да и те сидели за дальним столом, уткнувшись в свои книги.

– Я... не замужем.

Ивонна моргнула раз, затем другой, затем ее взгляд переместился с меня на Джека и назад.

– Джек – отец?

– Вне всяких сомнений, – сказала я.

– Очень на это надеюсь, – одновременно со мной сказал Джек.

Ивонна повернулась к нему.

– И вы не женитесь на ней? Джек Тренхольм, я удивляюсь вам. Я понимаю, на дворе двадцать первый век и теперь все слегка иначе, чем

когда я была моложе, но я-то знаю, что вам привили совершенно другие взгляды.

– Я сделал ей предложение, – ответил Джек. В его голосе не было ни капли юмора. – Но она сказала «нет». – Его голубые глаза впились в меня – совсем как сразу после того, как он попросил меня выйти за него замуж. Это был тот редкий момент, когда истинные чувства Джека прорывались наружу, демонстрируя всю глубину океана, которую он обычно тщательно скрывал за обольстительной улыбкой и шуточками. Они принадлежали Джеку, в которого я была влюблена.

Ивонна ждала, что я ей отвечу. Ее глаза были полны доброты и сочувствия. Я сделала глубокий вдох, давая себе время подумать.

– Это сложно объяснить. Это все, что я могу сказать. Точно знаю лишь одно: мы оба приложим все усилия к тому, чтобы стать для наших детей хорошими родителями.

– Детей?

Я улыбнулась.

– Не говорите никому – мы еще официально не объявили нашим родителям, – но у нас будут двойняшки.

– Двойняшки? – Ивонна широко улыбнулась. – Как чудесно. Но... – Она нахмурилась и внезапно посерьезнела. Джек шагнул к ней.

– Что случилось?

– Давайте я вам что-то покажу. – Она повела нас в дальний конец зала, мимо застекленных витрин, в которых хранились редкие рукописи и книги, к тому, что я называла «нашим» столом. В свое время мы провели в архиве с Ивонной Крейг не один час, чтобы завоевать право собственности.

Ивонна подошла к столу и открыла папку. Принадлежи мы к одному поколению, мне в голову давно бы закралось подозрение, что нас с ней разлучили при рождении. Ивонна была эталоном порядка и организованности, и я всегда ощущала потребность ближе изучить стиль и приемы ее работы.

Ивонна принялась перелистывать какие-то бумаги.

– Видите ли, не прочти я статью о Вандерхорстах в воскресной газете, возможно, я этого не заметила бы. Или же это могло быть просто огромным совпадением, но мне оно показалось весьма интересным.

Я встретила взглядом с Джеком и поняла: нам обоим пришла в голову его любимая фраза «совпадений не бывает».

Мы встали по обе стороны от Ивонны.

– Вы просили меня составить генеалогическое древо Вандерхорстов, что я и сделала. И, насколько я могу судить, Невин Вандерхорст был в роду последним. – Она вытащила из папки лист бумаги и, положив его сверху, поднесла к глазам очки для чтения, висевшие на цепочке у нее на шее. – Как вы видите, Невин появился на свет в 1922 году. Его родителями были Луиза и Роберт. Роберт Вандерхорст был единственным ребенком в семье, он родился в 1896 году. Его отец, Уильям, дед Невина, родился в 1860 году и тоже был единственным ребенком.

Она посмотрела на нас поверх очков.

– Как видите, если в течение нескольких поколений иметь лишь единственных детей – это лучший способ для вашей семьи полностью вымереть. Поскольку Невин никогда не был женат, это стало еще проще. Но именно здесь и становится интересно. – Ее наманикюренный указательный палец скользнул к линии на диаграмме, на две линии выше, чем у Невина. – Прадед Джон был близнецом. Никаких документов о брате нет, потому что близнец умер в трехлетнем возрасте.

– Предположительно, от желтой лихорадки, – сказала я, разочарованная тем, что уже знала о прадеде.

– Софи рассказала мне про Джона, так что это не удивительно. Но я не уверена, что это должно меня волновать. – Глаза Ивонны вспыхнули, а ее палец пополз выше по таблице. – Потому что, как хорошо здесь видно, в каждом поколении, о которых у нас имеются записи, рождались близнецы – скорее всего, разнояйцевые, поскольку это передается по материнской линии.

– А поскольку тогда, чтобы не распылять семейную собственность и состояние, существовала практика брать в супруги кузин, – продолжил Джек, – это объясняет, почему эта черта передалась вместе с фамилией Вандерхорст.

– Совершенно верно, – подтвердила Ивонна, сияя улыбкой, и посмотрела на Джека, как если бы он был ее гениальным протеже. – Но, если вы заметили, близнецы прекратились на Уильяме.

Я смотрела на фотокопию генеалогического древа Вандерхорстов: все эти линии с похожими на листья именами заканчивались одним-единственным именем внизу. Дерево выросло, но только вверх тормашками, превратившись в одинокое семя.

– Но что это значит? – спросила я. – Помимо весьма странного совпадения, что у меня тоже будут близнецы.

Джек оперся на стол и вперил взгляд в лист с семейным деревом.

– Что ж, это способно объяснить, почему Гилберты считают, что могут претендовать на дом. Что, если один из близнецов на генеалогическом древе не умер в молодости или имел выжившее потомство, которое не представлено на генеалогическом древе?

– Или его замуровали в фундаменте дома? – тихо предположила я.

Джек положил руку мне на поясницу – успокаивающий жест, от которого у меня начала покалывать кожа, а кровь галопом помчалась по венам. Я шагнула вперед, якобы чтобы лучше рассмотреть схему.

– Но мертвый ребенок не объясняет претензий Гилбертов, – добавила я.

– Не объясняет, – согласился Джек. – Как только у тебя будет адвокат, нам нужно лично встретиться с Гилбертами и выяснить, что именно сказала в своем предсмертном признании горничная.

– Кстати, пока не забыла, – сказала Ивонна, вытаскивая из-под семейного древа папку. – Вы спрашивали меня про некую Сьюзан Бивенс. Я не смогла найти ничего в реестрах собственности или переписи населения, что меня не удивляет, учитывая ураганы, наводнения и войны, которые видел этот город за последние триста лет. Но я нашла вот это.

Ивонна вытащила из папки фотокопию и положила ее перед Джеком и мной.

Это была страница «Ежедневного рекламного листка» от 23 февраля 1800 года. В основном она состояла из рекламы лечебных настоек, помады для волос и местных деловых заведений. Но посередине страницы в самом внизу примостилось объявление магазина на Брод-стрит: «Сьюзан Бивенс, тонкое полотно и ручная вышивка. Лучшие цены на качественную работу». Я снова посмотрела на дату.

– 1800 год. Вандерхорсты вполне могли приобрести там крестильное платье и чепчик... или даже два, учитывая их привычку

заводить близнецов. Дом еще не был построен, но, скорее всего, к тому времени семья уже жила в городе.

Джек повернулся к Ивонне.

– Что-то еще удалось выяснить про магазин – найти счета или квитанции? Интересно было бы узнать, что именно Вандерхорсты купили у Сьюзан Бивенс и когда.

– Это следующее в моем списке. На прошлой неделе на меня свалился целый десант специалистов по генеалогии из Атланты, так что я немного отстала от графика. Обещаю, что сообщу вам обо всем, что я обнаружу.

Я все еще изучала диаграмму. Мой интерес привлекла небольшая деталь.

– Бедный прадед Джон. Его жена умерла через год после рождения Уильяма. В 1861 году.

Джек стоял позади меня, глядя мне через плечо.

– Не похоже, чтобы он очень долго горевал. В следующем году он женился на своей второй жене. – Он побарабанил пальцем по странице. – От этого брака не было детей – скорее всего, из-за того, что Джон был убит на войне в 1863 году.

– Тем не менее, – сказала я. – Потерять жену в таком молодом возрасте.

Ивонна кивнула.

– Тогда такое случалось часто. Вы хотите, чтобы я узнала больше?

Джек кивнул.

– Да, если вы не против. Я не знаю, что есть в арсенале Гилбертов, но нам не мешает получить больше информации. Постарайтесь по возможности выяснить, где похоронен близнец Джона. Не хотелось бы думать, что это он замурован в фундаменте.

Ивонна подмигнула.

– Сделаю все возможное.

Джек наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Вы самая лучшая. У вас есть номер моего мобильного и номер Мелли. Позвоните, если что-нибудь найдете.

Я попрощалась с Ивонной, и мы с Джеком вышли из старого здания на яркое солнце. Я заморгала и, прищурившись, посмотрела на него.

– Спасибо за помощь, Джек. Не знаю, что бы я без тебя делала.

Он стоял очень близко ко мне. Солнце било мне в глаза, и я не могла разглядеть выражение его лица.

– Это могло бы послужить хорошим материалом для очередной книги. – Он снял с воротника рубашки солнцезащитные очки и надел их на нос. – Кроме того, мне нужен очередной предлог, чтобы провести время с тобой.

Он начал спускаться по ступенькам к тротуару. Я побежала за ним.

– Что ты хотел сказать? Тебе не нужны предлоги, чтобы...

Он остановился и повернулся ко мне.

– Помни, Мелли. Не я сказал «нет».

Я посмотрела ему вслед, глядя, как он идет по тротуару к фургону. Нет, я понимала, что он говорит мне, но так и не смогла выразить свое несогласие словами, которые имели бы для него смысл. Или для меня.

Меня отвлекла череда оборванных и вспотевших мужчин. Скованные кандалами, со связанными за спиной руками, они прошептали мимо меня в направлении Брод-стрит, Старой биржи и тюрьмы. Их силуэты были туманными, словно картинка на старом телевизоре, когда вы переключаете каналы, из чего я сделала вывод, что определенно теряю свое шестое чувство. Сначала они подрагивали, а затем полностью исчезли, слившись с потоком машин. Но даже когда они скрылись из виду, я все еще слышала лязг их цепей.

Повернув голову, я увидела Джека. Он держал мою дверь открытой. Выражение лица было каменным, глаза скрыты за солнцезащитными очками. И пока я шла к нему, мне показалось, что я все еще слышу лязг гремящих цепей, а внутри у меня поселилось странное ощущение, что они принадлежат мне.

Глава 14

Старые напольные часы пробили одиннадцать раз, напомнив мне, что я простояла возле них полчаса. Мой взгляд скользил с мокрой от дождя улицы за окном на ростомер, нацарапанный на стене почти сто лет назад. МДМ. Мой Дорогой Мальчик. Так Луиза Вандерхорст называла своего любимого сына Невина, когда отмечала его рост на стене их дома. Я для сохранности накрыла ростомер листом оргстекла, чтобы он оставался частью дома, пока тот принадлежит мне. Что, напомнила я себе, может быть гораздо короче, чем я когда-то думала.

Шуршание шин по мокрому асфальту вновь привлекло мое внимание к окну. Выглянув, я с удивлением увидела, как к обочине подъехал красный минивэн Джека. Пассажирская дверь распахнулась еще до того, как машина затормозила. Из фургона выскочила Нола и решительно направилась к моим воротам. Гитара, рюкзак и мягкая сумка бились о ее ноги. Она подошла к воротам и распахнула их. К тому моменту, когда я вышла на веранду, Генерал Ли уже ждал у входной двери. Я открыла ее еще до того, как Нола успела позвонить в звонок.

Нола, не поздоровавшись, прошла мимо меня и собаки и бросила все, что она держала в руках, на пол посреди вестибюля.

– Он невыносим, и если я проведу еще минуту в его присутствии, я за себя не ручаюсь.

– Нет, боюсь, сначала это случится со мной. Жить подростком и его гормонами – это тоже не сахар, – раздался из дверного проема голос Джека.

Мы с Генералом Ли обернулись и увидели Джека. Он выглядел так, будто его только что протащили через болото. Волосы торчали во все стороны, на нем была майка, брюки цвета хаки без ремня и мокасины без носков. Похоже, его отъезд из квартиры был спешным. Я отступила, открывая дверь шире.

– Пожалуйста, входи. Добро пожаловать в мой дом.

Джек нахмурился и, шагнув мимо меня, встал перед дочерью. Не знай я, сколь ранимыми могут быть чувства девочки-подростка, я бы рассмеялась, глядя, как эти двое смотрели друг на друга. Их профили

были почти одинаковыми, включая возмущенно вскинутые подбородки.

Нола повернулась ко мне, ее голубые глаза блестели от слез, и я видела, что ей стоит больших усилий не расплакаться. Годы заботы о собственной матери научили ее быть сильной. Но она все еще училась владеть собой.

– Я не могу жить с ним. Ты даже не представляешь! Он привык командовать и опекать, и ведет себя так, будто мне три года.

– Ни один трехлетний ребенок не стал бы прятаться в чулане, чтобы поговорить по телефону с мальчиком. – Джек выделил последнее слово, как будто произносил слово «сатана».

– Потому что всякий раз, когда я пытаюсь поговорить с Купером, ты стоишь рядом со мной, как будто тебе нужно слышать все, что мы говорим! – Ее голос поднялся на тон выше. – И вспомни тот случай, когда ты вырвал у меня телефон, чтобы самому поговорить с ним!

Я повернулась к Джеку.

– Ты действительно это сделал?

У него хватило ума изобразить смущение.

– Наверно, да. Правда, всего один раз. И лишь потому, что мне не понравилось направление их разговора.

– Мы говорили о фильме, папа. Не о нашей реальной жизни. Можно подумать, я бы бросилась под поезд. Как будто я знаю, где этот поезд найти.

Я на миг задумалась.

– Ты говорила с мальчиком об Анне Карениной? Ты действительно знаешь мальчика, который смотрел этот фильм?

Нола кивнула.

– Купер взял нас с Олстон в кино. Ей не очень зашло, если не считать крутых платьев и украшений, но нам с Купером понравилось. Мы с ним оба читали эту книгу, и нам было о чем поговорить.

Я скрестила на груди руки и повернулась к ее отцу.

– Правда, Джек? Я думаю, твоя дочь-подросток могла бы обсуждать с мальчиком вещи и похуже, но, возможно, это только мое мнение. Он брат Олстон. Я знаю ее и ее мать и могу только представить, каким должен быть Купер, читающий Толстого.

– Но она положила телефон в шкаф, когда должна была лежать в постели, и они договаривались о свидании. Для меня это почти то же

самое, что ложь.

Я глубоко вздохнула, не желая вступать в очередную ссору, когда им, похоже, требовалось лишь немного отдохнуть друг от друга. Я посмотрела на вещи Нолы, рассыпавшиеся по всему полу, и тотчас вспомнила состояние ее комнаты, когда она жила со мной раньше, и громкую музыку, от которой дребезжали окна.

– Можешь остаться у меня на несколько дней, пока вы оба не успокоитесь и перестанете орать друг на друга.

– Я же говорила тебе, что она согласится, – сказала Нола Джеку и повернулась ко мне. – Просто мы думали, вдруг ты спишь, поэтому решила воспользоваться своим ключом. Я подумала, что утром ты можешь сказать «да».

– Ты же знаешь, тебе здесь всегда рады. – Я заглянула ей за спину, где Генерал Ли поднялся на половину лестницы и ожидал ее. – И похоже, сегодня я буду спать одна.

Джек наклонился, чтобы поднять ее сумку, но Нола вырвала ее у него из рук.

– Я сама, спасибо.

Крякнув, она взвалила ее на плечо, затем схватила рюкзак и гитару и, пошатываясь, побрела к лестнице.

Джек двинулся было за ней, но я удержала его. Через мгновение он сдался.

– Пожалуйста, найди нам дом, и как можно скорее, – тихо сказал он. – Нам действительно нужно больше места.

Я не стала упоминать просьбу Нолы о кустах под ее окном или спальне на первом этаже нового дома, решив, что сейчас для этого неподходящий момент.

– Видишь ли, – сказала я вместо этого, – пространство, которое нужно Ноле, не измеряется квадратными метрами.

Джек посмотрел на меня так, как будто я заговорила на незнакомом ему языке.

– Я найду тебе дом, – со вздохом сказала я. – Твой список слегка длинноват, так что это займет какое-то время, но мы его обязательно найдем.

– Спасибо, Мелли. – На щеке Джека появилась его ямочка. Взглянув на мой живот, он добавил: – Если одна из них – девочка, то в старших классах ее можно отправить в частную школу-интернат.

– И если один из них мальчик, я уверена, найдется немало отцов, вроде тебя, которые станут запрещать своим дочерям разговаривать с ним по телефону.

Джек на миг задумался.

– Да, родителем быть непросто, как ты думаешь?

– Угу. Я ни в коем случае не эксперт, но мне кажется, мы просто должны пройти через все как можем. К счастью, у нас обоих потрясающие матери, к которым при необходимости можно обратиться за советом.

– Ты думаешь, они согласятся растить их до двадцати одного года? – с надеждой спросил Джек.

– Если хорошо попросить.

Он улыбнулся, но тень сомнения испортила эффект улыбки. Я коснулась его руки.

– Все будет хорошо. Она хороший ребенок, Джек. Это просто часть взросления.

Он удивил меня тем, что взял мою руку в свою.

– Бьюсь об заклад, у тебя была целая куча болезней роста, я прав?

Я хотела было выдернуть руку, но ей было слишком хорошо там, где она была.

– Возможно, – призналась я. – Не то чтобы кто-то это заметил.

Он сделал шаг ближе, но я не сдвинулась с места.

– Моя бедная Мелли. Думаю, это многое объясняет, не так ли?

Я нахмурилась.

– Что ты этим хочешь сказать? Что это об...

Он приложил палец к моим губам, заставляя меня замолчать.

– Не хмурься. У тебя будут морщины. Ты же не хочешь, чтобы люди думали, что ты бабушка детей, а не их мать, верно?

Я попыталась что-то сказать, но его палец все еще был прижат к моим губам, а сам он стоял так близко, что я напрочь забыла, как составлять слова. Он нежно провел пальцем от моего рта к подбородку и ниже, по изгибу горла. Я запрокинула голову, закрыла глаза и в ожидании поцелуя приоткрыла губы.

– Мелли?

Я резко открыла глаза.

– По-моему, у тебя в волосах зубная паста.

Я посмотрела на него, пытаюсь думать о том, что он сказал и почему, вместо того чтобы поцеловать меня. Он провел пальцами по моим волосам у висков и снял с них кусочек засохшей зубной пасты.

– Я просто подумал, что тебе будет интересно это знать.

Я тотчас ощутила себя автомобильной крышкой, наскочившей на выбоину. Мое тело обмякло, как будто воздух медленно выходил из меня наружу. Правда, мне удалось заставить колени работать, и я резко повернулась к двери.

– Спасибо, Джек. Я привыкла оставлять кусок зубной пасты в волосах на тот случай, если Генерал Ли проснется посреди ночи голодным.

Джек шагнул мимо меня и встал между мной и дверью в затемненном вестибюле, где все еще висела цепь от разбитой люстры.

– Спасибо, что разрешила Ноле остаться на несколько дней. Для нас обоих важно, что она всегда может прийти сюда.

– Прекрасно, – сказала я. – И пусть не стесняется. Пусть приходит и проводит здесь столько времени, сколько хочет. Но я думаю...

Я умолкла и опустила взгляд, заметив при этом дырку на мыске одного из моих пушистых носков.

– Что именно? – мягко спросил он.

Я не осмеливалась посмотреть ему в глаза, поэтому сосредоточилась на подбородке.

– По-моему, будет лучше, чтобы ты приходил сюда тогда, когда меня здесь нет. В конце концов, так будет легче. Для нас обоих.

Он ничего не ответил. Лишь повернулся и открыл дверь, впустив поток влажного, удушливого воздуха. На веранде он на миг остановился, а когда заговорил, его голос прозвучал холодно и отстраненно.

– Гилберты все еще в городе?

Я попыталась ответить ему тем же тоном, стараясь не вспоминать о том, что всего за минуту до этого мечтала, чтобы он меня поцеловал.

– Будут еще пару дней. Ждут, удастся ли им до отъезда получить разрешение на эксгумацию.

– Ты уже наняла адвоката?

Я кивнула.

– Да. Стерлинга Зербе. Он старый армейский товарищ моего отца. Он пытается по возможности затормозить этот процесс. Чтобы дать

нам время как следует во всем разобраться.

– Отлично. Я тут подумал, может, тебе стоит завтра пригласить Гилбертов на барбекю.

– Это еще зачем?

Я нахмурилась. Если честно, я не ожидала такого от Джека. И куда только девалась его рассудительность? Такое случалось не часто, но когда бывало, это было что-то с чем-то. Например, его роман с Ребеккой.

Он приподнял бровь.

– Потому что, быть может, нам повезет и призракам в этом доме они не понравятся. В прошлый раз Гилберты и без того пробыли здесь слишком долго, чтобы подействовать на нервы кому угодно.

Я с трудом поборолла желание с благодарностью его обнять, зная, что стоит мне прикоснуться к нему, как я потеряю голову. Вместо этого я просто усмехнулась.

– Отличная идея. Надеюсь, она сработает.

– Я тоже, – сказал он, смерив меня пристальным взглядом, прежде чем вновь отвернуться. Он сунул руки в карманы и пошел по веранде. Прежде чем исчезнуть за дверью, он обернулся и крикнул:

– Думаю, это был почти поцелуй номер восемь. Хотя вряд ли ты их считаешь.

Я прижала ладони к своим горячим щекам. И как только я могла подумать, будто он не заметил, как я наклонила голову и приоткрыла для него губы.

Я закрыла входную дверь и вошла в холл. Нола сидела посреди лестницы, держа на руках очень довольного Генерала Ли.

– Так он сказал, что я могу здесь пожить?

– Гм, мы договорились, что ты можешь остаться здесь на несколько дней. Но он твой отец, Нола, и он тебя любит. Он только учится быть отцом.

– Нет ли какого-нибудь колледжа для пожилых людей, куда он мог бы пойти учиться, вместо того чтобы мучить меня? Он понятия не имеет.

Я села на ступеньки перед ней и почесала Генерала Ли за ушами.

– Возможно. Но он любит тебя, Нола. Никогда этого не забывай.

Она в упор посмотрела на меня взглядом голубых глаз, которые так напомнили мне Джека, что я была вынуждена отвернуться.

– Он сказал тебе, из-за чего мы поссорились сегодня вечером?

Я покачала головой.

– Нет. Это имеет значение?

– Ясен пень.

Я удивленно посмотрела на нее.

– О-че-вид-но, – почти по слогам произнесла она, как будто я была тугой на ухо, очень старой или очень глупой. Или все вместе.

– Все равно не понимаю. Какое это имеет значение?

Она закатила глаза. «Как хорошо, – подумала я, – что закатывание глаз не оставляет морщин, иначе к двадцати годам она бы точно выглядела лет на восемьдесят».

– Потому, – сказала она, подчеркивая последний слог, – что это было из-за тебя.

– Из-за меня? Зачем вам спорить из-за меня?

Она вздохнула, как будто у нее не было сил еще раз закатить глаза.

– Потому что это так глупо – притворяться, будто вы не помешаны друг на друге. Ведь всем известно, что вы пара. – Ее взгляд скользнул по моему животу. – Но даже слепой и тот увидел бы, что к этому все не сводится.

Она откинулась на ступеньку позади нее и в театральном жесте вскинула руку ко лбу.

– Я устала слушать, как вы оба придумываете причины, почему вы не вместе. Вам обоим пора повзрослеть и признать свою неправоту, сказать: «Я люблю тебя», пожениться или что-то еще, и не мучить всех остальных.

Я ничего не ответила, и она подняла голову.

– Что угодно. Или я должна принести вам словарь или что-то в этом роде, чтобы мы могли поговорить в будущем?

Я глубоко вздохнула, не зная, что мне на это ответить.

С трудом верилось, что ей всего четырнадцать, хотя первые тринадцать лет научили ее жизни больше, чем большинство людей учатся за сорок.

– Нола, мне кажется, ты неправильно понимаешь чувства отца...

Она вскинула обе руки вверх, словно обращаясь к большой аудитории.

– Серьезно, Мелли? Он продал свой «Порше». Чтобы купить минивэн. Я должна сказать что-то еще?

И Нола, и Генерал Ли посмотрели на меня так, как будто я единственная, кто не видел света.

– Ну что ж. Я ценю, что ты пытаешься наладить отношения между твоим отцом и мной, но, боюсь, наши причины очень сложные. Все не так просто. Одних только слов извинения будет мало.

Она вновь подняла голову и, прищурившись, посмотрела на меня.

– Кто-нибудь из вас действительно пытался?

– Конечно... – начала было я и умолкла, поймав себя на том, что лгу. Нола снова села.

– Растить с одним родителем тяжело. Поверь, кому это знать, как не мне. И даже если вы с Джеком партнеры, это не одно и то же. Я не говорю, что вы с ним должны сойтись только потому, что ты беременна, но мне кажется, что вы должны, наконец, понять. Вы оба уже не молоды. У тебя может не быть другого шанса.

Я собралась спросить у нее, что она имеет в виду, когда из музыкальной комнаты донесся отчетливый звук нажатой клавиши пианино. Нола удивленно посмотрела на меня.

– Здесь есть еще кто-нибудь?

– Типа того, – сказал я.

Нола вытаращила глаза.

– Ты имеешь в виду привидение?

– Ясен пень.

Нола улыбнулась мне, и мы обе застыли в ожидании. Генерал Ли заскулил, затем вновь бросился вверх по лестнице и исчез в комнате Нола.

Прозвучала еще одна нота, на этот раз громче, как будто по клавише ударили с силой. Мы начали медленно спускаться по лестнице, и с каждым шагом температура падала на несколько градусов. Прежде чем мы подошли к двери в пустую музыкальную комнату, прозвучала третья нота, громче, чем первые две.

– Это те же три ноты, которые всегда залипают, когда я играю. – Слова Нола разлетелись облачками морозного воздуха. – Ты что-нибудь видишь? – прошептала она.

Я заглянула в комнату, надеясь увидеть привидение и одновременно – ничего не увидеть. Я покачала головой и прошептала в ответ:

– Нет. Но здесь определенно кто-то есть.

Нола шумно втянула в себя воздух.

– Это Е, С и А, – с удивлением сказала она и повернулась ко мне. Ее глаза были полны растерянности. – Мне кажется, твой призрак пытается что-то нам сказать.

Прежде чем ее слова полностью дошли до меня, опора, удерживающая крышку рояля, вылетела, как будто ее ударила невидимая рука. Посреди какофонии дребезжащих клавиш, сопровождаемой безошибочным хныканьем новорожденного, крышка рухнула на рояль.

– Думаю, ты права, – сказала я и схватила Нолу за руку.

Глава 15

Я сидела, раскачиваясь на веревочных качелях под ветвями старого дуба, и мои мысли раскачивались вместе со мной. С некоторой отстраненностью я наблюдала, как вокруг столов с едой, приготовленной миссис Хулихан и Софи – или съедобной и несъедобной, как я их окрестила, – столпились мои родственники и друзья. Мои родители стояли возле кувшинов со сладким чаем и, склонив головы, накладывали в стаканы лед. Отец что-то шепнул маме на ухо, и она захихикала. Джек стоял сбоку от столов с едой, руки в боки, лицом к Ноле, Олстон и ее брату Куперу. Последний выбрал печенье с льняным семенем и хлопьями рожкового дерева, которое Нола от себя добавила на стол Софи. Со стороны могло показаться, что Джек улыбается, но для меня это определенно было больше похоже на сердитый взгляд.

Купер был именно таким, каким я его представляла, – высокий и стройный, как Олстон, с короткой стрижкой, безупречными манерами, веселой улыбкой и крепким рукопожатием. И он действительно читал Толстого. Он выглядел элегантно в своей кадетской летней форме – серые брюки, белая рубашка с короткими рукавами и погонами и белая шляпа, и ни Нола, ни я не смогли найти в его внешности никаких недостатков. На три года старше Нола, но, насколько я могла судить, между ними была только дружба, скрепленная общими интересами.

Еще интереснее мне было наблюдать за реакцией Джека. Муж Софи, Чэд, в «биркенстоках» с носками, болтал с матерью Джека, Амелией, а его отец, Джон, сидел в тени рядом с ней в строгом костюме и соломенной шляпе – живое воплощение Чарльстонского Джентльмена. Я никак не могла решить, от кого Джек унаследовал свое обаяние – от отца или от матери. Но увидев улыбку Джона Тренхольма, я невольно подумала, что, вероятно, от обоих, но с небольшим уклоном в сторону отца. Судя по бабушкам и дедушкам с обеих сторон, я была почти уверена, что у близнецов есть все шансы стать обаятельными, умными, красивыми или всеми тремя сразу. Они также могут унаследовать дар видеть мертвых, но об этом я еще не была готова думать.

Софи стояла на краю сада рядом с мощеной дорожкой, которая вела от кухонной двери к фасаду дома. В своем ярком платье свободного покроя с цветочным рисунком, небрежно накинута на шею шарфе с узором пейсли и «биркенстоках» ярко-зеленого цвета она выглядела так, будто сама была частью сада. Я хотела спросить ее, изготовлена ли последняя пара ее любимой обуви на заказ, но потом решила, что не хочу это знать.

Отпивая из большого стакана воду с органическим лимоном, она делала вид, что слушает разговор между Нолой, Олстон и Купером, но на самом деле следила за тротуаром перед моим домом, как кошка за мышинной норкой.

Я продолжала качаться на качелях, слишком разгоряченная и уставшая, чтобы что-то съесть или заставить себя сделать нечто большее, нежели просто поздороваться с гостями. Основная цель мероприятия – сообщить всем о близнецах. Несмотря на новую неловкость между мной и Джеком, вызванную накануне вечером моими словами, я с нетерпением ждала момента, когда будет сделано это объявление.

Второй пресловутой ложкой дегтя были Гилберты. Мистер Дрейтон сказал, что они приняли мое приглашение и приедут на барбекю. Несмотря на намерения Джека отпугнуть их, мне, как бы я ни хотела, было нелегко отклонить их претензии, по крайней мере, не зная, какие еще боеприпасы у них имеются, помимо чепчика.

И меня не отпускало ужасное чувство, что я вот-вот это узнаю. Хуже того, тот, к которому я хотела бы обратиться за утешением, был тем, к кому я обратиться никак не могла.

От журчания фонтана мне снова захотелось в туалет. Я уже собралась встать и пойти внутрь, как вдруг Софи оживилась, словно гончая от запаха лисы. Наши взгляды встретились, и я без всяких слов поняла: прибыли Гилберты.

Софи тепло поприветствовала их, и пока я шагала к ним, болтовня за моей спиной несколько стихла. Гилберты выглядели почти так же, как во время нашей первой встречи: оба в джинсах и футболках. Лицо Ирэн, без намека на макияж, сияло чистотой.

Я почти чувствовала, как палец моей матери толкает меня в спину, пока я силилась изобразить сердечное приветствие. Я протянула руку Джорджу, затем Ирэн.

– Мы счастливы, что вы смогли приехать к нам сегодня, по крайней мере, у меня есть возможность поблагодарить вас за вашу заботу, когда я на днях потеряла сознание.

Ирэн улыбнулась, ее карие глаза за стеклами очков лучились теплом.

– Спасибо, что приняли нас, и я рада, что вам лучше.

Мне очень хотелось ощутить к ней антипатию, но ни в ней, ни в ее муже не было ничего пугающего или угрожающего. Это были типичные родители детей-спортсменов. Такие всегда сидят в первом ряду, постоянно куда-то едут, на игру или какое-то мероприятие, или в своем минивэне стоят в очереди перед окошком, продающим кофе навынос в «Старбаксе» или «Макдоналдсе». Вероятно, весной они ездили в «Диснейуорлд» и на пляж осенью, потому что так всегда поступали такие семьи, как они. Гилберты были из тех, кого бы вам хотелось иметь в качестве соседей, – такие, если попросить у них чашку муки, всегда дадут вам целый мешок, потому что вдруг вам понадобится больше. Мне в них не нравилось лишь одно: они считали себя законными владельцами моего дома.

– Да, спасибо. Это просто беременность, – призналась я.

Ирэн рассмеялась.

– Можете не рассказывать! – усмехнулась Ирэн.

Я было собралась задать ей пару вопросов о ее детях, когда заметила мистера Дрейтона, идущего по дорожке к дому. Я пригласила его только потому, что он был мне нужен для общения с Гилбертами. На самом деле я даже не надеялась, что он придет. Видимо, и он тоже. На нем был темный костюм-тройка и накрахмаленная белая рубашка с таким же белым платком в нагрудном кармане пиджака. Он был похож на черную свечу, уже опаленную пламенем и готовую вот-вот растаять.

Джек появился рядом со мной, чтобы поздороваться со старым адвокатом, и потащил его к обеденному столу. Взгляд, которым он одарил Софи, однозначно свидетельствовал о том, что он защищал территорию, чтобы мы могли сделать то, что нам нужно.

Словно по команде, плечи Софи слегка поникли.

– Мы так рады, что вы смогли приехать! И прошу прощения, что это все на открытом воздухе, ведь вы с севера и не привыкли к нашей жаре. В смысле, уже почти октябрь, а здесь жарче, чем в аду! Но в последнее время кондиционер работает из рук вон плохо, и мы не

смогли охладить первый этаж. По крайней мере, здесь у нас есть легкий ветерок. Остается лишь надеяться и молиться, что это не стая жуков пальметто, которая движется к нам. Вот это зрелище, скажу я вам. Такое нужно видеть! Может, сегодня вечером нам повезет и вы испытаете это на собственном опыте.

Ирэн и Джордж шагнули ближе друг к другу, и оба подняли настороженный взгляд на ярко-синее небо.

– Они действительно такие большие? – спросил Джордж, когда Софи повела их к остальной группе.

Софи издала самоуничижительный смешок.

– Наверно, я немного преувеличиваю, – сказала она, расставив большой и указательный пальцы примерно на расстояние дюйма. – Но скажем так: вряд бы вы обрадовались, если бы один из этих маленьких мерзавцев попал в двигатель вашего самолета.

Мы с Софи поводили пару по саду и представили всем присутствующим. Когда же они вместо соевых гамбургеров и хот-догов положили себе в тарелки жареного цыпленка, приготовленных на гриле креветок и свиных ребрышек, я невольно прониклась к ним уважением.

Мы сели за один из накрытых скатертью столов. Вскоре к нам присоединился Чэд и, поставив тарелку с едой, принялся громко хлопать в ладоши вокруг стола и под ним. Прежде чем я успела спросить у Софи, не тронулся ли он часом головой или просто ощутил давление надвигающегося отцовства, она повернулась к Гилбертам.

– Жуки пальметто не любят громких звуков. Когда я навещаю Мелани, я всегда стараюсь громко топтать или хлопать, прежде чем войти в любую комнату.

Пара уставилась на нее. Глаза за стеклами очков замигали в унисон.

– А зачем тут желтая лента? – спросил Джордж.

Я посмотрела на отца, но ему в этот момент приспичило рассмотреть печенье, как будто в нем было спрятано нечто ценное. Он сказал мне, что уже разговаривал с Ричем Кобилтом, и предполагалось, что и лента, и обломки будут убраны еще до вечеринки. В моем задерганном состоянии я даже не заметила, что ничего из этого не тронули.

– Видите ли, – протяжно произнесла Софи. – Думаю, вам известно про обнаруженные в фундаменте дома останки. Кстати, это один из трех трупов, найденных на территории дома, если вы еще не в курсе. Можно только уповать и молиться, чтобы их больше не было! – Она широко улыбнулась. – С другой стороны, не будь дом готов вот-вот рухнуть, мы бы не нашли этот последний. – Она откусила кусок от своего соевого бургера и принялась задумчиво его жевать. Гилберты переглянулись.

Ирэн Гилберт кашлянула.

– Три трупа?

Чэд махнул им рукой.

– О, не берите в голову. Два из них были откопаны в прошлом году и перезахоронены. Вот почему фонтан снова заработал.

Я видела, как мистер Дрейтон внимательно слушал разговор и, похоже, собирался вмешаться, когда Джек случайно пролил на брюки адвоката свой стакан воды. Моя мать немедленно начала действовать: проводила мистера Дрейтона на кухню и вытерла его полотенцем.

– Что ж, полагаю, это хорошо, – сказала Ирэн. – Но что вы имели в виду, говоря «мог вот-вот рухнуть»?

Ее вопрос был адресован мне, и мне не оставалось ничего иного, кроме как честно ответить, тем более что, в отличие от остальных, я не успела заранее приготовить мои реплики.

– Гм, не совсем. Просто фундамент треснул, что нехорошо, но я бы не сказала, что дом мог «вот-вот рухнуть». Вернее, мог бы, если бы мы его не отремонтировали.

– За большие деньги, – добавила Софи. – Вы знаете, как здесь называют старые дома?

Я вытаращила глаза и приготовилась услышать, как Софи повторит мои собственные слова.

– Чирей на ягодице. Они всегда с вами, требуют вашего безраздельного внимания всякий раз, когда вам хочется сесть и отдохнуть.

Подошел Джек, очевидно довольный тем, что между Купером и Нолой на садовой скамейке сидит Олстон, и у каждого на коленях по тарелке. От меня не ускользнуло, что Купер наложил себе еды с обоих столов и с видимым удовольствием макал изысканную сырную соломку Амелии в домашний хумус Софи.

Джек стоял на противоположном конце стола позади Софи, не сводя с меня глаз.

– Мелли уже рассказала вам, что случилось со старинной люстрой в вестибюле?

Головы всех присутствующих повернулись в мою сторону. Я быстро проглотила кусок жареной курицы.

– Она упала.

На моих глазах Генерал Ли вылез из-под стола и улегся возле ног Ирэн. Он наклонил голову, покачивая ею из стороны в сторону, как будто невидимые руки чесали его за ушами. Одного этого движения было достаточно, чтобы я поняла: план Джека не сработает.

Что-то было не так с тем, каким недвижимым был воздух, с тем, как теплый ветерок ласкал мне кожу. Впервые в жизни мне захотелось увидеть призрак, который присутствовал здесь. Возможно, тогда я смогу понять, почему он дает о себе знать, глядя мою собаку и заставляя этих двух чужих людей чувствовать себя как дома.

Потому что они дома, прошептал голос в моей голове.

Голос Джека вновь привлек мое внимание.

– Мелани думает, что это привидение. Конечно, это не первый раз, когда произошло нечто необъяснимое. Я знаю, что не стану смотреть ни в одно из зеркал в доме. Я всегда боюсь увидеть нечто стоящее у меня за спиной.

После драматической паузы, во время которой он как будто ждал, что произойдет дальше, Джек улыбнулся, но в целом его лицо сохранило зловещее выражение, какого я не видела с того дня, как сказала ему, что люблю его.

Он повернулся ко мне, его брови были приподняты в молчаливом призыве. Я тотчас догадалась, что должна сделать дальше. Как если бы я могла вызвать духов, или одним лишь взмахом руки я волшебным образом могла вызвать вихрь сухих листьев и тумана, и мертвые восстали бы из земли и унеслись прочь. Но такое бывает только в кино. Равно как и счастливый конец.

Я встала и звякнула ложкой по стенке стакана, привлекая к себе всеобщее внимание.

– Я... ммм, мы с Джеком должны сделать объявление.

Разговоры тотчас смолкли, и все как по команде посмотрели на нас. Джек шагнул ко мне. Я подумала, что он сейчас обнимет меня или хотя

бы возьмет меня за руку, но он этого не сделал. Что, как мне казалось, было даже лучше.

Он наклонился ближе и прошептал мне на ухо:

– Где рассерженный призрак? Тот, что вчера вечером играл на пианино для тебя и Нолы?

– Она здесь, – прошептала я в ответ. – Но, боюсь, призрак злится не на Гилбертов.

Он резко втянул в себя воздух.

– Не сдавайся слишком быстро, Мелли.

– Я не привыкла сдаваться, – прошипела я.

– В самом деле? Ты могла бы меня одурачить.

Я хотела спросить его, что он имел в виду, но тут к нам подошла моя мать и протянула мне небольшой желтый подарочный пакет, украшенный сверху бантом из желто-зеленой папиросной бумаги. Сунув в него руку, я трясущимися от злости пальцами вытащила две пары желтых вязаных пинеток, подарок от Нэнси и Джойс. Я заставила себя улыбнуться. Тот факт, что у меня в возрасте сорока лет будут близнецы, теперь твердо относился к наименьшей из моих забот.

– У нас близнецы, – сказала я, подняв две пары пинеток, и покосилась на мать – хотела убедиться, что ее притворное удивление выглядело достаточно убедительным.

Амелия, Олстон и Нола вскрикнули, затем раздался запоздалый крик моей матери, и все четыре женщины бросились ко мне с распростертыми объятиями, а мужчины похлопали Джека по спине, словно близнецы были неким свидетельством мужественности. Как будто это он проделал всю тяжелую работу.

Ирэн удивила меня теплой, искренней улыбкой.

– Поздравляю. На мой взгляд, два лучше, чем один. У них всегда будет друг.

– Спасибо, – ответила я, чувствуя себя очень неловко. Если она добьется своего, мои близнецы никогда не будут играть в этом саду и не будут учиться ходить по старым деревянным полам, на которых еще остались следы тех, кто ступал по ним более полутора веков назад.

– Еще раз поздравляю, Мелани.

Я оглянулась в сторону мужского голоса и увидела детектива Райли. Он поздоровался с моими родителями, а затем поцеловал меня в обе щеки.

– Извините, что прерываю. Я не знал, что у вас вечеринка. Я позвонил в дверь, но, когда никто не ответил, решил зайти с черного хода.

– Дверной звонок не всегда срабатывает, – глупо сказала я, чувствуя, как взгляд Джека прожигает в моей спине дыру.

Он кивнул.

– Близнецы – это здорово. У моей старшей сестры есть близнецы – оба мальчика. Им сейчас по тринадцать лет – оба футболисты. Когда она была беременна, мы точно знали: это будут полузащитники. Она была размером с грузовик и вечно голодная. И они не прекращали есть с того момента, как родились.

Увидев, что моя улыбка погасла, он умолк.

– Быть может, у вас будут девочки, – сказал он ободряюще.

Подошел Джек, и они обменялись рукопожатием, глядя друг на друга с настороженностью, обычно свойственной газели у водопада в джунглях.

– Рад тебя видеть, Томми. Надеюсь, у тебя есть последние новости, раз ты решил прервать нашу маленькую вечеринку.

Я сердито посмотрела на Джека, но Томас даже бровью не повел.

– Вообще-то, Джек, Томми мой отец. Друзья и родственники называют меня Томас. Все остальные – детектив или сэр.

Оба были одинакового телосложения и роста. Из них вышли бы отличные спарринг-партнеры на боксерском ринге. Или в заднем саду. Я встала между ними.

– Вам всегда здесь рады, Томас, и мне приятно, что вы здесь, независимо от того, что привело вас сюда.

Дергая его за локоть, я повернула его лицом к Гилбертам и представила их, а когда к нам присоединился адвокат, то и мистера Дрейтона. Человек пожилой, адвокат то и дело прикладывал ко лбу и щекам носовой платок, что, впрочем, было бессильно в качестве орудия борьбы с каплями пота. Я было предложила ему снять пиджак, но не хотела, чтобы он расслаблялся.

Томас явно не ожидал увидеть Гилбертов. Я же не стала ничего объяснять. Если честно, я сама не понимала, зачем их пригласила.

– Что ж, очень хорошо, что вы все здесь. Это сэкономит мне время. Я только что узнал, что исполнение приказа об эксгумации отложено.

Адвокат, представляющий интересы наследника мистера Вандерхорста, подал документы с требованием его отменить.

Все взгляды вновь обратились ко мне. Я кивнула.

– Да, я наняла юриста, но не только по той причине, что вы все думаете. Я знала мистера Вандерхорста. Да, я встречалась с ним только один раз, но думаю, я узнала его достаточно хорошо, чтобы быть уверенной: он заслужил свое право покоиться с миром, если только нет веской причины его беспокоить. У вас же есть только чепчик и, согласно газетной статье, предсмертное признание Бриджит Монахан Гилберт. Я пока не знаю, кто она такая, но она умерла в 1898 году, еще до того, как родился мистер Вандерхорст. Моему адвокату требуется дополнительная информация.

Гилберты переглянулись, после чего Ирэн – по-видимому, пресс-секретарь пары – повернулась ко мне.

– Вы можете дождаться воскресной заметки в газете, или же я могу показать вам это прямо сейчас. В любом случае ваш адвокат согласится, что это требует расследования. – Не дожидаясь моего ответа, она полезла в сумочку и вытащила лист сложенной вчетверо белой бумаги.

Развернув его, я обнаружила фотокопию письма, написанного красивым почерком, с элегантными заглавными буквами в начале каждого предложения. Стоя по обе стороны от меня, Джек и Томас вытянули шеи, глядя мне через плечо. Я начала читать.

«10 октября 1898 года.

Следующее записано Элизабет Фергюсон по просьбе Бриджит Монахан Гилберт, которая слишком больна, чтобы приложить перо к бумаге, и чьи собственные письменные способности, по ее личному признанию, ограничены. Не считая грамматических исправлений, эти слова принадлежат не мне, а ей.

Для тех, кого это касается.

Я близка к тому моменту, когда Создатель призовет меня к себе, и я буду вынуждена держать ответ за мои грехи. Но я знаю, что не успокоюсь, если правда не будет известна здесь, на земле, где старые прегрешения еще можно исправить. Клянусь на святой Библии, что 22 марта 1860 года на самом деле произошло следующее.

На тот момент я работала в Чарльстоне, Южная Каролина, в доме на Трэдд-стрит, горничной у мистера и миссис Джон Вандерхорст.

В тот день миссис Вандерхорст разрешилась от бремени сыновьями-близнецами. За родами наблюдали врач и повитуха, а мистер Вандерхорст ждал за дверью. Я знаю это, так как доктор и повитуха послали меня за водой, полотенцами и всем остальным, что может понадобиться. Первый ребенок, которого назвали Уильямом, пришел в этот мир толстым и с громким плачем, и все мы были счастливы, что миссис Вандерхорст родила здорового сына. Но счастье наше длилось недолго. У миссис Вандерхорст начались новые схватки, и через двадцать минут она произвела на свет брата Уильяма. Он был синим, и все мы думали, что он мертв.

Врач шлепнул его по попке, так что он втянул воздух в легкие и заплакал, но вскоре мистер Вандерхорст и доктор решили, что лучше ребенка оставить в покое, дабы он вернулся к Господу. Он кричал даже громче, чем его брат, но его конечности с одной стороны тельца были жутко деформированы. Я слышала, как мистер Вандерхорст сказал, что он годится только для цирковых представлений.

После недолгого разговора, которого я не расслышала, дочь доктора, выполнявшая роль его сестры милосердия, завернула ребенка в одеяло и передала его мне. Она сказала, что это великое счастье, что его мать потеряла от боли сознание и не проснулась, чтобы увидеть этот ужас. Затем она велела мне отвезти ребенка куда-нибудь подальше и оставить его на пороге церкви, где он не сможет опозорить семью. Мистер Вандерхорст дал мне за мои хлопоты и за мое молчание много денег, достаточно, чтобы начать новую жизнь. Я была бедна, у меня не было близких родственников, поэтому я взяла деньги и уехала с ребенком.

Я уехала на север, где у меня были дальние родственники, намереваясь оставить ребенка где-нибудь на пути между Чарльстоном и Нью-Йорком. Но у ребенка было такое красивое личико, и он был просто прелесть, что я влюбилась в него еще до того, как мы доехали до Виргинии. В этом поезде он стал моей плотью и кровью, и я поняла, что не могу его бросить. Именно тогда я решила назвать его Корнелиусом, потому что его отец отдал его мне, даже не дав ему имени.

Прибыв в дом двоюродных братьев и сестер, я сказала им, что я вдова, а Корнелиус – мой сын, и они приняли нас без вопросов. Несмотря на свои физические недостатки, мой сын был сильным и

умным и вырос, не зная ничего, кроме любви. Я не сожалею о том, что сделала.

Я вышла замуж за Таддеуса Гилберта, который усыновил Корнелиуса и дал ему свое имя. Но даже когда Корнелиус женился и у него родился свой ребенок, я хранила нашу тайну. Хотя мы никогда не были богаты, у нас в изобилии была взаимная любовь, и мне не хотелось разрушать то счастье, которое Корнелиус нашел вдали от семьи, которая выбросила его, как мусор. Вряд ли он желает себе другой жизни, но, возможно, для его детей или детей его детей она будет другой.

Поэтому сейчас, на закате моих дней, я должна попытаться все исправить. Повитуха, которая помогла ему прийти в этот мир, отдала его мне вместе с крестильным платьем и чепчиком. Чепчик я сохраню с этим письмом, а платье отправлю Вандерхорстам в Чарльстон как напоминание им, что их потеря стала моим приобретением, и что ребенок, который, по их мнению, ничего не стоил, жив и здоров, освещая своим особым светом темные уголки этого мира. И если они захотят исправить содеянное, они должны прийти с распростертыми объятиями.

Да простит меня Бог, но простит Бог и тех, кто читает это и не ищет воздаяния за грехи прошлого».

Подпись в конце письма растянулась через всю страницу, как будто подписавший торопился.

Бриджит Монахан Гилберт.

Я смотрела на столпившихся вокруг меня людей, видя лишь крестильное платье, оставленное у моей входной двери. Надпись на внешней стороне поблекла от времени. Сверток, который был отправлен более ста лет назад, в 1898 году. В том же году Бриджит Монахан Гилберт написала свое предсмертное признание и отправила по почте пакет с детским платьем.

– Спасибо, что показали это мне, – сказала я, возвращая письмо Ирэн. Мои пальцы жаждали поскорей избавиться от бумаги и слов, которые делали ее тяжелой, как гиря. – Уильям был дедом Невина Вандерхорста. Вчера в архиве Исторического общества я видела родословную. Уильям числится там единственным ребенком в семье.

Ирэн кивнула.

– Что вполне объяснимо, поскольку его брата-близнеца забрали из дома до того, как кто-либо узнал о его существовании. Включая родную мать. О чем и говорится в письме.

– Но это не доказательство, – мягко добавил Джек.

Ирэн спокойно посмотрела на него.

– Возможно. Но мистер Дрейтон считает, что этого достаточно, чтобы провести эксгумацию.

Мистер Дрейтон прочистил горло и хмуро посмотрел на нас. Ирэн перебрала сумочку через плечо, а муж взял ее за руку.

– Большое спасибо за угощение – все было замечательно. Завтра мы возвращаемся в Нью-Йорк, но готовы ждать столько, сколько потребуется. Ваш адвокат все тормозит, но он не может делать это вечно. И я думаю, что мы все хотим узнать правду.

Джек стоял позади меня – так близко, что мне казалось, будто я чувствую его прикосновение. Я лишь кивнула, не в силах выдать ни слова.

Поднялся ветер, взметая вокруг ног Гилбертов вихрь из лепестков роз. Мы смотрели им вслед, когда они с мистером Дрейтоном шли по тропинке. Джордж каждые несколько шагов топал ногами и громко хлопал в ладоши.

Знакомое ощущение жара и холода на затылке просигналило мне, что за мной наблюдают чьи-то глаза. Но когда я подняла голову и посмотрела на дом, то увидела лишь темные окна и развороченный фундамент, где были найдены останки ребенка.

Моя голова закружилась, кусочки головоломки вертелись вокруг меня, как обломки во время урагана. Я вновь посмотрела на груды строительного мусора, где были найдены останки ребенка, крестильное платье и чепчик, и попыталась свести воедино письмо Бриджит Гилберт и сверток, который оказался у меня на пороге более чем через сто лет после того, как его отправили по почте. Подняв глаза, я увидела Джека и Томаса. Оба внимательно смотрели на меня.

– Вам дурно? – спросил Томас. – У вас такой вид, будто вы только что видели привидение.

Жареная курица, съеденная мною всего двадцатью минутами ранее, решила, что сейчас самый момент нанести ответный визит. Я бросилась в кухню, Джек следом за мной. В эти мгновения мне хотелось сделать две вещи: чтобы меня вырвало вдали от посторонних

глаз и скрыть истерический смех, который грозил вырваться наружу и никогда, никогда не прекращаться.

Глава 16

Стоя перед стойкой портье в отеле «Чарльстон Плейс», я смотрела сквозь стеклянные двери на парковочную площадку, где Софи вешала замок на свой велосипед. Струящееся платье было завязано вокруг ее ног чем-то вроде завязок, а волосы – самая непокорная часть ее тела – торчали во все стороны из-под велосипедного шлема психоделической расцветки. Увидев, как она потянулась, чтобы снять шлем, я шагнула к двери, готовая сказать ей, что пусть он лучше останется на ее голове, но остановилась. За все годы нашей дружбы она еще ни разу не прислушалась ни к одному моему совету по части моды и стиля.

Оставив шлем болтаться на руле, она закинула рюкзак на плечо и зашагала к двери. Швейцар в униформе встретил ее с улыбкой. Она обняла меня со своим обычным воодушевлением, как будто не видела меня сто лет, а не всего пару дней назад на барбекю. Отстранив меня на расстояние вытянутой руки, она окинула меня критическим взглядом.

– Ты высыпаешься, Мелани? У тебя усталый вид.

Прежде чем я успела ответить, она принялась разматывать куски проволоки, скреплявшие ее платье выше колен.

– По-моему, оно и так вполне симпатично, но я не хочу, чтобы ты жаловалась.

– Я бы не стала жаловаться...

Ее взгляд заставил меня умолкнуть.

– Да ладно, пойдем лучше поедим. Я умираю с голоду. Тушеных соевых бобов, которые я съела час назад, нам обоим оказалось мало. – Она улыбнулась и потерла живот.

Мы с ней подошли к стойке кафе.

– Как и черствого глазированного пончика, который я откопала в кладовой, – призналась я.

– Серьезно, Мелани?

– Но я добавила банан и запила стаканом ванильного соевого молока, – с оскорбленным видом заявила я. – Надеюсь, ты помнишь связку органических бананов, которые ты заставила меня купить? Тех, что вдвое дороже обычных?

Она посмотрела на меня и глубоко вздохнула.

– Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты невосприимчива к переменам?

– Может быть. – Я скрестила руки и стала ждать, пока к нам подойдет метрдотель.

Сделав заказ, мы сели во дворе, среди зелени у журчащего фонтана, и я смогла внимательнее рассмотреть мою подругу. Ее кожа светилась, как будто подсвеченная изнутри, и хотя талия ее слегка пополнела и округлилась, она выглядела как улучшенная версия своего прежнего «я». За исключением ее наряда. Рухнули мои надежды на то, что скоро она станет слишком толстой и перестанет влезать в свои старые вещи. А ведь я так надеялась взять ее за руку и заставить пойти со мной в магазин для беременных.

Мы сделали каждая свой заказ. В принципе я заказала то же, что и Софи, – нежирную курицу гриль, салат и фрукты, – но лишь потому, что я очень надеялась, что когда мы закончим, она позволит мне заказать десерт.

Официант ушел выполнять наш заказ, и она подозрительно посмотрела на меня. Я разгладила на коленях салфетку и нетерпеливо посмотрела на нее.

– Ты сказала, что у тебя есть новости.

– Верно. Но я не знаю, что они значат. – Она поерзала на стуле, словно пытаюсь привести мысли в порядок. – Я много лет изучала историю твоего дома – еще до того, как он стал твоим. Это великолепный образец местной архитектуры, который с момента постройки принадлежал одной семье. И когда ты сказала мне, что в фундаменте дома обнаружены детские косточки, я кое-что вспомнила. А именно, как читала о том, что в какой-то момент истории дома в нем что-то изменилось, нечто такое, что преобразило его первоначальные очертания. Но сейчас моя голова как в тумане, так что я не смогла вспомнить примерный период времени, чтобы вернуться и покопаться в архивах.

Официант вернулся к нам со стаканами воды и свежим лимоном. У меня так и чесался язык попросить сладкого чая, но я осеклась, поймав «учительский взгляд» Софи – так я называла выражение ее лица, как будто она только что застучала пару учеников, передающих в классе шпаргалки. Для такой невысокой и непритязательной женщины она

умела вложить в него все, что думает по вашему поводу. Вероятно, это сделает ее очень хорошей матерью.

– И? – сказала я, когда официант ушел.

– Только когда я болтала на барбекю с детективом Райли, и он начал расспрашивать меня об истории дома, я вспомнила, что это было. Мы уже разговаривали раньше, но именно его интерес к некоторым предметам домашней мебели заставил меня вспомнить. Ты в курсе, что он коллекционирует антиквариат?

– Нет, я не знала. Но продолжай. Что, по-твоему, я должна знать, хотя ты еще мне не сказала?

– Я вспомнила обеденный стол, – сказала она с сокрушенным вздохом и с самодовольным выражением лица откинулась на спинку стула.

– Обеденный стол?

– Да. Джон и его жена – прадед и прабабка Невина – во время их медового месяца в Европе купили в Италии новый обеденный стол. Проблема заключалась в том, что он был на шесть футов длиннее обеденного стола, который изначально стоял в комнате и вокруг которого та и была спроектирована.

Я все еще не врубалась. Согласна, гормоны беременности затормозили мои мыслительные процессы до скорости гигантских морских черепах, ползущих по мокрому песку, но какая логическая связь между обеденным столом и замурованным в фундаменте дома мертвым телом?

С отчаянием посмотрев на меня, Софи продолжила:

– В столовую стол не поместился! Но он уже был доставлен из Италии, и они угрохали на него целое состояние. – Она говорила медленно, как Нола, когда пыталась что-то мне объяснить.

И тут до меня дошло. Я даже вытаращила глаза. Это надо же, ей не понадобилось ничего мне разжевывать!

– И потому им пришлось расширить столовую в задней части дома, чтобы он влез.

– Бинго! – воскликнула Софи. Все тотчас обернулись на нас. – Но это еще не все. Угадай, когда они расширили столовую?

Я нахмурилась. Пусть лучше она спросит что-то полегче.

– Что ж, если они приобрели стол во время медового месяца, это в принципе несложно рассчитать. Когда они поженились?

– В сентябре 1858 года. И провели в свадебном путешествии целый год.

Она кивнула, пристально на меня глядя. Я хлопнула ладонями по столу. Стаканы и столовые приборы зазвенели, а пара за соседним столиком снова посмотрела в нашу сторону.

– Значит, в Чарльстон они вернулись осенью 1859 года.

Софи кивнула.

– Точно. И как раз вовремя, чтобы в марте произвести на свет ребенка.

– И это был март 1860 года.

Пока официант ставил перед нами наш заказ, я умолкла и задумалась, но как только он ушел, перегнулась через стол.

– И не исключено, что строительные работы – включая расширение фундамента – могли продолжаться, и когда Уильям и Корнелиус уже родились.

– В точности то, о чем я подумала.

Софи сделала глоток воды.

Я уставилась в свою тарелку, не в состоянии сосредоточиться на еде или даже ощутить голод, мучивший меня с самого завтрака. Вместо этого я представила, что ночью на машине еду в тумане, а мои фары высвечивают вдали лишь смутные силуэты.

– Но ведь это полная бессмыслица! Если родились мальчишки-близнецы – и одного отдали, а другой был воспитан как единственный ребенок, – то кто этот младенец, замурованный в фундаменте дома в том же году, когда они родились?

Софи ела с удовольствием, как будто все эти разговоры об истории, старых костях и даже старых домах подпитывали ее аппетит.

– Могла быть и тройня. Но, по словам очевидицы – Бриджит Гилберт – ребенка было только два. И даже если Вандерхорсты были готовы заставить одного исчезнуть из-за физических уродств, какой им был смысл скрывать смерть другого? Не проще ли было просто похоронить ребенка на кладбище? – Софи покачала головой. – Согласна. Это полная бессмыслица.

Какое-то время мы ели молча, но потом Софи заговорила снова.

– Знаешь, есть один способ во всем разобраться, но тебе он явно придется не по душе.

– Почему я побоюсь это услышать?

– Потому что ты не любишь перемен. И то, что я предлагаю, может изменить правила игры.

Я не стала с ней спорить. Просто положила нож и вилку на тарелку и откинулась назад.

– Говори. Я готова.

– Полиция изучает останки ребенка на предмет улик. Да, это старый случай, поэтому они не пытаются побить рекорды наземной скорости, чтобы понять, что там случилось на самом деле. Тем более, как и в любом другом полицейском управлении в нашей стране, у них острая нехватка кадров и куда более важные текущие дела.

– Но?.. – подсказала я.

– Я хотела посоветовать им извлечь из останков ребенка хоть какую-то ДНК и сравнить ее с ДНК Джорджа Гилберта. Я подумала, что если он готов выкопать Невина Вандерхорста и сравнить его ДНК, то почему бы заодно не сравнить ее с костями, обнаруженными в фундаменте дома, который, как он утверждает, принадлежит ему по праву?

– Но что это докажет?

Софи ответила не сразу.

– Может, и ничего, если нет совпадений. Но если будут, значит, существует законная причина для эксгумации Невина.

Внезапная пульсация в висках помешала мне сосредоточиться.

– Боюсь, я не догоняю. Если ДНК останков совпадет с ДНК Джорджа Гилберта, какой нам резон выкапывать Невина?

– Потому что если ДНК останков и ДНК Джорджа не совпадут, это может означать, что кто-то из троих вообще не имеет к Вандерхорстам никакого отношения. И вот тут-то начинается настоящее веселье.

Я уставилась на свой недоеденный ланч.

– Наверно, я просто подожду, что будет с нынешним разрешением на эксгумацию. Стерлинг Зербе, мой адвокат, говорит, что это может занять какое-то время. Тогда мы пойдем, что нам делать дальше. Хотя что-то подсказывает мне, что Гилберты сами осознают, что в их интересах сравнить ДНК Джорджа с ДНК останков. Если я предложу это сейчас, это может ускорить процесс.

Софи в упор посмотрела на меня.

– Ну хорошо. Но надеюсь, тебе понятно, что если спрятать голову в песок, проблема никуда не уйдет. Это как беременность.

Я откусила кусочек и принялась медленно его жевать, не чувствуя вкуса и даже не понимая, что я только что положила в рот.

– Да, я в курсе. Но я не прячу голову в песок. Мне просто нужно больше времени, чтобы во всем разобраться. – Я сделала глоток воды, и вдруг нечто из того, что она только сказала, поразило меня. – А как ты узнала про обеденный стол?

Софи тотчас просияла.

– Как ты помнишь, мне доступны великолепные архивы колледжа. Так вот, копаясь в старых записях, посвященных твоему дому, я обнаружила перекрестную ссылку на открытку, отправленную миссис Джон Вандерхорст своей матери в Чарльстон во время ее медового месяца из Флоренции. Письмо хранилось в архиве Исторического общества, поэтому я позвонила вашей Ивонне Крейг, и она с радостью помогла мне, когда я объяснила ей, что хорошо знакома с тобой и Джеком. Она сделала с него копию и сунула ее в твой файл, чтобы ты взглянула, когда в следующий раз посетишь архив.

Я перестала жевать и нахмурилась.

Софи тоже перестала жевать и посмотрела на меня.

– Что такое? Что случилось? Вообще-то Ивонна может быть и моим другом.

Я чуть не рассмеялась, что, вероятно, и входило в ее намерения.

– Дело не в этом. Просто она связывает нас с Джеком, как будто мы с ним пара.

– А разве нет? Я имею в виду, вы оба скоро станете родителями. – Сжимая в руке вилку, она наклонилась ко мне ближе, и я заметила ее аккуратно подстриженные, без следов лака ногти, что меня странным образом утешило. Как томатный суп и горячий бутерброд с сыром в холодный день.

– Мелани, – продолжила она. – Наверное, я знаю тебя лучше, чем другие, и люблю тебя как сестру, и это единственная причина, почему я сейчас это скажу. Но я знаю, что ты любишь Джека, и хотя он мне ничего не сказал, видно, что он любит тебя. Вам обоим нужно преодолеть все прошлые обиды, простить себя и друг друга и решить быть счастливыми.

Я закатила глаза, и к своему удивлению, обнаружила среди листьев пальмы голубое небо.

– Эх, будь это так просто.

– Тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, это так?

Увидев, как официант приближается с десертным меню, я выпрямилась.

– Ты говоришь как Нола. Пожалуйста, прекрати. Я не хочу, чтобы по моему сердцу вновь проехал каток. С меня хватило одного раза.

Официант с улыбкой Чеширского Кота на лице остановился у нашего столика, чтобы предложить двум беременным женщинам сладости.

– Могу ли я, дамы, заинтересовать вас десертом?

Я повернулась к Софи – та уже полезла в сумочку и качала головой. Моей улыбки как не бывало.

– Не сегодня, спасибо. Только счет, пожалуйста.

Я позволила ей оплатить счет, и мы вышли на улицу перед отелем.

– Хочешь взять рикшу до музея или я попрошу вызвать нам такси?

Она посмотрела на меня так, будто я только что посоветовала ей подстричься или надеть высокие каблуки.

– Мы можем дойти пешком. Это меньше мили.

– Но сейчас жарко, – пожаловалась я. – А я на каблуках.

Она сунула руку в свой огромный рюкзак и вытащила ярко-зеленые «биркенстоки», в которых щеголяла на барбекю.

– Надень это. У нас одинаковый размер, и они очень удобные.

Я молча посмотрела на них, не зная, как лучше всего положить конец дружбе. Но затем подумала, была не была, и вообще, кому какое дело, и взяла их у нее.

– Как скажешь, – ответила я, изображая Нолу. – Но тебе придется таскать в рюкзаке мои туфли.

С самодовольным видом Софи положила в рюкзак мои шпильки и зашагала в сторону Митинг-стрит и Чарльстонского музея. Она шла быстро, бодрой походкой, почти не потев. Я же, пройдя квартал рядом с ней, стала задыхаться, и она сбавила темп.

– Тебе срочно нужно заняться спортом, Мелани. Тебе будет гораздо легче рожать, если ты будешь в хорошей форме, а твои мышцы – в тонусе. Знаю, ты никогда раньше не занималась спортом, но беременность – это другое дело. Я хожу на замечательные занятия йогой для будущих мам. Тебе там точно понравится. И еще я посещаю уроки дородового плавания. Чтобы мне было комфортно, на тот случай, если я решусь на роды в воде.

Я споткнулась о трещину в тротуаре.

– Что?

– Роды в воде. Погружаешься в большую ванну или даже в детский бассейн и рожаешь под водой. У нас будут домашние роды, поэтому можно поставить бассейн прямо в гостиной, чтобы все наши друзья были рядом и разделили с нами этот опыт. Разумеется, ты тоже приглашена.

Я в ужасе уставилась на нее и едва не врезалась в фонарный столб, но Софи, похоже, ничего не заметила.

– Если задуматься, – продолжила она, – роды в воде действительно имеют смысл. Ребенок девять месяцев плавает в околоплодных водах, поэтому выход на свет из утробы – не такой уж большой шок, если он сначала попадет в теплую воду.

Я содрогнулась.

– Пожалуйста, не произноси слов «околоплодные воды» сразу после того, как я поела, хорошо? И наверно, я пропущу водную йогу и роды в воде. Во время родов я планирую быть без сознания и не хочу захлебнуться.

Софи искоса взглянула на меня.

– Как хочешь, но тебе все равно следует начать тренироваться. Это поможет тебе сохранить физические силы как во время родов, так и после них.

– Я подумаю об этом, – пообещала я.

Моя мать и Амелия три раза в неделю по утрам занимались спортивной ходьбой и приглашали меня составить им компанию. В принципе, если для этого не нужно надевать уродливые кроссовки или, что еще хуже, «биркенстоки», я могла бы согласиться на пробную пробежку.

– Итак, – сказала она тоном, который тотчас предупредил меня, что, вероятно, я не хочу услышать, что за этим последует. Я молчала, надеясь, что беременность испортила ей память так же, как и мне, и что она забудет то, что собиралась сказать. – Что там с детективом Райли? На барбекю он буквально пожирал тебя взглядом. Невольно подумаешь, что за этим что-то кроется.

Я была близка к тому, чтобы запыхаться, поэтому ответила кратко.

– Мы... друзья. Пока. А там... посмотрим.

– Он приглашал тебя на свидание?

– Ужин. Завтрак.

Брови Софи поползли вверх.

– Поздний завтрак. Он готовил.

Ее брови остались на месте, не желая опускаться.

– Заехал за мной в офис. Никакого секса.

Несколько мгновений мы молчали. Паузу в разговоре заполнял лишь звук моего тяжелого дыхания.

– Хорошо, – в конце концов сказала она.

– Хорошо?

Она кивнула.

– Хорошо для тебя. И хорошо для Джека. Может, кто-то третий поможет вам обоим одуматься.

К тому моменту, когда мы после пятнадцатиминутной прогулки дошли до Чарльстонского музея, я вся взмокла от пота. Макияж стекал до самого подбородка, волосы прилипли к голове. А вот лицо Софи блестело тонкой пленочкой пота, а волосы завивались чуть сильнее обычного. Я была готова ее возненавидеть.

Я остановилась перед современным кирпичным зданием. У меня уже покалывал затылок – реакция на все пары невидимых глаз, которые ощутили мое присутствие. Я ненавидела музеи, ненавидела больницы, ненавидела то, как гул голосов в моей голове всегда парализовал меня страхом. Я заранее замычала себе под нос мелодию «Танцующей королевы».

– У меня уже есть наши билеты, так что нам не нужно задерживаться здесь дольше необходимого. Главное, чтобы ты взглянула на колыбель и сказала, такая ли она, как на твоём чердаке, и прочла этикетку, чтобы понять, говорит ли она тебе что-нибудь. Тут есть выставка ополчения Чарльстона и Гражданской войны, и нам ее нужно пройти, чтобы попасть к постоянной экспозиции, где выставлена колыбель. Я просто возьму тебя за локоть и поведу вперед, а ты можешь горланить свои песни группы «АББА». Меня не так легко смутить.

Я посмотрела на ее вьющиеся волосы и пластиковые заколки, ее яркое платье и «биркенстоки» и решила, что, вероятно, она права. Гул голосов начался, как только мы прошли в стеклянную дверь. Софи показала наши билеты и, схватив меня за руку, быстро потащила через выставку текстильных изделий, где меня окружил лепет женских

голосов, как если бы они шили лоскутное одеяло, а затем мимо выставки ополчения Гражданской войны. Я не почувствовала здесь ни запаха пороха, ни запаха крови, зато услышала мужские голоса, которые перекликались с женскими. Но я не увидела ни одного призрака.

Куда страшнее было слышать, как они окружают меня, чувствовать ледяной воздух, но не видеть глаз, что впивались в меня, как пули, ищущие свою цель. В конце концов мы оказались в одном из больших выставочных залов, где были выставлены постоянные экспозиции, посвященные истории Чарльстона. Софи провела меня мимо коллекции эджфилдской керамики с ее непропорционально огромными ртами и глазами и остановилась перед широкой застекленной витриной.

– Это она? – спросила Софи.

Ей не нужно было указывать на вещь, которую мы пришли посмотреть. За стеклом стояла пустая колыбель из черного ясеня с витыми шпинделями и полозьями в форме цапли, и как будто покачивалась. Или это со мной играет в игры воображение?

– Да, – прошептала я. В моем ухе громко, заглушая все остальные звуки, прозвучал женский голос: «Мое».

Я отступила, но Софи крепко держала мою руку.

– С тобой все в порядке?

Я не ответила. Мой взгляд переместился с колыбели на табличку с ней рядом. «Колыбель семьи Вандерхорст». Ниже шрифтом помельче было написано: «Подарено в 1922 году Л. Вандерхорст». В следующий миг что-то вцепилось мне в шею. Я вырвалась из рук Софи и бросилась к выходу.

Она догнала меня на улице, где я, упершись ладонями в колени, пыталась отдышаться на тротуаре.

– Что случилось?

Я покачала головой.

– Там была эта женщина – призрак из моего дома, которая все время повторяет слово «мое». С колыбелью. Она поцарапала меня.

Я подняла волосы, где от соленого пота зудела моя кожа.

– Мелани, извини, что я привела тебя. Я не знала...

– Я тоже. Но я рада, что пришла. Потому что эта женщина действительно начинает меня бесить. Может, она на что-то и обижена,

ей пора уйти. – Я выпрямилась. Мой гнев подпитывал мое негодование, и я вновь, пусть совсем чуть-чуть, ощутила себя прежней.

Уголки ее рта приподнялись в легкой улыбке.

– И это хорошо, правда?

– Может быть. Мне просто нужно выяснить, кто она такая, чтобы отправить ее туда, где ей место. – Я на миг умолкла, переводя дыхание, а мой мозг начал медленно приходить в движение.

– Знаешь, Мелани, это может быть ответом на все твои текущие проблемы.

Я хмуро посмотрела на нее.

– Что ты имеешь в виду?

– Постарайся понять, чего тебе хочется, и затем идти к этому. Ты никогда не достигнешь того, чего хочешь, пока не признаешься себе, что это такое.

Все еще ощущая от слов Софи обиду, я прижала к затылку чистую салфетку.

– Я доеду на велорикше, – сказала я. – Если хочешь, могу подвезти тебя к твоему велосипеду.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Думаю, тебе лучше побыть одной. Я позвоню тебе позже. – Она нашла в рюкзаке мои шпильки, и мы поменялись туфлями.

Затем, махнув рукой, она повернулась и пошла обратно по Митинг-стрит. Я наняла велорикшу, ожидавшего возле музея, и, пока он, крутя педали, вез меня обратно на Брод-стрит, сидела молча, а слова бабушки звучали в моей голове: «Чем раньше ты решишь, что тебе нужно, тем лучше. И тогда будь готова сражаться за это». Когда я впервые их услышала, я подумала, что самым сложным будет сражение. Увы, я быстро поняла, что это не так.

Глава 17

К середине октября я была ничуть не ближе к ответам, которые искала. Казалось, весь мир сочувственно тянет резину: запрос на эксгумацию прочно увяз в бумажной канители, окончательные результаты анализа ДНК останков еще не были получены, а личность моей мучительницы и плачущего ребенка оставались такой же загадкой, как и прежде.

Даже регулярные скандальные газетные статейки про дом Вандерхорстов и «незаконных владельцев» временно прекратились. Автор переключила свое внимание на другие уважаемые чарльстонские семьи и их дома, правда, с куда более пристойной историей. Я представила, как репортер Сьюзи Дорф, словно аллигатор на дне ручья, залегла и ждет, пока ей подбросят очередной лакомый кусочек, чтобы она могла написать свой следующий материал.

Нола осталась со мной, несмотря на все попытки Джека заставить ее пересмотреть свое решение. Со своей стороны я обнаружила, что мне приятно присутствие в доме живого, дышащего человека – вернее, обычно троих, так как Олстон и Купер Равенель были частыми гостями. Нола часто видела Джека, но, верный своему слову, он избегал навещать ее, когда я была дома. Тем не менее я показала ему примерно сто тридцать домов по всему Чарльстону и брала с собой, когда посещала врача. Джек был вежлив и заботлив, но держался отстраненно. Как я и просила.

От Нолы я узнала, что он хорошо продвинулся в работе над книгой об убийствах Маниго и даже нашел нового литературного агента, который очень надеялся, что у Джека скоро будет контракт. Я сказала себе, что это объясняет, почему мысли Джека как будто были заняты чем-то еще, когда он бывал со мной. Я на всякий случай спросила Нолу, и она подтвердила, что новой женщины в его жизни не было. Впрочем, какая разница?

С наступлением второго триместра тошнота утихла, как и – хотя не все – кожные проблемы. Мои волосы впервые в жизни стали густыми и блестящими, а мой аппетит вернулся с удвоенной силой. Вместе с Амелией и моей матерью я начала заниматься спортивной ходьбой, но

даже эти энергичные прогулки были бессильны дать отпор пугающему весу, который я набирала на глазах. Я начала воспринимать встречи с доктором Уайз как вызовы в кабинет школьного директора.

Инерция ранних сроков беременности тоже, похоже, осталась в прошлом. Я вошла в режим готовящейся к гнездованию мамыши. Как будто мое подсознание признало мою прежнюю решимость выяснить, чего же я хочу, а борьба за это застопорилась из-за всех пресловутых кирпичных стен, о которые я продолжала биться головой.

Мне срочно требовалось найти что-то новое, разработать стратегию, упорядочить и внести в электронную таблицу. По крайней мере, это было бы какое-никакое занятие, ведь до сих пор я так и не смогла продвинуться вперед ни в каком аспекте моей жизни.

Я толкнула входную дверь. Над верандой тотчас пролетели звуки пианино. Я тихонько вошла, поставила в вестибюле сумки с покупками – трофеи нашей совместной охоты с Амелией и моей матерью за аксессуарами для детской, – сбросила с опухших ног туфли и на цыпочках прошла через холл к музыкальной комнате.

Я слышала обрывок мелодии раньше, но эта версия была богаче, со звучными аккордами и подробным текстом. Я замерла у двери, слушая Нолу; ее голос и музыка быстро сняли накопившееся за день напряжение. Внезапно она перестала играть и сердито хлопнула руками по клавиатуре. Я невольно вздрогнула.

– Прекрати! – крикнула она. – Ты меня отвлекаешь!

– Извини, Нола. Ты не ожидала застать меня здесь.

Она вздрогнула, увидев меня, и нетерпеливо покачала головой.

– Да не ты. Она. Ты чувствуешь запах роз?

Я принялась, но ощутила лишь запах полироли и веганской еды, которую миссис Хулихан готовила в духовке.

– Нет. А ты?

Она кивнула.

– По крайней мере, этот призрак с розами. Вторая раздражает меня куда больше. Она постоянно играет всего три ноты.

Я прислонилась к дверному проему и попыталась скрестить на груди руки. Впрочем, я тотчас была вынуждена оставить попытку, так как мне мешал бюст.

– Извини, что они тебе мешают. Я бы заставила их уйти, если бы могла. Но, увы, теперь я не могу с ними общаться, и что еще хуже, я

даже не знаю, кто они и почему они здесь.

Она театрально вздохнула.

– Я знаю. Просто с такой скоростью я никогда не закончу эту песню для Джимми Гордона. Мой агент – а я до сих пор не могу поверить, что у меня есть агент, но папа сказал, что без него никак, – дал мне крайний срок, который мне совсем не нравится, но что поделаться, придется подналечь. Просто очень сложно что-то придумать, когда тебя вечно отвлекают два спорящих призрака.

– Добро пожаловать в мой мир, – пробормотала я, входя в комнату. – Я рада, что они тебя не пугают.

Нола пожала плечами, легонько постукивая пальцами по клавиатуре.

– Меня трудно напугать. То есть мама вернулась, но меня она не напугала. Потому что если ты хороший человек при жизни, то останешься хорошим, когда умрешь.

– Думаю, в целом ты права. По крайней мере, таков мой опыт.

Я на мгновение задумалась.

– За исключением призрака той женщины, которая, похоже, связана с останками ребенка, – сказала я, понизив голос. – Моя мать считает, что ее в чем-то обидели, и поэтому она злится, а не потому, что она злая по натуре.

Нола кивнула и застыла на месте, склонив голову набок.

– Чувствуешь запах роз? Он даже стал сильнее. Как будто меня бросили лицом в розовый куст.

– Ой! – пошутила я в попытке развеять гнетущую атмосферу, что начала собираться в маленькой комнате, словно темные облака на горизонте. Я глубоко втянула в себя воздух.

– По-прежнему не чувствую никаких роз.

Нола прищурилась.

– Больше ничего не вижу – даже туманных образов, как в первой половине беременности. Я могу спокойно посмотреть в зеркало, не опасаясь увидеть кого-то позади меня. Но часть меня... – Я пожала плечами, не зная, что хочу сказать.

– Да-да. Я поняла. Это все равно как жить с моим отцом. Когда его нет, я скучаю по нему, когда же он рядом, он меня просто бесит.

– Твой отец производит такой эффект на многих людей.

Нола наградила меня до боли знакомой, с ямочкой на щеке, улыбкой, затем мы обе вздохнули и рассмеялись. Она вновь посмотрела на клавиатуру, и ее лицо посерьезнело.

– Я играю в школьном рождественском спектакле Марию, и подумала, что вдруг ты захочешь прийти, – сказала она, мягко нажав одну из белых клавиш. – Если только у тебя на этот вечер нет никаких планов с тем детективом, который вечно вертится рядом. Шестое декабря.

– Поздравляю! Это просто здорово, учитывая, что ты новичок. – Я подняла телефон и принялась печатать в календаре. – Ну вот. Готово. И даже будь у меня какие-то планы, ты все равно на первом месте.

– Только не приводи того детектива, хорошо?

– Я думала, тебе нравится Томас.

Что, вообще-то, было моей проблемой. Томас мне нравился. Даже очень. У нас были общие обеды, мероприятия, фильмы, пикники, морские прогулки и даже первое причастие племянницы. И все же это было скорее дружбой. Он еще ни разу не пытался меня поцеловать, то ли из-за моей растущей талии, то ли потому, что подозревал, что каждый раз, глядя на него, я хочу видеть Джека.

– Он хороший и все такое. Просто...

– Что просто?

– У всех моих друзей есть мама и папа, и все они будут на спектакле. И я подумала, что, поскольку ты мне почти что мама, ты и папа могли бы на один вечер стать моими родителями.

Мое сердце мгновенно превратилось в мармеладную конфету, но если я чему-то и научилась из общения с подростками, так это тому, что несмотря на первоначальный порыв обнять ее и крепко прижать к груди, всегда нужно сохранять нейтралитет.

– Сочту за честь, Нола. Ты мне почти как дочь, так что для нас обеих это беспроигрышный вариант.

Уголки ее губ приподнялись в улыбке, а пальцы начали медленный спуск по клавиатуре, и когда она нажимала определенные ноты, звук исчезал.

– Слышишь, она делает это и сейчас.

Я шагнула ближе и заглянула внутрь рояля. Внезапно щеки мне пощекотал холод.

– Сыграй еще раз.

Она начала медленно нажимать каждую клавишу, начиная с нижнего регистра и постепенно переходя к более высоким нотам. Я наблюдала, как на большинстве клавиш струны вибрируют, но при нажатии определенных клавиш казалось, будто на струну давит невидимый палец.

– Мне казалось, ты сказала, это всего три клавиши, – сказала я.

– Верно. А, С и Е. Но они есть в каждой октаве, а не только в середине фортепиано. Она явно пытается нам что-то сказать.

– А-С-Е?

– Или С-А-Е, или Е-А-С, или любая другая комбинация. Буквы что-то значат только в том случае, если знаешь, с чего начать. – Она округлила губы и выдохнула маленькое морозное облачко. Я смотрела, как оно рассеивается, а в моей голове делали сальто три буквы – «А», «С» и «Е».

– погоди минутку, – сказала я и, выйдя из комнаты с мобильным телефоном в руке, перешла в гостиную, по опыту зная, что современные технологии не всегда работают там, где рядом порхают другие энергетические потоки.

Быстро пролистав список контактов, я нажала кнопку «Ивонна Крейг» и, пока шел сигнал, подумала, а не добавить ли мне ее номер в избранное для быстрого набора. Она ответила на третьем гудке.

– Привет, Ивонна. Это Мелани Миддлтон. Вы можете говорить?

– Я устроила себе перерыв. Сажу на улице и смотрю на своем айпаде последний сезон «Аббатства Даунтон». Но я буду рада поставить ради вас лорда Грэнтэма и его семейство на паузу.

Представив Ивонну с ее айпадом, я улыбнулась.

– Благодарю. Я это ценю. Я оставила папку, которую вы сделали для меня, со всеми фотокопиями, в моем офисе, но у меня возник быстрый вопрос о генеалогическом дереве Вандерхорстов. Надеюсь, вы сможете ответить без особых проблем.

– О, это легко! Я только что вытащила для Джека все книги, а они все еще лежат на столе наверху.

– Для Джека?

– О боже. Не знаю, должна ли я вам это говорить.

– Говорить о чем? Что он мне помогает? Он уже сказал, что поможет – я просто предположила, что мы будем работать вместе.

Прежде чем ответить, она помолчала.

– Да, я знаю. Просто...

– Да?

– Просто я думаю, что он искал предлог, чтобы позвонить вам или с вами увидеться.

Я посмотрела на свой телефон, готовая возразить, что я же вижу Джека регулярно, так как помогаю ему найти новый дом, но, увы, даже это занятие стало в последнее время эпизодическим, так как число домов с нужными ему характеристиками сошло практически на нет.

– Понятно, – только и сказала я, чувствуя себя старшекласницей, которой только что сообщили, что она тоже нравится парню, по которому она сохнет. Когда мы в последний раз ушли от Ивонны, я подумала, что Джек шутил, пытаюсь найти предлог, чтобы увидеть меня снова. От этого мне было одновременно неловко, приятно и грустно. Мои эмоции были растянуты до предела, словно резинка. Мне оставалось только ждать, пока она отскочит и ударит меня.

– Вы помните, о чем он спрашивал?

– Конечно. Когда вы были у меня, вы обмолвились, что жена Джона умерла через год после рождения Уильяма и что вскоре Джон женился повторно. Я захотела узнать побольше о тех событиях, так как не могу ничего сказать, лишь глядя на семейное древо. К сожалению, у меня не было времени, но это в моем списке. Вот почему я снова вытащила книги, в надежде на то, что сегодня днем я смогу выкроить время.

– Позже, когда у вас будет время, не могли бы вы еще разок взглянуть на семейное древо? Я ищу любое имя любого члена семьи около 1860 года, в котором есть буквы «Е», «А» и «С». Если этот год не подойдет, мы посмотрим на другие поколения, но поскольку 1860 год – это тот год, когда был изменен фундамент, я подумала, что неплохо бы начать с него.

В телефоне раздался преувеличенный вздох.

– Право, Мелани, меня не так-то легко поставить в тупик. Мне сразу пришли в голову два имени – скорее всего, я помню их потому, что это имена моей матери и свекрови. Я на всякий случай обязательно перепроверю, но я думаю, что имена, которые вы ищете, – Камилла и Шарлотта.

– Камилла и Шарлотта, – медленно повторила я, словно пробуя на вкус каждую букву. – Да! Эти подойдут! – взволнованно крикнула я, надеясь, что не оглушила бедную женщину. – Кто они такие?

Нола вошла в комнату и вопросительно приподняла брови. В ответ я показала ей большой палец.

– Камилла была первой женой Джона и матерью Уильяма. Шарлотта – второй женой Джона.

В моем телефоне раздался треск помех, и связь оборвалась. Я попыталась включить его снова, но телефон был мертв, несмотря на почти полную зарядку аккумулятора, когда я начала телефонный звонок. Я повернулась к Ноле, чтобы спросить, могу ли я одолжить ее телефон, но, увидев ее лицо, остановилась на полуслове.

Ее и без того бледная кожа теперь казалась полностью обесцвеченной, черные волосы торчали во все стороны, как будто она только что натянула на них толстый шерстяной свитер, глаза – широко открыты, и мне были видны в основном белки. И она смотрела на что-то прямо за моей спиной.

Я вовремя обернулась и увидела, что фасадные окна колышутся, словно они жидкие, втягиваются и выпячиваются, стонут и кряхтят, как корабль во время шторма. Послышался громкий треск, и на моих глазах окно, словно в замедленной съемке, медленно упало на пол. Толком даже не осознав, что делаю, я бросилась к Ноле и повалила нас обеих на пол – как раз в тот момент, когда оба окна взорвались, накрыв нас и комнату миллионом стеклянных осколков.

Глава 18

Тихонько закрыв за собой дверь спальни Нолы, я вышла обратно в коридор и, прижав к губам указательный палец, прошла мимо Джека. Он выглядел помятым и усталым, но в целом гораздо лучше, чем ему позволено было выглядеть после того, как он, в ответ на панические телефонные звонки от меня и Нолы, примчался сюда, потому что окна решили вести себя как капризные дети, а не как неодушевленные предметы. Он делал пробежку и просто продолжил ее до того, пока не домчался до нас. Я, конечно, в этом не признаюсь, но мне даже не пришло в голову позвонить кому-то еще.

Прежде чем ответить, я прошла по коридору к своей спальне.

– Она спит, я не представляю, как ей удалось уснуть. Даже не верится, что мы отделались лишь несколькими царапинами и синяками – и то лишь потому, что я повалила ее на пол. Я было решила, что она напугана, но, скорее, она была в ярости. Слышал бы ты, как она орала сразу после того, как это случилось. Обозвала призрак подлым трусом за то, что тот обижает беременную женщину и беспомощного маленького ребенка.

– Беспомощный маленький ребенок? – спросил Джек.

– Ее слова, а не мои. Но вроде сработало. Все вроде бы прекратилось.

Он потер мои руки.

– Ты испугалась?

– Еще как! Раньше я думала, что мне будет легче их не видеть. Увы. – Включился центральный обогреватель, и из вентиляционного отверстия в плинтусе вырвался поток теплого воздуха. – Самое страшное будет сказать Софи, что окна разбиты, а потом услышать от нее, во сколько мне обойдется их замена.

Наши взгляды переместились на груды простыней, одеял и подушку на полу перед моей дверью.

– Ты можешь спать в другой гостевой комнате, Джек. Или в детской. Тебе не нужно спать на полу.

– Заколачивать окна – тяжелая работенка. Я вырублюсь где угодно.

– В этом нет необходимости. На полу в детской ковровое покрытие, а в комнате для гостей стоит двуспальная кровать с очень старым матрасом. И не забудь про диван в гостиной наверху. Если не ошибаюсь, это твой давний фаворит.

– Сколь заманчивы ни были бы эти варианты, я, пожалуй, присмотрю за тобой. Именно поэтому я здесь, помнишь?

Мне внезапно стало тепло, и я даже обрадовалась, что между нами торчит мой живот.

– Спасибо, Джек. Я признательна, что ты пришел и согласился ненадолго остаться. Мы оба это знаем.

– А ты можешь пожить у меня. По крайней мере, пока мы не заменим окна.

– Только не это. Кто бы это ни был, пусть не думает, что победа на ее стороне.

Он склонил голову набок и потер подбородок.

– Эх, Мелли. Какая же ты упрямая.

– Спасибо, – сказала я. На мое счастье, мой голос прозвучал скорее возмущенно, нежели обиженно.

Джек заглянул через мое плечо в мою комнату.

– Что это такое? – Я попыталась преградить ему путь, но прежде чем смогла это сделать, он уже шагнул в мою комнату. Тяжелым шагом я поплелась за ним к мольберту, к которому была прикреплена моя таблица.

– Это таблица, – сказала я, надеясь, что он потеряет интерес, прежде чем изучит ее слишком внимательно.

Увы, мои надежды не оправдались. Наклонившись ниже, Джек прочел заголовок «Девять месяцев и счет».

Покачивая головой вверх и вниз, он проследил взглядом за двумя линейными графиками, которые я нарисовала вручную поверх компьютерной распечатки ожидаемого месячного роста детей.

– Что это за график? – спросил он.

Я неразборчиво пробормотала ответ.

– Извини, я не расслышал.

Я не сомневалась, что все он прекрасно слышал, но все равно выкрикнула.

– Мой вес. Зеленый – это то, каким он должен быть, красный – какой на самом деле.

Ему хватило порядочности не выразить ни ужаса, ни отвращения, ни даже удивления.

– Понятно, – сказал он, переключая внимание на календарь, который я прикрепила рядом с таблицей. Его взгляд остановился на квадрате, который я выделила красным цветом, 23 марта. Жирным маркером я написала большими буквами: РОДЫ. Джек постучал по квадрату.

– Что это значит – «роды»?

Я нахмурилась. Обычно Джек бывал довольно сообразительным.

– Это мой срок родов, поэтому я планирую рожать.

– Ты планируешь рожать?

Я в очередной раз попыталась – и не смогла – скрестить на разбухшей груди руки.

– У тебя проблемы с родным языком? Да, срок родов – это день, когда я планирую рожать. Что тут непонятного?

Его глаза блеснули, как будто он знал что-то очень забавное, но не хотел делиться со мной.

– Надеюсь, ты ведь в курсе, что срок родов – это всего лишь примерная дата? Что это может произойти до или после, а с близнецами и вообще намного раньше.

Я помахала рукой.

– Знаю. Похоже, мы оба читаем одну и ту же книжку. Но я обнаружила, что иногда, чтобы превратить хаос и неопределенность в нечто более упорядоченное, разум важнее материи. Я планирую родить в срок, поэтому в календаре у меня уже отмечены все предварительные мероприятия, так что к тому моменту, когда я приеду в больницу, все будет готово.

– Понятно, – сказал он, поглаживая подбородок, и снова посмотрел на календарь. – У тебя тут на двадцать четвертое запланирована «мани-педи-стрижка».

Я попыталась встать руки в боки, но когда не смогла найти талию и бедра, то ограничилась тем, что прижала ладони к бокам живота.

– Хочу презентабельно выглядеть для посетителей. – Я на миг задумалась. – Или ты считаешь, что я должна сделать все это в тот же день?

Прежде чем заговорить, он сглотнул, причем дважды.

– Знаешь, Мелли, возможно, ты не встанешь сразу после родов. Кроме того, если тебе сделают кесарево, ты проведешь в больнице дольше, чем пару часов, как ты, очевидно, планируешь. Возможно, тебе стоит проработать несколько запасных вариантов.

Глубоко и раздраженно вздохнув, я потянулась к маркеру, который привязала к веревочке в верхней части мольберта.

– Если ты прочел несколько книг по деторождению, это еще не делает тебя экспертом, но, если тебе от этого будет легче, я так и быть, перенесу визит к маникюрше на двадцать шестое.

Взяв линейку, всегда лежавшую внизу мольберта, я аккуратно вычеркнула старую дату и занесла новую. Потом отступила, чтобы полюбоваться своей работой. При этом я поймала взгляд Джека. Он наблюдал за мной с выражением, которое я не смогла понять, хотя оно очень напоминало то, что бывало у него на лице при просмотре эпизодов его любимого реалити-шоу «Эвакуатор из Лизард-Лик». Когда же он заговорил, его голос звучал так, будто ему пережали горло.

– Странно, что ты еще не составила график кормления и сна близнецов.

– Это почему же? Составила. – Я развернула таблицу беременности и повесила ее на спинку мольберта. – Видишь? Кормление каждые четыре часа, начиная с пробуждения в восемь часов утра, затем в течение часа время игр, после чего они вновь засыпают и просыпаются к следующему кормлению, в полдень...

Из горла Джека вырвался сдавленный стон. Я обернулась.

– С тобой все в порядке? – спросила я и похлопала его по спине.

– Да, – ответил он, хотя мне показалось, будто в его глазах блестят слезы. – Просто я очень устал. И хочу поскорее лечь спать.

– Замечательно. Остальное я покажу тебе в другой раз. В ванной комнате есть чистые полотенца и мочалка, а в аптечке – новая зубная щетка, зубная паста и одноразовые бритвы. Мыло и шампунь найдешь под раковиной.

– Ждешь гостей, Мелли?

– Люблю быть во всеоружии, – ответила я на его намек. – И как видишь, я была совершенно права.

– И как только этот мир вращался бы без тебя!

– Я нашла ту пижаму, – сказала я, пропустив мимо ушей его колкость, которую я купила для тебя, когда ты раньше ночевал у

меня. – Я смерила его прокурорским взглядом. – На ней все еще были бирки, но я сняла их и отдала пижаму миссис Хулихан в стирку. Я повесила ее за дверь ванной на тот случай, если она тебе понадобится.

– Я не ношу пижам.

Я покраснела при воспоминании.

– Знаю. Но я подумала, что поскольку в моем доме спит твоя дочь, ты вряд ли захочешь спать голым в коридоре.

– Или у твоей двери, – сказал он с хитрой усмешкой.

Я безжалостно раздавила семя волнения, которое попыталось пустить корни глубоко в моем животе.

– Думаю, я смогу противостоять тебе, Джек.

Он приподнял правую бровь и тотчас стал похож на пирата.

– Меня беспокоила не твоя скованность.

Несмотря на небольшой прилив жара, пробежавший по мне, я преувеличенно закатила глаза.

– Правда, Джек? – Я указала на свое растолстевшее тело и живот, с которым голливудским старлеткам всегда удавалось выглядеть очень мило, но на мне это выглядело так, будто я пыталась спрятать в нем трактор «Джон Дир». – Не думаю, что у меня есть причины волноваться.

– Не зарекайся, – сказал он с ухмылкой и направился по коридору в ванную.

Я быстро закрыла дверь и прижала руку к груди. Мое сердце колотилось, как у школьницы. Я посмотрела на свою кровать, где меня с написанным на морде недоумением уже ждал Генерал Ли.

– Он здесь не спит, – сказала я и, сбросив халат, стянула покрывало и скользнула под одеяло. Вздохнув, пес забрался на мою подушку и устроился на своем обычном месте, я же взялась расставлять, а затем переставлять вокруг себя пятнадцать подушек меньшего размера, пока не нашла удобное положение для сна.

Я прислушалась к звуку текущей воды в старых трубах. Затем раздался щелчок защелки открывающейся двери, и по ковровой дорожке в коридоре к моей двери прошлепали босые ступни Джека. Я посмотрела на размытый циферблат моих прикроватных часов: Джек ворочался и шуршал в своей постели в коридоре почти час. Но я смотрела и слушала даже после того, как Генерал Ли захрапел.

Я лежала без сна так долго, что мое прежнее удобное положение, на конструирование которого я потратила столько времени, перестало казаться таким уж удобным. Я попыталась немного сменить позу, но обнаружила, что одна из подушек, вместо того чтобы поддерживать мое бедро, теперь комком упиралась мне в поясницу.

Подавив досадливый стон, я уставилась в потолок, как будто ожидая ответа. Увы, вместо ответа я услышала лишь беспокойное ворчанье в коридоре и громкий храп моего пса, который теперь спал, задрав все четыре лапы в воздух. Миссис Хулихан сказала мне, что собаки, которые так спят, чувствуют себя в безопасности и знают, что их любят. Я не стала спрашивать у нее, что означает, если человек спит в позе туго свернувшегося эмбриона.

Я начала перекатываться из стороны в сторону, создавая необходимый импульс, чтобы встать с высокой кровати. В итоге я с глухим стуком грохнулась на пол, но прежде чем успела включить лампу, в дверном проеме, готовый к прыжку, уже стоял Джек.

– Джек! Что ты делаешь, помимо того, что из-за тебя меня едва не хватил сердечный приступ?

– Я услышал грохот и счел нужным прийти, чтобы выяснить, что упало. Помнишь, я ведь для этого здесь?

Я шумно выдохнула.

– Извини. Наверно, я слишком громко шлепнулась на пол. Я не могла удобно устроиться.

– Я тоже, – сказал он, глядя мне через плечо на кровать, где, как зефир на горячем шоколаде, толстым слоем лежали подушки. – Вы с Генералом Ли, случайно, не дрались подушками?

– Если бы. По крайней мере, это было бы куда продуктивнее, чем пытаться уснуть, слыша, как ты ворочаешься. Ты уверен, что не хочешь лечь в гостевой комнате?

– Да, на все сто. – Он снова оглянулся на мою большую старомодную кровать с толстым матрасом. – Так для чего все эти подушки?

– Поддерживать недавно возникшие тяжелые выпуклости на моем теле, чтобы мне было комфортно спать. Приходится пару минут пробовать так и сяк, но обычно это помогает.

– Но не сегодня?

Я покачала головой. Тон его голоса изменился, и мой взгляд снова метнулся к его лицу. Мои нервные окончания внезапно начали потягиваться и открывать свои заспанные глаза.

– Как тебе известно... – начал он.

– Я знаю, что ты сейчас скажешь, Джек, и не думаю, что это хорошая идея. В смысле, что подумает Нола?

– Что ты не можешь снова забеременеть? Или что двое взрослых людей могут спать вместе, но при этом не спать вместе?

– Джек, я серьезно. Ей почти пятнадцать, но она еще ребенок. Тебе не кажется, будет лучше, если она останется в таком состоянии как можно дольше?

– Ей почти пятнадцать, да. Она много чего насмотрелась в своей жизни. – Он вскинул руку. – Но я понимаю, о чем ты. Я всегда могу поставить будильник, чтобы встать раньше ее. Потому что, если я буду спать на этом полу, завтра я буду вынужден ходить с тростью.

Для пущей убедительности он выгнулся, отчего его спина хрустнула сразу в нескольких местах, и посмотрел на меня с такой мольбой, как будто научился этому взгляду у Генерала Ли, когда тот выклянчивал у стола еду.

С тихим стоном бессилия, которого я на самом деле не чувствовала, я сказала:

– Ладно. Но только на одну ночь. Я позвоню твоей матери завтра утром, чтобы узнать о новой кровати для гостевой комнаты...

Не успели слова слететь с моих губ, как Джек оказался у кровати и швырнул все лишние подушки на пол.

– Что ты делаешь? – ужаснулась я. – Как же я буду без них спать?

– У меня есть решение получше. – Он стянул покрывало с другой стороны кровати и залез под одеяло. Генерал Ли посмотрел вверх и юркнул в пространство между подушкой Джека и моей, как будто присутствие Джека в моей постели – это нечто само собой разумеющееся.

– Ложись, я покажу тебе, что имею в виду, – сказал Джек, похлопав по моей стороне кровати.

Мои ранее дремавшие нервные окончания теперь подпрыгивали и кричали наперебой:

– Выбери меня! Выбери меня!

Я прошаркала к двери, чтобы ее закрыть, выключила на тумбочке лампу и остановилась у края кровати.

– Может, все-таки лучше не надо?

– Мелли, обещаю быть джентльменом. Перспективы не стать калек в течение нескольких дней достаточно, чтобы держать руки при себе.

Я фыркнула.

– Можно подумать, мой нынешний вид тебя соблазнит.

Джек ничего не сказал, и в тусклом свете, проникавшем сквозь занавески, мне показалось, что он покачал головой.

– Не знаю даже, что ты можешь сделать с собой, чтобы я не хотел тебя. И то, что ты беременна моими детьми, делает тебя еще красивее и желаннее.

Я услышала, как он снова похлопал по кровати.

– А теперь давай залезай внутрь, чтобы мы оба могли немного поспать.

На мое счастье, я стояла близко к кровати, потому что вряд ли мои колени выдержали бы дольше. Благодарная темноте, скрывавшей мои неловкие движения, я плюхнулась на кровать, перекатилась по ней и в конечном итоге оказалась прижата к Джеку.

– Ты уже добралась до главы про удобные положения для сна?

Его голос звучал рядом с моим лицом, его дыхание согревало мою щеку. Я вздохнула и стряхнула сонливость, чтобы ответить на его вопрос.

– Нет. Просто Софи нагроутила меня книгами о беременности и младенчестве. Не то чтобы я когда-нибудь воспользуюсь их советами, но в целом довольно увлекательное чтение.

– Понятно, – сказал он, потянувшись ко мне, и перекатил меня на бок. – Лучше всего спать на боку. Тогда нам всего лишь нужно положить подушку сюда. – Я почувствовала, как мне между колен проталкивают подушку.

– А эту сюда, – сказал Джек, сунув одну из подушек поменьше мне под бедро. – И, наконец, вот так. – Он придвинулся ко мне сзади в позе ложечки и, обняв меня, положил руку мне на живот. – Как тебе?

Будь у меня возможность, я бы вообще не вставала с этой кровати.

– Мне удобно, – сказала я. – Спасибо.

Генерал Ли испустил удовлетворенный вздох.

– Спокойной ночи, Мелли, – прошептал Джек мне на ухо.

– Спокойной ночи, Джек.

Я закрыла глаза, погружаясь в приятный, расслабляющий сон, хотя мое тело ощущало каждый дюйм соприкосновения с его телом.

– Мелли?

– Ммм?

– Спасибо, что позвонила мне, а не своему полицейскому.

– Он не мой, – пробормотала я уже в полусне.

Последовало недолгое молчание.

– Хорошо.

И когда я засыпала в теплом коконе рук Джека, мне показалось, что я чувствую нежное прикосновение его губ к моему затылку.

* * *

Мы с Амелией стояли у открытых ворот, наблюдая, как из грузовика антикварного магазина Тренхольмов выгружают двуспальную кровать для гостевой комнаты. Амелия не стала спрашивать меня, зачем она мне понадобилась, и так быстро, но я уверена, что, увидев заколоченные окна и заметив присутствие Джека, она все поняла. Ну, разве что за исключением того, что прошлой ночью он спал в моей постели.

– Это с той распродажи, где я приобрела первую кроватку, которую собиралась вам подарить. Конечно, теперь одной мало, потому что нам понадобятся две, но у меня есть небольшой сюрприз для тебя и Джека.

– Только не говорите мне, что вы нашли две антикварные колыбели. У меня их достаточно. Или детские кроватки. Вы знаете мое отношение к антиквариату.

– Понимаю. Поверь, после того кукольного домика, который я подарила Ноле, я сама начала смотреть на антиквариат другими глазами. И это о чем-то говорит, поскольку средства к существованию я получаю от его продажи.

– К счастью для нас обеих, не к каждой старинной мебели прилагаются аксессуары.

Амелия улыбнулась, но ее внимание отвлекла Софи. Моя подруга расхаживала взад и вперед по веранде перед заколоченными окнами, громко разговаривая по телефону и время от времени вытирая платком глаза. Она сказала, что это аллергия, но я знала, что она очень сильно

расстроилась из-за окон. В конце концов, это были оригинальные окна дома.

– С ней все будет в порядке? – спросила Амелия с тревогой на лице.

– Не знаю. Слава богу, это было не окно от «Тиффани» во входной двери. Иначе, боюсь, с ней бы случился припадок.

Амелия серьезно кивнула и вновь переключила внимание на меня.

– Я так рада, что твоих родителей не было в городе. Твоя мама очень бы расстроилась.

– Знаю. Вот почему я ей еще ничего не рассказывала. Подожду, когда они вернутся. Они решили съездить во Флэт-Рок, в Северную Каролину! Это в горах, и там совершенно нечего делать. Надеюсь, они послушали меня и захватили с собой колоду карт и несколько хороших DVD.

Амелия странно посмотрела на меня, как будто кто-то только что пошутил, а я единственная не поняла шутки.

– Да, пожалуй, ты права, что не сказала им. Они все равно ничем не могут помочь, и это их только встревожит и расстроит.

Софи сунула телефон в карман и бросилась к нам по ступеням веранды.

– Нет, ты представляешь, чтобы заменить окна, мне пришлось искать специалистов аж в Саванне! Нет, ты только подумай! У Чарльстона лучшая репутация по сохранности исторического наследия во всей стране, он был лидером еще до того, как это стало популярным, но мне пришлось поехать в Саванну, чтобы найти мастера, который мог бы вручную изготовить стекла, чтобы они выглядели как окна в остальной части дома.

– Вручную? – Из всей страстной речи Софи именно это слово резануло мне слух. – Не проще ли и дешевле купить оконное стекло в магазине?

Софи посмотрела на меня так, как будто я только что предложила насадить Генерала Ли на вертел и поджарить на открытом огне.

– Сначала я пришло твоему отцу для одобрения счет, но я пошла дальше и отправила размеры, чтобы они могли начать работу. По крайней мере, на данный момент дом в безопасности и водонепроницаем – Джек отлично поработал.

– Это да, – сказала я, вообще-то думая не об окнах.

– На замену уйдет около месяца, так что это хорошо.

– Месяц или около того? – в унисон удивились мы с Амелией.

Софи пожала плечами.

– Они используют старые методы – никаких машин – так что это требует времени. Но оно того стоит. – Она подошла к открытой входной двери и встала, глядя на потолок вестибюля и свисающую с него цепь. – Я все еще ищу ей замену. Думаю, умельцы в Саванне смогут изготовить...

– Нет, – твердо сказала я. – Амелия любезно обещала мне найти похожую, которая не отправит меня в суд по делам о банкротстве. Но все равно спасибо.

Амелия прошла мимо нас в вестибюль, следуя за мужчинами, к которым присоединился и Джек. Совместными усилиями они затащили кровать наверх. Почувствовав на себе взгляд Софи, я повернулась и встретилась с ней глазами.

– Так что там случилось на самом деле?

Чтобы их не пугать, я изложила ей и Амелии краткую версию событий, без трех нот на клавиатуре рояля и ярости недовольного духа после того, как я произнесла вслух имена двух женщин. Я ограничилась тем, что, наверное, на окнах имелись тонкие трещины, отчего сами окна не выдержали порывов сильного ветра. В конце концов, они ведь были очень старыми.

– Помнишь три клавиши, которые залипали на пианино? Нола еще подумала, что это какая-то подсказка? Ну так вот, когда она вчера вечером играла на пианино, те же три клавиши залипали снова.

– Которые три? – спросила Софи.

Я оглянулась через плечо, как будто все еще видела затаившихся духов.

– С, Е и А, – еле слышно прошептала я. – Я позвонила Ивонне, чтобы узнать, есть ли на генеалогическом древе Вандерхорстов около 1860 года – когда были закончены фундаментные работы – какие-нибудь имена. И они были. Два, если быть точным.

Она подалась вперед.

– И какие же?

– Я больше не назову их вслух, по крайней мере, до тех пор, пока здесь не появится моя мать. Мы лучше работаем в команде.

Я улыбнулась, но улыбка получилась дрожащей. Я была напугана больше, чем была готова признаться.

– Это жены Джона.

Софи положила руки на животик, который за два месяца едва ли стал больше.

– Похоже, я знаю одно из имен – она написала матери открытку про обеденный стол. – Софи задумчиво нахмурилась. – И я думаю, – медленно добавила она, – что знаю вторую, но не из семейного древа. Ее имя было на открытке.

Я посмотрела на нее, и мне стало не по себе.

– Я пытаюсь придумать все причины, почему во время медового месяца первая жена Джона вдруг написала на открытке, отправленной домой матери, о его второй жене. Или, может, вторая жена и подруга первой жены – это две разные женщины с одним и тем же именем?

Прежде чем я смогла продолжить ход ее мыслей, зазвонил мой телефон. Я посмотрела на экран, и моя тревога перешла в режим полной паники.

– Я должна ответить. Это мой адвокат.

Разговор был коротким. Я молча выслушала, как Стерлинг Зербе сообщил мне о том, что там с Гилбертами и постановлением суда и о своих собственных планах относительно дальнейших действий. Я попрощалась и, повесив трубку, внезапно поймала себя на том, что смотрю на болтающуюся цепь люстры. Кстати, стоит ли мне вообще пытаться ее заменить?

Софи подошла ко мне с озабоченным видом.

– Что случилось?

– Полиция одобрила эксгумацию. Вероятно, та состоится в ближайшую пару недель. Адвокат предложил мне тоже присутствовать, чтобы проявить внимание к прессе.

Мой телефон вновь зазвонил. Посмотрев на экран, я нажала кнопку «Игнорировать».

– Там написано «Пост энд курьер», но это наверняка Сьюзи Дорф, их журналистка. Ей нужен убойный материал. Держу пари, она будет и на эксгумации. По крайней мере, тогда я смогу спросить, откуда у нее номер моего мобильного, хотя я почти уверена, что ей его дала Ребекка.

Софи погладила меня по руке.

– Возможно, это не так уж плохо, Мелани. Разве ты не хочешь знать правду?

Я посмотрела на нее, не имея ни малейшего представления о том, как я должна ответить.

– Мы еще поговорим об этом, – пообещала я, быстро выйдя за дверь в сад, где на страже старого дома все еще стоял дуб. Прижавшись лбом к его шершавой коре, я вспомнила, как впервые увидела его, и как даже тогда мне казалось, что сад уже знает меня. Я также заставила себя вспомнить, как сильно я настаивала, что ненавижу этот дом, и фонтан, и сад, и пыталась понять, кого же я обидела.

Я посмотрела вверх на небо, в просвет, где когда-то был сук, который затем обрушился на фонтан и вскрыл две могилы, и увидела нижние стороны ветвей, которые, словно материнские руки, приглашали в свои тенистые объятия. Я закрыла глаза и, надеясь, что не опоздала, прошептала: «Прости».

Глава 19

На следующей неделе, пока я собирала портфель, чтобы вновь заняться поисками дома для Джека, у меня на столе зазвонил интерком.

– Мелани? Вы разговариваете с Джеком на этой неделе?

Вместе с голосом Джойс до меня донеслось щелканье вязальных спиц.

– Пока да. У меня с ним сегодня утром назначена встреча, мы едем смотреть дома, насчет завтра ничего обещать не могу.

– Звучит не очень обнадеживающе, Мелли.

Я подняла глаза и увидела Джека. Он стоял в дверях моего кабинета, сияя своей самой обаятельной улыбкой. Моя кровь, как обычно, со свистом понеслась по жилам, а нервные окончания вытянулись в струнку. Стараясь говорить спокойно, я сказала:

– Право, Джек, не мешай Джойс и Нэнси делать их работу и проверять посетителей. Моя к тебе просьба, не злоупотребляй тем, что, похоже, они занимают должности в совете директоров фан-клуба Джека Тренхольма.

– У меня есть фан-клуб? – Джек приподнял бровь, словно и вправду ждал ответа.

– Да. И в нем, как ни странно, состоят только женщины.

– Догадайся почему. – Он хитро улыбнулся, и на его щеке появилась очаровательная ямочка.

Я взяла со стола портфель, но Джек поднял руку.

– Погоди, Мелли. Лучше покажи мне объявления прямо здесь, чтобы я мог их отклонить, не тратя зря наше с тобой время. Ивонна позвонила мне и спросила, успеем ли мы приехать сегодня утром. Она нашла то, что, по ее мнению, может нас заинтересовать.

Мои плечи поникли.

– Это не лучший способ искать дом. Глядя на дом на бумаге, узнаешь лишь небольшую часть его истории. Увидеть его лично, почувствовать его, представить в нем себя и свою семью – вот что такое покупка дома.

Джек взял у меня портфель и снова поставил на стол.

– Я знаю, что ты этим зарабатываешь себе на жизнь, и у тебя это здорово получается. Однако смею предположить, что я вхожу в один процент населения страны, кто никогда не пойдет на компромисс в отношении идеального дома и будет ждать, пока его не найдет.

Я схватилась обеими руками за живот, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

– Да, в твоей квартире с двумя спальнями будет очень тесно, если туда одновременно нагрянут все твои дети. Возможно, тебе пора научиться снижать свои ожидания, чтобы младенцам не спать в ящиках комода, когда они будут у тебя дома.

Его улыбка осталась на месте.

– Какая же ты маловерная. Мне казалось, ты знаешь меня давно и потому в курсе, что я всегда добиваюсь того, чего хочу, и буду ждать столько, сколько потребуется.

Взгляд его глаз внезапно сделался жестким. Я даже занервничала.

– Всегда? – спросила я, притворно-шутливым тоном. Увы, мой голос сорвался, и я практически пропищала это слово. Джек шагнул вперед, и мои нервные окончания взволнованно задержались. Увы, вместо того чтобы потянуться ко мне, Джек вытащил из моего портфеля папку с объявлениями.

– Сейчас пролистаю и исключу те, которые точно не в тему.

Опираясь на мой стол, он открыл папку с информационными листами, в которых кратко перечислялись особенности дома, площадь в квадратных метрах, цена, дата постройки, район и фотографии. Пролистывая один за другим, он вынимал их из папки и клал лицевой стороной вниз на мой стол.

– Построен в 1950 году.

– На выброс.

– Кондоминиум.

– Туда же.

Я вынула из кучи последний лист.

– Да, это кондоминиум, – возразила я. – Но прочти остальное. В нем четыре спальни, пять ванных комнат, общий бассейн...

Не давая мне договорить, он взял лист и вернул его в стопку.

– Это квартира. Мне не нужна квартира, даже если она размером с Букингемский дворец. Я хочу, чтобы мои дети росли в доме с двором.

Он продолжил свое занятие.

– Маунт-Плезант.

– На выброс.

– Остров Джонс.

– На выброс.

– Береговая линия.

Держа листок в воздухе, он остановился.

– Серьезно, Мелли?

– Да, это не бассейн, зато океан и лучшая песочница, какую только может желать ребенок, прямо у дома... – Лист снова лег на стол.

– Я подумаю о небольшом пляжном домике, когда дети немного подрастут, в качестве второго дома, но пока они маленькие, это не самый безопасный вариант. Плюс ураганы. Не хотелось бы потерять все их рисунки, которые будут украшать стены или фотоальбомы. У меня нет ничего от Нолы, так что с близнецами это еще важнее.

Несмотря на все мои старания, чтобы этого не случилось, мое сердце вновь сжалось. Джек взял в руки последний лист и рассматривал его дольше, чем все остальные, вместе взятые.

– Что ж, это вариант, – медленно произнес он. – Это к югу от Брод-стрит?

– Нет, – сказала я и быстро добавила: – Это к северу, в Ансонборо. Это далековато, но от моего дома ты всегда легко доберешься до него на машине.

На его лице было написано сомнение.

– Пожалуй, можно взглянуть. – Сунув единственный лист назад в папку, он вернул ее обратно в мой портфель и с улыбкой сказал: – Думаю, это означает, что у нас есть время, чтобы повидаться с Ивонной. Что ты предпочитаешь сделать в первую очередь?

Я задумчиво посмотрела на отвергнутые листы, на составление которых у меня ушло несколько часов.

– Как скажешь. – Я потянулась к своему портфелю, но Джек опередил меня и поднял его со стола.

– Давай я.

Мы прошли мимо Джойс и Нэнси. Увлеченно работая вязальными спицами, обе подняли глаза лишь затем, чтобы попрощаться и мечтательно посмотреть на Джека. Он подмигнул им, отчего их вязальные спицы на миг замерли.

– Ну ты кокетка, – сказала я, когда он помог мне сесть в минивэн. Но он не успел ответить, как зазвонил его сотовый телефон.

– Это мой агент. Извини, я должен ответить.

Закрыв дверь с моей стороны, он несколько минут стоял рядом с машиной, пока не закончил разговор.

Когда же он забрался внутрь, то как-то странно посмотрел на меня.

– Все в порядке? – спросила я.

– Да. И нет. Хорошие новости: мой агент сказал, что у нас есть два серьезных предложения по моей книге, которая также вызвала определенный интерес со стороны по крайней мере еще одного издателя. Вероятно, она будет выставлена на опцион.

– Это потрясающе! Поздравляю! – сказала я.

Я отлично понимала, насколько для него важно, чтобы эта книга пользовалась успехом после фиаско с его предыдущей. Не задумываясь, я наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку, но в последний момент Джек повернул лицо, и наши губы соприкоснулись.

Это было подобно удару током. Я тотчас же отстранилась, однако успела заметить выражение его глаз, и оно сказало мне, что даже если он не сделал это нарочно, он был счастлив, что это произошло. Я откашлялась.

– А что насчет не очень хорошей части?

– Агент Марка Лонго позвонил моему, и спросил, не могу ли я дать рекомендательный отзыв на обложку его книги.

– Не может быть! И что ты сказал?

– Разумеется, нет. – Он завел двигатель и отъехал от обочины. – Зря ты не сказала, что у Марка яйца тверже, чем я полагал, – буркнул он, бросив на меня косой взгляд.

Я воздержалась от комментариев, и мы проехали короткое расстояние молча. Как обычно, Джек тепло и душевно приветствовал Ивонну, отчего та вся просияла и зарделась. Затем повернулась ко мне, и я быстро поцеловала ее в щеку.

Она взяла меня за руки и отстранила от себя.

– Ну, моя дорогая, ты выглядишь так, как и положено выглядеть беременной женщине. Будущие мамы не должны быть худышками, и это чистая правда. И помни, чем больше младенцы, тем скорее они начнут спать всю ночь.

– Буду иметь в виду, – сказала я, радуясь, что осенняя прохлада дала мне повод надеть брюки, закрывающие лодыжки. Даже Ивонна согласилась бы с тем, что им место в слоновнике, а не на ногах женщины, беременной или любой другой.

Мы проследовали за ней к нашему обычному столу, где рядом с толстой книгой стояла большая металлическая коробка, полная архивных документов в пластиковых файликах. Джек и я встали по обе стороны от Ивонны, а она вытащила из коробки папку с бумагами и положила ее на стол перед нами.

– Я старательно искала все, что могла найти о Сьюзан Бивенс или ее магазине, или любые документы ее магазина, и меня очень расстраивало, что, похоже, ничего не сохранилось. Учитывая, что салон-мастерская Сьюзан Бивенс работал с 1800 по 1873 год, это довольно удивительно. Мне удалось выяснить, что в какой-то момент магазин перешел ее дочери и внучке, но это не слишком помогло. И тогда я решила вернуться назад и начать с клиентов, которые, как мы знали, приобретали товары в ее магазине. Вдруг таким образом я смогу найти счет-фактуру или иные документы. И вот как я это нашла. – Она вытащила из прозрачного файлика тонкий листок бумаги и передала его мне.

Я посмотрела на нечто, похожее на рукописный счет, датированный мартом 1860 года. В центре страницы элегантным почерком было написано следующее: 1 крестильное платье и чепчик, бельгийское полотно и кружево, 10 долларов. Заказал К. Вандерхорст.

Я подняла листок выше, чтобы Джек тоже мог прочесть. Он какое-то время изучал его, затем повернулся к Ивонне.

– Где вы это нашли?

Она улыбнулась улыбкой, которая заставила меня вспомнить далай-ламу и то, как он будет выглядеть, если его спросят о смысле жизни.

– Вы сказали мне, что у Вандерхорстов были вещи, купленные в том магазине. Кажется, я уже упоминала ранее, что семья хранила почти все свои бумаги, отчего в публичных исторических архивах информация о Вандерхорстах довольно скудная. – Она постучала указательным пальцем по виску. – Но я помню, как исследовала кое-что другое, перечень разных бумаг, пожертвованных в начале двадцатых годов каким-то членом семьи. И вот я это и нашла – в коробке с тем, что большинство людей назвали бы хламом, –

квитанциями, билетами в театр, счетами. Все это в 1922 году, похоже, пожертвовала какому-то историческому обществу Луиза Вандерхорст. Не иначе как она чистила от хлама чердак и решила отдать в архив, а не выбрасывать. Уже тогда чарльстонцы трепетно относились к своей истории.

– Луиза? – спросила я и даже вздрогнула, услышав знакомое имя. – Л. Вандерхорст – вот кто подарил колыбель музею. – Я посмотрела на Джека. – В той книге о беременности, которую ты мне дал, есть целый раздел о гнездовании и о том, как многие будущие мамы делают перед рождением ребенка генеральную уборку. Невин родился в 1922 году. Интересно, так ли поступила Луиза.

По какой-то причине у меня закружилась голова, как будто мысленный образ беременной Луизы сделал ее для меня более реальной, этакой подругой, понимавшей, что такое ожидать рождения ребенка.

– Это, безусловно, так, – сказала Ивонна. – Когда я была беременна моим первым ребенком, я перекрасила все стены в доме, а когда вторым – весь нижний этаж. Я просто не могла остановить себя.

Она улыбнулась, по-видимому, все еще не раскаиваясь.

Я забрала у Джека счет.

– Мы знаем, что существуют два более старых набора крестильных вещей. Если Бриджит Гилберт взяла одно из двух оригинальных платьиц и чепчиков, когда поехала в Нью-Йорк с Корнелиусом, а второй комплект был замурован вместе с останками младенца в фундаменте, тогда зачем был сшит этот третий комплект? И где он?

Мы переглянулись. Наши мысли шли кругом.

– Возможно, там была тройня, и Бриджит просто не сказала о третьем ребенке в своем предсмертном признании, – предположил Джек, правда, без особой убежденности в голосе.

– Пожалуй, вы правы, но тот, кто оставил этот сверток с крестильным платьицем у моей входной двери, сделал это неспроста. И мое шестое чувство подсказывает мне, что все гораздо сложнее, чем просто тройня.

Ивонна подошла к папке со всеми нашими фотокопиями и вытащила два листа бумаги.

– Я не уверена, поможет ли это вам или еще больше запутает, но вот еще один интересный лакомый кусочек, который я обнаружила.

Она положила перед нами генеалогическое древо Вандерхорстов.

– Мы уже говорили о том, что в 1860 году Камилла родила Уильяма, а в следующем году умерла. А затем ее муж, Джон, в 1862 году женился второй раз, на Шарлотте. Опять-таки это не совсем так, как мы поступаем сейчас, но тогда считалось, что ребенка должны воспитывать двое родителей, и Джон как можно скорее хотел найти для маленького Уильяма мать.

Я постучала пальцами по именам двух женщин.

– Камилла и Шарлотта. Это те самые имена, – сказала я Джеку, сделав упор на слове «имена», чтобы он понял, а мне не пришлось объяснять Ивонне, что они были причиной того, что два окна моей гостиной разлетелись вдребезги.

Он кивнул.

– Вижу, – буркнул он и, повернувшись к Ивонне, спросил: – И что за лакомый кусочек вы нашли?

Ивонна просияла, как отличница, решившая произвести впечатление на своего любимого учителя.

– Я нашла свидетельство о смерти Камиллы. – Она положила на семейное древо второй лист. – Она умерла совсем молодой – в двадцать один год. Но по-настоящему трагично то, где она умерла.

Она постучала пальцем по бумаге. Не успела я толком прищуриться, как Ивонна протянула мне свои очки для чтения, и я без всяких комментариев нацепила их себе на нос. Посмотрев на строчку, которую она указала, я прочитала вслух:

– Место смерти – больница штата Южная Каролина, Колумбия.

Джек громко ахнул.

– Это ведь психиатрическая больница, не так ли?

Ивонна кивнула.

– По крайней мере, так было до конца Гражданской войны, когда ее использовали как лагерь для военнопленных офицеров-северян. А потом, когда пришел этот вспыльчивый рыжий генерал Шерман и сжег Колумбию, многие из ее жителей укрылись там. Но да, когда там жила миссис Камилла Вандерхорст, это был сумасшедший дом.

Я снова повернулась к бумаге, пробегая глазами каждую строчку, пока не нашла то, что искала.

– Причина смерти – психоз. – Я посмотрела на Ивонну. – Тогда это означало то же самое, что и сегодня?

Она пожала плечами.

– Тогда врачи плохо понимали психические заболевания и, как правило, называли разные виды расстройств одним словом. Это могло быть что угодно, от послеродовой депрессии до биполярного расстройства. К сожалению, у нас нет возможности узнать.

– Итак, она умерла в возрасте двадцати одного года в сумасшедшем доме, оставив после себя годовалого сына. – Подумав пару секунд, я добавила: – Это определенно повод вернуться.

Ивонна странно посмотрела на меня.

– Вот только она мертва.

Я кивнула и вернулась к изучению свидетельства о смерти. Я быстро прочла все факты, которые уже знала, – возраст, имя, место жительства, и так до конца страницы, где врач, некий доктор Роберт Прингл, поставил свою подпись, чтобы подтвердить факт своего присутствия в момент смерти. Я сняла очки и, вернув их Ивонне, положила копию свидетельства в папку.

– Большое спасибо, Ивонна. Я знаю, это нам пригодится. Просто я пока не знаю как. Но я обязательно дам вам знать.

Попрощавшись с Ивонной, мы с Джеком вышли из здания. Мы оба едва передвигали ноги, как будто наш мозг высосал всю нашу энергию, не оставляя почти ничего физическим движениям. На нас обрушился порыв холодного ветра. Джек инстинктивно обнял меня за плечи и повел обратно к минивэну.

– Чем дальше, тем все сложнее, согласен? – спросила я.

– Мы все еще говорим о загадках твоего дома?

Я остановилась и, не совсем понимая, о чем он, вопросительно подняла глаза.

– Конечно. Что еще я могу обсуждать?

Его рука соскользнула с моего плеча. Сунув руки в карманы, он зашагал дальше.

– Ты в курсе, что ты говоришь во сне?

Чтобы догнать его, я была вынуждена перейти на бег, что было непросто.

– Неужели? Я болтала что-то неприличное?

Он приподнял бровь, но шага не замедлил.

– Джек, перестань! Так нечестно – сначала заявить что-то в этом роде, а потом отказаться вдаваться в подробности. Что я сказала?

Мы дошли до минивэна. Здесь он был вынужден остановиться и посмотреть мне в лицо. Выражение его собственного было каменным.

– Ты действительно хочешь знать?

Я колебалась лишь мгновение.

– Конечно, хочу.

– Ты раз за разом повторяла два слова, которые ты уже употребляла вместе и раньше, за исключением того единственного раза, когда мне очень хотелось их от тебя услышать.

Я знала, что он сейчас скажет, еще до того, как слова сорвались с его губ. Меня бросило в жар. Мне казалось, что я градусник, который внезапно погрузили в кипяток.

– Только не...

– Да, Джек. Да.

Я уставилась на дверную ручку, в душе надеясь, что дверь откроется сама собой, и тогда Джек отступит в сторону, а я, даже не глядя на него, залезу в минивэн.

– Ты хотела знать, – тихо сказал он.

Я уже было сделала шаг вперед, чтобы открыть дверь, но замерла на полпути, ощутив в одной половине живота странное подергивание мышц.

– Ой! – пискнула я и схватилась за бок.

Руки Джека тотчас подхватили меня, не давая упасть.

– С тобой все в порядке?

Я кивнула, но не сдвинулась с места, вновь ощутив внутри себя это странное шевеление.

– Да. Все хорошо. Но, похоже, один из младенцев только что ударил меня ножкой.

Глаза Джека моментально переместились на мой живот.

– Который?

– Этот, – сказала я, указывая на правый бок.

– Можно потрогать?

Я растегнула пальто и откинула полу в сторону.

– Он – или она – может и не сделать этого снова, но на всякий случай положи руку сюда.

Я переместила его ладонь туда, где почувствовала шевеление, затем подождала и посмотрела Джеку в глаза. Несмотря на все наши трения, эти младенцы были единственным, в отношении чего между нами

царило полное согласие. Мы договорились не выяснять пол детей, а когда они родятся, возьмем на себя всю заботу о них. И что Гранития не лучшее имя для младенца, если одна из них девочка. Или мальчик.

Движение повторилось, на этот раз больше похожее на щекотку, как будто кто-то провел пальцем изнутри по моей коже.

– Ого! – воскликнул Джек, отдергивая руку, но быстро вернул ее на место. – Это был ребенок?

– Я очень на это надеюсь. Больше там ничего не должно двигаться.

– Очевидно, будущий полузащитник из команды Университета Южной Каролины, – сказал он, и его глаза блеснули.

– В таком случае, я надеюсь, что это не девочка. – Я переместила его руку в другую сторону, где, казалось, спал второй ребенок. – А вот это точно она. Наверно, читает книгу.

Он запрокинул голову и засмеялся, затем обнял меня обеими руками, и я была вынуждена шагнуть к нему ближе. Я зажмурилась. Не хотелось в очередной раз опозорить себя, представив, что он меня целует.

– Спасибо, Мелли.

– За что?

– За все. За этих малышей. За то, что ты по-матерински относишься к Ноле. За то, как ты смешишь меня, намеренно и нет. – Он быстро поцеловал меня в лоб, затем отпустил и помог сесть в фургон. Включив двигатель, он повернулся ко мне. – Не хочешь пообедать, прежде чем мы поедем смотреть дом?

«Да», – хотелось сказать мне. Но я повозилась с ремнем безопасности, затем с перчатками – с чем угодно, лишь бы только отвлечься и не смотреть ему в лицо.

– Лучше не стоит. Дом недалеко отсюда, так что мы закончим в течение часа. У тебя будет масса времени, чтобы отвезти меня в офис и потом пообедать. По отдельности, – поспешно добавила я.

Не говоря ни слова, он отъехал от тротуара и покатил по улице, а моя голова пела под аккомпанемент ритма колес. Да, Джек. Да.

Глава 20

Оловянные небеса плевались ледяным дождем, пока мы с детективом Райли, забившись под большой черный зонт, наблюдали, как останки Невина Вандерхорста выносят из семейного мавзолея на кладбище Магнолия, где совсем недавно была перезахоронена его мать. Мы уже проверили внутри мавзолея табличку, идентифицирующую место последнего упокоения Генри, брата-близнеца Джона. Из чего следовало, что в фундаменте дома был замурован не Генри. В связи с чем возникал вопрос: если не он, то кто?

При всей моей ненависти к больницам и музеям, они «нервно курили в сторонке» по сравнению с пыткой шагать прямо к источнику беспокойных мертвецов. Не будь со мной Томаса, я бы принесла свой айпод и воткнула бы в уши наушники, скрыв их от фотографов теплой вязаной шапкой. Вместо этого мои уши были голыми и почти онемели, и я, чтобы заглушить голоса мертвецов, которых я все еще могла слышать, но не видеть, была вынуждена напевать мелодии моей любимой группы «АББА».

– Вы напеваете песню «S.O.S.»?

Я с приятным удивлением повернулась к Томасу.

– Вы знаете группу «АББА»?

Он фыркнул.

– А кто ее не знает? Они ведь продали больше альбомов, чем «Битлз».

– Я в курсе. Но мне никто не верит.

Он помолчал.

– Я дважды смотрел фильм «Мамма мия» и даже купил для мамы DVD, чтобы нам с ней не спорить по поводу прав собственности.

Я громко рассмеялась, но мой смех быстро утонул в нарастающем шепоте, который звучал все отчетливее и громче. «Я не могу найти свою дочь. Мы вместе плыли на лодке, но теперь я ее не вижу. Ты не сможешь мне найти ее? Ей всего четыре года, и ей нельзя оставаться одной». Голос раздавался позади меня, рядом с моим ухом, высокий и несущий в себе годы горя. Я шагнула вперед, чем вынудила Томаса пойти следом со мной, чтобы удерживать над нами зонтик. Я

остановилась, когда мы подошли к одному из поросших мхом гигантских дубов, охранявших кладбище, как часовые. Отсюда открывался вид на медленное течение реки Купер, чьи берега служили одной из границ кладбища.

Кучка репортеров и съемочные группы с расстояния наблюдали за происходящим. Подойти ближе к склепу им не давали двое полицейских, прибывших вместе с детективом Райли. Рядом со склепом был припаркован грузовик из офиса коронера округа Чарльстон; его задние двери были распахнуты, словно приветственные объятия.

– Мне кажется, они вас заметили, – сказал Томас, обращая мое внимание на представителей СМИ.

– Отлично, – пробормотала я, исподтишка наблюдая за троими из них: фотографом, ассистентом, в чьи обязанности, похоже, входило держать над камерой открытый зонт, и миниатюрной женщиной, по всей видимости, репортером. На ней были дешевые лоферы с кисточками, чья коричневая кожа почернела от дождя, бежевый плащ от «Берберри» с фирменным клетчатым шарфом на шее. К тому моменту, как она оказалась от нас в десятке ярдов, эта особа уже улыбалась улыбкой, напоминавшей улыбку Чеширского Кота.

Я подумала, куда бы мне спрятаться, но, кроме толстого ствола дерева, за который можно было нырнуть, деваться мне было некуда. Прикрывшись наклеенной на лицо улыбкой, Томас тихо сказал:

– Улыбайтесь и будьте вежливы. Помните, она может напечатать каждое ваше слово. А точнее, непременно напечатает все ваши слова. И постоянно напоминайте себе, что это дело рассматривается в суде общественного мнения и что общественное мнение играет в Чарльстоне огромную роль. Думайте об этом, как будто вы едите свой любимый пончик, который упал на пол. После первых кусочков грязи вкус будет совсем как у обычного пончика.

Я посмотрела на него с новым восхищением.

– Детектив Райли, похоже, мы говорим с вами на одном языке.

Он взглянул на меня с высоты своего роста.

– Именно это я и пытался вам сказать.

– Мисс Миддлтон? – Репортерша теперь была на расстоянии крика, и я увидела, что мы с ней примерно одного возраста, только она дюймов на шесть ниже и фунтов на пятьдесят легче. Ее короткие

темно-каштановые волосы – этакий закос под стрижку Дороти Хэмилл семидесятых – начала восьмидесятых, жертвой которой я в свое время успела побывать, – несмотря на ветер и дождь, были гладкими, словно шлем. Я знала, что мои собственные волосы, скорее всего, напоминают мочалку, и на всякий случай подозрительно покосилась на видеокамеру, чтобы убедиться, что ее объектив направлен не на меня.

– Да, – сказала я. – Я Мелани Миддлтон.

Женщина остановилась, и ей пришлось запрокинуть голову, чтобы заговорить со мной.

– Вас сложно поймать. – Она протянула руку, и я пожала ее, отметив про себя, что ее рука похожа на детскую. «Интересно, – подумалось мне, – ее стол в редакции тоже переоборудован под ее маленький рост?» Я представила ее сидящей на стопке телефонных книг, и уголок моего рта невольно пополз вверх.

– У вас на работе и дома отличные привратники, – сказала она.

– Знаю. Благодаря им я могу выполнять свою работу, ни на что не отвлекаясь. – Я выразительно посмотрела на нее, но она, похоже, этого не заметила.

Она повернулась и протянула руку Томасу, чья ладонь поглотила ее руку до запястья.

– Рада снова видеть вас, детектив Райли. Моя коллега Ребекка Эджертон упомянула, что вы можете быть здесь. Как я понимаю, вы читали мои статьи перед публикацией. – Она подняла руку. – Я знаю, что ваш шурин – мой начальник, поэтому ничего не скажу. Признаюсь, я надеялась, что это поможет мне взять интервью у мисс Миддлтон, поскольку Ребекка, похоже, не смогла этого сделать. Не то чтобы это помогло, но, как обычно бывает, мы находим способы. Было бы желание.

Она широко улыбнулась, обнажив мелкие, идеально ровные белые зубы. Я едва не спросила ее, уж не молочные ли они.

– Итак, начнем. – Она подняла небольшой диктофон. – Не возражаете, если я запишу наш разговор?

– На это? – спросила я. Газета наверняка могла позволить себе более современное оборудование. Например, ручку и бумагу.

Она хихикнула.

– Что я могу сказать? Я большая поклонница восьмидесятых – не могу расстаться с вещами, которые в те годы так хорошо работали на

меня.

Я взглянула на ее мокасины, плащ и волосы и поняла, что она говорит правду. Я представила, как она бежит трусцой с аудиоплеером на поясе и пользуется автомобильным телефоном, к которому прилагается чехол и антенна.

– Означает ли это, что вы просите об интервью?

– Поверьте, скорее ради вас, чем ради себя. У меня уже есть копия письма Бриджит Монахан Гилберт и фотографии крестильного чепчика, а теперь происходит эксгумация, и в конечном итоге мы получим ее результаты. Этого более чем достаточно, чтобы заполнить как минимум три колонки. Было бы просто некрасиво, если бы женщина, унаследовавшая все – от старика, которого она видела только раз, – отказалась общаться со СМИ.

Я посмотрела на Томаса. Тот ободряюще мне кивнул.

– Тогда ладно. Хотя, если честно, мне нечего добавить. Все, о чем сообщалось до сих пор, для меня тоже ново. Я знаю лишь то, что отец мистера Вандерхорста и мой дед были старыми друзьями, и он, похоже, решил, что этой дружбы достаточно, чтобы завещать мне свой дом.

– То есть это никак не связано с тем, что мистер Вандерхорст считал, что вы способны видеть призраков, и вы утверждали, что видели в саду дух его матери?

Все ясно.

– Где вы это слышали?

Она самодовольно улыбнулась.

– Читала книгу Марка Лонго. Ребекка Эджертон дала мне ее гранки для предварительного ознакомления.

Я открыла рот, чтобы спросить, откуда Марк мог узнать о призраке Луизы, но осеклась. Ребекка. Та самая женщина, которая теперь не давала мне покоя, требуя, чтобы я пришла на примерку платья подружки невесты к ее свадьбе. В ответ на уловку моей кузины я была готова кричать и топтать ногами. Но я понимала: отчет о моем приступе гнева попадет в воскресную газету, и вместо этого я спокойно улыбнулась.

– Мистер Вандерхорст был старый, но очень милый человек. Вот почему я сегодня здесь... чтобы засвидетельствовать свое почтение. Во время нашей первой и единственной встречи я позволила ему

поверить в то, во что он хотел верить, потому что думала, что это сделает его счастливым.

– Или же потому, что вы хотели создать между ним и собой некую эмпатическую связь, чтобы он не ломал голову, пытаясь решить, кому завещать свое имущество.

– Перестаньте говорить за меня. В тот день я приехала к нему домой после телефонного звонка, во время которого он согласился обсудить вопрос о выставлении дома на продажу. Я сказала ему тогда, что ненавижу старые дома. Ни разу в нашей беседе я не дала ему повода думать, что мне нужен его дом.

– Вы ненавидите старые дома? Разве они не ваша специализация в «Бюро недвижимости Гендерсона»?

Почувствовав на спине руку Томаса, я обрадовалась его поддержке.

– Из-за событий моего детства, которые касались дома моей бабушки на Легар-стрит, меня не вдохновляла перспектива поселиться в старом доме. – Я сглотнула комок в горле. – Думаю, с тех пор я изменила свое мнение.

– Намерены ли вы судиться с Гилбертами, если их претензии окажутся обоснованными?

Что-то легонько толкнуло меня в плечо, а невидимые руки приподняли мне волосы, как будто кто-то наклонился, чтобы шепнуть мне на ухо. Чем раньше ты решишь, что тебе нужно, тем лучше. И тогда будь готова сражаться за это. Я подняла глаза, ожидая увидеть бабушку, как вдруг сообразила, что голос был мужским. Это как часть истории, которую можно подержать в руках.

– Мистер Вандерхорст? – сказала я еле слышно. Ледяной ветер подхватил мои слова и рассыпал их, как семена, по саду камней.

– Я не поняла. Не могли бы вы повторить это прямо в магнитофон?

Я прочистила горло и наклонилась к магнитофону:

– Мы с Гилбертами хотим знать правду. На данный момент это мой единственный комментарий.

– Вы видите мертвых людей, мисс Миддлтон?

Мне как будто дали под дых. Будь ты проклята, Ребекка!

– Не думаю, что это имеет какое-либо отношение к нашему интервью. Так что, если у вас больше нет вопросов о мистере Вандерхорсте, закончим наш разговор, у меня сегодня напряженный день.

Опираясь на руку Томаса, я вытащила каблуки из чавкающей грязи и пошла прочь.

– Потому что, если это так, – крикнула она мне вслед, – возможно, вам стоит спросить у кого-то из них ответ, кто тот ребенок в фундаменте дома номер пятьдесят пять по Трэдд-стрит. И знал ли Невин, что у него есть живой кузен. Это избавило бы всех нас от множества неприятностей.

– Интервью окончено, мисс Дорф, – не оборачиваясь, крикнула я в ответ. – И только попробуйте напечатать хоть что-нибудь вырванным из контекста, вам придется иметь дело с моим адвокатом.

Крепко держа меня за локоть, Томас повел меня мимо разрушающихся мавзолеев и выгоревших на солнце белыхobelisks. Ближе к воротам шепот мертвых сделался громче, как будто они почувствовали, что возможность упущена. Я шла, зажав уши руками, пока мы с Томасом не оказались в его машине и не отъехали от кладбища.

Он сохранял невозмутимое лицо и ничего не говорил. То ли потому, что вырос с сестрами и знал, когда следует молчать, то ли потому, что был детективом и знал, что иногда лучше подождать.

Я нарушила молчание первой.

– Разве вы не спросите меня, правда ли это?

– Я подумал, что, если вы захотите рассказать, вы расскажете мне в удобное для вас время. Вряд ли это нечто такое, о чем вы поведаете первому встречному.

– Нет. Никогда. – Я глубоко вздохнула. – Но это правда. Похоже, я унаследовала это от матери. Этот дар помог мне выяснить, что Луиза Вандерхорст и Джозеф Лонго были похоронены в фонтане в моем саду, установить личность останков, найденных в лодке, принадлежавшей моей семье, раскрыть убийства Маниго. – Я неуверенно улыбнулась ему. – По-моему, это не так уж и плохо, правда?

Томас тихонько присвистнул.

– Совсем неплохо, особенно если бы вы согласились помочь людям, а нам – раскрыть несколько нераскрытых дел. Кстати, кажется, я уже говорил, что готов принять вас в штат.

Похоже, он не шутил.

– Дело в том, что я их больше не вижу – из-за беременности. Раньше я думала, что буду счастлива, если мой дар уйдет, но теперь мне его недостает. Наверное, потому, что я все еще их слышу, что лишь усугубляет ситуацию.

– Почему вы были бы счастливы, если бы ваш дар ушел? Знаю, это звучит банально, но я стал полицейским, потому что хотел помогать людям. Меня не прельщала идея угробить годы на студенческой скамье. И я решил, что коль мне не быть врачом, я должен выбрать следующий лучший вариант. Мне кажется, вам дана уникальная возможность помогать людям – либо успокаивая их, сообщая, что их близкие покоятся с миром, либо отправляя заблудшие души к свету.

Я подозрительно посмотрела на него.

– Откуда вам так много об этом известно?

– Я смотрю все эти шоу – «Экстрасенс», «Говорящие с призраками», «Медиум с Лонг-Айленда». Моя бывшая подруга была помешана на этих передачах, и я тоже подсел на них.

– Вряд ли можно верить всему, что вы видите по телевизору, – сказала я. – Но кое-что из этого правда. Например, можно изгнать призрака, отправив душу в свет. Это приятное чувство, хотя мне стыдно в нем признаваться.

– Почему?

Меня больше удивило то, что он решил задать вопрос, а не сам вопрос.

– Потому что я унаследовала этот дар от матери, а до недавнего времени у нас с ней были не самые лучшие отношения.

– А сейчас?

– Сейчас? Что ж, думаю, отрицание и нежелание это признать стали чем-то вроде второй природы. Кроме того, я не хочу превращаться в участницу парада уродов. У меня есть репутация и работа, которых я не хочу лишиться.

Томас на мгновение задумался.

– Да, я понимаю. Но вы можете сохранить анонимность. Предположим, местному полицейскому детективу понадобилась небольшая помощь в «холодном» деле, и он мог бы позвать вас. Думаю, вам самой будет приятно выступить в роли такого помощника, пусть даже об этом никто не узнает. – Он подмигнул мне и вновь обратил внимание на дорогу.

– Вы только что предложили мне работу?

– Просто предложение консультировать нас время от времени. Если ваш дар вернется.

– Должен вернуться. Шестое чувство моей матери исчезло, когда она была беременна мной, но вернулось, как только она родила. Но если да, вы серьезно?

– Я серьезен, как сердечный приступ. Мне нравится быть непредвзятым, и мне кажется, вы могли бы придать нашей детективной работе новое измерение.

Я ощутила то, что можно описать только как нечто теплое и пушистое, как будто я в середине дня надела пижаму и свернулась калачиком перед камином. Впервые в жизни я почувствовала, что мой дар – или как там еще его назвать – имел некую ценность не только для циркового номера или салонного трюка.

– Я подумаю об этом, – пообещала я.

– Можете не торопиться. Но спасибо, что не ответили сразу отказом.

Я мгновение помолчала, но меня подтолкнула моя совесть.

– Боюсь, вы передумаете после того, как я вам кое-что расскажу. Я была не полностью откровенна с вами.

– Вы хотите сказать, что на самом деле не беременны? – Его слова так удивили меня, что я расхохоталась совершенно не по-женски, но поспешила зажать рот рукой. – Если бы я притворялась, то какой же в таком случае из вас детектив?

Томас лишь улыбнулся, и я знала, что он ждет, и будет ждать столько, сколько мне потребуется, чтобы рассказать ему всю историю.

– Дело в том, что я нашла на пороге своего дома бандероль. Это было некоторое время назад, до того, как я узнала, что было в признании Бриджит Монахан Гилберт на смертном одре.

– Что за бандероль?

– Старая. Датированная 1898 годом. Без имени получателя. Только адрес – Трэдд-стрит, дом пятьдесят пять. Похоже, ее уже открывали раньше, потому что шпагат, которым она была перевязана, был разрезан и снова завязан узлами. В свертке лежали несколько страниц газеты «Нью-Йорк таймс» – именно так мы угадали, сколько лет этому свертку.

– Мы?

– Софи и я. Она была со мной, когда я его открыла. Я нарочно сделала это при ней, так как она одна из немногих, кому известно про мой «дар», и она не пугается, если происходит что-то странное. И увидев этот сверток, я сразу поняла, что с ним что-то не так. Это просто чувство, и я давно научилась обращать внимание на такие вещи.

– И вы оказались правы?

– О да. – Какое-то время мы оба молчали; я набиралась храбрости рассказать остальную историю, а он просто ждал. – Это было крестильное платье – без чепчика. Сшитое Сюзан Бивенс, как и найденный вместе с останками комплект одежды для младенца. На вид очень старое – старше середины шестидесятых годов XIX века.

Последовала долгая пауза, как будто он переваривал информацию.

– И оно точно такое же, как и чепчик Ирэн Гилберт.

– Абсолютно верно. Но я поняла, насколько все это странно, лишь прочтя признание Бриджит Гилберт, в котором она говорит, что, поняв, что умирает, отправила платье обратно в Чарльстон, но чепчик оставила себе. А умерла она в 1898 году.

Томас Райли кивал, как будто медленно собирал информацию в огромную картотеку в своем мозгу.

– Итак, если это то же самое платье, как вы думаете, где оно было все это время?

– Будь у меня ответ на этот вопрос, это помогло бы нам понять, как оно попало ко мне. Какая-то часть меня хочет, чтобы это был просто кто-то из соседей, кто, убирая чердак, случайно нашел сверток с моим адресом и подбросил его к моей входной двери. Но обычно в моей жизни все происходит не так.

– Там был штемпель? – спросил он. Выражение его лица ничего не выдавало.

Я покачала головой.

– Нет. По словам Софи, почтовые посылки в этой стране появились лишь в 1913 году, так что, если этот сверток был первоначально отправлен из Нью-Йорка в 1898 году, его доставила бы частная курьерская служба.

– Но он просто внезапно появился у вас на пороге.

– Да. И я считаю, что он мог быть доставлен... нетрадиционным способом. Я бы не удивилась. Ведь я разговариваю по телефону с моей

бабушкой, а она умерла много лет назад. – Я пристально посмотрела на него, пытаюсь прочесть выражение его лица, но оно оставалось бесстрастным. – Вы мне не верите?

Томас глубоко вздохнул.

– Как я уже сказал, мне нравится сохранять непредвзятость. Я спрошу в округе, не находил ли кто-нибудь его во время уборки на чердаке. Нельзя исключать ничего. – Он на миг умолк. – Хотя, похоже, я уже знаю ответ на этот вопрос, но почему вы сами не сказали мне раньше?

Это не было обвинением, но я замешкалась, прежде чем ответить.

– Потому что самое правдоподобное объяснение того, как и почему он оказался на моем пороге, показалось бы вам самым невероятным. По крайней мере, до этого момента. – Я посмотрела на него, и мне в голову пришла одна мысль. – Означает ли это, что у меня будут проблемы из-за утаивания улики?

– Нет, потому что вы отдадите его мне, когда мы вернемся к вам домой. Мы сравним платье и чепчик Гилбертов с теми, что были найдены с останками, чтобы увидеть, есть ли между ними связь.

– У вас есть сомнения? – спросила я. – Потому что у меня их нет. Так же устроена моя жизнь.

Некоторое время он молчал, а затем удивил меня тем, что рассмеялся.

– Что смешного?

– Помните, я однажды сказал вам, что нахожу вас странной? Я просто понятия не имел, насколько странной.

– Но странной в хорошем смысле, – напомнила я ему.

Он взял меня за руку.

– В самом лучшем.

От его слов я почувствовала тепло и покалывание, но приятное, как удобные домашние тапочки. Это было так не похоже на ту теплую щекотку, которую вызывал во мне Джек, заставлявшую меня вспомнить фейерверки и закаты над рекой Эшли.

Я улыбнулась и пожала его руку, но затем вернула свою к себе на колени, понимая, что я властна над своим сердцем, как старый дом властен над капризами времени.

Глава 21

Стараясь громко не сопеть от усталости, я поднялась по ступенькам к парадной двери матери. Генерал Ли энергично скакал рядом со мной. Дело в том, что я решила прислушаться к советам, которые как из рога изобилия сыпались на меня последние пять месяцев, и прошла пешком три с половиной квартала от моего дома. Был солнечный, но ветреный ноябрьский день, и когда я вышла из дома, это казалось хорошей идеей. Увы, мне потребовалась вся моя энергия, чтобы остаться в вертикальном положении и позвонить в дверной звонок, а не рухнуть на верхней ступеньке, как выбросившийся на берег кит.

Моя мать открыла дверь. На ее лице читалась растерянность.

– Почему ты звонишь в звонок, Мелли, дорогая? Ведь я дала тебе ключ, чтобы ты могла приходить и уходить когда захочешь. Кроме того, мы тебя ждали.

– Я увидела машину отца и постеснялась вторгаться без звонка.

Я шагнула вслед за матерью в дом. Войдя, она наклонилась, чтобы отстегнуть поводок Генерала Ли, и почесала пса за ушами.

– Не говори глупостей. Мы с твоим отцом никогда не сделаем ничего такого, что могло бы тебя смутить.

«Слишком поздно», – подумала я, вспомнив, как отец, не зная, что я нахожусь в пределах слышимости, назвал себя «сексиком-кексиком».

Я прошла за ней в гостиную. Здесь уже стоял серебряный чайный сервиз моей бабушки и тарелка с бутербродами из пшеничного хлеба с румяной корочкой, и что-то очень похожее на печенье без муки и без вкуса. Софи несколько раз приносила точно такое мне домой, но я избегала его из соображений самосохранения.

Поставив стакан чая со льдом, отец встал, чтобы обнять меня и поприветствовать Генерала Ли, затем снова сел на место. Я заметила, что на самом деле он не пил, а лишь отбивал пальцами по стакану монотонный ритм. Не зная я отца как свои пять пальцев, я бы подумала, что он нервничает.

Мать налила мне чашку зеленого чая и предложила тарелку печенья.

– Нола принесла их вчера. Сказала, что нашла их в вашей кладовой под грудой бумажных пакетов. – Она в упор посмотрела на меня, но я воздержалась от комментариев.

– Нет, спасибо, – сказала я, взяв вместо этого один из бутербродов. Я откусила кусочек, и меня чуть не вырвало. – Что это?

Моя мать просияла.

– Рецепт Софи. Это соевая паста с измельченными ростками пшеницы. По-моему, очень даже вкусно.

Я в отчаянии повернулась к отцу.

– В этом доме есть настоящая еда? Я умираю с голоду. – Я изобразила щенячье выражение Генерала Ли и для пущего эффекта потеряла живот.

Отец попытался было встать, но моя мать остановила его.

– Джеймс, мы оба знаем, что здоровая диета лучше всего подходит для нее и детей. Это называется строгой любовью.

С виноватым видом отец снова сел.

– Извини, милая, но твоя мама права. – Он взял бутерброд и начал жевать, и даже почти успешно скрыл гримасу. – В принципе здоровая пища не так уж и плоха, если к ней привыкнуть.

Я стала ждать, когда отец проглотит кусок, чтобы он не смог поднести ко рту салфетку и тайком выплюнуть в нее. Я взяла с подноса стакан ледяной воды с лимоном и сделала большой глоток.

– Итак, вы хорошо провели отпуск в горах?

Мать на мгновение задумалась, и я успела заметить, что лица обоих загорели на солнце или же обветрены, а может, и то и другое. Кстати, загар, похоже, нырял вниз, за воротник рубашек. «Интересно, – задумалась я, – и где же он у них заканчивается?»

– Это было прекрасно, спасибо. Погода стояла идеальная – чуть прохладная, но солнце светило каждый день. Мы много времени проводили на свежем воздухе, ходили в походы, устраивали пикники и все такое прочее.

Мать зарделась еще сильнее, и я задумалась, что она имела в виду под «и все такое прочее».

– В нашем бунгало снаружи была гидромассажная ванна, – добавил отец. – Никогда не думал, что эта штука мне понравится, но было и вправду здорово.

Мы обе посмотрели на него, вероятно, по одной и той же причине. СМИ, как сказала бы Нола. Слишком Много Информации. Я заставила себя не думать о том, откуда у обоих такой розовый румянец.

– Рада, что вам понравилось. У меня самой тоже была тихая неделя, за исключением эксгумации Невина Вандерхорста. Но, к счастью, со мной был детектив Райли. А еще там была эта досужая репортерша Сьюзи Дорф. Эта надоедливая муха выудила из меня интервью, так что теперь желательнее скупить столько экземпляров воскресной газеты, сколько мы сможем найти.

Моя мать села рядом со мной и, вытянув мизинец, сделала глоток из своей фарфоровой чашки.

– Почему? Ты сказала что-то такое, о чем теперь сожалеешь?

– Это вряд ли. Но она в курсе моего «особого дара» – спасибо Ребекке, – и я не сомневаюсь, что она воспользуется этой информацией любым нужным ей образом.

Отец встал и поднял с собой Генерала Ли, дремавшего у него на коленях.

– Похоже, это мне сигнал, что я должен вывести пса на прогулку. – Он многозначительно посмотрел на мою мать. – Вернусь через двадцать минут.

Я подождала, пока закроется входная дверь, и вновь повернулась к матери.

– Теперь ты видишь, что я имею в виду? Мой собственный отец думает, что я все выдумываю.

– Твой отец всю жизнь служил в армии. Для него весь мир черно-белый, а то, что делаем мы, совершенно за гранью его понимания. Но я не намерена ставить на нем крест, – а я уже видела трещины, – хотя на это и потребуется время.

– Но я не хочу, чтобы весь Чарльстон об этом знал.

Моя мать медленно сделала еще глоток чая.

– Это было бы так плохо?

«Еще как плохо», – чуть не ответила я, но осеклась, не зная, каким должен быть мой ответ.

– Просто я не уверена, – сказала я вместо этого, – как это отразится на моей деловой репутации, если люди подумают, что я подрабатываю экстрасенсом или кем-то в этом роде.

Она поставила чашку с блюдцем на журнальный столик.

– Мелли, на дворе двадцать первый век. Ким Кардашьян может твитнуть о том, что она накануне вечером делала в постели со своим парнем, и привлечь еще больше зрителей для своего реалити-шоу. Или Бритни Спирс может появиться на публике без трусов, и все равно на ее концерты народ будет валить валом.

– Мама, прекрати. Я очень надеюсь, ко мне больше доверия, чем к Ким Кардашьян или Бритни Спирс. К тому же их фанаты не ждут, что они продадут свои дома.

Она взяла меня за руку, и без перчаток ее кожа была мягкой.

– То, что ты умеешь, не должно тебя смущать. Никогда. Люди могут заставить тебя стесняться самой себя, только если ты сама им это позволишь. И если ты считаешь иначе, я беру на себя полную ответственность. Будь я рядом, когда ты росла, я бы научила тебя этому, как когда-то меня учила моя мать. – Она откинулась на спинку дивана. – Я никогда не скрывала своих способностей, и это никогда не мешало моей карьере. И советую тебе об этом подумать.

Я повозилась с салфеткой на коленях.

– Томас сказал что-то вроде того, что я могу использовать этот дар, чтобы помогать людям. Он даже спросил, не соглашусь ли я время от времени помогать им в расследовании тупиковых дел.

– То есть ты все сказала ему?

– Мне ничего другого не оставалось. Сюзи Дорф уже почти все рассказала. Он воспринял это спокойно – вероятно, потому, что многого насмотрелся на службе, и его трудно чем-то удивить.

– Хорошо, – сказала она, и на ее губах заиграла легкая улыбка. – То есть детектив Райли тебе нравится?

– Да. Очень. Он добрый, заботливый, веселый и умный. А еще он ориентирован на семью и любит детей. – Я на миг задумалась. – Но больше всего мне в нем нравится то, что с ним так легко общаться. Нам с ним хорошо просто сидеть вместе на скамейке в парке, ничего не говоря и не беспокоясь о том, что думает другой. Это так приятно...

– Прилагательное, которым я редко пользуюсь. Новая подушка – это приятно, или найти новую идеальную тушь, которая не осыпается и не растекается. Но в делах сердечных...

– Я не говорила, что собираюсь за него замуж, мама. Только то, что мне нравится, когда он рядом. Это две разные вещи.

– Главное, чтобы он это понимал, дорогая.

Я подумала о том, что Томас ни разу не поцеловал меня, хотя несколько раз он, похоже, очень хотел это сделать.

– Он понимает, – сказала я.

Входная дверь распахнулась, и мы обе повернули головы. В комнату ворвался Генерал Ли, а за ним, тяжело дыша, вошел мой отец.

– Сколько лет этому псу? Он ведет себя как щенок. Он вымотал меня, пока мы обходили квартал. Как будто он за кем-то гнался.

Мы с матерью переглянулись, обе вспомнив собачку Джулии Маниго, чей призыв иногда выходил поиграть.

– Как ты помнишь, он достался мне в наследство. Я понятия не имею, сколько ему лет, но, по словам миссис Хулихан, он уже был у мистера Вандерхорста, когда она пришла к нему работать десять лет назад.

На наших глазах песик поставил передние лапы на кофейный столик, чтобы обнюхать печенье и бутерброды. Так ничего и не выбрав, Генерал Ли издал то, что можно было бы назвать презрительным вздохом, и вновь опустился на пол, где свернулся калачиком под моим креслом.

– Умный пес, – сказала я с довольной улыбкой. – Итак, что вы хотели мне сказать?

Моя мать поднялась и села рядом с отцом напротив меня. Он взял ее руку в обе свои, и в моей голове тотчас звякнули тревожные колокола. Отец заговорил первым.

– Твоя мама оказала мне большую честь, согласившись стать моей женой. В очередной раз. Можно сказать, что мы оба верим во второй шанс.

– Но... – Я осеклась, переводя взгляд с одного знакомого лица на другое. Странно, почему они вдруг стали похожи на чужих? – Но вы же в разводе. Потому что папа не смог принять, кто ты есть.

– А также из-за моего пьянства, не забывай, – добавил отец. – Но это было почти тридцать пять лет назад. Теперь мы другие люди.

Совершенно не понимая, что меня так взволновало, я встала.

– Верно, но ты по-прежнему называешь то, что мы делаем с мамой, «мамбо-джамбо». Тебе непременно нужно было выйти из комнаты, чтобы мы с ней могли обсудить мою способность видеть мертвых и то, как это может сказаться на моей карьере, если этот факт получит огласку. – Я шлепнула себя ладонью по лбу. – Чесслово, пап! Из-за

этого я почти всю жизнь отрицала свои способности. Не представляю, как можно просто сказать: «Подумаешь!» – и пожениться, как будто это не имеет значения.

Моя мать опустила руку и встала рядом со мной.

– Мелли, я знаю, о чем ты говоришь. И твой отец тоже. Мы оба знаем, что нам есть над чем работать, и мы оба твердо убеждены, что за наши отношения стоит бороться.

Я посмотрела ей в глаза, стремясь понять ее логику, но увы.

Мне это не удалось.

– Но раньше вы не смогли, и посмотри, что произошло. Теперь у вас за плечами есть опыт. Может, прежде чем совершить такой гигантский скачок, стоит подождать, пока вы уладите все свои разногласия?

Она терпеливо улыбнулась мне той же улыбкой, что и раньше, когда учила меня завязывать шнурки.

– Потому что мы поняли: если ждать, пока все не станет идеальным, пока все разногласия уладятся, а все звезды займут нужное им место, можно упустить свой шанс на счастье. Вот что такое настоящая и непреходящая любовь. Это способность видеть дальше разногласий, и тогда приходит осознание того, что без другого человека твоя жизнь пуста и однобока.

Я сморгнула слезы... кстати, откуда они взялись? Ее слова были подобны стрелам, которые отскакивали от меня, как если бы я была закована в латы. Думаю, сорок лет веры в непостоянство и мимолетность любви способны превратиться в образ мышления, непроницаемый, как броня.

Отбросив свои сомнения, я сделала шаг им навстречу.

– Поздравляю! – сказала я, целуя обоих. – По крайней мере, вам не нужно выбирать свадебный фарфор или искать себе крышу над головой!

Я попыталась придать своему голосу веселость.

– Спасибо, дорогая, – с видимым облегчением сказала мать. – Мы думали устроить в начале года небольшую торжественную церемонию. У тебя еще будет до родов три месяца, а все волнения и суета Рождества – уже позади. Я уже говорила, что снова посещаю дома?

– Нет, но если ты попросишь меня нацепить зеленые ветки, чтобы выглядеть как новогодняя елка, поскольку к тому времени я буду примерно того же размера, я откажусь. – Я улыбнулась. – Но не могли бы вы устроить это вместо января в тот же день, что и свадьба Ребекки? Тогда у меня будет предлог не пойти туда.

Мать обняла меня.

– Прекрати, дорогая, она родственница. Кроме того, разве ее свадьба не назначена на двадцать второе марта? Не ровен час, у тебя уже будет два самых милых предлога, чтобы не пойти.

– Мы можем только надеяться. – Я тяжело вздохнула. – Мне пора вернуться домой. Сегодня привезут мебель, которую Амелия заказала для детской, и я должна успеть сгрести в сторону свертки и подарки, чтобы высвободить место.

– Кстати, пока не забыла, – сказала мать. – Звонила Нэнси Флаэрти. Она хочет устроить для тебя праздник подарков. Она не знала, как ты к этому отнесешься, поэтому сначала решила спросить меня. По-моему, это прекрасная идея, но решать тебе.

– Что ж, учитывая, что нам нужно всего по два, это, безусловно, поможет. Все эти недавние ремонтные работы обескровили мой банковский счет. Если бы не фонд...

Отец покашлял и сделал долгий глоток воды.

– Это да. Если бы не фонд. – Он наклонился, чтобы погладить Генерала Ли, и я не могла прочесть выражение его лица.

Я вновь повернулась к матери.

– Когда, в январе?

– Да, если ты не против.

– Чем еще я буду заниматься, мама, кроме как работать и толстеть?

Она поцеловала меня в щеку и крепко обняла, чем напугала меня.

– Но ты также становишься все красивее и красивее.

– Неужели? Честное слово, только ты и Томас не видите меня той, какой я вижу себя в зеркале.

– И Джек, – добавила моя мать.

– И Джек, – неохотно согласилась я. – По крайней мере, это уже трое.

– Не говори глупостей. Ты всегда была себе злейшим врагом и самым жестоким критиком. Пора дать себе передышку. Ты носишь двух здоровых детей, Мелли. И это сейчас самое главное.

Я крепко обняла ее за плечи.

– Спасибо, мама. Мне действительно нужно было это услышать. – Взяв сумочку и поводок Генерала Ли, я подошла к двери. Мои родители, взявшись за руки, последовали за мной. – Надеюсь, мы скоро получим результаты анализа ДНК, чтобы я могла обо всем забыть до того, как родятся дети.

Мы попрощались, и я вышла на улицу. Но тотчас задержалась на нижней ступеньке. Может, вернуться назад и попросить отца подвезти меня? Увы, прежде чем я это сделала, Генерал Ли пустился бегом, не оставив мне иного выбора, кроме как следовать за ним, в любой момент рискуя выпустить из рук поводок. Вместо того чтобы побежать по тротуару, этот проказник бросился в боковой садик к кованому столу, за которым мы с моей любимой бабушкой когда-то устраивали кукольные чаепития.

Остановившись перед стулом, на котором она когда-то сидела, пес наклонил голову. Чья-то невидимая рука как будто ерошила ему шерсть.

– Бабушка? – прошептала я в зимний сад. Мне так хотелось увидеть ее снова! Вновь стать маленькой девочкой, залезть к ней на колени и знать, что здесь я в безопасности.

«Будь готова». Слова были произнесены еле слышно. Звук оборвался, как будто моя связь с ее миром уже была потеряна.

– Готова к чему? – спросила я у листьев, что летели к моим ногам и, словно змеи, кружились вокруг ножек стола.

Я напрягла слух, чтобы сквозь шелест листьев и ветер уловить ее голос, но он прозвучал еле слышно. Я пару мгновений ждала, в надежде на то, что она вернется, но поняла, что я одна. Потянув за поводок Генерала Ли, я медленно побрела от сада на тротуар, гадая, ответила ли бабушка вообще на вопрос, или же она хранила молчание, уверенная в том, что я уже знаю ответ.

Глава 22

Воскресным утром я припарковала машину на улице Саут-Бэттери возле парка Уайт-Пойнт и направилась к павильону. Было прохладно, но небо было довольно ясным и солнечным, чтобы как следует разглядеть форт Самтер и захватывающий вид на Чарльстонскую гавань.

Это был бы прекрасный день для прогулки по Батарее, если бы не два «но» – не будь я одета в лайкру для беременных и не будь у меня запланирована встреча с Софи, у которой возникла блестящая идея, что мы должны начать тренироваться вместе. Я сказала ей, что так и быть, если она перестанет употреблять слова «вода» и «роды» в одном предложении со словами «твои» и «схватки». Кроме того, она пообещала мне новую информацию о Вандерхорстах, которая, как она уверяла, стоит того, чтобы совершить с ней энергичную прогулку вдоль гавани.

Когда я заметила ее, она сидела на одной из скамеек, подняв одну ногу и растягивая икроножные мышцы. На ней была красивая голубая ветровка, прикрывавшая ее симпатичный животик, и светло-зеленые легинсы, подчеркивавшие ее миниатюрные лодыжки. На ногах у нее были кроссовки. Интересно, это тоже «биркенстоки»? Вряд ли она знает какой-то другой бренд обуви. Ее радужные перчатки были в тон толстой повязке на голове, закрывавшей ей уши и украшавшей большую часть ее темных кудрей.

На мне было то же самое, что и обычно, когда я гуляла с матерью и Амелией, – а именно, собранный наобум ансамбль, в котором главное место занимали старые вещи моего отца. Но, по крайней мере, у меня были новые кроссовки, любезно выданные мне матерью. Она сказала мне, что носить мои старые, предварительно вынув из них шнурки, чтобы втиснуть в них мои большие ступни и лодыжки, – не лучшая затея, и она не намерена ждать, когда Лабутен или Маноло Бланик начнут шить спортивную обувь.

По мере приближения к скамейке я замедлила шаг. До меня дошла пугающая реальность: впервые за годы нашей дружбы Софи была одета лучше, чем я.

Заметив меня, она помахала рукой. Я помахала в ответ и быстро опустила руку вниз – огромные лыжные перчатки моего отца раскачивались на ней, как на палке. Софи подозрительно посмотрела на меня.

– Не похоже, что ты уже прошла несколько кварталов.

– Это потому, что я их не прошла. Я приехала. Я решила, что в твоём состоянии ты вряд ли унесешь меня на себе обратно, если я свалюсь от упадка сил.

– Верно. – Она покачала головой и, взяв со скамейки небольшой рюкзак, протянула мне бутылку с водой. – Я подумала, что ты забудешь свою, так что давай. Выпей, прежде чем мы начнем.

– Обещаю выпить все, когда мы закончим, – сказала я, возвращая ей бутылку. – Но, если я сделаю глоток прямо сейчас, мы будем каждые пять минут останавливаться, чтобы я сходила в туалет. – Я похлопала себя по животу. – Эти двое успешно сдавили мой мочевого пузырь и сделали его размером с горошину. Я подумываю поставить в ванной раскладушку, чтобы не бегать каждую ночь туда и обратно.

– Джек все еще живет у тебя? – Софи сделала глоток воды из своей бутылки.

Я посмотрела на часы.

– Блин, уже поздно. Нам пора начать.

– Хорошая попытка, Мелани. Я воспринимаю это как «да».

Я вздохнула.

– Просто между Нолой и Джеком все еще есть трения, и они нуждаются во мне как в рефери и ком-то, кто их выслушает. Я как дешевый психиатр.

Софи недоуменно выгнула бровь.

– И поэтому Джек все еще спит через две двери от тебя?

Слава богу, я не упомянула, что он всю ночь проспал в моей постели. Я едва не вздохнула, вспомнив, как приятно было ощущать его рядом.

– Как правило. Но меня до сих пор беспокоит инцидент с окнами. Он говорит, что хотел бы остаться, пока их не заменят.

– Ты хочешь, чтобы я отложила их замену еще на месяц?

Я покачала головой куда более энергично, чем хотела.

– Нет. Честное слово, нет. Думаю, я близка к тому, чтобы найти для Джека идеальный дом. Так что это лишь вопрос времени, когда они

обретут свой собственный дом, где будет достаточно места для них обоих – и для детей.

– Все ясно.

Я прищурилась.

– Это как понимать?

Возле соседней скамейки собралась группка пожилых туристов. Они столпились вокруг гида, как марсиане вокруг своего космического корабля. У большинства на седых головах были кепки, руки в рукавицах лежали на поясных сумках. Кстати, такого количества туристов я еще ни разу не видела в одном месте.

До меня донесся голос гида.

– Эти пушки не были задействованы при нападении на форт Самтер, с которого началась агрессия северян, – вещал он, указывая на одну из обращенных к гавани пушек. – Их ядра не долетали бы до цели. Но при желании вы легко можете себе представить зрелище, представшее взорам людей, которые, стоя на своих верандах, следили за происходящим. – Он махнул рукой в сторону старых особняков через улицу от парка.

Я повернулась, чтобы вместе с туристами взглянуть на симпатичные дома, которые почти двести лет приветствовали в Священном городе гостей и мародеров, ожидая увидеть призраки их прежних обитателей. Увы, веранды и окна были пусты и неподвижны, как незаконченная картина.

Гид между тем продолжил:

– Помимо военной истории Батареи есть также одна грязная история. В начале семнадцатого века на дубах и виселицах были повешены десятки пиратов. Их тела оставались болтаться в петле по многу дней. Считалось, что это удержит других пиратов от входа в Чарльстонскую гавань. Многие люди до сих пор верят, что в водах залива лежат затонувшие сокровища, которые ждут, когда их обнаружат.

Мой взгляд упал туда, где в свое время стояла виселица, и где когда-то я даже могла видеть раскачивающиеся в петлях тела пиратов.

– Опять ничего? – тихо спросила Софи. Я покачала головой. Мое разочарование расправило крылья дурного предчувствия.

Некоторое время Софи молчала.

– У тебя была возможность выяснить, кто твой призрак – Шарлотта или Камилла?

Я встретила с ней взглядом.

– Еще нет. Кто бы это ни был, он не любит, когда я произношу их имена. – Я пожала плечами. – И мне страшно, что я не вижу их приближения.

– Мне кажется, еще больше ты боишься того, что они могут сказать.

Как будто ощутив некий внутренний зуд, я начала растягивать квадрицепсы.

– Хочешь пройтись по променаду на набережной, а затем отправиться по Ист-Бэй-стрит?

– Давай, Мелани. Ты ведь говоришь со мной. Чего ты так боишься?

– Просто ты даже хуже моей матери. – Я попыталась обернуть все в шутку, но не смогла. – У меня такое ощущение, что они... чего-то ждут.

– Кто?

– Все призраки в доме. Камилла/Шарлотта – или кто там она на самом деле. И Луиза, и моя бабушка. Не удивлюсь, если Невин сейчас тоже тусуется вместе с ними.

Софи пару секунд молчала.

– Как ты думаешь, чего они ждут?

В ответ я выпалила слова, о которых до того, как я их произнесла, я даже не догадывалась.

– Чтобы я увидела. Они как будто раздосадованы, так же, как и я. У меня такое чувство, что они ждут, что я увижу нечто большее, чем просто призраков.

Софи сделала большие глаза.

– Что ж, беременность пошла тебе на пользу во многих отношениях, – сказала она и зашагала через парк к променаду, окаймлявшему гавань вдоль Ист-Бэттери и Саут-Бэттери.

Я бросилась за ней вдогонку.

– Это как понимать?

– Что ты намного проницательнее, чем раньше. В этом даже есть своя прелесть. Теперь, когда не видишь призраков, ты лучше видишь вещи в собственной голове.

Меня задело, что она, как всегда, права, но я слишком запыхалась, чтобы спорить. Мы прошли почти весь парк, прежде чем я смогла, наконец, задать вопрос.

– Теперь можешь рассказать мне, что ты узнала о Вандерхорстах?

Софи взглянула на меня, и что-то, что она увидела, заставило ее замедлить шаг.

– Я вернулась в архив колледжа, чтобы еще раз посмотреть материалы о доме Вандерхорстов. Так вот, я нашла ту открытку Камиллы ее матери, где она пишет про обеденный стол, и оказалась права. Она упомянула подругу, Шарлотту Прингл. Возможно, это не та Шарлотта, но это то же самое имя, что и у второй жены Джона.

– Шарлотта и Камилла. – Я жадно хватала ртом воздух. – Все становится немного интереснее, если обе жены знали друг друга.

– Можешь спросить их самих. Раньше это работало. – Голос Софи звучал ровно, как будто она сидела в кресле-качалке, а не шагала по тротуару.

– Я бы спросила, но я не уверена, что смогу позволить себе новые окна или люстры. Не говоря уже о том, что я почти не слышу призраков. Голоса, которые я слышала с момента нашего похода в музей, стали звучать как радио на средних волнах – то появляются, то исчезают и полны помех. Кроме того, мне нужно, чтобы со мной была мать, а у нее свои дела. – Я сделала несколько глубоких вдохов. – В каком контексте упоминалось имя Шарлотты?

Софи с улыбкой посмотрела на меня, как будто ждала, что я задам этот вопрос.

– Очевидно, Шарлотта путешествовала вместе с ними. Возможно, Ивонна раскопает больше информации, но Шарлотта была подругой детства Камиллы. И не было ничего необычного в том, что друзья и родственники сопровождали молодоженов во время их свадебного путешествия.

– Неудобно, – сказала я, позаимствовав одно из любимых словечек Нолы. Мы спустились по ступеням, что вели от тротуара вниз, и, перейдя улицу, ступили на тротуар перед величественными особняками с видом на гавань, которые я когда-то назвала ямами для высасывания денег. Нет, я по-прежнему считала старые дома чем-то вроде ям в земле, в которые их владельцы лопатами кидали свои кровно заработанные денежки, ибо, как бы сильно ни любили они

старую архитектуру, скрипящие полы и деформированные двери, было невозможно отрицать, что эти монстры сродни парковочному счетчику в центре города, вечно алчущему притока звонкой монеты.

Но теперь, глядя на их элегантные фасады, на их выкрашенные в синий цвет козырьки над крыльцами и ящики с цветами на подоконниках, на их высокие окна с волнистым стеклом и высеченные вручную фронтоны, я ощутила течение времени и тяжесть лет, которым эти дома и их обитатели были свидетелями. В моем собственном доме я стала просыпаться от топота маленьких ножек, бегущих по коридору, и представляла, как дом улыбается. Это как кусок истории, который можно потрогать. Похоже, я наконец начала понимать, что мне пытался сказать мистер Вандерхорст.

Дойдя до череды домов в пастельных тонах, известных как Радужный Ряд, мы развернулись и зашагали обратно тем же путем, которым пришли. Мы обе молчали, и наши мысли крутились в такт нашим шагам. Тротуар был неровным, и я была вынуждена смотреть себе под ноги, а не на дома, что не мешало мне время от времени исподтишка заглядывать в окна, – вдруг я мельком увижу там привидение. Наконец я посмотрела на Софи и задумалась над тем, что она сообщила.

– Как, ты сказала, фамилия Шарлотты?

– Прингл. Шарлотта Прингл. А в чем дело? Ты слышала это имя раньше?

Я на мгновение задумалась.

– Да, я почти уверена, что слышала. Не помню где, но наверняка позже вспомню.

Мы подошли к павильону, с которого начали. К моему великому удивлению, я даже не запыхалась. Я села, а Софи порылась в рюкзаке и вытащила бутылки с водой. Одну она протянула мне, а себе взяла другую.

– Я не была уверена, что ты уже читала свой экземпляр, и подумала показать тебе на всякий случай свой.

Посмотрев через дно бутылки, я увидела воскресный выпуск «Пост энд курьер». И чуть не поперхнулась.

– Блин, и как я только забыла, что он вышел сегодня. Из-за беременности мои мозги превратились в кашу. – Я потянулся за газетой. – Что, все совсем плохо?

– Как беспристрастный наблюдатель, я бы так не сказала, но ты можешь слегка психануть. Это всего лишь одна колонка, поскольку они, похоже, одновременно печатают три статьи с продолжениями. Но есть хорошая фотка, где ты на кладбище.

Положив газету себе на колени, я пролистала ее, пока не нашла нужную страницу. Фото под заголовком демонстрировало меня во всей моей беременной красе. Мои волосы выглядели так, будто кто-то натер их воздушным шариком, чтобы они торчали во все стороны; брови сердито нахмурены. Они полностью вырезали Томаса, так и не поняв, что, оставив его на снимке, они тем самым спасли бы фото от его нынешней убогости.

– Зачем вообще они поместили сюда этот снимок? Чтобы люди меня ненавидели? – я прочитала заголовок и застонала. – «Невин Вандерхорст вещает из загробного мира».

На мгновение мне показалось, будто Сьюзи Дорф неким чудом сумела подслушать голос, разговаривавший со мной на кладбище Магнолии. Расправив страницу у себя на коленях, я начала читать:

«Дождливым и холодным утром во вторник по распоряжению coronера округа Чарльстон, по просьбе жителей Нью-Йорка, Ирэн и Джорджа Гилбертов, были эксгумированы останки Невина Вандерхорста. После нескольких месяцев судебных проволочек их претензии на статус наследников Вандерхорста могут получить подтверждение.

При эксгумации присутствовала нынешняя наследница Мелани Миддлтон. В выходящей в скором времени в свет книге уроженца Чарльстона и автора-дебютанта Марка Лонго “Похоть, жадность и убийство в Священном городе” мистер Лонго намекает на возможное вмешательство с “другой стороны”, что помогло мисс Миддлтон в достижении ее нынешнего статуса обладательницы дома.

Несмотря на нежелание давать интервью, мисс Миддлтон сказала во время эксгумации несколько слов в защиту своей позиции, заявив, в частности, что мистер Вандерхорст был добрым стариком, и она не стала разубеждать его, чтобы не огорчать его. Сказала ли она ему при этом, что видела в саду его покойную мать, этого мы никогда не узнаем, поскольку один из свидетелей не может нам ничего сказать, а другая – отказывается.

Отвечая на вопрос о мисс Миддлтон и ее привязанности к старым домам (в детстве она несколько лет жила в доме Приоло на Легар-стрит), друг ее семьи и писатель Джек Тренхольм ответил лишь, что “мисс Миддлтон редко делится своими мыслями и чувствами даже с самыми близкими ей людьми, включая ее самого”.

Ожидается, что сличение ДНК мистера Вандерхорста и останков, найденных в фундаменте его дома, займет несколько месяцев и результаты тестов будут объявлены только в начале года.

Что касается мисс Миддлтон, то, когда ее спросили, будет ли она бороться с Гилбертами, если их претензии окажутся обоснованными, она ограничилась следующим ответом: “И Гилберты, и я хотим правды”. Но какова может быть эта правда, еще неизвестно».

Я посмотрела на Софи. Знала бы она, с каким удовольствием я бы разорвала эту газету в клочья!

– Я не уверена, кого я должна убить первым – журналистку или Джека.

Софи впиалась в меня своим преподавательским взглядом.

– Она написала что-то, что не соответствует действительности?

– Нет, но...

– И Джек сказал что-то, что было бы неправдой?

– Нет, конечно. Я лишь имею в виду... – Мой рот шевелился, будто я что-то говорила, но с моих губ не слетело ни слова. – Полагаю, это было его мнение, хотя и ошибочное. Люди будут думать, что я этаким подросток, который боится собственных чувств.

Я взглянула на Софи, надеясь увидеть в ней сочувствие и понимание. Но она продолжала смотреть на меня своим преподавательским взглядом, тем самым, каким она подбадривала студента, который дал частично правильный ответ и все еще пытается додуматься до остального.

Я как могла сложила газету и вернула ее Софи.

– Мне пора. Джек и Нола договорились встретиться в кафе, так что в кои веки дом полностью мой. Хочу рассортировать все подарки в детской и поставить в алфавитном порядке по именам авторов детские книжки в маленьком книжном шкафу, который сделал мой отец.

Сделав последний глоток воды, я встала. Софи не сдвинулась с места. Выражение ее лица не изменилось, она сидела все так же, скрестив руки на все еще маленькой груди.

– Знаешь, Мелани, однажды ты поймешь, что невозможно решить все жизненные проблемы, уйдя с головой в электронные таблицы и идеально организованные ящики.

Я вымучила улыбку.

– Да, это все, что я умею делать. – Я тяжело сглотнула. – Тебя подвезти?

Она покачала головой.

– Нет, спасибо. Думаю, я позвоню Чэду. Вдруг он захочет встретиться со мной в «Козе-Овце-Корове». Умираю, как хочу сыра.

Я быстро обняла ее, пряча мои полные слез глаза.

– Хорошо. Передай от меня привет Чэду.

– Обязательно. Удачи в организации порядка.

Я уже зашагала прочь и помахала ей рукой, чтобы показать, что я ее услышала. Спиной чувствуя на себе ее взгляд, я бодрым шагом направилась к моей машине. И лишь уже подъезжая к дому, поняла, что реву и понятия не имею почему.

Глава 23

Я разгладила красное платье для беременных, отметив, что оно сидит гораздо плотнее, чем когда мать всего несколько месяцев назад купила его для меня. Сегодня был рождественский спектакль Нолы, и мне хотелось выглядеть празднично. В ушах у меня поблескивали бриллиантовые серьги моей матери. Она убедила меня, что они отвлекут взгляды вверх, прочь от моей располневшей талии. Посмотрев на себя в зеркало в вестибюле, я поняла: это все равно что сажать цветы в оконных ящиках сгоревшего дома, чтобы никто не заметил, что его нужно покрасить.

– Ты мне нравишься в красном.

Я обернулась на голос Джека, готовая возразить, но слова застряли у меня в горле. Он спускался по лестнице в темном костюме и красном галстуке. Его лицо было чисто выбрито, волосы причесаны и напомажены. Даже его туфли сияли, как звезда на рождественской елке. Мне оставалось только надеяться, что рядом с ним меня не заметят.

Он остановился передо мной, источая приятный аромат мыла с легкой ноткой одеколona. Я подавила в себе порыв наклониться к нему, словно этакий измученный жаждой жираф, увидевший полноводный ручей.

– Я так давно не носил галстук, что не могу его правильно завязать. Поможешь мне?

Я сделала шаг вперед, радуясь, что мой живот служит чем-то вроде барьера, мешающего мне раствориться в нем.

– Раньше я каждое утро делала это для отца, так что я в некотором роде эксперт.

Я не сказала ему, что была вынуждена научиться завязывать галстук, потому что после ночных попок руки отца дрожали. Впрочем, Джек уже был в курсе. Но было в этом и что-то утешительное. Я знала: он никогда не осудит меня или моего отца, потому что у нас одни и те же демоны.

С тех пор как вышла колонка в «Пост энд курьер», я избегала его, уходила на работу пораньше и возвращалась после того, как точно

знала, что он работает в своей квартире, или гуляет с Нолой, или встречается с друзьями. Если Нола по вечерам была дома одна, я старалась поужинать вместе с ней – даже если ради этого приходилось запикивать в себя веганскую еду, – но большую часть времени я была в собственном доме этакой тенью. Моя злость на Джека за то, что он сказал репортеру, что я-де «редко делюсь мыслями и чувствами даже с самыми близкими людьми, включая его самого», превратилась в медленное горение, а затем и вообще погасла, когда я, наконец, признала, что в его словах есть доля истины. Но чтобы не признавать этого вслух, я продолжала избегать его.

Мне также не хотелось давать ему повод вернуться в его квартиру.

Окна были заменены по цене, от которой, стоило мне ее вспомнить, у меня щипало глаза, но я чувствовала себя увереннее, когда он был со мной рядом. Серьезных инцидентов, вроде бьющихся окон, больше не происходило, и тем не менее мне казалось, будто я сижу на линии разлома, зная, что рано или поздно разъяренный призрак вновь заявит о своем присутствии. Это лишь вопрос времени.

Чувствуя на себе его взгляд, я развязала и вновь завязала на нем галстук. Я работала медленнее, чем необходимо, то и дело касаясь пальцами его шеи и притворяясь, что я это не нарочно. Закончив, я отступила назад, чтобы полюбоваться своей работой, и в конце концов встретила с ним взглядом.

– Тебе самой нравится? – спросил он абсолютно серьезным тоном.

– Сойдет. – Я отступила назад и перекинула сумочку через плечо. – Давай быстрее, я не хочу опаздывать. Билеты без мест. Не хотелось бы, чтобы наши родители ложились поперек передних стульев, чтобы другие люди не заняли наши места.

Он усмехнулся этой мысленной картинке.

– Лично я считаю, что взгляда любой из наших матерей будет достаточно. Плюс Купер в его парадной форме. – Я подошла к двери и остановилась, ожидая, что Джек ее для меня откроет. – Тебе не нужно пальто?

– На улице довольно тепло. А младенцы превратили меня в небольшую печку. Честное слово, они там жгут поленья, потому что я не могу остыть. Прошлой ночью мне, чтобы уснуть, пришлось снять ночную рубашку.

Он распахнул дверь, и я ощутила на лице прохладный воздух.

– Успокойся, мое бьющееся сердце. Мысленный образ творит для меня множество чудесных вещей.

Я повернулась к нему. Мы застыли в дверном проеме, почти соприкасаясь носами.

– Правда, Джек? Я огромная, как дом.

– В самом деле, – сказал он с явным намеком, и в мою внутреннюю печь как будто подбросили еще пару поленьев.

Я прижала пальцы к вискам, ожидая на веранде, когда он включит сигнализацию и закроет дверь.

– Мелли? – Его голос был полон тревоги.

– У меня болит голова, только и всего. Я плохо спала последнее время.

Бровь Джека поползла вверх, и я едва не спросила, не думал ли он о получении патента на этот взгляд.

– У меня есть средство от бессонницы, и, если ты помнишь, довольно эффективное.

– Как и Генерал Ли, и его храп.

– Я не храплю, – полупшепотом возразил он и уже более серьезно спросил. – Итак, что случилось?

Я посмотрела на него, удивившись на миг, что он не слышал звуков, но тотчас вспомнила, что многое из того, что происходило в моем доме, предназначалось только мне.

– Всю ночь напролет я слышу шаги. Топот маленьких ножек, как будто по коридорам и лестницам бегают маленькие дети. Это не страшно, по крайней мере, до тех пор, пока я не вспомню замурованного в фундаменте ребенка. Тогда мне становится грустно. И когда я дохожу до этого момента, я снова слышу детский плач. Даже в берушах я все равно его слышу.

– У тебя есть беруши?

Я знала: Джек пытается отвлечь мои мысли, и не стала мешать ему это делать.

– Чтобы, если ты вновь уснешь в моей комнате, я смогла бы заблокировать твой храп.

Он наклонился ко мне ближе.

– Я же сказал тебе, я не храплю. И если бы ты проводила со мной в постели больше времени, ты бы это знала.

Прохладный ветерок гонял по мраморному полу веранды опавшие листья, заставляя меня зябко ежиться, несмотря на мою перегретую внутреннюю температуру. Виски пульсировали. Я прижала к ним пальцы, пытаюсь остановить эту пульсацию.

– Доктор Уайз разрешила мне принимать тайленол, но я не хочу принимать лекарства. И вот теперь думаю, принимать или не принимать.

– Если доктор Уайз говорит, что можно, то, возможно, стоит принять.

Я покачала головой.

– Ничего страшного. Пройдет само. Ведь это всего пара часов.

Он с сомнением посмотрел на меня, но протянул руку.

– Моя мать носит в сумочке целую аптеку. У нее наверняка что-то найдется, если ты передумаешь. – Он помог мне сесть в минивэн и на миг задумался. – Мелли, если я тебе кое-что скажу, обещаешь не сердиться?

Я нахмурилась.

– Мы что... все еще школьники?

Он сделал большие глаза, как судья на конкурсе по орфографии в ожидании правильного ответа.

– Неважно, – сказала я. – Только скажи мне. Обещаю не сердиться.

Он положил руку мне на лодыжку, но я почти не почувствовала ее сквозь отек.

– Ты кажешься чуть... пухлее, чем обычно. Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Я отдернула ногу.

– Я была у доктора Уайз на прошлой неделе. Она посоветовала мне пить больше воды, и я пила – даже если из-за этого я каждые пять минут бегала в туалет. Сегодня я выпила меньше, не хочу вставать посреди спектакля. Она также рекомендовала мне купить тонометр, чтобы я сама следила за давлением дома, и два дня назад все было нормально. Последние два дня я забывала его измерять, но мне кажется, что все в порядке. – Я вздохнула. – Джек, мне больше сорока, и у меня будут близнецы. Просто мое тело немного волнуется. Примерно как мой мозг в самом начале.

Он помедлил, как будто не до конца убежденный в моих словах, но потом закрыл дверь минивэна и перешел на сторону водителя.

Заговорил он, лишь когда уже ехал по Трэдд-стрит.

– Кстати, я все еще считаю тебя жутко сексуальной.

Я закатила глаза и вздохнула, однако мое сердце кувыркалось по мере того, как в печь подбрасывались все новые поленья.

Как обычно, Джек быстро нашел место для парковки у тротуара, всего в квартале от лютеранской церкви Святого Матфея, где проходил очередной, восемьдесят девятый ежегодный рождественский спектакль школы Эшли-Холл. Мимо нас пробежали двое опоздавших, маленькие ангелочки в белых одеждах. Вслед за ними, держа на руках малыша, потерявшего один башмачок, спешила измученная мать.

– Говорите четко и не забывайте улыбаться! – крикнула она им вслед.

До начала спектакля оставалось двадцать минут. Группы родителей и гостей стояли снаружи и болтали перед высокими красными готическими дверями внушительной кирпичной церкви с высоким шпилем, возвышавшейся над этой частью Кинг-стрит.

Я заметила Купера и Олстон Равенель, как только они увидели нас. Олстон бегом бросилась нам навстречу. Купер шагал более степенно, как то и положено кадету. Олстон обняла меня и поцеловала в щеку, а затем удивила Джека, расцеловав и его.

– Я удивлена, что тебя нет в спектакле, – сказала я ей.

– Я боюсь сцены. Но я помогаю с освещением, так что мне нужно бежать. Я лишь хотела поздороваться и сказать Ноле, что вы здесь. Мне кажется, она нервничает, но не говорите ей, что я это сказала. – Олстон помахала нам и поспешила прочь. Ее осанка, как всегда, была идеальной. Даже шагая быстрым шагом, она вполне могла нести на голове стопку книг.

Купер протянул мне руку, и я пожала ее, а затем протянул ее Джеку. Поколебавшись всего секунду дольше необходимого, Джек взял его руку.

– Купер, – сухо сказал он.

– Сэр, – ответил Купер.

Я посмотрела на их рукопожатие и задалась вопросом, не слишком ли оно сильное, чем того требовала ситуация.

– Ты сидишь с родителями? – спросил Джек.

– Нет, сэр. Бабушка и дедушка Нолы были настолько любезны, что предоставили мне место в первом ряду.

– Ну кто бы мог подумать! – без тени улыбки сказал Джек.

– Да, сэр, – ответил Купер. Судя по его улыбке, холодный прием Джека его нисколько не смутил.

Он извинился и направился к стайке друзей. Джек посмотрел ему вслед.

– Джек, он славный парнишка. Или ты предпочел бы татуированного уголовника на мотоцикле с пачкой сигарет в рукаве?

– Я бы предпочел, чтобы следующие десять лет Нола провела в монастыре в Ирландии. – Он фыркнул, и я едва не расхохоталась. – Я знаю, что ему нужно – все парни одинаковые. Ее деньги – всего лишь бонус.

– О чем ты говоришь? Они даже не встречаются. И даже если бы встречались, сомневаюсь, что это было бы как-то связано с деньгами.

– Она только что получила свой первый гонорар за песню «Глаза моей дочери». Его хватит, чтобы оплатить учебу в колледже, да еще останется. И это только ее первый хит. Песню по-прежнему усиленно крутят по радио, а Apple, возможно, использует видеоролик с ней в своей рекламе айподов.

– Потрясающе! Но я удивлена, что она ничего не сказала мне.

– Она сама узнала только вчера. И собиралась рассказать всем сегодня за ужином после спектакля.

Как ни странно, но у меня отлегло от сердца, как будто тот факт, что она ничего не сказала мне, означал, что я для нее значу меньше, чем она для меня.

– Не волнуйся, я сделаю вид, что слышу это впервые.

Пройдя в черные железные ворота, мы ступили на выложенный черно-белой плиткой пол, что вел к ступеням и главной двери. Я посмотрела на квадраты, уложенные так, чтобы напоминать ромбы, и они как будто поплыли ко мне, а затем стали покачиваться взад-вперед, словно были жидкими. Я застыла на месте и схватила Джека за руку.

– Мелли? С тобой все в порядке?

– Да. Наверно. Просто головная боль как будто переходит в легкую мигрень. У меня перед глазами все плывет.

Взяв меня за локти, он подвел меня к ступеням церкви и, усадив, вынул из кармана пиджака телефон.

– Я звоню доктору Уайз, – пояснил он.

Я хотела возразить, но моя голова пульсировала болью, а черно-белые плитки продолжали двигаться у моих ног. Не думая о том, что делаю, я наклонилась ниже и легла щекой на верхнюю ступеньку.

– Мелли! – Голос Джека прозвучал как будто издалека.

– Спасибо, что разрешил мне положить голову тебе на колени, – пробормотала я.

– Ты о чем?

– Ммм? – Его слова не имели смысла. Я отчетливо ощущала мягкие колени под головой и руку, убирающую мне с лица волосы. Джек заговорил в телефон, но я больше не воспринимала его слов. Я смутно видела Купера, затем Джек что-то сказал ему, и Купер исчез в здании. Вокруг меня столпились люди, но я не обращала на них внимания, сосредоточившись на нежной руке на моем лбу, которая облегчала мою головную боль.

Сквозь туман прорвалась сирена, и я услышала рядом с моим ухом голос Джека.

– Потерпи, Мелли. Потерпи, ладно? Скорая помощь почти здесь. С тобой все будет хорошо. Просто потерпи.

Я услышала свою мать, затем Амелию. Их голоса звучали тихо и успокаивающе, но они говорили с Джеком, а не со мной. Я чувствовала руки Джека поверх моих, а потом он взял мою голову. Я было запротестовала, хотела спросить, что стало с теми нежными руками, но как только он коснулся меня, все остальное уже не имело значения.

Сирена сделалась громче, но ее звук был приглушен, как будто кто-то зажал мне уши ладонями, чтобы он меня не тревожил.

Вокруг меня суетились какие-то люди. Затем передо мной возник новый человек в чем-то вроде форменной рубашки. Меня внезапно подняли в воздух, а затем положили на что-то твердое. Руки Джека выскользнули из моих. Я попыталась произнести его имя, но мои слова рассыпались прежде, чем слетели с моих губ.

А потом я почувствовала на своем лбу губы Джека. И очень тихо, словно издалека, услышала:

– Я люблю тебя, Мелли. – Нежная рука вернулась к моему лицу, нежно его поглаживая, и я поняла, что Джека больше нет. Мою руку ужалил укол иглы, и я услышала, как хлопнула дверь. Я открыла было рот, чтобы выкрикнуть имя Джека, попросить его повторить то, что он

только что сказал, так как не была уверена, вообразила я эти слова или нет.

– Я тоже тебя люблю, – ответила я, но слова, будто горькая пилюля, растворились на моем языке, и я, опустошенная, наконец закрыла глаза и позволила себе погрузиться в забытие.

Глава 24

– Это несправедливо, – испуганно проямлила я. Впрочем, «испуганно», это еще мягко сказано. – Я всегда была такая здоровая. Может, это ошибка.

Мать сидела на краю моей кровати, поглаживая мои волосы, и это движение окутало меня сильным чувством дежавю.

– Никто никогда не говорил, что жизнь справедлива, Мелли. Лучше взгляни на положительную сторону: ты здорова, дети здоровы, и твой врач не требует от тебя оставаться в больнице.

Я вздохнула.

– С одной стороны, вероятно, ты права. Но доктор Уайз приказала мне лежать на левом боку в постели целых три месяца. Сдается мне, она нашла это в «Журнале средневековых пыток». Вероятно, у нее есть подписка.

– Милая, преэклампсия – это серьезно. Тебе повезло, что Джек был там и сообразил вызвать скорую. И у тебя есть я. Мы с ним плюс миссис Хулихан сможем постоянно заботиться о тебе и младенцах, пока они не родятся. Это наша общая забота, согласна?

– Я знаю... и я так счастлива, что с малышами все в порядке. Но от этого не легче оставаться узником в собственной комнате.

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Иногда я даже рада, что не видела тебя подростком. Мы могли бы не выжить вместе. Миссис Хулихан через несколько минут принесет тебе ужин, – сказала она, выпрямившись. – Я вернусь, когда ты закончишь, и дам тебе витамины для беременных.

– А что у нее на ужин? – спросила я, представив утешительные блюда, какие миссис Хулихан обычно готовила, когда мне бывало паршиво.

– Тушеные овощи, курица гриль, картофель без масла и соуса и яблоко на десерт.

Я посмотрела на нее.

– Мне расплакаться сейчас или подождать, когда ты уйдешь?

– Мелли, пожалуйста, попробуй эту еду. Миссис Хулихан прекрасно готовит, и я знаю, что она все сделает очень вкусно.

– Без соли. Или настоящего десерта.

– Подумай о детях. – Мать в упор посмотрела на меня.

Я закрыла глаза. Жалость к себе любимой быстро сменилась стыдом.

– Хорошо... обещаю. Просто... мне нужно ко многому привыкнуть.

Мой взгляд скользнул ей за спину, к стене рядом с дверью в ванную, где, пока я была в больнице, кто-то поставил раскладушку с постельными принадлежностями.

– Это твоя?

– Нет, Джека. Он настоял на том, что будет спать здесь. Я занимаю гостевую комнату.

Я попыталась вспомнить что-то, что сказал Джек, пока я то погружалась в забытие, то выныривала из него, и по моим венам заструилось тепло. Увы, я смогла лишь вспомнить звук хлопающих дверей и настоятельное желание о чем-то его спросить.

Она открыла дверь спальни, и внутрь ворвался черно-белый меховой клубок. Вскочив на кровать, он устроился на своем обычном месте на моей подушке.

– Я полагаю, Генералу Ли можно? – спросила я.

– Конечно. Я спросила доктора Уайз, и она сказала, что он поможет тебе снизить кровяное давление. Ты должна гладить его как можно чаще.

Я потянулась, чтобы погладить шелковистую шерсть, но остановилась. Уши и хвост пса стояли торчком, глаза следили за движением там, где, по идее, не было никакого движения. Это жутко нервировало, потому что я не видела, что там такое, но еще больше нервировало то, что песик не лаял.

– Мама? – прошептала я.

– Я знаю, – прошептала она в ответ.

– Почему он не лает?

– Потому что он не чувствует угрозы, и ему кажется, что и ты тоже.

Генерал Ли запрокинул голову назад, как если бы у кровати стоял невидимый гость и смотрел на нас сверху вниз. А потом завертел головой, как будто что-то или кто-то чесал ему за ушами.

– Я чувствую запах роз, – тихо сказала мать.

Как только она произнесла эти слова, Генерал Ли перестал вертеть головой и заскулил, как будто внезапно его перестали чесывать. Но

за миг до этого я ощутила легкое прикосновение холодных пальцев к моей щеке.

– Это была Луиза, – с уверенностью сказала я, вновь вспомнив нежные руки на моем лице, когда вдалеке завывали сирены.

– Она здесь, чтобы защитить тебя, – сказала мать. Правда, тон ее голоса говорил об ином.

Наши взгляды встретились.

– Защитить... но от чего?

Мы несколько секунд смотрели друг другу в глаза, а затем она отвернулась.

– Я скоро вернусь.

– Мам?

Она снова повернулась ко мне.

– Будь добра, положи на мольберт несколько новых фломастеров и чистый блокнот. Я хочу составить блок-схему всей информации, которую мы собрали о Вандерхорстах.

– Конечно. Что-то еще?

Я кивнула.

– И если не возражаешь, пододвинь мой мольберт поближе. И положи у меня в ногах новый блокнот и ручки, чтобы я могла до них дотянуться. – Мать подняла мольберт и, поднеся его к кровати, внимательно посмотрела на таблицу, как будто увидела ее впервые:

– Смотрю, ты все еще планируешь рожать двадцать третьего марта.

Я кивнула.

– Я спрошу у доктора Уайз, может ли мое состояние вызвать более ранние роды, но если не услышу иное, то да. Двадцать третьего.

Мать странно улыбнулась мне и, бормоча что-то себе под нос, вышла за дверь. Я разобрала лишь два слова: «реальность» и «проверка». Я снова откинулась на подушку и закрыла глаза. На миг мне показалось, будто я чувствую сладковатый аромат роз.

Я проиграла на айпаде Нола свою четвертую игру в крестики-нолики, когда раздался легкий стук в дверь. Я подняла глаза. В дверном проеме возник Джек – босой, в белой футболке, подчеркивающей его пресс, и в клетчатых пижамных штанах. Он выглядел столь же потрясающе, как и в первый раз, когда я его увидела. Пока я была на постельном режиме, он переместил свой письменный стол в музыкальную комнату, где и он, и Нола в

совместной работе ощущали некую позитивную атмосферу. Нола объяснила это как обмен творческими соками. Я же сочла это нейтральным способом находиться в одной комнате без повода орать друг на друга.

С момента моего возвращения из больницы мы почти не виделись наедине. Похоже, Джек всеми силами этого избегал. Он помогал мне измерять кровяное давление, убирал подносы с едой, и даже спал на раскладушке – лишь после того, как я засыпала, – чтобы, если мне ночью вдруг понадобится помощь, всегда быть рядом. Я чувствовала его присутствие в доме, как мы, даже не глядя вверх, знаем при дневном свете, что где-то в небе светит солнце.

– Я думал, ты уже спишь, – сказал он почти виноватым тоном. Я покачала головой и с отвращением бросила на тумбочку айпад.

– Я надеялась, что эта глупая штуковина сжалится надо мной и даст мне выиграть хотя бы раз.

– С удовольствием дам тебе несколько советов о том, как выиграть. Все писатели, которых я знаю, профессионалы по части онлайн-игр, а все потому, что мы – мастера прокрастинации. Заодно могу научить тебя кое-чему про пасьянс и sudoku.

– Что ж, мне есть к чему стремиться. Вдруг в каком-нибудь игровом онлайн-чате я найду других прикованных к постели беременных.

– Вполне возможно, он рядом с писательским, – улыбнулся Джек и шагнул ко мне, но на кровать не сел. – Знаешь, если тебе не хочется посещать занятия для беременных, есть куда более простые способы этого не делать, нежели преэклампсия. Потому что это экстремально даже для тебя.

Я надула губы.

– Что же ты мне раньше не сказал, что у меня есть выбор? Теперь пыхтеть в одной комнате с десятком других беременных кажется мне даже прикольным.

Он поднял руку, как будто хотел дотронуться до меня, но затем опустил ее.

– Сочувствую, что ты на время застряла в постели. Но мы все здесь для того, чтобы помочь тебе.

Я кивнула.

– Знаю. Просто мне трудно сидеть без дела. Я должна продавать дома. Гулять с Генералом Ли. Или вот возьмем Рождество. К счастью, я к первому ноября уже купила все подарки и каталогизировала все, что было в моем подарочном шкафу, но пока ни один не упаковала. Возможно, мне даже не разрешат спуститься вниз, чтобы украсить елку, и уж точно меня не подпустят к индейке или ветчине. Или к пирогу с орехами пекан. – У меня тотчас потекли слюнки, и я умолкла.

– Ты купила все подарки еще до первого ноября? – медленно спросил он.

Я кивнула.

– Это мой дедлайн каждый год, и я ни разу его не пропустила. Обычно у меня все упаковано к десятому декабря, но боюсь, в этом году на это не придется рассчитывать.

– Ты понимаешь, что это ненормально?

– Для меня нормально.

Джек в упор посмотрел на меня.

– Если хочешь, я могу обернуть их вместо тебя. Школьником я помогал родителям в их магазине и умею завязать простенький бант. Где подарки?

Я указала на старый шкаф из красного дерева. Когда-то он был единственным хранилищем одежды в комнате, пока я не сломала стену, чтобы добавить ванную и гардеробную.

– Там.

Джек открыл дверцы и целую минуту стоял, ничего не говоря.

– Все полки промаркированы. Из маркировочного пистолета.

– Вообще-то, из пяти разных пистолетов, чтобы мне нанести цветную маркировку для конкретных людей, не перезагружая ленту. Моя мать золотая, отец серебряный, Софи зеленая, Нола пурпурная, а ты черный.

Джек повернул голову, ошарашенно на меня глядя, затем вновь вернулся к созерцанию моего шедевра.

– Ты сразила меня наповал. Это верх изобретательности.

– Спасибо, – сказал я, чувствуя себя лучше, чем за все предыдущие дни. – Полка внизу предназначена для коллег по работе и Рут из пекарни. Там я просто покрасила цветными фломастерами малярный скотч.

– Тебе место на телевидении, в реалити-шоу.

– Как в тех программах, где дают советы, как благоустроить дом?
Джек покачал головой.

– Нет, где показывают людей со странными навязчивыми идеями. –
Он наклонился и взял что-то с одной из полок. – Что это?

Я попыталась сесть, но сдалась и в результате плюхнулась на подушки и Генерала Ли.

– Это один из твоих подарков. Тебе не положено его видеть.

– Что это такое?

Он уже держал подарок в руках.

– Это кожаная картотечная коробка. Она растягивается. На обратной стороне твои инициалы, – робко сказала я.

Джек перевернул ее и пристально изучил три буквы.

– Очень приятно.

– На твоём рабочем столе вечно царит жуткий беспорядок, и я подумала, что это поможет тебе упорядочить твои заметки, когда ты работаешь. Таким образом, твои листы не будут разбросаны по всему столу.

Джек лукаво посмотрел на меня.

– Вообще-то, некоторым так лучше работается.

– Не понимаю, как такое возможно. Лично меня это бесит.

Он снова наклонился и взял небольшую обтянутую кожей коробочку с тисненой надписью «Ювелирный магазин Кругана».

– Что это?

Я сокрушенно вздохнула.

– Готова поспорить, что в детстве, когда твои родители не видели, ты крался вниз и открывал все подарки, а потом снова их заклеивал.

– А ты так не делала?

– Я была лишена такой возможности. Рождество в нашем доме было чем-то вроде случайности. У нас с отцом обычно даже не было елки. Наверно, именно по этой причине я слегка помешана на рождественских приготовлениях. Возможно, это звучит глупо, но в числе вещей, которых я больше всего жду как будущая мать, – это рождественское утро. Особенно когда дети еще маленькие. – Я помолчала. – Надеюсь, мы сможем решить эту проблему, чтобы нам не проводить с ними праздники по очереди. Поскольку Нола уже практически моя, а твои родители и мои – хорошие друзья, мы могли бы праздновать праздники и дни рождения вместе.

Джек посмотрел на коробку, но не раньше, чем я заметила выражение его глаз. Мне показалось, что он сердит. Или это просто игра света?

– Смотрю, ты уже все продумала. Ты и твое планирование. Тебе в пору быть пятизвездочным генералом.

В его голосе слышались резкие нотки, но прежде чем я успела спросить почему, Джек сказал:

– Могу я ее открыть? Тогда мне не придется ее заворачивать.

– Давай. Но завернуть ее я все равно тебя заставлю, чтобы ты снова открыл ее рождественским утром.

Он подошел к кровати и на этот раз сел, но очень осторожно, чтобы не прикасаться ко мне. Сняв с коробки крышку, он положил ее на сложенное покрывало, затем раздвинул папиросную бумагу и посмотрел на складную серебряную рамку. Я уже поместила в центр фото Нолы, а с обеих сторон ультразвуковые снимки близнецов. Джек долго и молча рассматривал их.

– Думаю, после рождения близнецов их можно будет заменить настоящими фотками. Хотя что-то подсказывает мне, что выбрать две самые лучшие будет трудно. Фотогеничность – семейная черта Тренхольмов. Даже снимки УЗИ и те милые. Клянусь, на одном из них ребенок улыбается в камеру. А фотка Нолы как будто взята с обложки Vogue. Я уже не говорю о фото на задней обложке твоих книг или на водительских правах. Интересно, кто делает такие хорошие снимки? Или это фотошоп?

Ничего не ответив, Джек продолжал рассматривать снимки. Не в силах выносить его молчание, я что-то залепетала, лишь бы заполнить тишину, а заодно заблокировать то, что он мне скажет. Уголки его губ приподнялись, но его улыбка была грустной.

– Когда я начинаю думать, что у тебя нет сердца, ты вдруг делаешь такие вещи.

Я оторопела. Что на это ответить? Я была одновременно уязвлена и тронута, и что бы я ни сказала, все было бы не то. И я промолчала. Джек встал, поставил коробку с рамкой обратно в шкаф и закрыл дверцы.

– У тебя наверняка есть еще один шкаф для оберточной бумаги, скрепок, фломастеров и тому подобного? – Джек поднес палец к

губам. – Не говори мне сейчас, подожди до завтра. На сегодняшний вечер мне хватит одной твоей привычки. Вторую мне не вынести.

Я прищурилась, глядя на него, но он уже подошел к раскладушке и лег.

– Джек?

– Ммм?

– Можешь выключить свет? Мне тяжело вставать с постели.

Он встал и пересек комнату, чтобы щелкнуть выключателем. Я подала глазами его обтянутый футболкой торс. Может, мне повезет, и я увижу его во сне? Выключив свет, Джек снова заполз на раскладушку. Я лежала неподвижно, прислушиваясь к его дыханию.

– Джек?

– Да, Мелли?

– Помнишь, как ты спал со мной в моей постели, чтобы нам обоим было удобнее?

– Да.

– Ты можешь сделать это снова. Если хочешь. Вряд ли тебе удобно на раскладушке. Ведь твоя спина понадобится тебе, чтобы поднимать ребенка.

Он ничего не сказал, но я услышала, как он встал с раскладушки, а затем почувствовала движение на другой стороне матраса.

Я затаила дыхание, ожидая, когда он придвинется ближе.

– Тебе удобно? – спросил он.

– Нет, – ответила я, обнаружив, что в темноте быть с ним честной гораздо легче.

Не говоря ни слова, он придвинулся ближе и прижал меня к себе. Взяв одну из маленьких подушек, которые теперь были неотъемлемой частью моей кровати, он без каких-либо подсказок с мой стороны принялся раскладывать их там, где им полагалось быть.

– А сейчас?

– Нормально, – сказал я, расслабляясь. – Джек?

– Ммм?

«Ты и вправду сказал, что любишь меня, или мне просто снилось?» Но даже вся тьма мира была бессильна заставить этот вопрос слететь с моих губ.

– Мы можем сделать это снова завтра вечером?

– Ммм.

– А послезавтра?

– Ммм.

– Но только не говори Ноле или моей матери, хорошо? Каждое утро мы будем ворошить простыни на раскладушке, чтобы никто не узнал.

Я ощущала спиной его дыхание.

– Мелли?

– Да?

– Спи. Я больше так не могу.

Даже когда дыхание Джека перешло в ритм глубокого сна, я долго не могла заснуть, гадая, что он имел в виду. Но затем закрыла глаза, прижалась к нему и заснула под звук детских ножек, бегающих взад-вперед по коридорам старого дома.

Глава 25

Я взяла тарелку с горохом и листовой капустой, тщетно пытаюсь найти в себе энтузиазм, необходимый для того, чтобы поднести вилку ко рту.

– Он намного вкуснее с большим количеством соли и жира.

Поставив тарелку на колени, Нола села на стул рядом с моей кроватью.

– Вряд ли я хочу точно знать, что такое шпик. – Она положила в рот немного гороха и пожевала. – В принципе, неплохо... тебе нужно попробовать. – Она ободряюще улыбнулась.

– Я подумала, что тебе понравится, потому что ты никогда не ела его таким, каким оно должно быть. Это все равно что есть шоколад, в котором нет сахара.

Она вытаращила на меня глаза.

– Почему же, ела. И это довольно вкусно.

– Неважно, – пробормотала я, кладя в рот немного гороха. Я не возражала против безвкусной диеты, которой придерживалась почти месяц, потому что она лучше всего подходила для моих детей.

Но это было первое января, и тарелка передо мной была ярким напоминанием обо всем том, от чего я добровольно отказалась и о чем забыла. До этого момента.

Нола сунула в рот листик зеленой капусты и едва не поперхнулась. Она быстро сделала глоток воды и покачала головой, словно пыталась избавиться от вкуса, который все еще ощущала.

– Фу. И как только люди могут это есть?

– Как я уже сказала, ее гораздо лучше готовить в жирном соусе. Но ты все равно должна доесть. Чтобы тебе в течение всего года сопутствовала удача. Это наша южная традиция.

Нола с подозрением посмотрела на капусту.

– Традиция или наказание?

– Если ты намерена и дальше жить в Южной Каролине, тебе нужно знать такие вещи. – Я глубоко вздохнула, вспомнив, чему меня учила бабушка примерно в это же время, когда я училась ходить. – Во время Гражданской войны, когда янки шастали по Югу, сжигая все, что

попадалось им на глаза, они не трогали лишь черноглазый горох и зелень, потому что считали их несъедобными для людей.

– И были совершенно правы, – буркнула себе под нос Нола, прежде чем сделать еще один долгий глоток воды.

– Южане были благодарны за то, что осталось, – продолжила я, – потому что это единственное, что спасло их от голодной смерти. Поэтому каждое первое января мы с благодарным сердцем и обновленным чувством надежды в наступившем году едим нашу зеленую капусту и горох.

– Ты действительно в это веришь? – с сомнением в голосе спросила Нола.

– Да, каждый Новый год дарит мне небольшую искру воодушевления и надежды, а также обновленное чувство цели. Особенно в этом году, так как я жду близнецов.

Поймав на себе ее скептический взгляд, я отодвинула тарелку.

– Ну хорошо. Я признаю, что голодание могло бы составить реальную альтернативу блюдам без соли и жира. Я бы даже ощутила чуть больше надежды и воодушевления, если бы к зелени и горошку полагалась хотя бы чуточка жира и соли.

Генерал Ли присел и, наострив уши, повернул морду к открытой двери спальни. Мы с Нолой слышали, как кто-то поднимается по лестнице. Пока мы ждали, когда в дверном проеме появится загадочный гость, пес издал пронзительный вой – обычно он приберегал его для тех, кого любил больше всего, или для тех, кто приносил собачий корм.

В следующий миг в дверном проеме возникла Ребекка – этакое эфемерное видение в розовом кашемире и твиде, с Пуччи на руках, причем на последней был такой же твидовый свитерок. Мы с Нолой тотчас поникли.

– Меня сейчас вырвет, – процедила Нола сквозь стиснутые зубы, что могло сойти за улыбку.

– Мелани! Нола! Как же давно я вас не видела! – Ребекка ворвалась в комнату в облаке запаха духов и лака для волос. Прежде чем я успела кашлянуть, она поцеловала меня в обе щеки, а потом и Нолу. – Меня впустила твоя мама. Она сказала, что тебе нужен гость, чтобы поднять настроение.

Мы с Нолой устроили грандиозное шоу, собирая и ставя в стопку тарелки, лишь бы не отвечать ей, а Пуччи и Генерал Ли возобновили знакомство, обнюхав друг у друга под хвостом. Не спрашивая разрешения, Ребекка перетащила от окна низкое мягкое кресло и поставила его рядом с креслом Нолы.

– Не могу передать, как я разочарована, что ты не сможешь быть на моей свадьбе, Мелли. Для нас с Марком важно, чтобы наши семьи играли большую роль в нашей свадьбе. Не переживай, ты еще можешь стать крестной одного из наших детей. – Она многозначительно посмотрела на мой живот, который я тщетно пыталась прикрыть руками. Я пока не думала о крестных, но в одном была почти уверена: Ребекка точно не будет одной из них.

– Как мило, – сказала я.

Похоже, она меня не услышала, поскольку пристально смотрела на Нолу.

– Какой у тебя размер? Двойка? Или четверка? Думаю, ты могла бы вписаться в платье Мелани...

Нола резко встала, стул качнулся и со стуком опустился на ножки.

– Пойду отнесу эти тарелки на кухню. И у меня куча домашних заданий...

– Я думала, у тебя еще как минимум неделя рождественских каникул, – сказала Ребекка.

– Верно, но в Эшли-Холле строгие порядки. Вы не представляете, сколько нам всего задают на каникулы.

Она взяла поднос и, улыбнувшись нам, пятясь, вышла за дверь. Она уже спускалась по лестнице, когда мне показалось, будто я услышала ее затухающую литанию:

– А потом еще подоить коров, вспахать поле, вымыть полы...

– Милая девочка, – сказала Ребекка, отвлекая мое внимание. – Возможно, слегка взбалмошная, но милая. Это из-за того, что она росла в Калифорнии.

Я зевнула, не пытаясь даже скрыть зевок.

– Извини, – сказал я. – Но, кажется, мне пора вздремнуть.

Ребекка рассмеялась.

– Мои мама и бабушка тоже любят вздремнуть днем. Похоже, я для этого еще недостаточно взрослая.

Я была благодарна моему животу за то, что он не дал мне наброситься на нее и раздавить, как насекомое.

– Очень жаль, – сказала я вместо этого, – что я не смогу присутствовать на твоей свадьбе. Даже мои родители отложили свадьбу до тех пор, пока не родятся малыши, чтобы я могла принять участие. Я, конечно, не ожидаю этого от тебя, – быстро добавила я, чтобы не давать ей никаких идей, – но я заплачу за свое платье, поскольку мы уже его заказали.

Ребекка улыбнулась, и у меня возникло очень даже нехорошее предчувствие относительно цели ее визита.

– Вообще-то, – медленно произнесла она, – еще не все потеряно, и у тебя будет повод его надеть. Это самый красивый оттенок розового, и, если мы немного распустим швы, чтобы оно отличалось от платьев подружек невесты, думаю, это может сработать.

– Что именно может сработать?

Ребекка просияла.

– Поскольку мы практически сестры, я подумала, что могу попросить тебя об этом одолжении. Вообще-то, это идея Марка, но поскольку у тебя и у него есть... история, мы подумали, что будет лучше, если попрошу я.

Но тут зажужжал мой телефон. Я посмотрела на экран: звонил детектив Райли. Мы говорили с ним почти ежедневно, но не лично. Два раза, когда он приходил ко мне домой, Джек маячил за его спиной, как надзиратель, а во второй раз даже улегся на раскладушку и притворился, что спит, пока мы с Томасом разговаривали. Это было неловко и страшно меня нервировало, и мы договорились, что во время моей беременности мы будем общаться по телефону, если только мне не будет точно известно, что Джека не будет дома хотя бы еще час.

Сделав мысленную заметку перезвонить ему позже, я отключила звук и снова посмотрела на Ребекку.

– Извини. Ты, кажется, просила об одном одолжении? Если ты хочешь одолжить на день свадьбы что-то из семейных украшений, я не против.

– Вообще-то мы хотим одолжить твой дом.

Я на миг утратила дар речи, пытаюсь сложить ее слова в понятный для меня порядок.

– Прости, что?

С другой стороны кровати, вне поля нашего зрения, донеслась какая-то возня, но я пыталась вникнуть в слова Ребекки и не уделила ей должного внимание.

– Это такая классная идея! И как я только не додумалась до этого с самого начала! – Ребекка буквально подпрыгнула на стуле. – Потому-то именно благодаря тебе и этому дому я познакомилась с Марком, и мы подумали, что это будет идеальное место для репетиционного ужина.

– Репетиционный ужин, – повторила я, дабы убедиться, что правильно ее расслышала.

Ребекка несколько раз кивнула, чем напомнила мне болванчика на приборной доске автомобиля.

– Да! Разве это не потрясающая идея? Мы уже внесли залог в яхт-клубе, но с радостью забудем о нем, потому что репетиционный ужин в твоём доме будет вишенкой на торте наших свадебных планов. Тебе даже пальцем не придется пошевелить. Наш свадебный организатор позаботится обо всем – наймет официантов, доставит закуски и напитки, сделает украшения, возьмет на себя уборку и все подготовительные работы. От тебя требуется лишь улыбаться.

Ее взгляд скользнул по моему животу.

– Я попробую уговорить портниху в свадебном магазине, чтобы она сшила широкий кушак или что-то вроде того, чтобы немножко тебя стянуть. Создать тебе талию.

Между тем звуки по другую сторону кровати становились все более неистовыми, но мои мысли были заняты желанием схватить подушку и швырнуть в нее, притворившись, что это вышло случайно.

– Вообще-то, Ребекка, мне нельзя вставать с кровати. Я могу встать лишь для того, чтобы пойти в туалет или сесть и поесть. Все остальное время я должна лежать на боку.

Ребекка встала и направилась к раскладушке. Она была настолько погружена в свои мысли, что даже не спросила, что, собственно, эта раскладушка здесь делает.

– Это было бы идеально! Тебя – вроде Клеопатры! – можно спустить на ней по лестнице вниз и переносить из комнаты в комнату вместе с гостями.

Мне ужасно захотелось, чтобы она ушла. Иначе я буду вынуждена совершить акт насилия и даже не смогу притвориться, будто сожалею о нем.

– Нужно подумать. Может, поговорим об этом позже?

Она вернулась в кресло. Выражение ее лицо было серьезно.

– Кто знает, вдруг это будет твой последний праздник в этом доме? Так почему бы не устроить грандиозный прощальный вечер – чтобы все мерцало и блестело, как когда-то, когда дом был новым. Что-то такое, что запомнилось бы на всю оставшуюся жизнь.

Я прищурилась.

– Тебе известно что-то такое, о чем ты мне не говоришь?

Ребекка сделала невинные, круглые глаза.

– Ничего подобного я не читала и не слышала. Я, затаив дыхание, жду вместе со всеми, каковы будут результаты анализа ДНК. Но мне приснился особенный сон. Это еще одна вещь, которую я хотела тебе рассказать. Но только после того, как ты дашь согласие на репетиционный ужин.

– Пытаешься меня подкупить? Типа «мы все одна семья»?

– Мелани, из нас двоих именно я всегда помню, что мы родственницы. Я вечно вынуждена напоминать тебе об этом. Знаю, мы не родные сестры, но и не чужие люди. Мы с Марком оба считаем, что репетиционный ужин в твоём доме – это лучший выбор. Просто я подумала, что тебе понадобится небольшой... стимул.

Я откинулась на подушки. Как жаль, что в тот момент у меня в руках не было гигантской мухобойки, чтобы просто прогнать ее. Но где-то глубоко внутри меня, под толстым слоем раздражения, таилось печальное осознание того, что, возможно, Ребекка права. Вдруг это и вправду последняя вечеринка, встреча семьи и друзей в этом доме, который я совсем недолго называла своим, хотя теперь казалось, что всю жизнь.

– Ты обещаешь, что мне не придется ничего делать? – со вздохом спросила я. – Потому что я действительно не могу. И нет никакой гарантии, что призраки будут вести себя спокойно.

Она вновь запрыгала на стуле.

– Не волнуйся, я с ними справлюсь. – Она протянула руки и обняла меня, затем села. – Значит, договорились?

Я вздохнула, не видя альтернативы и не имея ни воли, ни сил, чтобы с ней спорить.

– Как скажешь, – ответила я, не без злорадства наблюдая, как она мысленно переводит. – Так о чем был твой сон?

Она придвинула стул поближе к кровати, как будто призраки не услышат ее, если она прошепчет свой рассказ мне на ухо.

– Мне снова приснилась эта женщина. Та, которую я видела раньше, с колыбелями.

Я ощутила укол разочарования.

– И это все? Ты просто снова видела женщину с двумя колыбелями?

Ребекка покачала головой.

– Вроде как. Только на этот раз было три колыбели. И в одной из них был ребенок.

– И все колыбели были одинаковыми?

Она медленно кивнула.

– Все три черные, с кручеными шпинделями и полозьями в виде эгреток. – Она сделала большие глаза. – Там была еще одна новая вещь.

Ее лицо было совсем близко к моему, и я чувствовала ее дыхание.

– Какая? – прошептала я.

– Она что-то держала в руке, лист бумаги. На нем было много строк, что-то вроде официального бланка, свидетельства о рождении или типа того, но я не смогла ничего прочесть. Она все время подносила его к моему лицу и указывала на подпись внизу. В общем, я не смогла прочесть и потому надеялась, вдруг ты знаешь, в чем тут дело. Не хочу, чтобы она вернулась и мешала мне спать. Не хватало мне темных кругов под глазами на фотографиях моей помолвки.

– Слава богу, есть фотошоп, – сказала я, переваривая услышанное.

– Извини?

Я вернулась к Ребекке.

– Я сказала, что ты всегда хорошо выходишь на фотографиях.

Столик с другой стороны кровати заходил ходуном под аккомпанемент громкого сопения и воя. Хрустальная лампа на столе задрожала.

Ребекка вскочила на ноги.

– Что, черт возьми?.. – Она шагнула к кровати и вскрикнула: – Пуччи!

В тот самый момент, когда я поняла, что не могу быстро встать с постели, чтобы помочь, до меня дошло, чем, собственно, занят Генерал Ли. Я с ужасом повернулась к Ребекке.

– Он ее?..

– Генерал Ли! – вновь взвизгнула Ребекка и наклонилась ниже.

Я как будто смотрела фильм, где нижняя половина экрана была заблокирована, то есть слышала визг маленькой собачонки, рычание другого пса и вопли Ребекки, наблюдая, как она подпрыгивает вверх-вниз, как будто в поисках удобной позы, чтобы спасти свою любимицу.

Где-то вне поля моего зрения раздался свирепый рык. Ребекка отпрыгнула. Я представила Генерала Ли, грозно охраняющего свои владения, и едва не рассмеялась.

– Может, им лучше не мешать. Пусть себе закончат... – предложила я, но под ядовитым взглядом Ребекки тотчас умокла.

Не говоря ни слова, она схватила одну из подушек и двинулась к невидимой любовной паре, но затем резко остановилась.

– Кажется, они уже закончили, – сказала она. Бросив подушку, она наклонилась и подняла Пуччи. Мне показалось, что собачонка выглядела вполне счастливой и ничуть не сожалела о содеянном.

– Тебе найти пару сигарет?

Она посмотрела на меня.

– Мне казалось, ты говорила, что твой пес старый!

– Верно. Но старый не значит мертвый, Ребекка. Ты только посмотри на моих родителей!

С омерзением взглянув на моего песика, Ребекка бросилась к двери.

– Могу только надеяться, что последствий не будет. – Она выразительно посмотрела на мой живот. Сделав глубокий вздох и выждав момент, чтобы собрать нервы в кулак, она добавила: – Мой свадебный менеджер позвонит тебе. Его зовут Даниэль – без фамилии, просто имя. Как у Мадонны.

– Мне казалось, ты сказала, что мне не нужно ничего делать... – начала было я, но она уже проскользнула в дверь и зашагала к лестнице.

Я со вздохом откинулась на подушки, но тотчас резко поднялась, вспомнив наш с Софи разговор во время прогулки по Батарее. Она упомянула фамилию подруги Камиллы, Шарлотты, и эту фамилию я уже где-то слышала.

Тогда я не смогла этого вспомнить. Но теперь, после того, что мне сказала Ребекка, я подумала, что знаю. Осторожно перекатившись в сидячее положение, я потянулась к папке, которую дала мне Ивонна и которую я положила на мольберт. Я уже начала составлять хронологическую таблицу собранной нами информации, но того, что я искала, там не было.

Я начала листать бумаги, пока не нашла копию свидетельства о смерти Камиллы. Пробежав пальцами по странице, я остановилась в самом низу, где жирными черными чернилами стояла подпись врача, подтвердившего факт смерти. Роберт Прингл.

Вдоль моего позвоночника как будто начали вырастать ледяные кристаллы. Я пролистала еще несколько страниц, пока не нашла второй лист бумаги – более позднее дополнение, которое Софи попросила Ивонну положить в папку. А именно копию открытки, которую Камилла Вандерхорст отправила матери во время медового месяца в Италии – той самой, в которой она упомянула имя своей подруги, сопровождавшей ее и мужа.

Там, написанное элегантным почерком Камиллы, значилось нужное мне имя: Шарлотта Прингл. Я вернулась к началу папки, где Ивонна поместила генеалогическое древо Вандерхорстов. Я нашла Джона и его единственного потомка Уильяма. И там, на одной ветке с Джоном, были имена двух его жен, Камиллы и Шарлотты.

Это вполне могла быть другая Шарлотта. Прингл – распространенная фамилия в Чарльстоне. Вдруг это просто совпадение? Но как любил напоминать мне Джек, совпадений не бывает.

Я не отдавала себе отчета в том, что произнесла эти два имени вслух, пока лампа на прикроватной тумбочке не начала качаться. Я крикнула было Генералу Ли, чтобы он прекратил, но увидела, что этот негодяй свернулся клубочком на полу у моего туалетного столика.

Я испуганно повернулась к лампе. Та продолжала раскачиваться из стороны в сторону, все быстрее и быстрее. Затем, на миг застыв на ободке медного основания, она качнулась в обратном направлении с

такой силой, что упала и, с громким стуком ударившись о стол, разбилась на деревянном полу.

Джек, моя мать и Нола были в дверях в считанные минуты, а несколько мгновений спустя за их спинами, тяжело дыша, появилась миссис Хулихан. Джек шагнул к кровати и начал ощупывать меня, как будто хотел убедиться, что я цела, моя мама и Нола обошли кровать и заметили лампу.

– С тобой все в порядке? – спросил Джек.

Я кивнула.

– Да, все в порядке... правда.

Потирая руки, миссис Хулихан подошла к окну.

– Ну и холодина здесь у вас.

Моя мать подняла с пола верхнюю половину лампы. Мы все уставились на абажур – тот как будто был исцарапан чем-то похожим на когти. Или на острые ногти разъяренной женщины.

– Что случилось? – спросила она, хотя по ее лицу было ясно, что она уже обо всем догадалась.

В меня вопрошающим взглядом впились три пары глаз. Миссис Хулихан тем временем проверяла оконные замки и раздвигала шторы, чтобы удостовериться, нет ли трещин.

– Боюсь, все стало немного сложнее, – ответила я, глядя на Джека.

Глава 26

В последнюю неделю февраля детектив Райли сообщил мне, что лаборатория судебной экспертизы наконец приступила к работе с ДНК, полученной во время эксгумации Невина Вандерхорста, и что результаты будут вот-вот готовы.

Я не стала рисковать здоровьем младенцев, задавая вопросы и настраивая против себя призрака, которого я все еще не могла видеть и чье беспокойное присутствие ощущала рядом со мной почти ежедневно, но моя беременность была временным явлением.

Лежа в постели в ожидании дня, когда мои близнецы появятся на свет, я не могла избавиться от ощущения, что дом и его призраки тоже ждут.

Я все еще соблюдала постельный режим. Малыши росли, а я потолстела еще больше, чем в прошлом месяце. Моя мать и Амелия занялись обустройством детской, в том числе добавили новый шкаф для хранения множества детских подарков от родственников и друзей, а также полученных на празднике, который для меня устроили Нэнси Флаэрти и Джойс Челлис. Я думала, что расстроюсь, что отдала обустройство детской в руки будущих бабушек, но затем поймала себя на мысли, что это даже к лучшему, так как освобождает меня от необходимости тащить на себе этот груз. Возможно, предстоящее материнство меняло меня вопреки мне самой.

Чтобы остаться в здравом уме, я старалась строго придерживаться режима, каждый день ела и ложилась спать в одно и то же время, звонила по делам, говорила со своими коллегами, которые вели дела с моими клиентами, и обновляла свои таблицы. После каждого осмотра у доктора Уайз я дотошно записывала свой вес и статистику внутриутробного развития малышей, а также данные моего кровяного давления и анализов мочи. Я составила списки детской одежды, полученной нами в подарок, количество имеющихся подгузников, рейтинги безопасности для каждой единицы детского инвентаря, который у нас был или будет в течение первых пяти лет жизни близнецов.

Я даже написала адреса на всех конвертах с объявлением о рождении и проштамповала их. Нам оставалось лишь еще раз позвонить в типографию и указать имена и вес малышей после того, как они родятся. Я пыталась уговорить тамошних работников напечатать дату рождения, но те отказались.

Я заполнила три больших ватманских листа всем, что узнала о Вандерхорстах и доме с тех пор, как были обнаружены останки ребенка – три крестильных платяца и чепчики, сверток, который отправили по почте сто лет назад и лишь недавно доставили к моему крыльцу. В углу я поместила младенца Уильяма и его физически уродливого брата Корнелиуса и провела от их имен линию к имени Камиллы, а также добавила дату ее смерти в 1861 году в сумасшедшем доме. Под именем Камиллы я печатными буквами на одной линии написала имя Джона и имя Шарлотты, и вопросительный знак, соединяющий Шарлотту с доктором Робертом Принглом. Их связь – если таковая существовала – оставалась неуловимой, хотя и Софи, и Ивонна отказывались признать поражение.

Все эти кусочки и фрагменты напомнили мне игру, в которую я когда-то играла с бабушкой: мы вставляли длинные тонкие палочки в прозрачную канистру, а сверху клали шарики. Одну за другой мы тянули палочки, стараясь при этом не уронить шарики. Однако в этой игре все палочки были вопросами, а шарики – ответами. И сколько палочек я ни тянула, шарики упорно оставались на месте.

Услышав еще один удар и возню на чердаке, а затем голос моей матери, указывавшей Джеку и моему отцу, куда что-то положить, я взглянула на потолок. Мать решила, что сейчас самое время прочесать чердак, чтобы в последнюю минуту найти еще какие-нибудь вещи для детской. Я не возражала, при условии, что все, что она принесет, не будет иметь довесков.

Ее каблуки процокали по лестнице, что вела на чердак, а затем по коридору в мою комнату. В руках у нее было нечто похожее на полированный деревянный ящичек размером с подушку, который когда-то мог быть ящиком для сигар. Затянутой в перчатку рукой она вытерла дно ящика и поставила его в изножье моей кровати.

– Странно, что при всем твоём ОКР, ты оставила чердак в таком беспорядке, – сказала она, убирая со лба прядь темных волос.

– Нет у меня никакого ОКР. Джек нарочно говорит так, чтобы меня позлить. Но так и быть, я отвечу на твой вопрос. Я отчасти навела там порядок. Прежде чем ремонтировать крышу, я попросила Амелию и Джона забрать все, что им покажется ценным, и назвать мне примерную цену. Многие из этих вещей все еще в их магазине, и Амелия ждет, когда я решу, что с ними делать. Я также избавилась от большой головы буйвола, потому что она начала вонять голубиными фекалиями. Все остальное я не стала трогать. Непросто совмещать ремонт дома, работу и беременность.

Мать подняла брови, как будто знала, что я говорю лишь часть правды.

Я вздохнула.

– А еще там довольно страшновато. Вандерхорсты никогда ничего не выбрасывали. Подозреваю, что многие из них предпочли остаться на чердаке со своими любимыми вещами. Как эта колыбель. Которую, к твоему сведению, я не поставлю даже рядом с моими детьми.

– Даже не стану спорить. К тому же твой отец уже почти закончил делать колыбельки. Можешь не волноваться – они соответствуют всем нынешним требованиям безопасности. А вот голове Амелии придется поболеть. Она хочет заказать постельное белье ручной работы, которое бы также соответствовало современным стандартам. Если хочешь, я сделаю для тебя таблицу.

– Очень смешно. Кстати, никто не звонил или не приносил колыбель Маниго, которую Джулия оставила мне по завещанию? На меня свалилось столько колыбелей, что я напрочь забыла про одну из них.

Мать покачала головой.

– Нет, но я выясню. – Она на миг задумалась. – Кстати, любопытно, почему Джулия Маниго завещала ее тебе? Я даже не буду пытаться угадать, откуда она узнала, что ты беременна, однако она догадалась, что тебе понадобится еще одна колыбель.

– Вообще-то еще одна колыбель мне не нужна – вторая находится в музее. Джулия вполне могла предположить, что я потребую, чтобы музей вернул колыбель законному владельцу, пока тот в ней нуждается. – Я на мгновение задумалась. – Что наводит на мысль о том, что она завещала мне третью колыбель не просто так. – Я пожалала

плечами. – Кто знает? Это полная бессмыслица, и чем больше я думаю, тем больше запутываюсь.

Мать с ласковой улыбкой на лице села на край кровати.

– Думаю, именно такие разговоры сводят твоего отца с ума. Если это не имеет смысла для нас, то для него его еще меньше, так что давай пока оставим этот лакомый кусочек про Джулию при себе, договорились?

Наверху снова раздался скрежет и стук. Моя мать посмотрела на потолок.

– Твой отец нашел под брезентом, который, должно быть, остался после ремонта крыши, несколько картин в ящиках. Он отвезет их в магазин Тренхольмов, чтобы узнать, стоят ли они чего-нибудь. Можешь взглянуть на них первой, вдруг тебе захочется что-то оставить себе, но твой отец надеется продать большую их часть.

– Зачем ему их продавать? Учитывая ситуацию на сегодняшнем рынке, не лучше ли придержать их, подождать, когда экономика улучшится.

Мать молчала, и в мою душу на цыпочках прокралось сомнение.

– Ему не терпится поскорее вернуть твои щедрые кредиты фонду. Мы с ним знаем, как глубоко тебе пришлось запустить руку в свои личные счета, чтобы оплатить несколько недавних ремонтов. Он распродал часть активов фонда, но, к сожалению, их сегодняшняя рыночная стоимость совсем не та, на которую он надеялся. Он ждал удобной возможности, чтобы распродать еще больше, но одновременно надеялся, что картины помогут ему вернуть тебе деньги, что также даст нам небольшую передышку.

Я сохранила на лице бесстрастное выражение, пытаюсь подавить тревогу.

Без стабильного дохода из-за отсутствия на работе мои собственные счета постепенно скукоживались, и я уже начала беспокоиться о том, как буду сводить концы с концами, если в течение следующих шести месяцев я не продам еще один дом.

– У меня достаточно картин на стенах. Скажи папе, пусть он поступит так, как сочтет нужным. Если дело примет серьезный оборот, можно будет попросить Тренхольмов оценить и кое-что из того, что уже висит на стенах.

Мать встретилась со мной взглядом, как будто тоже почувствовала, как по комнате пронесся ледяной ветер. Она подняла деревянный ящик и поставила его себе на колени.

– Мы нашли сундук Луизы, где вы с Джеком обнаружили ее фотоаппарат и альбомы. Там же я нашла и вот это – под старым граммофоном. – Она сняла с коробки крышку и положила ее на кровать рядом с собой. Сунув руку внутрь, она вытащила серебряную рамку, потускневшую, с черным пятном. – Думаю, это тоже ее снимки, но они не попали в ее альбомы, потому что были в рамке. Возможно, ее муж упаковал их после того, как она исчезла, в попытке забыть о ней.

Я села, вспоминая свой разговор с Ивонной о тяге женщин к гнездованию перед рождением ребенка.

– Луиза пожертвовала музею одну из колыбелек и кучу бесполезных бумаг примерно в то время, когда родился Невин, в 1922 году. Странно, почему она не прибрала остальную часть чердака. Чего стоит эта буйволиная голова! Ивонна нашла упоминания о поездке на охоту в Монтану в 1880-х годах, откуда, как мы предположили, она и взялась. Голова определенно была здесь, когда Луиза занималась уборкой.

– Ребенок мог родиться раньше, чем она закончила, – предположила моя мать. Я почти не слышала ее, будучи погружена в собственные мысли.

– Но зачем ей понадобилось жертвовать всего одну колыбель? Она была уроженкой Чарльстона и наверняка видела генеалогическое древо Вандерхорстов, щедро увешанное близнецами. По крайней мере, до Уильяма. Согласно этому генеалогическому древу, тот был единственным ребенком, как и его собственный сын. Хотя вряд ли этого было достаточно, чтобы убедить ее, что у нее самой не будет близнецов ни при первой, ни при последующих беременностях.

Моя мать на миг задумалась.

– Луиза в девичестве носила фамилию Гиббс. Возможно, она подумала, что, поскольку ее муж женат не на кузине, у них, вероятно, не будет никаких близнецов.

– Или же она знала нечто такое, чего не знаем мы. Возможно, во время уборки она что-то нашла на чердаке. Это могло бы объяснить, почему она не довела ее до конца. – Мать начала тереть большими

пальцами темное пятно на рамке, пока под ним не блеснуло серебро. Эх, если бы раскрыть спрятанную в этом доме правду было так же легко!

– Розы вернулись, – сказала она едва слышным шепотом.

– Луиза?

Она кивнула.

Укол разочарования, который я ощущала всякий раз, когда мне напоминали о потере моего экстрасенсорного дара, на этот раз оказался куда болезненнее. По мере приближения даты родов я хотела знать, что Луиза где-то рядом. Она была единственным духом в доме, который, казалось, не просто наблюдал и ждал. Я же невольно задалась вопросом, уж не топот ли ножек Невина, бегущего по коридору, я слышу каждый вечер перед сном. В попытке стряхнуть с себя грусть, я указала на рамку.

– Что ты нашла?

Мать повернула рамку, и я увидела внутри нее старое черно-белое фото.

– По-моему, ранний отпечаток, сделанный с портрета двух младенцев. Если присмотреться, можно увидеть отметки на холсте.

Я схватила с прикроватного столика очки для чтения – мой толстый живот сделал меня за последние месяцы гораздо менее тщеславной – и водрузила себе на нос. Ее палец в перчатке постучал по стеклу.

– Тот, кто сделал этот снимок и поместил его в рамку, написал на обратной стороне – Джон и Генри. И на них одинаковые крестильные платица.

Я кивнула.

– Платица одинаковые – и точь-в-точь как то, что лежало в свертке, который оказалось на моем пороге. Чепчики тоже. – Медленно двигая пальцем по стеклу, я рассматривала круглые детские мордашки, как будто что-то в разрезе глаз или линии подбородка могло сказать мне нечто такое, что мне полагалось знать.

Моя мать снова полезла в коробку и вытащила еще одну потускневшую рамку.

– А вот это, должно быть, малыш Невин. Очень похож на маленького мальчика за пианино на фотографии на первом этаже. Да и период времени тоже подходит.

– Да, – ответила я, рассеянно кивнув. Мое внимание было приковано к крестильному платицу на ребенке. – Можешь вынуть фото из рамки?

Мать покачала головой.

– Я пыталась. Оно прилипло к стеклу, и я боюсь его испортить. Но я посмотрела на обороте, и там ничего не написано. – Она протянула мне рамку.

Внимательно изучив снимок, я посмотрела на мать.

– И платье, и чепчик определенно соответствуют тем, что были на Джоне и Генри. Для сравнения я могу вытащить платице из свертка, но я уверена, что оно точно такое же.

– Но если одно платье было замуровано в фундаменте, а другое в 1860 году уехало на север вместе с Корнелиусом, почему одно из них на Невине?

– Потому что, – медленно произнесла я, вспомнив, как стояла рядом с Ивонной, когда та вынула из архивной папки старую квитанцию, – в 1860 году в магазине Сьюзан Бивенс, в том же магазине, где были куплены первые два, был сшит третий комплект из платья и чепчика. Я видела квитанцию. Его заказал К. Вандерхорст.

Я сняла с носа очки и, глядя на коробку, принялась протирать их краем простыни.

– Там есть что-то еще?

Моя мать покачала головой.

– Только эти две фотографии в рамках.

– Что заставляет меня думать, что они оказались в коробке не случайно, а не просто их наугад собрал и сунул в коробку муж Луизы. Такое впечатление, будто их спрятали нарочно.

– Но почему? – спросила моя мать, сделав большие глаза. – И кто?

В следующий миг мы обе как по команде повернули головы, услышав, как в ванной из открученного на полную мощность крана хлещет поток воды.

– Что за?..

Моя мать встала и шагнула к двери ванной. Та с громким стуком захлопнулась буквально у нее перед носом.

Она посмотрела на закрытую дверь. Между тем вода продолжала течь, и мы обе не знали, что делать. Моей первой мыслью было, что ванна и раковина не заткнуты пробками, иначе вода перельется, и на

потолке первого этажа останутся мокрые пятна, а на новый потолок у меня просто нет денег. Я одернула себя – с каких это пор я стала как Софи? Мать стояла, наклонив голову. Глаза ее были закрыты, как будто она к чему-то прислушивалась.

– Что это? – спросила я. Мать поднесла палец к губам.

– Я чувствую запах роз, – тихо сказала она. – Но она не одна.

Мы с ней снова посмотрели на дверь. В следующий миг щелкнула задвижка. Дверь медленно открылась, и из дверного проема, словно выдох, вырвалось облачко пара.

– Подожди, – сказала я, осторожно скатываясь с кровати.

Мать подняла руку.

– Пока не входи. Думаю, их больше нет, но я хочу убедиться.

Положив руки на живот, я кивнула, глядя, как мать входит в ванную. А еще мне показалось, будто я ощутила в животе легкую боль, более сильную, чем удары крошечных пяток, к которым я уже привыкла. Подождав секунду, я сделала глубокий вдох и прислушалась, как мать ходит по ванной.

– Луиза была здесь, – сказала она из ванной. – Но и тот другой тоже. У меня создалось впечатление, что они спорили. Не знаю о чем. – Она умолкла, а когда заговорила снова, то почти крикнула: – Мелли! Думаю, тебе стоит зайти сюда.

Я, насколько позволял мой живот, поспешила в душную ванную, но тут же замерла на месте, чтобы отдышаться, почувствовав, как изнутри меня сжал очередной приступ боли. Мать взяла меня за руку и, подведя к длинной мраморной тумбе, указала на зеркало над ней.

Там, на запотевшем от пара стекле, скорее всего тонким пальцем, было написано одно слово:

«Мое».

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но меня отвлекла вода под моими босыми ногами.

– О нет! Они затопили ванную.

Но вместо того, чтобы броситься к ванне или раковине и вытащить пробку, моя мать шагнула ко мне и приподняла подол моей ночной рубашки.

– Я так не думаю, Мелли. – Она опустила подол и одарила меня странной улыбкой. – Похоже, что у тебя начались роды.

Глава 27

Я вместе с матерью сидела на заднем сиденье минивэна. Джек на черепашьей скорости ехал по улицам Чарльстона, хотя утверждал, что летит на всех парусах. Мой отец и Нола ехали в его машине позади нас. Отец мигал фарами и гудел клаксоном, словно карета скорой помощи. Мне оставалось лишь надеяться, что полиция не остановит его за неосторожное вождение. Несмотря на постоянные схватки, которые теперь скручивали меня каждые пять минут, я все еще отрицала, что у меня роды.

– Но ведь сегодня не двадцать третье марта, – продолжала настаивать я, пока мать и Джек не притворились глухими. Я сменила тактику. – Еще рано, – заявила я. – Младенцы еще слишком маленькие.

Моя мать с сомнением посмотрела на меня.

– Когда доктор Уайз в последний раз осматривала тебя, она сказала, что, по ее мнению, младенцы весят больше шести фунтов. Когда ты родилась, в тебе было шесть фунтов четыре унции и с тобой все было хорошо.

Они с Джеком обменялись взглядами в зеркале заднего вида. Я была вынуждена их проигнорировать, потому что последовала новая схватка. Когда она была закончена, я ахнула:

– Где мой телефон? – спросила я, когда боль отпустила меня. – Я должна позвонить маникюрше и отменить... – Я не договорила, так как мне в голову пришла другая мысль. – Вы позвонили доктору Уайз, чтобы она приготовила эпидуральную анестезию, как только мы приедем на стоянку?

Моя мать взяла меня за руки.

– Сначала она должна тебя осмотреть. Когда мы туда доберемся, у тебя уже может быть полностью раскрыта шейка матки, а значит, времени на эпидуральную анестезию не будет. Младенцы просятся наружу, и нужно просто смириться с этим.

Я со злостью посмотрела на Джека.

– Они явно пошли в отца. Вот уж кто привык всеми командовать.

– Что? Я привык всеми командовать? На какой планете ты жила последние два года, Мелли?

Ответить мне помешала очередная схватка. Моя мать взглянула на часы.

– Они стали чаще, – спокойно сказала она. – Не волнуйся, мы почти на месте.

Я прижалась головой к спинке сиденья.

– Я не готова! В моем календаре куча всего, что я должна сделать, прежде чем здесь родятся дети. Мне нужно привести в порядок их ящичек для носочков... вы видели, сколько их и какие они крошечные? И я еще не решила, какую систему хранения игрушек мне заказать – каталоги все еще лежат в корзине у моей кровати. – Я закрыла глаза. – А дошкольные учреждения! Я все еще собираю брошюры. И когда только я успею все это сделать?

Моя мать крепко сжала мои руки.

– Мелли, не забывай, ты не одна. У тебя масса родственников, всегда готовых тебе помочь. И разве мы все всегда успеваем? Скоро ты узнаешь на собственном опыте, что иногда проще махнуть рукой и ничего не брать в голову. Возможно, так тебе даже больше понравится.

Я в панике посмотрела на нее, а в следующий миг мое тело скрутила волна боли, более мощная, чем любая из предыдущих. Я посмотрела на затылок Джека.

– Поторопись, – прошептала я, задыхаясь. – Я не хочу рожать в минивэне!

Возможно, виной всему было мое воображение, но мне показалось, что мотор взвыл и минивэн как бешеный устремился вперед. Я села прямо: меня в панику привела еще одна мысль.

– Мы даже не определились с именами!

– Неправда, определились, – поправил меня Джек. – Два имени для девочек и два имени для мальчиков. Ты записала их в блокнот и на всякий случай сунула его в мой бардачок.

Я покачала головой.

– Нет, я имею в виду их фамилию. Мы даже не обсуждали ее.

– Почему же? Обсуждали, – твердо заявил он. – Сразу после того, как ты сказала мне, что беременна.

Почувствовав приближение новой схватки, я сжала руками живот.

– В тот раз мы не говорили об именах...

Вновь почувствовав напряжение в мышцах, я не договорила, забыв, что собиралась сказать. Схватка ударила меня изнутри, как кулак. У

меня перехватило дыхание.

Моя мать нежно погладила меня по руке.

– Продолжай дышать, Мелли. Это поможет. Вот так.

Она начала часто и шумно дышать, совсем как Генерал Ли после долгой прогулки жарким летним днем, разве что не высунув язык.

Схватка утихла, и я уставилась на нее.

– Что такое ты делаешь?

– Это дыхание по Ламазу. Я насмотрелась его по телевизору и подумала...

– Пожалуйста, прекрати. Спасибо за совет, но ты выглядишь нелепо, и это не помогает.

Я поерзала на сиденье, пытаюсь устроиться поудобнее, но поняла, что на данный момент у меня нет никаких вариантов. Оттянув ремень безопасности от шеи – это было единственное место, где его длины хватало, так как он не натягивался на мой живот, – я посмотрела в затылок Джека.

– И когда это мы обсуждали фамилии младенцев? Я не припомню...

Я проглотила язык, вспомнив. Джек завершил мою мысль вслух.

– Когда я предложил тебе выйти за меня замуж, а ты сказала «нет». Это бы решило проблему.

Мои глаза саднили, но я убедила себя, что это от родовых схваток.

– Но потому я и сказала «нет». Я не хотела, чтобы ты женился на мне только потому, что считал это своим долгом.

– Ты так подумала? Ты и вправду считаешь... – начал было он, но его оборвал леденящий кровь вопль, что вырвался из моего рта. На этот раз схватки длились дольше, боль была острее, мой вопль на октаву выше.

Как только боль отступила, мать ободряюще похлопала меня по плечу.

– По крайней мере, это означает, что ты дышишь.

– Что еще я должна была подумать? – хрипло крикнула я Джеку. – Я уже сказала тебе о своих чувствах, но в ответ услышала лишь «Извини». Так что я должна была подумать, когда ты вдруг предложил мне выйти за тебя замуж, лишь услышав, что я беременна?

Я услышала скрежет шин. Джек резко свернул на больничную стоянку и затормозил у входа в отделение экстренной помощи.

Продолжая сигналить и мигать фарами, машина моего отца проехала мимо, в сторону парковки для посетителей. Джек выскочил из кабины и открыл заднюю дверь к месту, где сидела я. Он наклонился и отстегнул мой ремень безопасности, но остался стоять.

– Ты все еще любишь меня? – спросил он.

Кожа на моем животе натянулась, а обе пары маленьких ручек и ножек, казалось, начали лупить меня изнутри, требуя ответа.

– Да, – прошептала я, а в следующий миг меня накрыла очередная схватка, лишившая меня способности притворяться и уходить от сложных вопросов.

Я закричала. Джек терпеливо поглаживал мою руку, дожидаясь, пока я остановлюсь.

– Отлично, – сказал он, погладив меня по щеке. – Это все упрощает. Я еще раз сделаю тебе предложение, но обещаю, что это будет последний раз. Я плохо переношу отказы. Сказать по правде, пока я не встретил тебя, у меня не было большого опыта по их части.

На моей коже выступили капельки пота, волосы прилипли к лицу. Мой толстый живот скрывали спортивные штаны для беременных и крашенный в технике батика топ-трапеция – подарок Софи, который я прятала, пока моя мать не обнаружила его, пытаясь одеть меня для поездки в больницу. Я ощущала себя персонажем из сцены в баре из оригинальной версии «Звездных войн», но без навороченного оружия. Ни в одной из своих школьных фантазий, когда я мечтала о предложении руки и сердца, я не представляла себе такой сценарий.

Его лицо было рядом с моим, его глаза – голубее, чем я их помнила.

– Мелли, ты выйдешь за меня замуж?

За его спиной на тротуаре возникла моя мать.

– Джек, может, ты все-таки подождешь, пока она не восстановит свои умственные способности?

– Абсолютно нет, – сказал он, сверля меня взглядом. – Пусть она хотя бы раз примет решение сердцем, а не головой.

Я прислушалась к голосу бабушки, очень далекому и очень тихому, но кристально чистому. Чем раньше ты поймешь, что тебе нужно, тем лучше. И тогда будь готова сражаться за это.

Несмотря на месяцы отрицания, внезапно все стало предельно ясно. Я поняла, чего я хочу и что мне делать. Между тем меня

скрутила новая схватка, правда, на этот раз она началась со спины и постепенно двигалась вперед.

– Да, – прошептала я, а затем, почувствовав новую схватку, на всякий случай, если он не услышал меня в первый раз, крикнула: – Да!

– Отлично, – сказал Джек, как только боль отпустила меня. Он нежно поцеловал меня в губы и убрал прилипшие ко лбу волосы. – У меня в суде по делам наследства есть знакомый судья. Он будет в больнице в течение часа, чтобы мы успели получить лицензию. Я также позвоню пастору в церкви моих родителей, – он мой большой поклонник, – и пообещаю упомянуть его в моей книге. Позже у нас будет настоящая свадьба... если ты захочешь. – Он просунул под меня руки и, вытащив из фургона, понес в приемный покой больницы.

– Джек?

Он остановился. На его лице читалась тревога.

– Да?

– Ты должен помочь мне сохранить мой дом. Я не намерена сдать его без боя.

– С удовольствием, – сказал он, усаживая меня в кресло-каталку, которое привезла медсестра. – Мы с тобой хорошая команда, Мелли. Всегда и во всем.

Медсестра покатила меня в родильное отделение. Джек бежал рядом со мной. Я повернулась к нему, чтобы задать последний вопрос о полузабытых словах, сказанных за миг до того, как меня с рождественского спектакля увезла машина скорой помощи. Но меня скрутила очередная схватка, самая сильная из всех. Казалось, на меня налетел полузащитник весом в триста фунтов и выбил из моих легких последний воздух.

Боль поглотила меня, изменив мою реальность, и все потуги сохранить ясную голову и приличные манеры, вылетели в окно. Запрокинув голову назад, как визжащая гиена, я испустила пронзительный вопль, высказав то, что каждая рожаящая женщина со времен Евы хотя бы раз подумала о мужчине, который обрек ее на эти муки:

– Это все ты, Джек Тренхольм! Ненавижу тебя!

И Джек, и медсестра на миг растерялись.

– Не обращайтесь внимания, – успокоила Джека медсестра, закатывая меня в лифт. – Они все так говорят.

– Спасибо, буду знать, – сказал он и, взяв мою руку, пожал ее. Двери лифта закрылись.

Чуть более суток спустя я сидела на своей больничной койке, а рядом со мной стояли две детские кроватки, одна с розовым одеяльцем, другая с синим. Мальчик, Джек-младший, уже обогнал свою сестру по части роста, веса, любви к моей груди и способности ставить рекорды продолжительности сна. Он не спал, только когда ел. Я еще больше встревожилась, когда Амелия сказала мне, что Джек был таким же.

Сара Джинетт, названная в честь моей бабушки и матери, была меньше на восемь унций и полтора дюйма, с волевым подбородком и тонким носиком. Единственное, что объединяло близнецов кроме фамилии и дня рождения, – это одинаковые головы с густыми черными шевелюрами и темно-синие глаза. Хотя медсестры постоянно напоминали нам, что у всех младенцев голубые глаза, я не сомневалась, что они и дальше будут такими же, как у их отца и единокровной сестры. Гены Джека, похоже, были такими же упрямыми, как и он сам.

Несмотря на ощущение, будто по мне дважды проехался тракторный прицеп, всякий раз, глядя на их крошечные драгоценные личики или считая очаровательные пальчики на руках и ногах, я испытывала поразительное умиротворение и оглядывалась на роды, как будто сквозь туманную завесу. Джек все время был рядом со мной, направляя меня, как будто знал, что делает. Смутно помню, как я крикнула ему что-то такое, отчего одна из медсестер покраснела, но, на мое счастье, воспоминание было довольно туманным.

В какой-то момент он позеленел и был вынужден ненадолго присесть, но ни на секунду не отпустил мою руку, даже когда в родильную палату вошли судья и пастор, чтобы наши дети не родились вне брака. Я подумала было, что, возможно, Джек потому не отпускал мою руку, что я, узнав, что для эпидуральной анестезии уже поздно, слишком сильно ее сжала и сломала ему все пальцы, но потом отбросила эту мысль.

Тем не менее, хотя у нас и были документы, это подтверждающие, я не ощущала себя замужней женщиной. Джек пообещал мне после родов свадьбу в церкви, вроде той, о какой я когда-то мечтала маленькой девочкой, расхаживая в туфлях матери и бабушкиных

украшениях, но я не была уверена, укрепит ли это наши отношения как мужа и жены. Я сказала ему, что люблю его, и он – в очередной раз – попросил меня выйти за него замуж, и я согласилась.

Увы, в этом сценарии отсутствовал один важный элемент, но я не решалась заговорить о нем, опасаясь, что ответ может мне не понравиться. Если я, вся в белом, с жемчужным ожерельем моей бабушки на шее, должна прошеествовать к алтарю, сначала я должна услышать эти три коротких слова. Пока что мы все делали в наших отношениях в обратном направлении, и я очень надеялась, что это еще не все. Услышав тихий стук в дверь, я подняла голову и улыбнулась: в дверном проеме с огромным букетом желтых роз возник детектив Райли.

– Это ведь часы посещения? Я думал, у вас тут целая толпа народа.

– Родители Джека только что ушли, а мои родители, Джек и Нола поехали домой, принять душ, переодеться и поставить в фургон автокресла, чтобы потом вернуться за нами.

– Сейчас в больницах долго не держат.

Я покачала головой.

– Мне повезло, что меня не отправили сразу домой. Прежде чем меня выписывать, доктор Уайз хотела убедиться, что все симптомы преэклампсии исчезли.

Он пересек палату и поставил розы на стол у окна. Кстати, тот уже был заставлен букетами цветов и воздушных шаров от родственников и друзей.

– Новости распространяются быстро, – сказал он, кивком указав на цветы.

– Чарльстон хоть и большой город, в то же время маленький городок.

– Это точно, – сказал он и, остановившись у колыбелек, с минуту молча рассматривал младенцев. – Не то чтобы я удивлен, но таких красивых малышей, как эти двое, я, пожалуй, вижу впервые. А ведь в нашей семье я видел их целую кучу.

Я улыбнулась.

– Спасибо, но это не моя заслуга. Я была лишь инкубатором для клонов их отца.

Томас усмехнулся, придвинул ярко-желтый стул из металла и пластика и сел рядом с моей кроватью.

– Что за самоуничужение, Мелани? Природа не обделила и вас по части внешности.

Я покраснела и легонько шлепнула его по плечу.

– Детектив Райли, вы унаследовали ирландский дар великого болтуна. Но спасибо. Я еще не смотрелась в зеркало, но учитывая, через что я прошла за последние сутки, могу только представить, на кого я похожа.

Выражение его лица сказало мне, что, на его взгляд, все мои прелести остались при мне, и я вновь покраснела. Детектив Райли покашлял.

– Я слышал, вы вышли замуж.

– Ого, я знала, что новости здесь распространяются быстро, но я не знала, что они сверхзвуковые. Как вы узнали?

– Я же детектив, или вы забыли? – Он улыбнулся самоуничижительной улыбкой. – А еще у меня есть двоюродная сестра, которая работает внизу, в приемном отделении. За ней числился один должок.

– Да, мы с Джеком официально поженились. Мы оба в самый последний момент решили, что так будет правильно – для детей. Все случилось довольно... внезапно.

Томас откинулся на спинку стула и вытянул длинные ноги.

– Я бы так не сказал. Я бы даже сказал, что к этому шло давно.

Я открыла рот, чтобы возразить, но он перебил меня.

– Даже слепой увидел бы, что вы созданы друг для друга. Я пытался обмануть себя, надеялся, что, возможно, ошибаюсь, но я знал. И все же человека нельзя винить за попытку.

– О, Томас! На протяжении всей моей беременности вы были для меня близким другом и прекрасным товарищем, не говоря уже о том, что благодаря вам я теперь знаю, как приготовить самый лучший на земле омлет! Благодаря вам я чувствовала себя красивой и желанной, и вы не тыкали пальцем и не смеялись, когда я сказала вам, что вижу мертвых.

– Не тыкал пальцем и не смеялся?

– Да, как плохие дети в школе поступают с теми детьми, что слегка отличаются от других.

Детектив Райли улыбнулся.

– Я уже говорил вам – вы странная. Но странные люди мне нравятся.

– Что ж, – сказала я, положив руки на одеяло, – Наверно, я пытаюсь сказать, что дорожу вашей дружбой и не хочу ее потерять.

– Спасибо, Мелани. Это многое для меня значит. – Он уперся локтями в колени и подался вперед. – Скажите, оно уже вернулось... ваше шестое чувство? Потому что, если вам все еще интересно, я бы просил вас помочь мне с некоторыми из моих «холодных» дел.

Я покачала головой.

– Пока нет. У моей матери оно вернулось сразу, но мое, похоже, не торопится. И это хорошо, раз уж я в больнице. Они как кладбища – здесь всегда кому-то что-то нужно.

– Звучит забавно.

– Раньше я так не думала, но сейчас скучаю. Забавно, не правда ли, что мы не всегда знаем, чего хотим, пока нам не кажется, что мы это потеряли?

Его улыбка была грустной.

– Это да. Я отлично вас понимаю. – Его лицо стало серьезным. – Мне и вправду нужно поделиться с вами одним делом, но оно может подождать, если вам так удобнее.

Я села в постели.

– Если речь идет о тестах ДНК, я хотела бы знать прямо сейчас.

Детектив Райли кивнул.

– Я слышал в офисе коронера, что окончательные результаты будут готовы в ближайшие пару недель. И решил предупредить вас, чтобы вы на всякий случай не отпускали далеко вашего адвоката.

Наши взгляды встретились. Я поняла его с полуслова.

Томас встал, наклонился и поцеловал меня в щеку.

– Поздравляю, Мелани. Я рад за вас. За вас обоих.

– Спасибо, Томас. В один прекрасный день вы станете прекрасным мужем и отцом.

– Очень на это надеюсь. Но каковы мои шансы найти другую красивую женщину с необычным талантом? Кстати, как насчет вашей кузины Ребекки? Она еще не замужем?

Я чуть не подавилась.

– Томас... Я ведь сказала, что вы мне нравитесь. Я не могу так поступить с вами. Кроме того, она помолвлена.

Томас лукаво улыбнулся.

– Просто спросил на всякий случай. Буду искать дальше. И дайте мне знать, если ваше шестое чувство вернется. Не только потому, что мне нужна ваша помощь, а потому, что я знаю, как это для вас важно.

– Обязательно... обещаю.

Мы попрощались, и он ушел. Я откинулась на подушки, прислушиваясь к мягкому сопению младенцев и думая о словах Томаса. Интересно, почему мне понадобилась целая жизнь, чтобы понять, что он прав?

Глава 28

Я проснулась от детского плача. Он вырвал меня из сна, в котором я сидела на качелях в саду. Передо мной стояли три пустые колыбели, и в одной из них цвели розы Луизы. Я села. Левая рука инстинктивно потянулась к животу. Как обычно, я удивилась, обнаружив, что он стал меньше, – хотя и не того размера, что до беременности, – а также почувствовала на среднем пальце платиновое обручальное кольцо бабушки Джека. Близнецы вот уже третью неделю были дома, но я все равно каждый раз просыпалась, с трудом веря, что теперь это моя жизнь.

Несмотря на наш новый статус супругов и родителей, мои отношения с Джеком не поддавались точному определению. Наши эмоции напоминали приливное течение под мягкими волнами. Но то, что мы спали с ним в одной постели, рядом с нашими детьми, как якорь закрепило нечто, что свободно болталось внутри меня с тех пор, как я была маленькой девочкой. На данный момент, пока я все еще не пришла в себя после беременности и родов, этого было достаточно.

– Мелли? Что такое? – Голос Джека совсем не был сонным, как будто он лежал без сна наедине со своими мыслями.

– Я слышала детский плач.

Он посмотрел туда, где рядышком стояли две колыбели, которые сделал мой отец. В свете ночника в форме полумесяца, через который постоянно прыгала корова, нам были видны силуэты младенцев. Оба спали на спине, как нам и рекомендовал наш новый педиатр.

– Это плачут не наши, – прошептала я.

Лежа на своем новом спальном месте между кроватками, Генерал Ли поднял голову, как бы говоря мне, что все в порядке, после чего вновь положил ее на вытянутые лапы. Вздохнув, я снова прижалась к Джеку, смирившись с очередной бессонной ночью. Джек погладил мне волосы.

– Спи, Мелли. Я встану к малышам, когда они проснутся, и сменю им подгузники.

– И заодно покормишь их грудью? – Я покосилась на свои новые электронные часы с большими светящимися цифрами, которые были

хорошо видны в любое время ночи. Кормящей матери без таких никак. – У них скоро кормление, так что мне лучше пободрствовать. Это легче, чем уснуть, а потом быть вырванной из крепкого сна.

Джек зевнул.

– Никогда не думал, что это так сложно. К младенцам должна прилагаться этикетка с предупреждением. Впрочем, меня это все равно не отпугнуло бы.

Вопреки себе, я почувствовала, как мои глаза начинают слипаться.

– А еще лучше, если бы в них были встроены внутренние часы. Джей-Джей – чемпион по части еды и готов есть все время, а вот Сара – когда ей вздумается. Это выматывает.

Из одной колыбельки донеслось нежное воркование. Несмотря на сонливость, я улыбнулась этим сладким для уха звукам.

– Это Сара. Она всегда поет сама себе. Вдруг она станет такой же известной оперной певицей, как ее бабушка.

– Ммм, – пробормотал Джек, уже почти уснув.

Я уже тоже начала засыпать, как вдруг мои глаза открылись. Я схватила его за руку.

– Джек? Ты чувствуешь?

Полусонный, он уже сбрасывал одеяло.

– Я сейчас их сменю.

Я удержала его.

– Нет. Розы. Я чувствую запах роз.

Он повернулся ко мне, и я услышала в его голосе улыбку.

– Он вернулся. Твой дар вернулся.

– По крайней мере, частично. Я до сих пор не знаю, вижу ли я их.

Мы оба сели и прислонились к изголовью, устремив взгляды на колыбель, где, суча крошечными ручками и ножками под розовым одеяльцем, лежала Сара. Ее младенческий взгляд был прикован к движению над ней. Свет ночника на миг потускнел, как будто между мной и ее колыбелью промелькнуло что-то полупрозрачное. Я присмотрелась. Мой взгляд скользнул туда, куда смотрела Сара, и у меня моментально перехватило дыхание. Я поняла, что смотрю на затененный силуэт женщины с розой в короткостриженных волосах.

– Луиза? – прошептала я.

Стоило ее имени сорваться с моих губ, как она исчезла. Я даже усомнилась, была ли она там вообще.

– Почему она здесь? – спросил Джек.

Мы оба были настороже. Лишившись своего развлечения, Сара начала умолкать.

– Потому что она думает, что все еще нам нужна. – Я соскользнула с кровати и заново завернула Сару в ее розовое одеяльце. Странно, почему оно вдруг само развернулось? В темноте я ощутила на себе взгляд Джека.

– Потому что все до сих пор неясно и шатко?

«Потому что я до сих пор не знаю, какие чувства ты испытываешь ко мне».

– Да. Из-за дома. Сейчас мы все в подвешенном состоянии, а другой призрак по-прежнему пытается заявить свои права. – Я махнула рукой в сторону ванной. Какими только чистящими средствами я не драила зеркало, на нем всякий раз, стоило наполнить ванну горячей водой, проступало слово «Мое».

– Как ты думаешь, Сара могла унаследовать от твоей матери нечто большее, чем певческий голос?

Я в ужасе сделала большие глаза.

– Да, в нашей семье это передается по женской линии, так что, думаю, это возможно. – Не зная, как мне к этому отнестись, я продолжила вглядываться в темноту. – Просто Джей-Джей жуткий соня. Думаю, он тоже мог бы их видеть, если бы бодрствовал чуть дольше, чем нужно, чтобы наполнить свой бензобак молоком. – На прикроватной тумбочке зазвонил будильник. Я подняла его, чтобы отключить звук. – Пора их кормить.

Джек перегнулся через край кровати, чтобы посмотреть на малышей.

– Но они оба крепко спят.

– Знаю. Но я стараюсь выдерживать график кормления. В первые несколько недель их положено кормить каждые четыре часа. Я прочитала это в одной из книг, которые ты мне купил.

– Но они спят, – повторил он, подчеркивая последнее слово, на случай, если я не поняла его с первого раза. – К тому же, если не ошибаюсь, кормление каждые четыре часа касается детей на искусственном вскармливании. Младенцы на грудном вскармливании едят по требованию.

– Как же я приучу их к графику, если буду кормить их, когда они хотят? Тем более что это всегда будет в разное время?

Сильными пальцами он помассировал мне шею, и я тотчас забыла, о чем мы говорили. Я наклонилась к нему, ожидая, когда он заговорит, надеясь, что он произнесет то, что я так отчаянно хотела от него услышать. Увы, когда он наконец что-то сказал, мои плечи поникли.

– Им всего две недели, Мелли. Я не думаю, что если они сейчас не выдерживают график, это означает, что они не пойдут в колледж. И вообще, я считаю, что будить спящего младенца жестоко.

Все еще взвешивая варианты, будить или не будить, я посмотрела телефон и увидела два текстовых сообщения. Они пришли накануне вечером, но остались незамеченными. Мне никто больше не позвонил, как будто люди боялись разбудить меня или младенцев – что было практически невозможно. Разбудить Джей-Джея было безнадежным делом, Сара была слишком довольна жизнью, чтобы ее побеспокоил телефонный звонок, а я все равно не спала.

– У меня есть сообщения. От Ивонны и от детектива Райли.

Джек привстал, чтобы посмотреть.

– Что пишет Ивонна?

Я передала ему телефон.

– Не могу прочесть эти крошечные буквы.

– Я показал тебе, как войти в настройки и изменить размер шрифта. Или ты хочешь, чтобы я сделал это за тебя?

Я вскинула подбородок и подумала о моей маленькой Саре, когда той не хотелось есть.

– Я прекрасно умею менять настройки. Просто я предпочитаю этого не делать.

Джек прижался губами к моей шее пониже затылка. Каждое нервное окончание в моем теле мгновенно вспомнило, что я по-прежнему женщина, и моя реакция на его прикосновения осталась прежней, хотя со дня родов прошло всего две недели.

– Ты такая хорошенькая, когда пытаешься обойтись без очков, Мелли. Но и в очках ты просто загляденье.

– Просто прочти мне текст.

Он взял у меня телефон.

– Говорят, что после сорока зрение ухудшается. Я рад, что у меня впереди еще пара лет.

Я толкнула его локтем, но молниеносная реакция спасла его живот от синяка.

– Прочти, – повторила я.

Пару минут он молчал, читая сообщение на экране.

– Это просто невероятно.

– Что именно?

– Что Ивонна так хорошо умеет писать. Ни единой ошибки.

– Джек, пожалуйста! Что она пишет?

– Что нашла информацию о Шарлотте Прингл и просит позвонить ей, когда ты получишь это сообщение. Смею предположить, она надеялась, что ты получишь ее сообщение до трех часов ночи.

– Отлично. Теперь я уж точно не усну и буду думать о том, что она там нашла. А что насчет Томаса – что он говорит?

Джек молча прочел эсэмэску и медленно опустил телефон. Я чувствовала на себе его взгляд, но он ничего не сказал.

– Джек, что такое?

– У него есть отчет о сличении образцов ДНК, и он может принести его завтра. Просит позвонить ему рано утром и сообщить, в какое время ему лучше прийти. – Джек умолк. – Он также пишет, что тебе стоит пригласить и твоего адвоката.

– Нет! – воскликнула я, не подозревая, что говорю вслух. В следующий миг руки Джека обвились вокруг меня и забрали часть моей тревоги.

– Мы ведь одна команда, помнишь? – прошептал он мне на ухо. – И что бы ни случилось, я всегда буду рядом с тобой.

Мое сердце болезненно сжалось, но тотчас расширилось, как будто не знало, на что ему реагировать в первую очередь, на горе или на радость. Уткнувшись Джеку в грудь, я кивнула. Я оставалась в его объятиях, пока Сара вновь не заворковала, а от пола к высокому потолку вновь начал подниматься аромат роз, напоминая нам, что в нашей команде нас больше, чем просто два игрока.

Глава 29

Томас позвонил в дверь ровно в девять часов утра. Не успела я открыть ему, как вслед за ним прибыл и мой адвокат. Томас поздоровался и поцеловал меня в щеку.

– Мелани, вы прекрасно выглядите!

– Вы говорите это только потому, что никогда раньше не видели меня с талией. А еще я замазала тональным кремом круги под глазами. Иначе бы вы с криком, что увидели привидение, прыгнули прямо с веранды под колеса машин.

При слове «привидение» Томас подмигнул мне и шагнул в дом, а я поздоровалась с адвокатом. Стерлинг Зербе был высоким мужчиной лет под пятьдесят, рано поседевший, и с телосложением бывшего футболиста, кем, по словам моего отца, он и был. Несмотря на разницу в возрасте, их с моим отцом связывала любовь к родному Чарльстону, когда оба служили в армии в Германии. Он поцеловал меня в щеку.

– Когда я познакомлюсь с младенцами? – спросил он.

– Сейчас они спят, но я почти уверена, что один из них проснется в течение часа, хотя бы потому, что согласно графику, который я составила для них, они не должны проголодаться еще часа через три.

Адвокат растерянно улыбнулся, кивнул и вошел в холл.

Пожав руки обоим мужчинам, Джек провел их в гостиную, где миссис Хулихан уже поставила кофе и пончики. Я заметила отдельный поднос, рядом с радионяней, по всей видимости, предназначенный для кормящей матери, находившейся среди нас. На нем был высокий стакан воды со свежим лимоном и неаппетитный кекс с отрубями. На фоне аппетитных пончиков он был как Золушка рядом с ее некрасивыми сводными сестрами.

Благодаря Джеку-младшему и его ненасытному аппетиту я могла не отказывать себе в калориях. Если бы не одно «но»: эти калории поступали из источников, которые бывали тщательно изучены и одобрены моим личным отрядом пищевой полиции. Как только Томас сел, он потянулся за пончиком и, откусив, принялся медленно жевать, закрыв глаза.

– Это явно из кафе-кондитерской на Кинг-стрит. Лучшие пончики на планете. И поверьте мне, как полицейский, я знаю толк в пончиках.

– Естественно, – сказал Джек, проигнорировав сладкую выпечку, и потянулся к кофе.

Я закрыла глаза и втянула в себя аромат кофе, вспоминая, как когда-то могла вливать в себя кофеин ведрами без каких-либо возражений со стороны окружающих. Я взяла кекс и откусила. И пока жевала его, глядя на пончики, пыталась убедить себя, что ем что-то помимо песка. Увы, не сработало.

– Итак, – сказал Томас, вытирая салфеткой крошки с губ. – Давайте перейдем к делу.

Мы со Стерлингом вытащили блокноты и ручки, Томас полез в портфель, который принес с собой. Джек откинулся на спинку дивана с чашкой свежего кофе и закинул одну ногу на другую.

Отодвинув тарелки и чашки в сторону, Томас расстелил перед собой на кофейном столике несколько бумаг.

– Я много разговаривал с экспертом по ДНК. Хотел убедиться, что я все понял правильно и могу объяснить, что к чему, без всякой научной тарабарщины.

Он поднял глаза и улыбнулся мне, но меня это не успокоило. Я сидела на краю стула с ручкой в руке и боролась с желанием начать составлять таблицу с планом действий. Невозможность повлиять на ситуацию угнетала, возвращая меня туда, где я была маленькой девочкой, когда, проснувшись утром, обнаружила, что моя мать ушла.

– Я просто все разложу и объясню, что там, в отчете, – продолжил Томас, – а затем вы можете задавать мне вопросы. Если я не смогу ответить сразу, я обещаю найти ответ. Итак, – сказал он, кладя руки на колени, совсем как учитель, который готов рассказать классу сказку. – Эксперты смогли подтвердить свою первоначальную догадку, что скелетные останки принадлежат ребенку мужского пола. А значит, они смогли сравнить Y-хромосому в ДНК останков с ДНК мистера Вандерхорста и мистера Гилберта. – Он сделал паузу и искоса посмотрел на меня. – Совпадения были. – Он многозначительно кашлянул. – Это означает, что все трое мужчин родственники по отцовской линии.

Я на миг встретилась взглядом с Джеком и вновь повернулась к Томасу.

– Итак, Невин Вандерхорст и Джордж Гилберт – родственники. Как и найденный в фундаменте ребенок.

– Да, похоже на то. Анализ крестильного платья и чепчика, найденных вместе с останками, показывает, что они были изготовлены в начале девятнадцатого века, в то время как сами останки примерно на пятьдесят лет моложе, где-то в диапазоне от середины до конца девятнадцатого века. Кроме того, исследование черепа показало, что передний родничок еще не зарос, что указывает на то, что на момент смерти ребенку было менее двух лет. Дальнейшее же исследование скелета показало, что это был, скорее всего, новорожденный.

В моей груди как будто застрял тяжелый валун.

– Так что вполне вероятно, что рассказ Бриджит Монахан Гилберт – правда.

Я была в нерешительности. Мне не хотелось что-то беспомощно пропищать, когда я снова заговорю.

– У этого Уильяма был брат-близнец Корнелиус, которого отвезли на север, где его вырастила другая семья. И Джордж Гилберт – один из его потомков. Наследник Вандерхорстов. – Я посмотрела на Стерлинга Зербе. Тот делал заметки в своем блокноте. Затем он положил ручку и с серьезным лицом посмотрел на меня.

– Это, безусловно, наиболее правдоподобное объяснение, какое можно сделать из научных данных, и, скорее всего, именно на него будут ссылаться Гилберты, если обратятся в суд. Должен признать, доказательства довольно убедительны, но это не значит, что у вас нет контраргументов. Дом принадлежал мистеру Вандерхорсту, и в своем завещании он оставил его вам. Здесь нет однозначного истца и ответчика. Есть еще что-нибудь? – спросил адвокат, повернувшись к Томасу.

– О да! И вот тут начинается самое интересное. Эксперты также смогли извлечь из скелетных останков, а также из останков мистера Вандерхорста митохондриальную ДНК – ту, что передается по материнской линии. Так вот между мистером Вандерхорстом и детскими останками не было совпадения митохондрий – что означает, что они родственники только по отцовской линии. Мы также сравнили их митохондриальную ДНК с ДНК мистера Гилберта.

– И? – спросила я. Неким чудом мой голос даже не дрогнул, чего я очень опасалась.

– Его митохондриальная ДНК соответствовала найденной в останках, но не ДНК мистера Вандерхорста.

Я положила ручку и потерла усталые глаза, не зная, отчего я так плохо во все врубаюсь. Наверно от недостатка сна, решила я.

– И что все это значит?

Томас подтолкнул в мою сторону лист бумаги. Это была таблица с тремя прямоугольниками вверху. Первый был помечен словом «останки», второй – «Невин Вандерхорст», а третий «Джордж/Корнелиус». Все три были соединены стрелками двух разных цветов. Значение цвета объяснялось внизу, цветными квадратиками: красный соответствовал митохондриальной ДНК, желтый – Y-хромосоме. Нечто похожее могла нарисовать и я сама, понимай я хотя бы половину того, что только что сообщил нам Томас.

Несмотря на бурление в животе, я невольно улыбнулась ему и подумала, а не стоит ли нам сделать анализ ДНК? Вдруг окажется, что нас разделили при рождении? Приложив к таблице указательный палец с коротко остриженным ногтем без лака, чтобы, меняя подгузник, ненароком не поцарапать нежную детскую кожу, я провела им по красным и желтым линиям, соединявшим прямоугольник, помеченный как «останки», с другим, с надписью «Корнелиус».

– Итак, эти двое связаны как по линии матери, так и по линии отца. Мы также знаем, что Корнелиус родился в 1860 году, и останки относятся примерно к этому же периоду времени. Значит, они могут быть родными братьями.

Джек сел рядом со мной и, положив одну руку мне на спину, другой провел по желтой линии, соединяющей все три прямоугольника.

– И все трое связаны по отцовской линии.

Томас кивнул.

– Верно.

Казалось, мой мозг был затянут в тугий узел, однако я вдруг почувствовала, что путы начали ослабляться.

– Значит, они не тройняшки, – сказала я.

Стерлинг продолжал строчить в своем блокноте. Томас снова наклонился, чтобы посмотреть на таблицу.

– Нет, потому что лишь двое из них родственники по материнской линии. Мне в голову пришел один сценарий, который мог бы все

объяснить: возможно, пара близнецов родилась примерно в то же время, что и единственный ребенок, – от одного отца, но от двух разных матерей.

Я на мгновение задумалась.

– Но разве ДНК не может сказать нам, что это близнецы?

– Нет, если они были разнояйцевыми. У разнояйцевых близнецов есть собственная ДНК, как и у обычных братьев и сестер.

Воздух вокруг меня, словно рябь на тихом озере, всколыхнул тихий детский плач, но не из радионяни.

– Ты слышал? – тихо спросила я, поворачиваясь к Джеку. – Как будто плачет ребенок.

– Нет, – ответил он. – Один из наших?

Я покачала головой, слишком поздно сообразив, что Томас и Стерлинг тоже слышат наш разговор.

– Похоже, в наш сад часто приходит бездомный котенок, – пояснила я специально для Стерлинга, – и громко мяукает. Напоминает плач ребенка.

Адвокат кивнул и вернулся к своим записям, а вот Томас откинулся на спинку стула и, кажется, отлично меня понял. Зазвонил мой телефон, который я еще раньше положила на журнальный столик. Я посмотрела на экран.

– Это Ивонна. У меня не было возможности позвонить ей. Подождите секунду, я скажу ей, что перезвоню, когда мы закончим.

Джек положил руку мне на локоть.

– Нет. Тебе лучше ответить. Она явно звонит по поводу Вандерхорстов и, возможно, объяснит, что происходит.

Я кивнула, быстро извинилась и вышла в холл.

– Привет, Ивонна. Я получила ваше сообщение сегодня рано утром и хотела позвонить вам, но у меня не было возможности.

– Я знаю, как вы заняты малышами, но я слишком взволнована, и мне не терпится поделиться информацией. Боюсь, если не расскажу ее кому-нибудь прямо сейчас, то взорвусь. Обещаю, это займет всего минуту.

Я представила, как ее жемчуга, очки для чтения и элегантные туфли разлетаются к стенам и потолку Огнеупорного здания, и подавила смешок.

– Нет-нет, лучше не надо. И вы позвонили в идеальный момент. Мы только что обсуждали родство членов генеалогического древа Вандерхорстов, и я надеюсь, что у вас есть информация, которую можно добавить к обсуждению.

Нечто вроде сплава ужаса и адреналина помчалось по моим венам, наполняя меня странной смесью страха и надежды.

– Говорите, Ивонна. Я слушаю.

Я легко представила, как она хлопает в ладоши.

– Меня сводило с ума, что я не могу найти девичью фамилию второй жены Джона Вандерхорста, Шарлотты, чтобы подтвердить, что это та самая Шарлотта Прингл, подруга Камиллы и спутница их медового месяца. Два дня назад мне пришло в голову, что я смотрю на проблему не под тем углом. Как однажды сказал мне Джек, иногда нужно перевернуть вопрос и подойти к нему с другой стороны. Что я и сделала.

Я украдкой заглянула в гостиную. Мужчины уже налили себе по второму кофе.

– Я понятия не имею, о чем вы, Ивонна. Так что вы нашли?

Она продолжила, как будто я ничего не сказала.

– Когда я не смогла найти в архивах ничего, кроме объявления о свадьбе или приглашения, я подумала, что придется вас разочаровать – мол, я пришла с пустыми руками. Разумеется, учитывая, что Джон женился почти сразу после смерти первой жены, это могла быть очень скромная церемония, которая не освещалась в газетах. К тому же это было начало Гражданской войны, и большинство новостей, конечно же, были о ней. Как бы мне ни хотелось приписать себе честь открытия следующего лакомого кусочка, на самом деле я наткнулась на него случайно, когда искала объявление о свадьбе. Так вот, я нашла приглашение на собрание Женского вспомогательного клуба, где предполагалось обсудить изготовление бинтов для «славного дела». – Ивонна выдержала театральную паузу. – И оно состоялось в доме Шарлотты Прингл Вандерхорст, Трэдд-стрит, дом пятьдесят пять.

Во рту у меня пересохло.

– Значит, это та самая Шарлотта. И она вышла замуж за мужа своей лучшей подруги через год после ее смерти.

– Да. Но, как я упоминала ранее, тогда это было в порядке вещей. Но есть и куда более необычная информация о Шарлотте Прингл

Вандерхорст, которая станет вам ясна, как только я скажу, почему я была просто обязана позвонить вам. – Я уже почти представила себе, как она подпрыгивает от нетерпения. – Затем мне нужно было выяснить, есть ли связь между Шарлоттой и доктором Принглом.

То, что лучшая подруга Камиллы носила ту же фамилию, что и ее врач, согласитесь, это слишком странное совпадение. Я перевернула проблему вверх тормашками, и мне стало ясно, куда мне смотреть. Я поняла: если Шарлотта и Камилла были настолько близкими подругами, что Шарлотта сопровождала пару во время их медового месяца, то наверняка Шарлотта была и на свадьбе Камиллы. И как только я не подумала об этом раньше! Джон был Вандерхорстом, так что это наверняка была грандиозная светская свадьба с объявлением в газете. И вот оно! Объявление о свадьбе Камиллы и Джона в газете! В нем в качестве подружки невесты упомянута мисс Шарлотта Прингл, дочь доктора и миссис Роберт М. Прингл.

Почувствовав на себе чьи-то глаза, я обернулась на гостиную, но нет, трое мужчин все так же пили кофе и разговаривали, не обращая на меня внимания.

– И что потом? – спросила я, наблюдая, как мое дыхание холодным облачком поднимается к потолку.

– Что ж, я знала, что вы спросите меня, не тот ли доктор Прингл подписал свидетельство о смерти Камиллы. Так вот, я вновь погрузилась в архивы, на сей раз в поисках информации о больнице штата Южная Каролина в пятидесятых и шестидесятых годах девятнадцатого века.

Она снова замолчала, и я тотчас спросила:

– И что вы нашли? – Я закрыла глаза, надеясь, что она заговорит быстро, потому что по коже моей головы уже пробежали колючие пятки страха.

– Книгу. Написанную одним из врачей сумасшедшего дома, и в ней есть краткий пассаж про доктора Прингла и его ассистента. – Я услышала в ее голосе торжествующую улыбку. – Его дочь Шарлотту.

– Она работала вместе с отцом? – Я зябко поежилась в своей тонкой блузке с длинными рукавами, краем глаза наблюдая, как наверху лестницы начало образовываться небольшое облако пара.

– Да. Автор хвалил ее ум и способности, хотя она и была женщиной. По его словам, отец хорошо ее обучил. Ей даже было

разрешено давать пациентам лекарства без присмотра врача, и вообще, она оказывала на них успокаивающее воздействие.

Стало так холодно, что мои легкие как будто сжались. Мне стало трудно дышать. У меня на глазах облако пара начало принимать очертания женщины. Я тотчас вспомнила отрывок из письма Бриджит Гилберт. «После короткого разговора, которого я не слышала, дочь доктора, выполнявшая роль его помощницы, завернула ребенка в одеяло и передала его мне. Она сказала, что это счастье, что его мать от боли потеряла сознание и не проснулась, чтобы увидеть этот ужас».

– Спасибо, Ивонна, – прошептала я в трубку. – Я должна идти. Кто-то из детей...

Я нажала кнопку отбоя. Мой взгляд был прикован к тому, что предстало моему взору.

На женщине, стоявшей наверху лестницы, было длинное платье с плотно прилегающим лифом и пышной юбкой в форме колокола. Высокую горловину платья украшала овальная камея. Темно-каштановые волосы были зачесаны назад, на висках свисали локоны. Она была плотной и такой реальной, что на какой-то миг я подумала, что она вторглась к нам с улицы. Пока не заметила вместо глаз пустые глазницы. Я окаменела. Я не могла сдвинуться с места. Как будто ее пустой взгляд приковал меня к полу. И тут меня пронзила ужасающая мысль: она стоит между мной и моими детьми. Объятая ужасом, я задрожала, но вспомнив, что мне только что сказала Ивонна о предательстве подруги, заставила себя заговорить:

– Камилла?

Воздух вокруг меня шипел и лопался пузырями. Привидение дрогнуло и потускнело, и я смогла сделать шаг к лестнице. Она повернулась и пошла по коридору к открытой двери спальни, где спали мои дети.

– Джек! – крикнула я, готовая разрыдаться, и бросилась вверх по лестнице. Джек устремился за мной следом.

Призрак на моих глазах приблизился к моей двери, паря примерно в футе над полом, словно грозовая туча, готовая вот-вот пролиться дождем. Я бежала по лестнице, но это было похоже на бег во сне: мои ноги как будто увязли в патоке, и я не могла их быстро передвигать. Джек догнал меня в тот момент, когда дверь перед призраком захлопнулась, не давая ей войти в комнату.

Я бросилась к ней, теперь уже со всех ног, как вдруг ощутила лютый холод. Это я пробежала сквозь нее. Когда же я обернулась, она уже полностью исчезла, лишь на моей коже осталось дыхание холода.

Джек уже поворачивал дверную ручку. Сначала та не поддавалась, но со второй попытки легко повернулась, и дверь в комнату распахнулась.

Мы бросились двум колыбелям, где между спящими детьми посапывал Генерал Ли. Воздух был насыщен ароматом роз. Я без сил упала на колени и вытянула руки поверх каждой колыбели, такая же опустошенная, как будто я только что родила снова.

– Спасибо, Луиза, – сказала я комнате. Мои мысли летели кувырком. Луиза защищала нечто драгоценное, то, что Камилла считала своим. И неким образом Джек, я и дети оказались в центре борьбы, которую я не понимала и не знала как закончить.

Глава 30

Мы с Джеком сидели в саду, слушая, как журчит и плещется фонтан. Дети, словно крошечные цветочные бутоны, спали в своей двойной коляске. Был теплый для начала марта день, глицинии и гардении готовились к цветению, а розы Луизы все еще мирно дремали среди восковых зеленых листьев. Станным образом меня утешало, что мир ждал рядом с нами, пока мы готовились к тому, что произойдет дальше. Джек обнимал меня, его рука покоилась на моем плече, и мы вместе созерцали совершенство двух спящих младенцев.

– Ты уже говорила с Софи?

– Да. Она так же сбита с толку, как и я. В этой головоломке слишком много кусочков, которые плохо стыкуются. Софи даже признала, что ей пригодилась одна из моих таблиц, чтобы проиллюстрировать то, что вчера нам сказала Ивонна, результаты анализа ДНК и то, что мы уже знали сами. Она во всем винит свой мозг, мол, на него влияет ее беременность, но я склонна думать, что это просто отговорка, чтобы не признаваться мне, что мои таблицы могут оказаться полезным инструментом.

– Чтобы раскрыть старое убийство – да. Отслеживать цвет и консистенцию содержимого подгузников младенца – это вряд ли.

Я сердито посмотрела на него.

– Никогда не знаешь, когда пригодится такая информация. И возможно, однажды они захотят увидеть это в своих альбомах.

Джек прищурился.

– Надеюсь, ты шутишь?

Я помолчала, пытаюсь придумать верный ответ.

– Конечно, – медленно сказала я. – Но я все равно считаю, что это хорошая идея.

– Это мы еще посмотрим, – сказал он, пристально посмотрев на меня. – Джей-Джей и Сара не проведут в этом доме ни единой ночи, пока я не буду точно знать, что здесь они в безопасности. И я не хочу, чтобы мы все впятером переехали в мою квартиру. Прошлой ночи хватило, чтобы убедить меня, что она слишком мала.

– Знаю. И полностью с тобой согласна. Но даже после того, что я видела, я не уверена, что Камилла – а это наверняка была она – хотела причинить младенцам вред.

Джек отпрянул назад и опустил руку.

– Она пыталась попасть в комнату.

Я подняла руку.

– Да, но там витало ощущение... печали. Оно проникло в меня, когда я пробежала сквозь нее. Точно такое же я испытывала всякий раз, когда видела мать Нола. – Я помолчала, задумавшись. – Даже моя мать считает, что этот призрак – пострадавшая сторона, и то, что она требует себе, принадлежит ей по закону. А вчера... – Я пожала плечами, не зная, как мне озвучить мои смешанные чувства. – Вчера у меня возникло ощущение, что она использовала детей, чтобы показать мне свою собственную утрату. Как мать другой матери.

– А Луиза?

– Она определенно здесь как своего рода ангел-хранитель детей. Думаю, это ее ответная услуга за то, что я исполнила предсмертное желание ее единственного ребенка. Но некое чувство подсказывает мне, что судьба дома ей тоже не безразлична.

– Некое чувство?

Я кивнула.

– Ты сам всегда говоришь, что совпадений не бывает. Я же уверена, что наития случаются не просто так. Наверно, среди людей больше экстрасенсов, чем мы думаем. Просто слишком многие отмахиваются от внутреннего голоса, или инстинктивной реакции, или интуиции... как это ни назови. Я тоже не сразу научилась это не делать. И у меня такое чувство, что Луиза здесь потому, что у нее есть связь с новым призраком. И она не согласна с тем, что, по мнению призрака, дом принадлежит ему.

Джек молчал, потирая большим пальцем мне руку.

– Когда сюда приедет твоя мать?

– Я сказала ей приехать не раньше девяти часов – Нола и младенцы уже уедут из дома, и к тому времени будет совсем темно. Это единственное, в чем Голливуд прав относительно призраков. Хотя у меня есть опыт общения с ними днем, ночью они гораздо активнее.

Джек снова обнял меня, рассеянно водя пальцем по узору на моем плече. Я вздрогнула.

– Они питаются элементарным страхом, живущим во всех нас. Обычно больше всего нас пугает то, чего мы не видим.

Я повернулась к нему, надеясь, что он скажет мне, что его напугало, но он так пристально рассматривал торец дома, что я не договорила. Его взгляд скользнул с шиферной крыши на обшитые вагонкой стены и высокие оконные рамы, а затем по саду Лутрела Бриггса с розами Луизы, которые некогда были гордостью Вандерхорстов, – розами, которым мой отец своей любовью и заботой вернул их былую красоту.

– Это действительно фрагмент истории, который можно потрогать руками.

– Да, – сказала я, вспомнив письмо Невина Вандерхорста, в котором он писал про силу духа женщин их семьи, и что я была похожа на них. Это был его способ объяснить, почему он завещал мне свой дом. Они отправляли мужчин на войну и ставили на стол еду еще долго после того, как заканчивались деньги. Они спали на крыльце во время ураганов и после землетрясения 1886 года, вооружившись всем, что могли найти, чтобы защитить то, что принадлежало их семье. Они были похожи на фундамент этого дома – слишком крепкие, чтобы их поколебали такие мелочи, как война, эпидемии и разорение.

– Он хотел, чтобы я боролась за дом, – сказала я.

– Знаю, – ответил Джек. Наши мысли всегда шли параллельным курсом, хотели мы это признать или нет. – И мы поборемся. Я надеюсь, что небольшое представление, которое вы с матерью устроите сегодня вечером, снабдит нас дополнительными боеприпасами.

– Я тоже надеюсь.

Джек продолжил рассматривать дом, его четкие линии и элегантные пропорции, как будто видел их впервые.

– Знаешь... – он не договорил.

– Что? – спросила я, надеясь и молясь, лишь бы он не заметил где-нибудь очередную трещинку.

– Помнишь, как я описал тебе идеальный семейный дом, который я просил подобрать для меня? Я сказал, что хочу что-то просторное, чтобы я мог устраивать многолюдные вечеринки для Нолы и детей. И непременно с большим двором, чтобы там нашлось место для качелей

и даже для небольшого бассейна. Нечто с архитектурным шармом и характером. И я даже согласен на парочку привидений.

Я с удивлением повернулась к нему.

– Ты только что описал мой дом – вплоть до «парочки призраков». Это было специально сказано?

Джек покачал головой, но его голубые глаза лукаво блеснули.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но нет. Возможно, подсознательно, но клянусь, не специально. – Он рассмеялся. – Забавно, однако, как все сложилось.

Я посмотрела на свои руки – я не хотела, чтобы он прочел в моих глазах неуверенность – и покрутила платиновое кольцо на левой руке. Мне до сих пор не верилось, что оно пришлось мне впору, как будто было сделано специально для меня. Металл нагрелся от моего прикосновения, а я вспомнила, как Джек надел мне его на палец в больнице, рассказав мне историю о том, как его дедушка и бабушка прожили вместе более семидесяти лет. Это воспоминание придало мне смелости снова встретиться с ним взглядом.

– Ты женился на мне из-за моего дома, Джек? – Я сказала это с улыбкой, но внутренне напряглась, ожидая ответ, который мне так отчаянно нужно было услышать.

– Олстон, они здесь!

Мы мгновенно повернули головы. В садовые ворота входили Нола и Олстон, обе в одинаковой форме школы Эшли-Холл. Они подбежали к нам и бросили рюкзаки на землю. Генерал Ли, лежавший рядом с младенцами – теперь это было его постоянное место, – присел и издал глухое рычание, но вскоре понял, что это свои. Каковы были его планы в отношении настоящих злоумышленников, было неизвестно, но, вероятно, в итоге преступник будет легко задержан, ибо от смеха не сможет сдвинуться с места.

– Даже не верится, что уже так поздно, – сказала я, вновь удивляясь тому, как целый день мог пройти без каких-либо дел, но стоило мне посмотреть на небо и увидеть, что день клонится к вечеру, как я ощутила себя еле живой от усталости.

– Здравствуйте, мистер и миссис Тренхольм, – сказала Олстон с застенчивой улыбкой. – Нола сказала моей маме, что я ненадолго зайду к вам, чтобы посмотреть на малышей. У мамы были дела, но она сказала, что вернется через час и заберет нас.

– Мы благодарны, что вы сегодня берете к себе Нолу. Но мы все должны покинуть дом, пока его окуривают.

– Нола рассказала мне про жуков пальметто. – Олстон передернулась. – Даже не представляю, каково это проснуться с парой жуков в волосах.

Я взглянула на Нолу. Интересно, какие еще страшилки она добавила в нашу историю о фумигации? Я старалась, чтобы все было как можно ближе к истине, именно поэтому я выбрала фумигацию. С той разницей, что жуки, которых мы собирались выгнать, были крупнее, и от них было так же трудно избавиться.

– Я рада, что вы зашли. Боюсь, малыши будут вам не слишком интересны, но если они проснутся, пока вы здесь, вы можете поддержать их, если хотите.

– Но сначала нужно вымыть руки, – сказала Нола.

Она сказала это просто и заботливо, как ответственная старшая сестра двух маленьких детей. Во время моей беременности Нола не проявила ни малейшей ревности к двум новым членам семьи, хотя во всех книгах о родительстве, какие мы с Джеком прочли, говорилось, что таков естественный ход вещей и мы должны быть к нему готовы. Мы должны были знать: Нола Тренхольм не была обычным подростком.

Обе девушки встали перед коляской, любуясь младенцами.

– Они такие хорошенькие, – прошептала Олстон.

– И такие забавные, – добавила Нола. – Если скорчить Джей-Джею рожицу, он вам улыбнется. Но если то же самое сделать с Сарой, она просто будет смотреть на тебя, как на идиота. – Нола улыбнулась. – Не могу дождаться, когда они подрастут и мы сможем проводить время вместе. Я научу каждого играть на музыкальном инструменте, чтобы у нас была своя группа. Сара уже поет, и мы можем попробовать петь с ней на два голоса. Непонятно, поет ли Джей-Джей. Большую часть времени он ест или спит.

Олстон наклонилась к коляске и осторожно потрогала крошечные пяточки Джей-Джея, в носочках, похожих на голубые «биркенстоки».

– Какая прелесть! Где вы их взяли?

Я отодвинула одеяло, чтобы она увидела розовые носочки Сары.

– Подарок моей подруги, доктора Уоллен-Араси. Она большая поклонница фирменных вещей. В мае она ждет девочку, и я уже

купила ей пару носков, похожих на черные лакированные туфельки, с кружевами на щиколотках.

Я улыбнулась и встала.

– Вы трое пока посидите с детьми, а я пойду внутрь и нацежу молока на ночь.

Олстон смутилась, а Нола сказала:

– Фу!

– А ты предпочитаешь, чтобы твоим дедушке и бабушке пришлось иметь дело с двумя очень капризными младенцами, которые любят только грудное молоко и закатят рев, если вместо этого их будут кормить смесью из бутылочки?

– Я узнала о репродуктивной системе человека и родах больше, чем это полезно для детской психики, – сказала она, передернувшись. – Лично я лучше подамся в монахини.

– А что, хорошая идея, – ляпнул Джек.

– Вряд ли Купер был бы рад это слышать, – сухо сказала Олстон, но заметив, как скривился Джек, густо залилась краской. Я попрощалась и оставила их в саду под бдительным присмотром старого дуба с его мягко покачивающимися качелями.

Я прошла через дом в кухню и удивленно остановилась, увидев на кухонном столе чашку кофе. По средам миссис Хулихан всегда уходила в полдень и не пила кофе. Ни то ни другое не пришло мне в голову, пока я не прошла до середины комнаты и не ощутила рядом с кладовой чье-то присутствие. Это определенно был кто-то живой и дышащий, ведь, насколько мне известно, мертвые кофе не пьют. Я резко повернулась лицом к тому, кто бы это ни был, одновременно пожалев, что со мной нет Генерала Ли. Вот кто точно вцепился бы незнакомому гостю в ногу, и я бы успела сбежать.

– Извини, что напугал тебя, Мелани. Я просто надеялся найти пончик. Тут у вас лишь органические и цельнозерновые продукты.

– Папа, – прошептала я, прижимая руку к сердцу. – Вот уж не ожидала тебя увидеть.

– Извини. Я зашел без предупреждения. Открыл дверь своим ключом – надеюсь, ты не против.

– Нет, конечно. Тебе не нужно выдумывать повод, чтобы приехать в гости. Если хочешь увидеть младенцев, Джек с ними в...

– Знаю. Но я хотел сначала застать тебя наедине, если можно. Я подумал, если подождать в кухне, ты рано или поздно заглянешь сюда. Когда ты росла, это всегда было твое любимое место.

Я поморщилась и шагнула мимо него.

– Это потому, что я знала, что всегда найду там что-то такое, что мне нравится. Теперь мне приходится быть чуть более креативной.

Сунув руку за пластиковые контейнеры с льняным семенем и мюслими, я схватила старый знакомый бумажный мешок с любимыми жирными пятнами по бокам.

– Вчера купила их в пекарне Рут, так что они все еще должны быть свежими.

Я выложила пончики на тарелку и поставила ее на кухонный стол.

– Странно, что еще что-то осталось, – пошутил отец.

– Вообще-то я еще не пробовала. Нола заметила их вчера, после того как я принесла их домой. Она сказала мне, сколько калорий содержится в каждом из них и насколько труднее женщинам худеть после сорока. У меня тотчас отшибло аппетит.

Отец встал, достал нож из ящика, разрезал пончик пополам, положил одну половинку на салфетку и протянул ее мне, потом взял себе вторую половину.

– Вообще-то в моих глазах ты всегда будешь красавицей, к тому же ты унаследовала от матери потрясающую фигуру. Но если ты хочешь похудеть, лишать себя лишнего – не выход. Лучше есть небольшими порциями.

Я с улыбкой взяла свою половинку и, откусив, начала медленно жевать, чтобы сполна прочувствовать любимый вкус. Это был первый мой пончик за несколько месяцев, и я хотела растянуть удовольствие как можно дольше. Если честно, это было райское блаженство, пока я не открыла глаза и не поймала отцовский взгляд.

– Что случилось? – спросила я, заставив себя проглотить кусок.

Он посмотрел на свою нетронутую половину пончика.

– Боюсь, у меня плохие новости.

– Что-то с мамой? С ней все в порядке?

Он потянулся через стол и похлопал меня по руке.

– С ней все в порядке. У нас все в порядке. По-прежнему здорова, беспокоиться не о чем. – Он слабо улыбнулся мне и убрал руку.

– Так что случилось?

Он взял кружку с кофе и снова поставил ее.

– Не знаю, как лучше тебе это сказать, поэтому скажу прямо. В фонде нет денег. Ни цента.

Я заморгала, пытаюсь вникнуть в смысл его слов.

– А как же алмазы Конфедерации, которые нашли мы с Джеком? Их было три, и все как один очень ценные. Разве они не?..

Отец медленно покачал головой.

– Я их продал. Я проконсультировался с финансовым консультантом – как ты советовала, – и он посоветовал мне продать алмазы и инвестировать в то, что мы оба на тот момент считали хорошими и надежными акциями, которые, как ожидалось, вырастут в цене втрое.

– Нет. – Я покачала головой, отгоняя от себя дурные известия, и для пущей убедительности повторила: – Нет.

– Это случилось примерно в то время, когда рынок рухнул. Я смог кое-что спасти, но после всех ремонтов кубышка опустела полностью.

Внезапно мой отец как будто стал ниже ростом, сгорбился, а от его военной выправки не осталось и следа, она полностью покинула его.

– Я даже не знаю, что сказать, – произнес он убитым голосом. – Извиниться? Но разве извинение что-то исправит? Я думал, что действую осторожно, прислушиваюсь к профессионалам. Как вдруг...

– Папа, это не твоя вина. И это я посоветовала тебе проконсультироваться с экспертом, и я согласилась со всем, что он сказал. Просто был неподходящий момент.

Я встала и налила себе из-под крана воды, но все равно не смогла смыть неприятный привкус во рту.

– Мы с твоей матерью хотели продать ее дом, но она купила его на самой высокой рыночной цене, и сейчас никто не готов платить столько, сколько он стоит. И она не может получить вторую закладную, потому что сейчас дом стоит меньше, чем она заплатила за него, и она не накопила никакого капитала.

– Пап, прекрати. Я никогда не попрошу маму продать ее дом. Это отдельный вопрос, и мне нужно с ним разобраться. Не так, так эдак. Мы только что выставили на продажу квартиру Джека. Сейчас не лучшее время продавать квартиру во Французском квартале, но мы будем вынуждены пойти на убытки от продажи, если действительно окажемся без средств. Но на следующей неделе я выхожу на работу, а

книга Джека только что продана после опциона, и он получил очень хороший аванс. Наконец-то у нас снова есть доход. Так что с нами все будет в порядке. И, надеюсь, капитальный ремонт позади.

Увы, мои слова, похоже, на него не подействовали.

– Все это хорошо, Мелани. Но есть еще одна вещь, и ее нужно учитывать.

Я откинулась на спинку стула и мысленно взяла себя в руки.

– Какая?

– Гилберты. Сличение ДНК говорит не в твою пользу, моя дорогая. Если им нужен этот дом, а закон говорит, что он их, то ты проиграешь суд. Но я видел их. Замечательная пара, очень милая, но у меня не сложилось впечатления, что они и вправду хотят бросить Нью-Йорк и переехать всей семьей в Чарльстон. Но то, что по праву принадлежит им, принадлежит им. Если только...

– Что, если только?

– Если только ты не захочешь его у них выкупить.

Я мгновение помолчала, и до меня, наконец, дошло.

– Но теперь у меня нет на это денег.

– Верно, – сдавленно прошептал отец, и на какой-то ужасный миг мне показалось, что он расплечется. В гостиной пробили напольные часы, невыносимо печальным, траурным звоном.

– Папа? – сказала я. Наверно, в моменты кризиса мы все возвращаемся в детство, когда на вопросы обычно бывали ответы. – Что я должна сделать?

Прежде чем поднять на меня глаза, он долго смотрел в кофейную кружку.

– ДНК рассказывает только часть истории. Возможно, остальные факты будут в твою пользу. Тебе лишь нужно узнать, какие именно. – Он покачал головой, как будто спорил сам с собой. – Я знаю, что сегодня вечером сюда придет твоя мать, и я могу догадаться почему. Просто сделайте все возможное, чтобы узнать всю историю.

От удивления я вытаращила глаза.

– Ты хочешь сказать, что теперь веришь нам?

– Я поверю, – сказал он, ткнув указательным пальцем в столешницу, – во все, что угодно, если только это поможет тебе. Просто делай то, что считаешь нужным. – Из монитора на кухонной

стойке донеслось хныканье младенца. Отец посмотрел на него, как будто увидел впервые. – Мне казалось, что дети в саду.

– Так и есть.

Его взгляд скользнул вдоль шнура до того места, где вилка была выдернута из розетки.

– Он на батарейках?

Я покачала головой.

– Она испустила дух, и у меня не было возможности ее заменить.

Он повернулся ко мне, и наши взгляды встретились. Наконец он встал, затем наклонился и поцеловал меня в щеку.

– Просто делай то, что считаешь нужным, – сказал он и вышел через заднюю дверь.

Я проводила его взглядом. Внезапно детский плач прекратился, сменившись гнетущей тишиной. И в этой тишине глухой, замогильный голос, за которым не билось никакое сердце, произнес одно слово: «Мое».

Глава 31

После того как Амелия и Джон уехали с малышами, а мать Олстон забрала обеих девочек, я, едва дыша, рухнула в одно из белых плетеных кресел-качалок на крыльце. Джек поднялся по ступенькам на веранду и встал передо мной.

– Можешь не переживать за малышей, Мелли. С моими родителями они будут в полном порядке. У них уже есть большой успешный опыт.

Я даже не нашла в себе сил улыбнуться.

– Здесь был мой отец. Он ждал, когда я приду в кухню. – Я сглотнула комок и пообещала себе, что не разревусь. – Он пришел сказать мне, что мы разорены. Если дело дойдет до того, что нам придется выкупать у Гилбертов дом, мы не сможем это сделать.

Он сел в качалку рядом со мной.

– Я в курсе.

Наши взгляды встретились. Гнев мгновенно взял верх над моим чувством беспомощности, чему я была даже рада.

– Ты в курсе? Но как? И почему ты не сказал мне?

Джек глубоко вздохнул. «Интересно, – подумала я, – как давно он все знал и носил в себе, ожидая, когда я все узнаю сама».

– Прямо перед тем как ты родила, ко мне приехал Рич Кобилт. Он сказал, что банк вернул чек твоего отца, и спросил, не могу ли я помочь ему получить деньги. Я заплатил ему, а затем поехал к твоему отцу. Он рассказал мне всю историю.

Я резко встала, слишком взвинченная и злая, чтобы просто сидеть и раскачиваться.

– Но ты мне не сказал! Это мой дом, Джек. Ты не подумал, что я должна знать?

– Ты была на постельном режиме, Мелли. Я попросил твоего отца подождать, пока не родятся близнецы. Вот тогда пусть он все тебе скажет. Он так долго тянул, потому что советовался с людьми, что можно в этой ситуации сделать. Он надеялся сообщить тебе хорошие новости.

Я с такой силой хлопнула ладонью по перилам крыльца, что даже поморщилась от боли.

– Замечательно. Ты, часом, не скрывал от меня еще что-то?

– Сядь, Мелли. Сядь, и мы поговорим.

Я медленно повернулась. Внезапно мне стало муторно.

– Я права? Есть что-то еще?

Он протянул ногу, зацепил мою качалку и притянул ее ближе.

– Сядь, и мы поговорим.

Вместо этого я оперлась на перила веранды и скрестила на груди руки, пытаюсь сделать вид, будто я спокойна как танк, даже если внутри меня всю трясло. Особенно когда Джек так смотрел на меня, и в угасающем свете дня его глаза казались темнее.

– Что ж, рассказывай.

– Хорошо, – сказал он, откидываясь на спинку кресла. – Я расскажу тебе то, что, по моему мнению, является реальной историей этого дома и как он стал твоим. Думаю, тебе стоит сначала это услышать, прежде чем ты решишь, что тебе делать дальше, хорошо?

Я неохотно кивнула. Джек продолжил:

– Если тебе покажется, что мои словам противоречат фактам, дай мне знать. Но вряд ли ты это сделаешь.

– Говори, – сказала я.

– Многое из того, что я скажу, покажется второстепенным, но если сложить все воедино, это начинает обретать смысл, – мягко сказал Джек, как будто ему казалось, будто мой разум видит лишь то, что мне хотелось видеть. – Думаю, Камилла Вандерхорст родила мальчиков-близнецов в марте 1860 года. Один родился мертворожденным, либо умер вскоре после того, как появился на свет, и был похоронен в фундаменте, поскольку, как мы знаем, в это же время в доме велись работы.

– Но зачем им прятать тело? Почему не устроить нормальные похороны и не похоронить ребенка в семейном склепе на кладбище Магнолия?

– Потому что был третий ребенок. – Джек выдержал паузу, давая мне возможность переварить сказанное. – Нет, это не были тройняшки, хотя у всех троих был один отец. Но у третьего ребенка была другая мать, чем у близнецов.

– Но кто?..

Я замерла. До меня начало доходить, куда он клонит.

– Шарлотта, как лучшая подруга Камиллы, сопровождала молодоженов во время их медового месяца. Когда они вернулись, Камилла была беременна двойней, хотя вряд ли об этом догадывалась. Что, если Джон во время свадебного путешествия изменил молодой жене, и Шарлотта тоже была беременна? Будучи незамужней беременной женщиной, Шарлотта, чтобы скрыть свое пикантное состояние, вполне могла где-то спрятаться – возможно, даже в психиатрической больнице, где ее отец лечил пациентов. Такие случаи известны.

Я покачала головой.

– Но Бриджит Гилберт сказала, что слышала здоровый крик брата Корнелиуса, Уильяма. Она видела ребенка. – Чтобы сосредоточиться, я впиалась ногтями в ладонь. Я должна была доказать Джеку, что он ошибается. Непременно должна.

– Бриджит видела только то, что ей было дозволено видеть. Ребенок Шарлотты мог быть где-то рядом. Возможно, будучи любовницей Джона, она жила в соседнем доме, прямо под носом Камиллы. Шарлотта была в комнате, помогая при родах. Когда родился первый ребенок, и он не дышал, она увидела свой шанс. Кто-то – Джон, Шарлотта или даже ее отец – принял решение поменять детей и спрятать тело мертвого ребенка, чтобы никто ничего не узнал.

– Разве Камилла не знала, что это не ее ребенок? – возразила я. – Я смотрю на Сару и Джей-Джея и точно знаю, что они мои. Я бы узнала их из сотен других младенцев – по запаху, по выражению лиц. По тому, как они выглядят. Мать сердцем знает такие вещи, Джек. Нельзя взять и сунуть ребенка ей в руки и сказать, мол, это твой.

Джек сочувственно посмотрел на меня в нежном свете позднего вечера. Мне хотелось сесть, как он меня и просил, но нет, он от меня этого не дождется.

– Камилла умерла в психбольнице, – негромко произнес он. – Возможно, поэтому все считали ее сумасшедшей – она не верила, что ребенок, которого она якобы родила, был ее собственным. Подумай, Мелли. Подумай, как просто это было сделать в то время. Доктор Прингл, возможно, как друг семьи, а может, за хорошую мзду отправил Камиллу в сумасшедший дом, якобы для лечения психоза. Ведь разве

мать не сошла с ума, если она отказывается признать собственного ребенка?

Я покачала головой.

– Это полная бессмыслица. Как это могло убить ее в двадцать один год? – Мы посмотрели друг другу в глаза, и, кажется, оба поняли. Я открыла было рот, но не произнесла ни слова.

– Камилла была молода, – мягко продолжил Джек, – и за год до своей смерти писала матери про обеденный стол и о том, как прекрасно она проводит время в свадебном путешествии. Трудно представить, чтобы молодая женщина, у которой впереди была целая жизнь, так быстро умерла от психоза. – Он на миг умолк. – Если только причина смерти не была иной. Свидетельство о смерти подписал отец Шарлотты. Это был уважаемый врач, и никто не усомнился в его заключении.

– Нет, Джек. Нет. Ведь тогда это убийство. Они были лучшими подругами.

– К сожалению, такое бывало, и не раз. Подумай, что выиграла Шарлотта. Она стала бы женой, матерью сына, воспитанного как законный наследник, хозяйкой прекрасного дома. В 1861 году это было намного лучше, чем просто быть любовницей мужа своей подруги.

Я ничего не сказала, и Джек продолжил. Его голос был тихим и вкрадчивым, словно он пытался убедить меня, переманить на свою сторону, я же упорно отказывалась это сделать.

– Думаю, призрак Камиллы начал появляться в доме лишь после того, как были найдены останки ее ребенка. Наконец-то она узнала, что случилось с ее детьми. С обоими.

Мои ноги подкосились, и я снова села в кресло-качалку. Джек попытался взять меня за руку, но я оттолкнула его.

– Мелли, все логично. Невин Вандерхорст – прямой потомок внебрачного сына Шарлотты, которого они назвали Уильямом, выдав его за ребенка Джона и Камиллы. Джордж Гилберт – потомок Корнелиуса, одного из двух законных сыновей Джона и Камиллы, отданного чужим людям из-за его физического уродства. Не будь он отдан Бриджит Гилберт, а воспитывайся он здесь своими биологическими родителями, этот дом по праву принадлежал бы его наследникам.

– Но законы о наследовании больше так не действуют, – возразила я, увидев проблеск надежды. – Как Гилберты могут претендовать на то, что я унаследовала добросовестно?

– Потому что, если они оспорят завещание Невина Вандерхорста в суде, суд может вынести решение в их пользу, так как они являются законными наследниками. В их жилах течет кровь Вандерхорстов. А в тебе – нет, и ты унаследовала дом от человека, чья родословная была незаконной. И чье появление на генеалогическом древе могло быть связано с убийством.

– Но ведь сейчас двадцать первый век. Они не понимают, что сейчас все по-другому?

– Увы, присяжные часто сочувствуют жертвам – в данном случае бедному Корнелиусу и его наследникам. Даже безнадежные дела выигрывались в прошлом именно по этой причине.

Я закрыла глаза, лишь бы не видеть дом с его колоннами в виде башни ветров, входную дверь со стеклом от «Тиффани», то, как свет падал на сад, заливая все золотым светом, каким заливал уже более века. Это частица истории, которую можно подержать в руках.

– Я думала, ты на моей стороне, Джек.

– Так оно и есть, Мелли. И всегда был. Но я думал, что тебе нужна правда.

Я так резко вскочила с кресла-качалки, что оно со стуком ударилось о стену дома. Я поморщилась.

– Это лишь твоя версия правды. Я уверена, если дать мне время подумать, я бы нашла способ сложить все фрагменты в совершенно иную картину.

Джек выжидательно и не без сочувствия посмотрел на меня.

– Даже твоя мать считает, что этот призрак – обиженная сторона, и ты сама только что сказала мне, что тебе кажется, что она не пыталась навредить малышам, что она использовала твою любовь к детям, чтобы показать собственное горе. Все сходится... разве ты не видишь? Даже присутствие Луизы имеет смысл. Невин был ее сыном, и он завещал тебе дом. Как его мать, она здесь, чтобы защищать его интересы.

– Как, по-твоему, почему Луиза подарила колыбель музею? – спросил Джек, наклонившись ко мне ближе. – Должно быть, она обнаружила посылку от Бриджит Гилберт, в которой было крестильное

платице Корнелиуса, и, чтобы укрепить свое положение как матери единственного известного наследника Вандерхорстов, она отдала колыбель. Это был ее способ защитить сына, сказать Бриджит Гилберт и всем остальным, что есть только один наследник и его зовут Невин.

Я помассировала виски, пытаюсь рассортировать услышанное в четкий, упорядоченный список, а также восстановить одну недостающую деталь.

– Но как она узнала про сверток? Он был отправлен по почте в 1898 году. Где он был с 1898 по 1922 год?

Некоторое время Джек молчал, упорядочивая мысли в голове так, как я любила делать это на бумаге.

– Понятия не имею, – признался он. – Но ты знаешь, как это выяснить.

Меня охватила дрожь. Я вспомнила безглазую женщину, смотревшую на меня с верхней ступеньки лестницы, ярость взрывающихся окон, падающую с потолка люстру. Я также подумала и о Луизе, и об отправленной по почте бандероли, и ухватилась за них обеих, как доказательство того, что Джек не знал всех ответов. Что еще есть шанс, что он ошибался. Я повернулась к нему спиной и зашагала к ступенькам веранды.

– Пойду прогуляюсь. Хочу проветрить голову, чтобы быть готовой к сегодняшнему вечеру. Я вернусь раньше, чем сюда приедет моя мать.

– Мы с тобой на одной стороне, Мелли. Не воспринимай меня как врага.

Вместо ответа я захлопнула за собой дверь веранды. Причем с таким громким стуком, что тотчас же осознала: мне легче злиться на Джека, чем признаться самой себе, что я слишком долго ошибалась относительно столь многих вещей.

Когда я вернулась, было уже темно, и моя мать ждала меня на веранде вместе с Джеком. Между ними на полу стоял открытый пакет от «Липких пальчиков». Увы, аромат шашлыка никак не подействовал на мой скрученный дурным предчувствием живот.

– Я позвонила Джеку, и он сказал, что ты не ела. И я подумала, дай-ка я принесу тебе ужин. Тебе понадобится сила.

Я покачала головой, не решаясь посмотреть обоим в глаза.

– Спасибо, но сейчас мне не хочется есть. Со мной все будет в порядке.

Джек протянул мне бутылку воды.

– Выпей.

Пробормотав слова благодарности, я взяла у него бутылку и пригубила. И лишь тогда поняла, как мне хочется пить. Выпив всю воду, я завинтила крышку и поставила бутылку рядом с бумажным пакетом.

– Вы готовы?

Моя мать кивнула и повернулась к Джеку.

– Думаю, тебе лучше пока оставаться здесь. Я позвоню, если ты нам понадобишься.

– А по-моему... – начал он.

– Они будут разговорчивее, если будем только мы, женщины. Мы все матери, и это поможет нам найти общий язык. – Моя мать нахмурилась. – К тому же есть риск, что ты отвлечешь их внимание на себя.

С этими словами она протянула мне руку. Я взяла ее, и мы вошли в темное фойе. Я потянулась, чтобы включить настольную лампу в вестибюле, но мать удержала меня.

– Призраки обычно более активны без электрического освещения. – Поставив на столик сумочку, она вытащила фонарик и передала его мне. – Мы лучше воспользуемся этим.

Я заметила в сумочке аккуратно сложенные перчатки, и по моему телу вновь пробежала дрожь. Я обернулась и увидела стоящего на пороге Джека.

– Я буду держать дверь открытой, и ждать вас здесь.

Я тотчас ощутила теплый прилив благодарности и целый букет других чувств – некоторые из них я даже не смогла опознать.

– Спасибо, – прошептала я, повернулась и последовала за матерью в дом.

Тот тихо дышал вокруг нас: ощущение невидимых глаз, наблюдающих за нами из темноты, нервировало.

– Луиза? – позвала я, и мой тихий голос эхом отразился от высоких потолков. – Ты здесь? Мы нуждаемся в твоей помощи.

Подождав немного, мы двинулись в холл. Луиза ждала нас у основания лестницы. Я не видела ее, но ощутила ее материнское присутствие еще до того, как уловила аромат роз. Начиная от кончиков пальцев и до плеча по моей руке, что сжимала руку матери, как будто

пробежал ток, словно кто-то внезапно включил сверхъестественный рубильник. Мать крепче сжала мою руку.

– Не отпускай, – прошептала она.

– И не подумаю, – прошептала я в ответ, ведя ее к лестнице. Внезапно я услышала гул голосов, мужских, женских и детских; услышала удары сабель солдат-янки, когда они рубили перила, оставляя шрамы, которые были видны даже сегодня. Мимо нас верх по ступеням наперегонки пробежали шаги, и я ощутила прикосновение маленькой ручки к моей руке. Как будто все бывшие обитатели дома сбежались, чтобы стать свидетелями того, что должно было произойти дальше.

Меня уже вовсю била дрожь, мои пальцы грозили выскользнуть из рук матери.

– Мы сильнее их, – мягко сказала она, напоминая мне обо всех тех случаях, когда она говорила мне эти слова, и о том, как они ни разу не подвели нас. Я вцепилась в эту мысль с той же силой, что и в ее руку, зная, что при всех моих сомнениях это единственное, во что я могу верить. Я направила луч фонарика на верхнюю ступеньку лестницы. Впереди мелькнули ноги в туфлях двадцатых годов и светлых чулках.

– Она ведет нас на чердак.

Мать посмотрела на меня, и я на миг подумала, что она скажет мне, что мы должны пересмотреть наш план. Но вместо этого она сказала:

– Пойдем за ней. Она хочет нам кое-что показать.

Чувствуя со всех сторон присутствие призраков, мы медленно зашагали по лестнице. Меня не оставляло чувство, будто мы идем сквозь враждебно настроенную толпу. Я ускорила шаг и вышла на верхнюю ступеньку. В этот миг дверь, ведущая на чердак, распахнулась.

– Отлично, – пробормотала я, изо всех сил стараясь сдержать дрожь. Мы с матерью медленно двинулись по коридору к чердаку. Дойдя до двери, мы замерли на мгновение, а потом, неловко сцепив руки, одна перед другой начали взбираться по узким ступеням.

Полная луна проливала бледный, молочный свет в два небольших окна, освещая большую часть комнаты и оставляя остальную ее часть в тени, создавая по периметру городской пейзаж из темных фигур. Я выключила фонарик, и мы увидели голубое свечение, исходившее не из окон.

Странный свет пульсировал и двигался, имитируя дыхание, его темный центр расширился, пока он перемещался по потолку, а затем остановился в дальнем углу чердака. В том же углу я нашла сундук Луизы с ее альбомами, а моя мать – фотографии младенцев в крестильных платицах.

– Луиза? Ты показываешь нам эту часть чердака, чтобы подтвердить, что это ты?

Мы застыли на месте, прислушиваясь. Внизу напольные часы пробили девять раз, и последний удар эхом разнесся по пустому дому, словно крик ребенка, зовущего мать. Призрак не ответил, но свет внезапно сжался в крошечный светящийся шар на угловой половице. Я попробовала еще раз.

– Почему ты пожертвовала в музей одну из колыбелей? Потому, что ты знала, что у тебя больше не будет детей, или была какая-то другая причина?

Ответом мне вновь была тишина. Шар света сжимался все больше, становясь при этом все ярче, пока на него стало невозможно смотреть. Я сглотнула и заставила себя задать следующий вопрос.

– Твои причины как-то связаны с Шарлоттой Вандерхорст и ее сыном Уильямом?

Позади нас у ступенек послышался шелест тафты. Щелкнув фонариком, я направила луч, но мы ничего не увидели. Воздух как будто сгустился, стало труднее дышать. Моя мать еще сильнее сжала мою руку, давая понять, что она тоже ощутила изменение атмосферы.

Я попробовала еще раз.

– Почему ты пожертвовала колыбель?

Я очень надеялась, что она скажет мне, что у нее только один ребенок и ей не нужны две колыбели. Что угодно, лишь бы это доказывало, что все выводы Джека ошибочны. Свет над половицей начал двигаться по маленькому кругу, пульсируя, как биение сердца. Моя мать ахнула, и нас обеих осенила одна и та же мысль. Мы повернулись друг к другу.

– Под половицей что-то есть, – прошептала я, загипнотизированная голубой танцующей точкой света, которая, казалось, кивнула в знак согласия.

Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить, где я видела ящик с отцовскими инструментами, а вспомнив, вздрогнула.

– Папин ящик с инструментами рядом с лестницей. Он принес его вчера, чтобы острогать нижнюю часть двери, потому что она все время застревала.

Мы осторожно двинулись обратно. При этом я пыталась не думать про шорох, который мы слышали ранее. Наконец моя нога наткнулась на черный металлический ящик, и я остановилась.

– Я на пару секунд должна отпустить твою руку. Будь рядом.

Мать неуверенно кивнула. Я направила луч фонарика внутрь ящика для инструментов, и мы принялись доставать инструменты, которые, по нашему мнению, могли помочь нам поднять старую половицу.

Отодвинув коробку с обувью, чтобы нам обоим поместиться в углу, мы опустились на колени, чтобы осмотреть место, где синий свет сжимался в крошечную точку. В небольшом круге света моего фонарика мы осмотрели половицу. На наше счастье, вместо четырех гвоздей, как у остальных досок, эта была прибита всего двумя, один из которых торчал под углом в сорок пять градусов, что позволило мне легко выдернуть его гвоздодером.

– Похоже, кто-то уже проделывал это раньше, – прошептала я, бросая гнутый гвоздь на пол. Чтобы выдернуть второй гвоздь, я вручила фонарик матери.

– Посвети сюда. – Работая обеими руками, я попыталась расшатать старую доску, а с ней и гвоздь, чтобы затем вытащить его гвоздодером. Услышав после нескольких рывков треск доски, я поежилась, как будто причинила дому вред. Я чувствовала себя преступницей, помня о том, что мне скажет по этому поводу Софи.

Наконец гвоздь был выдернут. Я упала на спину, а затем подползла обратно к крошечной дыре. Луч фонарика отбрасывал в темноту треугольник света, высвечивая нечто похожее на бечевку. Сунув в дыру руку, я схватила ее большим и указательным пальцами и медленно потянула ее конец вверх. Даже защищенная полом, бечевка была потрепанной и хрупкой, будучи подвержена воздействию влаги и старения. Скорее всего, тот, кто положил ее сюда, не воспринимал этот тайник как постоянный.

– Это шпагат, – сказала я, крутя его между пальцами. – Такой же, как тот, которым был перевязан старый сверток, который я нашла на крыльце.

Наши взгляды на мгновение встретились, и мы снова заглянули в дыру под половицей.

– Не мог ли сверток быть спрятан здесь? – спросила мать. – Тайник наверняка больше, чем мы думаем.

– Посвети внутрь, – попросила я, улегшись рядом с дырой на живот.

Заглянув внутрь, я поняла: дыра намного глубже и шире, чем показалось изначально. Мне тотчас вспомнились рассказы о том, как в 1864 году чарльстонцы прятали столовое серебро от осаждавших город янки. Я представила, как Луиза наводит на чердаке порядок, убирая этот угол как часть своего гнезда перед тем, как родить первого ребенка, и находит тайник.

– Правее, – сказала я, следя за лучом света, пока моя мать медленно направляла его в темное углубление, пока он не нашел что-то, от чего можно отразиться. Глубоко вздохнув и помолившись, чтобы там не было никаких пауков, я сунула руку внутрь и схватила нечто похожее на ком ткани. Еще до того, как вытащить ее наружу, я поняла, что это.

– Что там? – спросила мать, когда я осторожно отогнула край бумаги.

Я глубоко вздохнула. Мы обе узнали крестильное платье и чепчик. Уже зная, что найду, я откинула воротник, чтобы посмотреть, что там вышито. «Сьюзан Бивенс».

– Это недостающий третий комплект, – сказала моя мать, хотя это было и так ясно.

У меня тотчас защемило в груди, но я не стала обращать на это внимания. Вместо этого я принялась составлять мысленный список всего, что я знала, и как в это вписывается наша находка. Или же не вписывается.

– В квитанции, которую нам показала Ивонна, говорилось, что комплект был заказан в марте 1860 года К. Вандерхорст. Вероятно, это все же была Шарлотта. Она единственная, у кого имелась на то причина, и, заказывая его, она притворилась Камиллой.

– Но зачем ей было заказывать еще один комплект? – спросила моя мать.

Я на мгновение задумалась. Очень не хотелось, чтобы все фрагменты так легко легли туда, где их хотел видеть Джек.

– Когда она поняла, что ей нужны крестильное платье и чепчик, чтобы крестить сына. Потому что один комплект был замурован в фундаменте, а другой забрала Бриджит. Это наверняка тот самый комплект, в котором малыш Невин запечатлен на фотографии, потому что на ней он в чепчике. Оригинальный чепчик находился в семье Корнелиуса.

Мать коснулась моей руки, и я напряглась, сосредоточившись только на фактах, а не на том, что они могут значить.

– Шарлотта спрятала это здесь, а Луиза, должно быть, нашла его вместе со свертком Бриджит. – Я сглотнула. – Шарлотта умерла в 1902 году, а значит, она, скорее всего, получила бандероль, которую Бриджит отправила по почте в 1898 году, но по какой-то причине решила спрятать ее, а не уничтожить. И Луиза нашла ее почти двадцать лет спустя. Не знаю, зачем она положила сюда новое платье и чепчик. Могу только надеяться, что ею двигал стыд.

Я встала. Как ни странно, я почти не чувствовала боли в коленях, хотя долго просидела на корточках перед раскученной половицей. Я обернулась, ища глазами Луизу, в душе все еще надеясь, что она скажет мне, что я ошибаюсь.

– Ты здесь нашла бандероль от Бриджит Гилберт? И узнала, что твой сын не был законным наследником? – Боль в груди почти душила меня. – В свертке наверняка лежало письмо от Бриджит, которое Шарлотта сохранила вместе с бандеролью, но ты его уничтожила, я права? Ты была напугана, но не настолько, чтобы уничтожить остальное содержимое пакета.

Я вытерла лицо. К собственному удивлению, обнаружив слезы, я сердито смахнула их.

– Так почему, Луиза? Зачем ты отправила мне бандероль? Чего ты надеялась этим достичь?

Воздух внезапно насытился электричеством, как небо перед торнадо. Запах роз смешался с влажным запахом сырой земли. И тогда – тихо-тихо – я услышала ее голос. Я узнала его с того времени, когда я только поселилась в этом доме, и Луиза защищала меня от Джозефа Лонго. «Мы обе хотим правды, Мелани. Пора исправить старые грехи».

– Но что есть правда?

«Ты знаешь правду. Ты ее видишь. Но это еще не конец твоей истории. Слушай свое сердце и помни, что иногда, когда тебе кажется, будто ты потеряла все, на самом деле ты осуществила желание своего сердца».

– Нет! – крикнула я. Увы, мой голос утонул в стуке колыбели Вандерхорстов. Та сама волочилась по деревянным доскам пола, пока не загородила собой выход вниз по ступеням чердачной лестницы. Двигимая инстинктом, моя мать бросилась вперед и протянула руку, чтобы схватить колыбель и оттолкнуть ее с дороги, чтобы мы могли убежать.

– Мама! – крикнула я, но опоздала. Ее руки коснулись дерева. Все ее тело мгновенно напряглось, словно птица, оказавшаяся на проводе под напряжением.

– Мы сильнее тебя, – мысленно прошептала я, а затем крикнула вслух: – Мы сильнее тебя!

Я оторвала руку матери от края колыбели и сжала в своей. В следующий миг мир вокруг меня начал рушиться. Волна образов и звуков, которые не были моими собственными, заслонила собой чердак, лунный свет и нежное присутствие Луизы Вандерхорст.

Глава 32

«Мое». Это слово пришло из моей головы и одновременно эхом отразилось от высоких стропил потолка, сотрясая хрупкое стекло чердачных окон. Рука моей матери все еще была сжата в моей. Она из последних сил пыталась держать глаза открытыми. Откуда-то издалека доносились стук в дверь и голос Джека, выкрикивающий мое имя и имя моей матери.

Я не знала, потеряла я сознание или же время неким образом устремилось вперед. Я лежала на спине, глядя на стропила, где лунный свет сменился жутким туманом. Пространство наполнял едкий запах гниющего дерева и влажной земли. По чердаку, сотрясая мои кости, отрывистым эхом разносился скребущий стук дерева по дереву.

– Мама! – крикнула я, дергая ее за руку. – Отпусти! Отпусти колыбель! Пойдем отсюда.

Она медленно покачала головой, как будто не поняла моих слов.

Я попыталась встать и потянуть ее за собой, но тяжелый груз на моих ногах намертво прижал мои икры к полу. Пальцы ног уже начало покалывать из-за нарушения притока крови. Пытаясь высвободиться, я увидела, что мои ноги придавлены сундуком Луизы. И тогда я поняла, что это за скребущий звук. Мебель вокруг нас пришла в движение, надвигаясь на нас, как собаки на охоте, или как кирпичи вокруг маленького гробика.

Я попыталась выпрямиться, найти точку опоры и сесть, но моя голова ударилась обо что-то твердое. Откинув голову назад, я увидела, что это, и в моем животе ужас прожег глубокую, бездонную яму. Надо мной возвышался высокий платяной шкаф, слегка покачиваясь всякий раз, когда что-то натыкалось на него.

– Мелли! Джинетт! Вы тут? Вы можете открыть дверь? – раздался с другой стороны чердачной двери голос Джека.

У меня на миг отлегло от души, но затем я поняла: если Камилла не хочет, чтобы он вошел внутрь, то он не войдет. Я должна найти выход сама.

Скряб-вжик-скряб. Я попыталась выбраться из-под сундука, но не смогла даже пошевелиться. Это заставило меня задуматься, только ли

сундук мертвым грузом прижимает меня к полу. Что-то ударило шкаф сзади. Тот, угрожающе балансируя, на миг качнулся вперед, но затем вновь встал на все четыре ножки.

Я закрыла глаза, давая отчаянию поглотить меня, убедить меня, что все безнадежно. Рука матери все еще была крепко зажата в моей, но ее хватка уже ослабла. Никогда еще я не чувствовала себя такой одинокой.

Между тем стук в дверь возобновился, причем с удвоенной силой. Это явно было что-то потяжелее, чем кулаки, а затем я услышала голос Джека.

– Я иду, Мелли. Продолжай бороться. Я иду.

Его голос заставил меня открыть глаза. И пока я лежала, пытаюсь найти, за что зацепиться взглядом, я услышала пронзительный крик новорожденного. Он словно лента обвивался вокруг мебели и стропил старого чердака. Джей-Джей. Сара. Мой мозг снова и снова выкрикивал их имена, словно мантру, и я с новой силой возобновила борьбу. Я должна вырваться на свободу. Не ради себя, не ради матери, не даже ради Джека. Я должна это сделать ради двух детей, которые только начали эту жизнь и нуждались в материнской любви и поддержке.

Продолжай бороться, Мелли.

– Мама! Открой глаза. Мне нужно, чтобы ты открыла глаза.

Они приоткрылись до узких щелочек, глазные яблоки двигались под веками.

– Мама, пожалуйста. Мне нужно, чтобы ты открыла глаза и протянула мне другую руку. Прошу тебя. – Я втянула воздух, пока мой разум судорожно искал способ ее убедить. – Если тебе когда-нибудь казалось, что ты должна наверстать упущенное за тридцать три года, то это тот самый момент.

Глаза матери открылись в понимании, рука внутри моей ожила.

– Отпусти колыбель, а затем возьми меня за другую руку. Мы сильнее, чем она. Но мы должны сделать это вместе.

Она кивнула, и ее лоб собрался сосредоточенными складками. Я еще крепче сжала ее руку, а затем крикнула:

– Раз-два, взяли!

Громко вздохнув, она оторвала руку от колыбели, подкатилась ко мне и вложила вторую руку в мою. Я крепко сжала ее, боясь отпустить.

Скряб-вжик-скряб. Моя мать огляделась вокруг, и ее глаза полезли на лоб. Увидев, как на нее наступает массивный дубовый книжный шкаф в деревенском стиле, она посмотрела на меня. В ее глазах были только вопросы, а не ответы, но желание выбраться отсюда быстро подмяло под себя мой страх.

– Камилла? Это ведь ты, не так ли? Пожалуйста, не делай этого. У меня двое детей, и им нужна их мать.

Увы, мои слова были бессильны замедлить наступление мебели и ящиков на крошечный пяточок пространства, где лежали мы с матерью.

– Давай мы отправим тебя навстречу свету. Чтобы ты, наконец, обрела покой.

Где-то вне поля моего поля зрения раздался оглушительный грохот. Я вспомнила сосновый шкаф с его пыльной коллекцией стекла времен Великой депрессии, задвинутый под самое окно, и представила пол, усыпанный яркими осколками. Моя мать потянула меня за руку.

– Скажи ей, что ей нужно услышать, Мелли. Скажи ей то, что вам обоим нужно услышать.

На мгновение я в замешательстве заморгала, пытаюсь понять, что она говорит. Странно, ее губы шевелились, но из них исходил не ее голос. «Ты знаешь правду. Ты ее видишь. Но это еще не конец твоей истории. Слушай свое сердце и помни, что иногда, когда кажется, что ты потеряла все, ты обрела желание своего сердца». Я снова моргнула, но на этот раз, чтобы смахнуть подступившие к глазам слезы. И я поняла, что мне говорила Луиза, поняла, зачем она прислала мне сверток с крестильным платьем. Камилла Вандерхорст незаслуженно пострадала, и по прошествии более полутора веков пришло время возместить ущерб.

– Камилла! – крикнула я снова. – Я знаю, что произошло, и я позабочусь, чтобы об этом узнал и остальной мир. Ты не заслужила того, что случилось с тобой. У тебя украли самое дорогое – твоих детей. Теперь я это понимаю. Это твой дом и дом твоих детей. Он принадлежит их потомкам. Я поступлю так, как велит закон и совесть. Обещаю.

Звук движущейся мебели стих. Воцарилась гробовая тишина. Воздух, казалось, ждал, затаив дыхание. Мать крепко сжала обе мои руки. Мы обе повторяли про себя «мы сильнее вас». Когда она

заговорила, ее голос был тверд. Узы материнской любви к детям протянулись сквозь время.

– Тебе пора присоединиться к ним, – сказала моя мать. – Пришло время вам снова быть вместе. Твои дети ждут тебя в царстве света.

Электрическое жужжание, носившееся по всей комнате, внезапно стихло, сменившись детским плачем, который я слышала с того дня, как в фундаменте были обнаружены останки новорожденного.

– Ступай к ним, – сказала моя мать. – Ступай к ним и упокойся с миром. А мы здесь позаботимся обо всем.

Вес сундука ослаб. Я смогла столкнуть его с ног и выскользнуть из-под него. Я быстро встала и потянула за собой мать. Вдалеке завывали сирены. С каждым мгновением их вой звучал все ближе и громче. Стук в дверь и крики Джека возобновились.

Услышав шелест тафты, мы повернули головы и увидели фигуру женщины, преклонившей колени у колыбели, теперь прижатой к шкафу, с младенцем на руках. Тонкие складки кружевного крестильного платица мягко струились на атласе ее пышных юбок. Она взглянула на меня, и ее глаза больше не были пусты. Это были овалы сияющего света. Она держала ребенка, отнятого у нее многие годы назад. Она кивнула нам и, бросив последний взгляд, медленно направилась к окну и исчезла в нем потоком мерцающего голубого света. Чердак вновь погрузился в темноту, теперь в него проникал лишь слабый свет луны.

Чердачная дверь открылась легко. Один поворот дверной ручки, и в нее ввалился Джек. Его силуэт выделялся на фоне света лампочки в коридоре. В руках он держал шишку в виде ананаса со следами сабельных ударов, с верхней площадки главной лестницы. Взбежав по ступенькам, он дернул цепной выключатель. Над его головой тотчас вспыхнула одинокая лампочка. Джек замер на верхней ступеньке, глядя на нас с матерью, прижавшихся друг к другу посреди чердака. Вокруг нас, словно зрители на боксерском поединке, толпилась мебель. Он тяжело дышал, по его лбу стекал пот, волосы торчали, как иглы у дикобраза.

На его лице были написаны тревога и замешательство.

– С вами все в порядке? – растерянно спросил он и добавил, уже тверже. – Почему вы не открывали дверь? Ее заклинило, и я был в панике. Я позвонил в пожарную часть... – Увидев, что мой взгляд

остановился на шишке в виде ананаса, он осекся, а я поняла, чем он колотил в дверь. – Извини, – сказал он. – Надеюсь, Софи простит меня.

Посмотрев на иссеченную сабельными шрамами дверь, я поморщилась, но тотчас сообразила: моей голове больше о доме болеть не придется. Срок моих полномочий в качестве хранителя дома на Трэдд-стрит подошел к концу. Протиснувшись сквозь груды мебели к Джеку, я обняла его, как будто не видела его лет сто. Я уткнулась лицом ему в грудь, находя утешение в его запахе и стараясь не думать о том, что огромная потеря грозила подмять меня под себя.

– Скажи мне, что я поступаю правильно. Пожалуйста, скажи мне, что все будет хорошо.

– Мы вместе, Мелли, – прошептал он, касаясь губами моего уха. – Все будет хорошо.

Я кивнула, глядя ему в грудь. Мне было страшно встретиться с ним взглядом, чтобы он не увидел моих сомнений. Я отстранилась и повернулась к матери.

– Ты в порядке?

Она кивнула.

– Мелли расскажет тебе все позже, – сказала она Джеку. – Но сначала нам нужно выбраться из этого чердака. Тем более что пожарные уже здесь, – добавила она и на дрожащих ногах направилась к лестнице.

Джек взял ее за руку, чтобы помочь ей спуститься, и вопросительно посмотрел на меня.

– Потом, – сказала я, пока еще не готовая рассказать о том, что только что случилось на чердаке.

Я потянула за цепочку и выключила свет. Чердак вновь погрузился в темноту. Лунный свет отбрасывал сквозь шпиндели старой колыбели похожие на пальцы тени. Я спустилась за Джеком и матерью с чердака и, закрыв побитую дверь, оставила колыбель и всех ее призраков наедине с груды старого хлама.

Глава 33

Я наклонилась, чтобы распутать побег фиговой лозы, пробившийся сквозь небольшой топиарий в одном из новых горшков, которые мой отец только что поставил для красоты по обе стороны от входной двери. За моей спиной с недовольным видом стоял Даниэль – «Просто Даниэль, пожалуйста» – распорядитель свадьбы Ребекки.

– Мелани, – сказал он с сочным чарльстонским акцентом. – Эти горшки не соответствуют теме сегодняшнего вечера. Они похожи на детские колыбели, и боюсь, создадут у гостей превратное впечатление о будущих молодоженах.

– Они похожи на колыбели, потому что они колыбели. А их две, потому что в семье, построившей этот дом, часто рождались близнецы. На мой взгляд, они очень даже уместны. – Я пристально посмотрела на оба вазона – один с чердака, а другой – копию, которую сделал мой отец. Кстати, он проделал прекрасную работу, превратив колыбели в кашпо с разнообразными цветами и зеленью, которые теперь радовали глаз. Колыбель семьи Маниго тоже, наконец, прибыла и теперь занимала почетное место снаружи кухонной двери, в качестве подставки для горшков с травами Нолы. По крайней мере, это будут ее травы, пока Ирэн Гилберт не решит, что ей с ними делать.

Даниэль закатил очи к небесам, и его тонкие, как карандаш, брови и усы сделали его похожим на звезду немого кино.

– Могу я хотя бы украсить их розовым бантом?

– Ни в коем случае. И я требую, чтобы с хрустальной люстры его тоже убрали. Это почти кощунство.

– Но мисс Эджертон... – запротестовал было он.

– Да, как вы уже сказали не один десяток раз, это ее вечеринка. Но это мой дом. По крайней мере, на данный момент. Так что последнее слово за мной. Я уже дала согласие, чтобы на моего пса нацепили розовый галстук-бабочку, но это моя последняя уступка.

Поджав губы, он повернулся и зашагал прочь. Его мобильник был прижат к уху, несомненно, для того, чтобы позвонить Ребекке и доложить ей о моем упрямстве и очередном изменении в его замечательных планах.

– Я люблю тебя в красном, но и в розовом ты выглядишь очень даже соблазнительно.

Я обернулась. В дверном проеме стоял Джек. На его лице играло нечто похожее на похотливую ухмылку, ну, или почти. На нем был темный костюм с ярко-синим галстуком, в тон пронзительно-голубыми глазам. Не будь у крыльца перил, за которые я ухватилась, я бы точно грохнулась в обморок.

– Спасибо, но я чувствую себя пирожным. Плюс эта юбка-колокол. Я не носила таких платьев с шести лет.

– Не знаю, что такое юбка-колокол, но твои ноги смотрятся в ней шикарно.

Я хотела закатить глаза, но решила не уподобляться Даниэлю. Вместо этого я зашагала к Джеку.

– Давай я перевяжу тебе галстук.

– Давай. – Он улыбнулся и выпрямился. Когда я подошла к нему, он положил руки мне на бедра, и я, не в силах сделать даже слабенький вдох, принялась перевязывать узел его галстука.

– Шесть недель – это как вечность, – тихо сказал он. Я покраснела. Именно такой срок, по словам доктора Уайз, нам полагалось выдержать после рождения близнецов, прежде чем «возобновить супружеские отношения». Я постеснялась сказать ей, что возобновлять, собственно, нечего. По крайней мере, что касалось супружеских отношений. И уж точно не во множественном числе.

Отказываясь встречаться с ним взглядом, я сосредоточилась на его и без того идеально завязанном галстуке.

– Она сказала, что это может быть дольше, в зависимости от моего самочувствия.

Джек ладонями разгладил на мне платье, как бы невзначай касаясь моей талии и бедер.

– По-моему, ты чувствуешь себя неплохо.

Мои гормоны, занятые в последнее время растущими внутри меня детьми и производством молока, начали просыпаться и потягиваться, как медведи после долгой зимней спячки. Но я сдержалась, подавив в себе желание прижать его к двери. Я смирилась с тем, что люблю его, и даже призналась в этом, когда собиралась рожать, а он спросил. Я даже смирилась с тем, что я больше не законная владелица дома, который я только начала называть своим. Но я так и не смирилась с

тем, что была замужем за мужчиной, который так и не сказал, что любит меня.

– Все в порядке? – спросил он.

Похлопав по галстуку, я с чопорной улыбкой отступила назад.

– Насколько это возможно. Мне звонил мистер Дрейтон. Вчера прилетели Гилберты. Он назначил встречу на завтра, во второй половине дня. Он уточнит время, как только поговорит с моим адвокатом. Когда я вчера разговаривала со Стерлингом, мы с ним обсудили все, чего мне ожидать. Он считает, что мы сможем получить частичную компенсацию моих личных расходов, связанных с восстановлением дома.

Знакомое жжение в глазах вновь напомнило о себе, и я взялась собирать с костюма Джека воображаемые ворсинки.

– Надеюсь, у нас будет достаточно времени, чтобы подыскать новый дом. Поскольку предложений по твоей квартире еще нет, а ты настаиваешь на том, чтобы мы нашли еще один исторический дом к югу от Брод-стрит, боюсь, даже твой аванс едва покроет первоначальный взнос. У меня с деньгами тоже не густо, так что, скорее всего, нам придется временно что-то снимать, пока я не продам еще несколько домов, а ты вновь не начнешь получать гонорары. – Я попыталась улыбнуться, но мои губы дрожали. Так что вряд ли улыбка получилась убедительной.

– Кстати, дом, который я тебе показывала в Ансонборо, все еще доступен. Я подумала, что мы могли бы взять с собой Нолу и посмотреть на него вместе. Вдруг ей понравится. Я позвоню агенту, чтобы узнать, не согласятся ли владельцы вместо продажи дома сдать его в долгосрочную аренду с возможностью выкупа в ближайшую пару лет.

– Мелли... – начал было Джек.

Я покачала головой.

– Не надо. Пожалуйста. Извини, что я подняла эту тему, но я и вправду не могу говорить об этом прямо сейчас. Мне стоило адских трудов нанести макияж, и я не хочу его портить.

Джек поцеловал меня в нос.

– Отлично. Но мы во всем разберемся. Вместе, помнишь?

Я кивнула, глядя на складочку между его бровями.

– Что такое?

– Мне просто не дает покоя одна вещь. Я думал о ней с тех пор, как ты рассказала мне, что произошло на чердаке. Я о Шарлотте. Почему она не бродит по дому?

Я пожала плечами.

– Могу только догадываться, но мне кажется, это потому, что она получила то, чего хотела от жизни. Надеюсь, что в следующей ей за это воздастся.

– А Луиза и Камилла... как ты думаешь, они упокоились с миром?

– Хотелось бы так думать. Призраки не шлют мне открытки или что-то в этом роде, чтобы сообщить, как они там устроились. Но я все еще чувствую присутствие, и это женщина-мать. Может, Луиза, а может, Камилла, которая следит за тем, как я выполняю свою часть сделки. Но это мягкое, ненавязчивое присутствие, чье бы оно ни было, и я не возражаю. Я была бы не против, чтобы в нашем следующем доме имелись привидения, иначе просто неинтересно.

Джек усмехнулся.

– По крайней мере, это дало бы мне неиссякаемый источник сюжетов для будущих книг. Это и все, что ты извлечешь из нераскрытых дел, если решишь поработать с детективом Райли. – Он приподнял бровь.

Я упомянула ему о предложении Томаса, и Джек сказал, что, по его мнению, было бы очень даже неплохо, если бы я нашла полезное применение своему дару независимо от того, даст это ему идеи для книг или нет. И даже если это означало, что я буду работать с детективом Райли.

– Если только меня никто не опередит, я думаю сделать историю Камиллы моей следующей книгой после книги о Маниго.

– Не волнуйся, Марк тебя не опередит. Я никому не говорю ни слова, особенно Ребекке. Что до истории Камиллы, она будет только рада, если ты поведаешь ее миру, – уверенно заявила я. – Она хотела бы, чтобы люди, наконец, узнали правду.

Услышав, как хлопнула дверь машины, мы посмотрели на улицу. К тротуару подъехал новый темно-синий «Ягуар». Было слишком рано как для гостей, так и для парковщиков, которых нанял Даниэль. «Не иначе как почетные гости», – подумала я.

– Отлично. Они уже здесь, – процедила я сквозь стиснутые зубы.

Я отказывалась поверить, что согласилась на репетиционный ужин Марка и Ребекки в моем доме. В свое оправдание я могла сказать лишь то, что мой рассудок временно помутился по причине гормонов беременности. И все же я была благодарна, что у меня появился повод в последний раз нарядить дом и открыть двери для гостей. Это был горько-сладкий и одновременно лучший способ попрощаться с домом, чем просто запереть за собой дверь и загрузить вещи в фургон.

– Ты еще не кормила младенцев? – спросил Джек.

– Нет, но как раз собиралась, так что их бензобаки будут полны до того, как Нола заступит на дежурство. Она брезгает кормить малышкой грудным молоком, даже из бутылочки. Боится, вдруг на нее попадет хотя бы капля.

– Думаю, тебе тоже нужно переодеться.

– Мне казалось, ты сказал, что тебе нравится это платье, – сказала я, посмотрев вслед за взглядом Джека на свою грудь. – Ой.

На лифе платья красовались два мокрых пятна. Садовая калитка с лязгом захлопнулась, и я в панике повернулась к Джеку.

– Пожалуйста, извинись и что-нибудь придумай. Только не смей называть им настоящую причину, почему мне нужно переодеться. Скажи им, что один из младенцев срыгнул или что-то в этом роде.

– Это лучше, чем грудное молоко? – спросил Джек. Вместо ответа я повернулась и побежала в дом, оставив Джека встречать Марка и Ребекку.

– Привет, Мэтт. Приятно видеть тебя снова.

Я фыркнула от смеха и побежала наверх кормить близнецов.

В доме витали ароматы цветов – благодаря шикарным букетам, которые повсюду расставил Даниэль, а также распахнутым дверям и окнам, приносившим из сада сладкие ароматы чайного дерева и жасмина. Старинная хрустальная люстра с ее сотнями граненых подвесок, которую Софи помогла отремонтировать и восстановить после того, как та разбилась, рухнув на пол в первый год моей жизни в этом доме, искрилась и переливалась короткими вспышками света. В соответствии с указаниями Софи, но без ее непосредственного участия – ведь ее собственный срок, как говорится, уже был на носу – деревянные полы были отполированы старомодным пчелиным воском, а стекло от «Тиффани» на входной двери очищено вручную с помощью ватных палочек, чтобы добраться до всех бороздок. Скажу

честно, я даже изъявила желание сделать последнее своими руками – в качестве моего прощального подарка дому.

На званый ужин пригласили сорок гостей, двадцать четыре из них должны были разместиться за обеденным столом Камиллы Вандерхорст, а остальные шестнадцать за меньшими столиками, установленными в большом обеденном зале. Даниэль, в восторге от того, что ему разрешили воспользоваться семейным фарфором Вандерхорстов, довольно смело смешал сервиз с розами, изящно танцующими по краю тарелок, с золоченым лиможским фарфором с большой буквой «V» в центре.

На столе и на каждой поверхности, украшенной розовыми розами, розовым тюлем и розовым атласом, сверкали серебряные канделябры. Даже я была вынуждена признать: на фоне розовых кружевных скатертей, выполненных по индивидуальному заказу, и в свете свечей, отражающемся от старинных зеркал и расписанных вручную обоев, все вокруг было как будто в сказке. А ведь еще недавно я смотрела на все это как на еще одну вещь, которая в конечном итоге потребует ремонта или замены.

Я старалась не думать, откуда взялись деньги на оплату вечеринки, несмотря на ярлык, который на них повесил Джек – «коровые деньги», – имея в виду широко разрекламированный шестизначный аванс Марка за его книгу. Все это было слишком красиво и слишком грустно, и я не хотела, чтобы любые негативные эмоции омрачали это сладкое прощание. Я переделалась в красное платье для беременных, перехватив его на талии ремешком, чтобы оно лучше сидело. Все остальное в моем шкафу было по-прежнему тесновато. Джеку, похоже, нравился вырез этого платья и то, как моя полная молока грудь заполняет лиф.

Мы с Джеком вращались среди гостей, то и дело сталкиваясь друг с другом на первый взгляд случайно, но наши глаза со странной регулярностью находили друг друга в противоположных концах комнаты. Мы оба неплохо знали гостей и ощущали себя частью их веселой компании, и если бы не постоянные напоминания о том, что это не столько репетиционный ужин, а прощальная вечеринка, я бы даже получала от него удовольствие.

Мы только-только сели за стол – мы с Джеком по обоим концам главного стола, – когда в дверях столовой появилась Нола и поманила

меня. Джек увидел ее. Извинившись перед гостями, мы сказали им, что вечер продолжается, как планировалось, а сами поспешили к ней в холл.

– Джей-Джей и Сара в порядке? – спросила я, уже делая шаг к лестнице. И в этот момент заметила в вестибюле пару. Смущенные и растерянные, они робко топтались у порога. – Ирэн? Джордж?

Держась за руки, Гилберты шагнули в холл. Они выглядели практически так же, как когда я видела их в последний раз, – оба в джинсах и футболках в тон.

– Извините, что побеспокоили вас. Мы не знали, что у вас гости. – Ирэн обернулась в сторону столовой, откуда доносились голоса и запах еды, и вновь посмотрела на меня. – Но для нас важно поговорить с вами сегодня... без адвокатов.

Мы с Джеком переглянулись.

– Может, пройдем в гостиную и сядем? – предложил он.

Ирэн покачала головой.

– Нет. Мы просто хотим сказать то, что нам нужно сказать.

– И это?.. – подсказал Джек.

Джордж обнял жену за плечи. С благодарностью посмотрев на него, она вновь повернулась к нам.

– Мы с Джорджем много говорили друг с другом, а также с нашими родственниками и детьми. В принципе все сводится к следующему: Нью-Йорк – наш дом. Да, этот дом красив, и Чарльстон прекрасный город, но это не имеет значения. Это не наш дом. Вряд ли бы он когда-нибудь стал для нас родным.

Мое сердце болезненно сжалось. Я догадалась, к чему идет этот разговор. Я хотела остановить их прежде, чем они поведут у меня перед носом морковкой, но, увы. Я застыла как вкопанная и слушала дальше, зная, что мой последний шанс сохранить дом потерян. Ирэн между тем продолжила.

– Мы надеялись, что сможем договориться о справедливой компенсации в сумме рыночной стоимости дома за вычетом всех ваших собственных средств, которые вы вложили в него. Мы исходим из того, что вы захотите остаться здесь.

В моем горле как будто застрял огромный узел, не давая мне произнести даже слова. Видя мою растерянность, Джек взял инициативу на себя.

– Мы благодарны за ваше щедрое предложение. Разумеется, мы хотели бы здесь остаться. Но боюсь, в настоящее время наши финансовые возможности... сильно ограничены, и мы сможем предложить вам лишь малую часть реальной стоимости дома.

– Я правильно расслышал? Этот дом продается?

Мы повернулись. Как всегда элегантный и холеный, к нам приблизился Марк.

– Потому что, если это так, я готов сделать предложение.

Съеденные мною закуски мгновенно запросились наружу, и если они и впрямь вырвутся на свободу, я позабочусь, чтобы они попали на начищенные до блеска итальянские туфли Марка. Ирэн и Джордж как по команде повернулись к Марку. Взгляды супругов остановились на его дорогом костюме и блестящих штиблетах, и, похоже, обоим это не впечатлило.

– Нет, – ответила Ирэн. – По крайней мере, пока. Мелани жила здесь какое-то время и заботилась об этом доме. И у них с Джеком двое детей и дочь-подросток. Наши собственные мальчики выпорхнут из дома буквально через пару-тройку лет. Думаю, этот старый дом хотел бы вновь наполниться детскими голосами.

Марк усмехнулся.

– Точно так же вам было бы приятно услышать звон монет, падающих на ваш банковский счет. О какой сумме идет речь? Потому что наш парнишка Джеки сейчас сидит без работы, да и Мелани тоже в подвешенном состоянии. В прошлый раз, когда я ее проверял, рыночная стоимость этого дома была семизначной. Так что, уверен, они не лгут, говоря, что не могут себе ее позволить, даже если бы очень захотели. – Он фыркнул. – А если вы кого-нибудь спросите, все вам скажут, что Мелани точно не хочет. Еще недавно она уверяла всех, что ненавидит старые дома.

Джек шагнул к нему. Одна его рука уже была угрожающе сжата в кулак. Я поспешила оттянуть его назад и, вымучив улыбку, повернулась к Гилбертам.

– С вашей стороны весьма любезно сделать нам это предложение. И будь у нас такая возможность, мы бы постарались наскрести денег, чтобы удержать этот дом. – Мой голос сорвался. Джек обнял меня за плечи, давая понять, что он рядом. – Но правда состоит в том, что нам это не по карману.

– Отлично, – сказал Марк и, шагнув вперед, вручил Ирэн визитку. – Сейчас у меня репетиционный ужин, но позвоните мне утром, и мы поговорим.

Нола, о которой я напрочь позабыла, оказывается, все это время была рядом. Шагнув вперед, она вырвала карточку из руки Ирэн и сунула ее обратно Марку. Я онемела от шока, так что даже не отругала ее за хамский поступок. Но это, как говорится, были цветочки. Ягодки не заставили себя ждать.

– Какова его справедливая рыночная стоимость? – спросила она у Ирэн. Та посмотрела на нас с Джеком – мол, отвечать или нет? Но мы лишь пожали плечами, не зная, к чему Нола клонит своим вопросом.

Я имела все основания гордиться Нолой. Она даже не побледнела, услышав цифру, которую назвала Ирэн. Вместо этого она на миг задумалась и повернулась ко мне.

– А сколько собственных денег ты уже вложила в дом?

Я назвала ей сумму, все еще пребывая в шоке, чтобы вникать в ее мотивы. Как будто производя мысленные расчеты, Нола посмотрела в потолок.

– Ладно. Отлично. Мы можем его у вас выкупить. Сразу всю сумму мы не потянем, но я могу дать сразу семьдесят процентов цены, а на оставшуюся часть можно будет взять ссуду. Если вы согласны подождать пару дней, чтобы мне получить одобрение и найти хорошую процентную ставку, то, думаю, мы могли бы заключить сделку.

– Эй, одну минутку! – вмешался Марк, шагнув вперед. Нола повернулась и ткнула в его сторону пальцем.

– Отвали! Я знаю, где у мужиков самое больное место. Так что или заткнись, или терпи последствия.

Потрясенный Марк уставился на нее, однако ему хватило мудрости промолчать. Джек схватил Нолу за плечи и развернул к себе.

– Нола, дорогая, что ты себе позволяешь?

Она пожала плечами.

– У меня есть деньги. Я только что продала новую песню Джимми Гордону, а Apple купила права на «Глаза моей дочери» для их новой рекламы. Деньги еще не пришли на мой счет, но скоро придут. Так что у нас все получится.

Я покачала головой.

– Нет, Нола. Это твои деньги. Тебе на колледж. На твою будущую жизнь. Ты не обязана выкупать этот дом. Он не имеет к тебе отношения.

Ей как будто дали пощечину. Вырвавшись от Джека, она шагнула ко мне.

– Никакого отношения? Да, я живу здесь недавно, но это единственный дом, какой у меня был. А теперь у меня есть младшие брат и сестра, и они заслуживают того, чтобы здесь расти. И ты, Мелани. С самого первого момента, как только увидела меня, ты без всяких вопросов приняла меня и стала для меня мамой. Ты никогда не смеялась над тем, как я одеваюсь и крашусь. Ты приняла меня такой, какая я есть, и помогла моей настоящей маме обрести покой. Если я могу сделать это для тебя и для моего отца, это лишь малая часть благодарности за все, что ты для меня сделала. – Она кулаком сердито вытерла слезу. – Я вправду хочу это сделать. Какая польза от денег, если их нельзя использовать, чтобы помочь тем, кого ты любишь больше всего?

По сути, это было ее признание в любви к нам. Мое сердце наполнилось таким теплом, что я испугалась, что оно вот-вот лопнет.

– Нола. Я не знаю, что сказать.

– Тогда скажи «да». Пожалуйста. Я не хочу жить больше нигде, кроме как здесь. С тобой, папой, Джей-Джеем и Сарой. Это наш дом.

Джек прокашлялся, но, когда он заговорил, его голос все равно остался хриплым.

– Ну хорошо, Нола. Но только как заем. Никакой другой помощи мы от тебя не примем. Завтра сядем с юристами и обсудим сроки. Идет?

Нола кивнула и скрестила руки на груди, как будто пыталась сдержать бьющие ключом эмоции. Мы с Джеком, хотя и не понаслышке знали о колючих подростках, заключили ее в объятия. Нола даже не сопротивлялась. Джек повернулся к Гилбертам.

– Вас это устроит?

В глазах Ирэн тоже стояли слезы.

– Абсолютно. Мы согласны, и наши юристы позаботятся о том, чтобы все было законно. – Она широко улыбнулась. – Думаю, именно так и должно быть.

Я кивнула и крепко ее обняла.

– Спасибо, – сказала я, поворачиваясь к Джорджу, и обняла и его тоже. – Спасибо вам обоим. Не знаю, что еще сказать.

Джордж улыбнулся.

– Тогда мы откланяемся, а вы возвращайтесь на вечеринку. Увидимся завтра.

Чувствуя себя бесплотным духом и едва касаясь земли ногами, я проводила их к входной двери. Джордж первым вышел на веранду, но Ирэн задержалась и вопросительно посмотрела на меня.

– Вы верите в привидения? – спросила она.

Я кашлянула.

– Да, – призналась я. – Пожалуй, верю. А что?

– Потому что в этом доме определенно есть привидение, но только доброе и ласковое. Материнское. Каждый раз, когда я прихожу сюда, меня словно кто-то обнимает. Но все равно у меня нет ощущения, что это мой дом. Скорее, мне нравится бывать в нем, но не жить. Надеюсь, призрак это понимает.

– Я уверена, она это знает, – сказала я и улыбнулась.

При слове «она» Ирэн приподняла бровь и улыбнулась мне в ответ.

– Я думаю, этот дом предназначен для вас и вашей семьи, Мелани.

– Я тоже так думаю.

Пожелав Гилбертам спокойной ночи, я закрыла за ними дверь, а когда обернулась, увидела, что Джек и Нола от уха до уха сияют улыбками. А вот несчастный Марк развернулся на каблуках и зашагал обратно в столовую.

– Итак, – сказала Нола. – Теперь ты полностью счастлива?

Я подумала о своих милых, здоровых близнецах, о моих новых отношениях с родителями, о нашей дружбе с Софи, о моей прекрасной дочери Ноле. Дом... наш дом. Я уже было открыла рот, чтобы сказать решительное «да», но осеклась, услышав в голове голос Луизы. «Слушай свое сердце и помни, что иногда, когда кажется, будто ты потеряла все, ты обрела желание своего сердца». Наверно, нужно поверить, будто ты потерял все, чтобы понять, сколько у тебя всего на самом деле. У меня все еще была гордость, я цеплялась за нее, как ребенок цепляется за свою соску. Возможно, мне следует отказаться от нее, чтобы получить то единственное, без чего моя жизнь не будет полноценной.

– Нет, – сказала я и сама удивилась, как легко это слово слетело с моих губ. Я повернулась к Джеку. – Джек, я люблю тебя. Люблю с того самого первого свидания, когда ты заставил меня надеть пластиковый нагрудник и есть креветки на гриле. Я люблю тебя, хотя ты бесишь меня, хотя ты смеешься над моими меллиизмами, люблю потому, что ты сильно любишь всех своих троих детей. Я просто хочу знать одну вещь. Ты меня тоже любишь?

Его глаза полезли на лоб, челюсть отвисла... увы, не на такую реакцию я надеялась. Мое переполненное любовью сердце тотчас начало сжиматься до нормальных размеров.

Джек протянул ко мне руки ладонями вверх.

– Ты серьезно спрашиваешь меня? Конечно, я люблю тебя. Люблю с того момента, когда ты на том самом первом свидании захлопнула перед моим носом дверь, чтобы растрепать волосы и придать себе непринужденный вид после того, как я сказал тебе, куда я веду тебя на ужин. – Как всегда, когда он бывал возбужден, Джек стал приглаживать волосы. – Я люблю тебя, несмотря на твои графики и таблицы, и твое упорное нежелание носить очки для чтения. Честное слово, Мелли, я продал свой «Порше» и купил минивэн. Если это не кричит тебе: «Я люблю тебя», тогда я не знаю, как еще это сказать.

Теперь мы стояли друг напротив друга, как два шахматиста на турнире, не зная, чья очередь делать ход.

– Папа, ты серьезно? Ты никогда не говорил ей, что любишь ее? – Нола хлопнула себя по лбу. – Просто скажи это уже, чтобы все могли вернуться за стол.

Мы как по команде посмотрели через ее плечо. В дверях столовой уже собралась небольшая толпа.

Джек шагнул вперед и нежно прикоснулся к моему лицу обеими ладонями.

– Я люблю тебя, Мелани Миддлтон. И всегда буду любить. – Он прижался лбом к моему лбу. – Будь моей женой, Мелли. Пожалуйста, скажи мне, что на этот раз ты выйдешь за меня замуж по-настоящему.

Я посмотрела ему в глаза, и мое сердце тотчас екнуло и сделало сальто, как то бывало всегда, когда Джек бывал рядом.

– Да, Джек. Да.

Его губы прижались к моим губам. Джек наклонил меня назад, и я с жаром ответила на его поцелуй. Наши руки сплелись, как будто мы

пытались стать единым целым.

– Кажется, меня сейчас вытошнит, – сказала Нола. Но даже если она это и сделала, мы не знали, поскольку все участники репетиционного ужина – кроме двоих, как я догадывалась, – разразились бурными аплодисментами.

Глава 34

Моя мать закончила поправлять фату на моих зачесанных вверх волосах и шагнула назад, чтобы полюбоваться своей работой. В ее глазах блестели слезы, а к ее густым темным волосам была прикреплена ее собственная фата.

– Ты прекрасно выглядишь, Мелли. И буквально лучишься счастьем.

– Это потому, что я счастлива. У меня есть Джек и дети. И этот дом. Спроси ты меня три года назад, что сделает меня счастливой, вряд ли в моем ответе присутствовал бы муж, трое детей, собака и дом.

– Это приходит с взрослением. И я так горжусь тем, какой ты стала.

Она взяла нить жемчуга моей бабушки Сары и надела ее мне на шею. Жемчужины мягко светились в льющемся из окна свете – нежное напоминание о сильных женщинах семьи Приоло, которые носили это ожерелье на протяжении многих лет.

– Ты уверена, что не хочешь сама его надеть, мама?

– Нет, дорогая. Я уже надевала его – когда впервые вышла замуж за твоего отца. Теперь твоя очередь. А ты сохрани его для Нолы и Сары, когда настанет их очередь.

Я улыбнулась ее отражению и встала с ней рядом. Несколько секунд мы рассматривали себя в зеркало. Обе в кремовых платьях до колен, на волосах – короткая вуаль из бельгийского кружева. Софи отыскала эти вуали в магазине винтажной одежды и увидела вышитое внутри имя Сюзан Бивенс. Это был ее подарок нам, напоминание о том, что прошлое порой самым неожиданным образом соприкасается с настоящим.

– Ты тоже сегодня красавица, мама. И ты счастлива. – Я сглотнула, не давая слезам испортить мой макияж глаз. – Я так рада, что ты и папа вернулись в мою жизнь.

Моя мать повернулась ко мне и пригладила мне волосы.

– Мы тоже. Означает ли это, что все мои прошлые грехи официально прощены?

– Нечего прощать. Все, что ты делала, ты делала, чтобы помочь мне. Это я должна просить тебя простить меня за то, что я так некрасиво себя вела, когда ты только вернулась. Я была неправа, и мне очень стыдно.

Мать обняла меня. Ее запах и прикосновение вернули мне память о ней, ту, что я носила с собой всю свою жизнь, хотя и пыталась забыть ее. Я вдохнула этот запах, создавая новое воспоминание о том дне, когда мы обе вышли замуж во второй раз.

– Однажды ты сказала мне что-то, чего я тогда не оценила, – произнесла я, держа ее на расстоянии вытянутой руки. – Ты сказала: «Если ждать, когда все станет идеально, когда все ваши разногласия будут разрешены, а все звезды выстроятся правильно, ты упустишь свой шанс на счастье». Тогда я тебе не поверила. Наверно, лишь будучи близка к тому, чтобы потерять все, я поняла, что ты была права. – Я грустно улыбнулась. – Почему ты не сказала мне, что я вела себя как идиотка в отношении Джека, да и многих других вещей?

Ее улыбка была такой же грустной, как и моя.

– Потому что иногда самые трудные уроки – это те, на которые мы должны найти ответы сами.

Раздался стук в дверь, и в спальню вошла Софи.

Она все еще светила, как луна, и выглядела так, как будто была всего на третьем месяце беременности, хотя до родов оставалась всего неделя. Несмотря на предыдущие угрозы заставить ее надеть на мою свадьбу что-то возмутительно формальное и совершенно не в ее духе, я вместо этого посоветовала ей надеть похожее на тогу платье, в котором я была на ее свадьбе, сказав, что в нем ей будет удобнее. Из-под платья выглядывали «биркенстоки» – разумеется белые, – и я улыбнулась про себя.

Вместе с ней в дверь кубарем вкатились два маленьких черно-белых щенка – свадебный подарок от Ребекки, а за ними более степенно вошел Генерал Ли. Щенки остановились у наших ног, а Генерал Ли залаял, показывая, кто тут главный.

– Твой отец уже протоптал дыру в обюссонском ковре, и все гости уже расселись в саду. Похоже, пора начинать шоу.

– Дети уже с Чэдом?

Софи кивнула.

– Да, Джей-Джей спит в коляске, а Нола укладывает Сару спать. У нее и вправду особый дар.

– Да, она девушка особенная, – сказала я, не в силах выразить словами, насколько она особенная для меня. – Ты не забыла проследить, чтобы доктор Уайз и детектив Райли сели вместе? Что-то подсказывает мне, что эти двое найдут общий язык.

– Не забыла, – сказала Софи. – Похоже, доктор Уайз тоже из огромной семьи с сотней племянниц и племянников. В последний раз, когда я их видела вместе, они сравнивали фотографии.

– Отлично. Если я вдруг перестану видеть мертвых, я смогу попробовать себя в роли свахи.

Софи приподняла брови.

– Ты серьезно, Мелли? Сколько времени тебе понадобилось, чтобы понять, что вы с Джеком созданы друг для друга?

Я рассмеялась, а затем повернулась к матери и взяла ее за руку.

– Ты готова?

– А ты?

– Я – да, – сказал я. – Еще как готова.

Софи положила щенков в ящик у моей кровати и последовала за нами с Генералом Ли на руках. Она утверждала, что ему непременно захочется быть на свадьбе, даже если он в ней не участвовал. Я не стала заставлять его нацепить галстук-бабочку. В своем новом статусе отца он был слишком полон достоинства для такого легкомыслия.

– Увидимся в саду. Хочу убедиться, что у Чэда все в порядке с детьми. А заодно, что Джек никуда не сбежал. – Софи подмигнула, импульсивно поцеловала меня в щеку и спустилась по лестнице впереди нас.

Мой отец ждал у подножия ступенек, но сначала его глаза остановились на моей матери.

– Ты сегодня даже красивее, Джинетт, чем в тот день, когда я женился на тебе в первый раз.

Я застыла посреди лестницы, загораживая от него мою мать.

– Папа, жених не должен видеть невесту до свадьбы. Считается, что это не к добру.

Он махнул рукой, как будто отгонял мой комментарий.

– Я самый счастливый человек в мире. Я выдаю свою прекрасную дочь замуж за мужчину, который мне очень нравится и которым я

восхищаюсь, а затем бегу назад в конец прохода, возвращаюсь с женщиной моего сердца и снова женюсь. Это как будто сон наяву.

Театрально вздохнув, я продолжила спускаться по ступеням и наконец остановилась перед отцом. В его глазах блестели слезы.

– Я так горжусь тобой, Мелани. Знаю, я не дал тебе того детства, которого ты заслуживала, но ты смогла стать той женщиной и матерью, какой ты являешься сегодня. Моей гордости нет предела.

Я встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Спасибо, папа. – Услышав звуки струнного квартета, я обернулась. – Вы видели Нолу? Как я же пойду к алтарю одна, без моей подружки невесты?

– Я здесь! – крикнула она, выбегая из кухни. – Ополаскивала бутылочки. Миссис Хулихан плачет, и ей плохо видно, чистые ли они. Я велела ей сесть и пообещала ополоснуть их вместо нее. – Нола передернулась. – Фу! Кажется, несколько капель все-таки попали мне на руку.

Чтобы не рассмеяться, я закусила губу. Я сказала Ноле, что, как подружка невесты, она может выбрать себе платье, и она его выбрала, хотя очевидно, на ее выбор оказали влияние и моя мать, и Софи. Тонкое платье в стиле ампир, с завышенной талией и короткими рукавами в бледно-голубой цветочек, отчего ее глаза казались еще голубее. Но чтобы никто не подумал, что у нее нет собственного чувства стиля, она надела его с фиолетовыми чулками и высокими фиолетовыми кроссовками. На мой взгляд, она выглядела потрясающе, и, очевидно, Купер считал точно так же. Ему было дозволено взглянуть на ее ансамбль задолго до того, как этой чести удостоилась я.

Моя мать поцеловала меня в щеку и ушла. К алтарю ее должен был проводить один из кузенов Джека, младшая версия его самого. Он сидел через проход от Амелии и Джеймса, а те, в свою очередь, будут сидеть прямо перед Ивонной. Та уже заглянула к моей матери, чтобы выразить ей свои наилучшие пожелания. В большой желтой шляпке с желтой вуалью в тон, сегодня она выглядела сногшибательно. И кстати, я не заметила на ее шее ни цепочки, ни очков для чтения. Я попросила, чтобы ее посадили среди наших родственников, ведь, по сути, она была нам как родная.

Даниэль, распорядитель свадебной церемонии, выскочил вслед за Нолой из кухни.

– Твои цветы! Не забудь цветы!

Мы включили Даниэля в число гостей, в отличие от Ребекки или Марка. Я до сих пор не простила ему, что он предложил Гилбертам купить у них дом. «Мой дом», – поправила я себя.

Даниэль протянул Ноле небольшую корзину, наполненную лепестками роз Луизы, а мне вручил букет таких же ароматных бутонов. Запах был таким сильным, что я была готова поверить, что Луиза все еще с нами. Струнный квартет заиграл вступительные такты Канона ре мажор Пахельбеля, отчего Даниэль впал в неистовство.

– Быстрее, быстрее! Вы же не хотите пропустить свой выход!

Посмотрев на меня, Нола закатила глаза и поспешила за Даниэлем на веранду и в сад, где стояли ряды белых стульев, занятых друзьями и близкими. Я стояла с отцом, а Нола медленно пошла по белой дорожке, что вела через сад к старому дубу, где уже ждал Джек. В черном смокинге он выглядел просто сногшибательно! Наши взгляды встретились, и все вокруг тотчас исчезло. Остались только мы двое, стоя в саду старого дома, повидавшего на своем веку столько разных событий. А еще сколько всего ждало его впереди!

Джек подмигнул мне, возвращая меня к звукам скрипок и виолончелей. Гости в креслах наблюдали, как, шагая по проходу, Нола разбрасывает лепестки роз, выступая заодно в роли цветочницы, ибо, по ее собственным словам, цветочница полагалась на каждой свадьбе. За Нолой, в тоге, которая идеально подходила ее фигуре, степенно следовала Софи, еще одна подружка невесты.

Затем мой отец наклонился ко мне и вновь спросил, готова ли я. Я кивнула, и мы начали самое долгое и самое короткое путешествие в моей жизни. Я заставила себя смотреть на всех, кроме Джека, боясь споткнуться из-за внезапно ставших резиновыми колен. Поняв, что точно такой эффект я произвожу на Джека, я улыбнулась.

Я увидела Томаса Райли и доктора Уайз. Похоже, эти двое были счастливы сидеть вместе. Внезапно мой взгляд выхватил мужчину, который показался мне смутно знакомым, пока я не поняла, что это же мой сантехник-подрядчик Рич Кобилт. Сегодня он был в костюме, и я с облегчением увидела на его брюках ремень. Он был с женой Клэр, с которой я встречалась лишь однажды, но я могла точно сказать, что у них она была главной. Я увидела Джойс Челлис, новую секретаршу. Она сидела рядом с моим боссом Дэйвом Гендерсоном и его женой

Робин. Стул рядом с ними пустовал. Нэнси Флаэрти недавно уволилась, после того, как стало известно, что она была одной из подружек Тайгера Вудса, положивших конец его браку. В своей одержимости гольфом она сделала еще один шаг: решила переехать во Флориду, чтобы быть с ним рядом.

Я чуть не споткнулась, заметив в заднем ряду Сьюзи Дорф. Блин, кто же ее пригласил? Но затем вспомнила, что я сама по подсказке детектива Райли, в надежде, что она закончит свою колонку на положительной ноте. Проходя мимо Чэда, мы с отцом замедлили шаг. Чэд не стал оставлять детей в коляске, а вместо этого держал в каждой руке по спящему ребенку, как будто делал это всю жизнь. Я не могла дожидаться, когда у них с Софи родится дочь, чтобы мы могли наблюдать, как наши дети растут вместе и однажды будут качаться на качелях под ветвями старого дуба. При виде Джей-Джея и Сары у меня защемило в груди, и я в очередной раз поразились тому, сколько любви способно вместить материнское сердце.

Все это происходило так стремительно, и в то же время как в замедленной съемке, словно я смотрела старую немую киноленту. А потом я оказалась в конце прохода, и мой отец сказал пастору, что выдает меня замуж. Последний раз поцеловав меня в щеку, он отступил и сел рядом с моей матерью, которая вытирала платком глаза.

Затем я подняла глаза на Джека, и он посмотрел на меня. Лучи солнца посылали сквозь ветви дуба пятна света, словно нежное благословение. Я, как сквозь сон, слышала голос пастора, но, должно быть, отвечала правильно, потому что, когда мы закончили, он объявил нас мужем и женой. В очередной раз. Джек наклонил голову и поцеловал меня, медленно и нежно, под приветствия и аплодисменты гостей, и театральный стон Нолы.

Квартет заиграл «Оду к радости». Джек неохотно отстранился, его глаза блеснули. Он согнул локоть, и я взяла его под руку. Мы зашагали обратно по проходу, но уже как мистер и миссис Джек Тренхольм. Он не остановился в конце прохода, а потащил меня в задний сад у кухонной двери, где нас частично скрывал от гостей угол дома.

- Что ты делаешь, Джек? Мои родители сейчас сочетаются браком.
- Уверен, они понимают, что нам нужно несколько минут.
- Для чего? – Едва слова сорвались с моих губ, как Джек прильнул к ним, но этот поцелуй не был нежным или медленным, а голодным и

страстным. Я раскрыла губы навстречу ему, отвечая на его поцелуй обещанием всего, что у нас впереди. Все еще обнимая меня, он слегка отстранился. Его глаза были полны страсти.

– Я люблю тебя, Мелли. И я обещаю, что буду постоянно напоминать тебе об этом.

Я улыбнулась.

– Я тоже тебя люблю, Джек. И я обещаю показывать тебе это как можно чаще.

– Всегда вместе?

– Всегда.

Мне показалось, будто я слышу скрип веревки о древесную кору, и я оглянулась туда, где нас ждало старое дерево. Его ветви раскинулись над гостями и садом, словно руки заботливой матери. Я повернула голову и увидела у качелей Луизу и юного Невина. Оба улыбались. А затем они повернулись и пошли к садовым воротам и, проходя сквозь них, вскоре исчезли. Его маленькая ручка покоилась в ее руке, навечно вместе.

– Ты это видела? – мягко спросил Джек.

– А ты? – растерянно спросила я. Он кивнул.

– Означает ли это, что Луиза одобряет, что я живу здесь?

– Думаю, да. Так сказал мне мистер Вандерхорст, когда я впервые приехала сюда и увидела в саду его мать.

– Отлично. Потому что я намерен жить здесь с тобой вечно. А может, даже дольше.

Он снова поцеловал меня. Порыв ветра колыхал поля женских шляп, а фестоны мха, свисающие с дерева, покачивались в знак одобрения. Джек взял меня за руку, и мы пошли обратно в сад, полный друзей, родных и воспоминаний, готовые начать нашу совместную жизнь.

И сквозь звуки голосов и шелест листьев на ветру мне показалось, что я слышу аплодисменты множества невидимых рук и голос бабушки. «Наконец-то».

Эпилог

«Чарльстон Пост энд Курьер»

Неужели это действительно конец истории?

В минувшие выходные Мелани Миддлтон, владелица дома номер 55 по Трэдд-стрит, завещанного ей мистером Вандерхорстом, о котором мы уже несколько месяцев писали в этой колонке, сочеталась браком в его саду с Джеком Тренхольмом, местным писателем и автором ряда бестселлеров. Для тех, кто следит за этой историей, это вряд ли было ожидаемое развитие событий. Результаты анализа ДНК подтвердили претензии жителей Нью-Йорка, Джорджа и Ирэн Гилберт, на наследство, однако дом по-прежнему находится в собственности Мелани Тренхольм, урожденной Миддлтон.

Гилберты отказались от комментариев, но можно только предполагать, что должно было произойти, чтобы они отказались от своих притязаний. Может, помощь с того света? Никто ничего не говорит, хотя в нашу газету была доставлена анонимная записка, в которой утверждалось, что на территории дома можно найти и другие тела, – как будто трех недостаточно! – и что мы еще услышим про дом на Трэдд-стрит. Поживем – увидим. А пока мы перенаправим наше внимание на другие дома и семьи в Священном городе, где живые и мертвые, похоже, сосуществуют в мирной гармонии. До скорых встреч.

Сьюзи Дорф,
штатная колумнистка